

ЗАМОРОЖЕННЫЙ МИР

CYBERDAWN

Annotation

Рассказ о похождениях весьма странного попутанца, который не факт, что таковой. В весьма странном мире, весьма замороженном, во многих смыслах. Магия — есть, антураж 19 века — есть. Даже романтика и профессорство, в определённом смысле, есть. Но всё несколько замороженное или отморозенное — вопрос точки зрения.

1. Стартовый рывок

Первые минуты пребывания в нигде я провёл в некотором ступоре. Что вполне объяснялось местом моего пребывания. Полнейшая сенсорная депривация, отсутствие каких бы то ни было сигналов извне. Да и понять, были ли это минуты или часы, толком не выходило, поскольку единственной “точкой отсчёта” были мечущиеся и неконструктивные мысли, на тему “вот и всё, а скоро я свихнусь”.

Возникали эти мысли не на пустом месте, потому как разум наш, при всех своих недостатках, пустоты не приемлет, ну и заполняет её, чем может. Для начала — галлюцинациями, а, через какое-то время даже обретение сенсорной информации не помогает — разницу между фантазией и реальностью я перестану наблюдать.

Если вообще что-то “вернётся”, с несколько горькой иронией отметил я, начав вспоминать, кто я, что я, ну и какого Зерефа я тут оказался. Не самое глупое занятие перед прощанием с крышей.

Итак, первую жизнь, причём именно жизнь, я помню вплоть до своей безвременной кончины: чуть больше тридцати лет, закончившихся под летающим грузовиком с мороженым. Прихлопнувшим на московской трассе рокера Мороза.

Вторая, в роли мага льда, причём в довольно забавном Мире, знакомом мне по японскому мультику. Грей Отмороженный — это звучит отмороженно.

И, очевидно, деяния именно меня как мага и привели мою невинную персону в текущее ничего моего пребывания.

Дожив до двадцати с лишним лет, где-то ломая, а где-то помогая “канону”, я был весьма довольным и счастливым типом: высокий и реализованный магический потенциал, две любящие как меня, так и друг друга подруги, подрастающие дети и исследования. Единственное, что меня несколько напрягало, это возможная перспектива перерастания нашего весьма гармоничного трио в вульгарный гарем. Предпосылки к этому были, как социокультурные, так и маго-биологические, но я успешно преодолевал. Просто излишне, не нужно, трата времени и сил, которые можно потратить на развитие, исследование, детей — масса дел, в общем.

Вот исследования меня и к текущему положению и привели: наш гильдмастер, Макаров Дреяр, был чертовски стар. И в связи с этим незначительным фактом имел намерение умереть, чего мне довольно сильно не хотелось. Соответственно, в компании со своим бывшим учителем, мы разработали “лекарство от старости”. Естественно, не лекарство как таковое, а комплекс алхимический и эфирных воздействий, но по сути — так.

И даже применили его на мастере, что помогло, он начал оживать и “выздоровливать от старости”, но...

Меня настигло проклятье, причём хорошо, что только меня, а не нас с учителем. Довольно иронично в этой ситуации было то, что Ур, мой учитель магии, дама за тридцать, не без помощи моих скромных усилий (и собственного, типично девчоночьего нетерпения), была девчонкой. Лет пятнадцати, на момент того, как меня проклинали.

Причина моего проклятья заключалась в том, что в эфирном плане Земного Края, Мира моего пребывания, болтался гнусный божок Акселама. Проклинаю гадким, сводящим с ума и гарантированно летальным, неснимаемым проклятьем “делающих мёртвое живым”

воскресителей.

И хоть мастер был жив, но божка это не остановило. А, возможно, деяния мои переполнили “чашу терпения” этой сволочи. В общем, не суть.

Суть в том, что у меня было весьма мало времени, по истечении которого я либо отказывался от своего проклятого тела (а основатель нашей гильдии и её любовник без них обходились, коммутируя с окружающим миром мысленными проекциями, да даже друг с другом, в сексуальном плане). Либо начинал как умирать, так и нести смерть всем окружающим выбросами проклятого эфира. В общем, гадкое проклятье, жить с которым у меня не было никакого желания, а лет через тридцать не было бы и возможности.

И, не без помощи учителя, а также своего не самого скудного разума, ну и некоей неизвестной, но при этом весьма полезной матери, решение избавления от прокли нашлось.

Довольно быстро, до негативных последствий от прокли для меня и окружающих. Но... я тут, а значит, наверное, умер. Хотя...

От этого “хотя” меня пробрал несколько истерический, пусть и внутренний, смех, правда, на сердце несколько полегчало.

Итак, проклятье проклинало тело, именно тело мага, имея некие не до конца понятные критерии и привязки на мозг, причём именно физический мозг. И я... точнее, похоже, Грей и Ур “обманули” проклятье. Сделали идентичный клон. Грей, с помощью менталиста и весьма сложного заклинания Архива, сделал слепок памяти и “подменился”, сбросил проклятье на клона, тут же и утилизированного. Так и не приводимого в сознание, поскольку была это заготовка, просто кусок мяса... И это, судя по всему, был я.

Фактически новорождённый, обретший сознание, уже умерев, что весьма иронично.

Иных вариантов можно придумать массу, но безжалостная бритва Оккама их отсекает. Кроме того, если по совести, я и Грей — одно и то же. И тот факт, что девочки и детишки остались со... с Греем, искренне радуется. Умри я... он, им бы было весьма больно, плохо и одиноко.

А я, похоже, ошибка. Только чего и в чём — остаётся вопросом. Так, помню я всё, весьма неплохо (Зереф знает, правда, “чем” я помню и думаю, хотя и любовник Первой, основательницы гильдии, тоже ни черта не знает, гарантированно). И как я вообще появился на свет-то? То есть на тьму, то есть на ничто... в бездну, откуда я взялся, в общем?

Хм, тело как тело, генотип, фенотип, магия жизни. Ну-у-у... нет, в куске мяса самозарождение сознания “чудесным образом” невозможно. Далее, запись всего разума Грея, это при том, что немалая часть сознания Отмороженного была “в эфире”: богоравный маг существовал большей частью вне тела, которое выполняло функции якоря и проводника. С одной стороны — уязвимость, для того же проклятья, как пример. А, с другой, без тела с Миром и не повзаимодействуешь толком. То есть, мёртвые маги иногда являлись такими призраками, но ненадолго и вскоре покидали Земной Край с концами. Покидали всей душой, можно сказать. Да и то, призраки были редкостью.

Собственно, Первая с любовником, хоть и существовали в виде проекций, тел-якорей не теряли. Тела были в состоянии гибернации, выводя сознания магов из-под действия проклятья.

Так вот, была запись разума. Но выходит бред — пусть нейроны были записаны и прочее, душа — объективный, пусть и весьма непознанный, причиндал. А я, именно тут и сейчас, высоковероятно тела лишён, а значит я — душа. Или я, всё-таки, Грей? Тогда почему я помню всё до момента записи и ни черта не помню после?

Вот ведь заковыка какая, посетовал я. Нет, похоже, я, всё же — та самая запись. Но, либо я ещё в “теле”, просто не могу им рулить. Что прямо скажем, маловероятно, хотя пошевелить по памяти всякими оконечностями себя я постарался. Безрезультатно, как понятно.

Либо проклятого клона благополучно утилизировали, как Грей с Ур и собирались. Но тогда, всё-таки, что я такое?

Проклятый клон... хм, проклятье? А почему нет? Все остальные элементы просчитываются и очевидны, ну и к возникновению меня привести не могли. А, ежели проклятье “переползло” на клона, то есть меня, то всех его нюансов я ни черта не знал.

И, кстати, отметил я. Воспоминания и разбор полётов заняли весьма много субъективного времени. А я не свихнулся, не вижу розовых пони (к счастью), нет иных глюков. Внутри воспоминания, снаружи ничего. И никаких характерных последствий депривации внутри не наблюдается.

Что автоматически даёт мне почти стопроцентную гарантию, что я не в теле, это раз. Буду считать себя новорождённым сознанием, это два. А то получится очень больно за девчонок и детишек.

И... Зереф знает, что дальше делать, озадачился я. Ничего было весьма ничем, то есть извне не поступало никаких сенсорных сигналов, совсем и вообще. Контейнер не чувствую, второй источник — не чувствую, эфир — не чувствую. Даже нитей контракта с моими контрактными демонами-демоубийцами и то нет.

В общем, выходит, что я — не вполне клон. А новорождённый дух, наверное... Чёрт знает где, чёрт знает, зачем. И чёрт знает, на сколько времени, отметил я.

И призадумался, поскольку более делать было нечего. И, как раз от этого “нечего делать”, начал подробно разбирать жизнь Грея. Что, прямо скажем, согласно воспоминаниям (кроме которых, у меня и не было более ничего), делалось весьма и весьма просто. То есть, похоже, моё состояние “обновило” ассоциативные цепочки, и то, что Грей забыл, не вспоминал, или сознательно игнорировал, я прекрасно помнил.

И через несколько субъективных... времени мне опять было довольно смешно. И так, если разобраться, то “приятнь на всю жизнь” к Люське и Джувии, девицах моих... Грея, ненаглядных... Создана самим Греем. Эфир, безусловно, играл роль, но... Даже он был запрограммирован желаниями и “моделями”. То есть, Грей представил себя таким, как он представлял мага льда. Сдобрил это представление своими желаниями, осознанными или нет, комплексами и прочим. И, закрепил это в эфире.

Нет, безусловно, эфир бы тянул меня... Грея, к той же Джувии, это факт. Но та крышесносительная страсть, возникшая с первого взгляда — дело мыслей и восприятия самого Грея. Неосознанной “подготовки” чуть ли не с детства.

Довольно забавно, особенно то, что даже обмана, как и самообмана-то и не было: придумал себе любовь и полюбил, именно так.

Причём, не сказать чтобы вышло плохо, вышло-то замечательно, но... Недостойный разумного самообман. И с первыми девушками Грея он поступил некрасиво. Не по злой воле, а по глупости — заякорив эмоции на образы из мультфильма, ещё в детстве, Грей и вправду не испытывал ничего, кроме приятности, к Эльзе и Мире. Но вот трахать их, в таких раскладах, было не самым лучшим вариантом. Приятно, понятно... но этически не верно, прямо скажем. Честный отказ от постельных отношений мог быть девчонкам травматичен и неприятен мне... Гредю. Но, этически, психологически, да и по массе деталей верным

поступком.

Впрочем, сложилось всё в итоге неплохо, но никак не стараниями Грея. Можно сказать — вопреки им, а сам Отмороженный — чертовски везучий тип.

Жаль, что мне не перепало толики этого везения, мысленно вздохнул я.

Сижу в нигде, ничего, кроме воспоминаний, нет. И перспектив толковых нет, в таких раскладах и о галлюцинациях в результате сенсорной депривации задумаешься с весьма теплыми чувствами и ожиданиями.

Обдумал я эту мысль, стал представлять кошкодевочек, поняш, много всякого-разного, но они, к сожалению, не явились. Даже тела себе сносного не напридумывал, оставаясь потоком мыслей и воспоминаний в нигде.

А вообще, конечно, даже обидно, что Грей был столь “самообманут”. Придумал себе образ “мага льда”, да и живёт в нём, а на самом деле — в отношениях он тёплый... Да и банально, в тех же исследованиях, экспериментах, куче моментов были варианты, прекрасно сейчас мне видимые, гораздо лучше, эффективнее, разумнее.

Но, образ стал сутью, да и отзывчивый эфир “закрепил” придумки, судя по всему. Довольно иронично, в чём-то — грустно. Но в целом — неплохо, утомил я своё полыхание. Есть чему позавидовать, несмотря ни на что, а недостатки — так вырастет ещё. Точнее, со временем перерастёт “зону придуманного комфорта”, волей-неволей начав постигать как себя, так и Мир, не через розовые очки придуманного образа.

И лучше бы это произошло не скоро, отметил я. Потому что подобные “переоценки” и взгляды со стороны — либо итог весьма длительного опыта и накопленных за долгую жизнь противоречий (а они будут, потому что я, точнее Грей — исследователь, как-никак), либо травматических переживаний. Чего я Грею точно не желаю, счастья и удачи ему, да побольше, вздохнул я.

И решил пригорюниться над своей персональной печальной судьбой. Фактически новорождённая сущность, пусть со знаниями и опытом почти шестидесяти лет не самого глупого типа... но, новорождённая. И обречённая вечность копать в старых воспоминаниях — новых не завезли, а развесёлые глюки обходят мою персону стороной.

Но, как-то мне не горюнилось. Подозреваю, опыта последнего у прототипа было маловато, а естественных биологических механизмов “тоски-печали” мне не завезли, с кучей всего прочего не завезённого.

Так, ну хорошо. А что я вообще, пусть чисто теоретически, могу сделать? По логике, если моё существование связано с проклятьем, я — демон. Не придумка жрецов, а эфирная сущность на энтропийном эфире, оттиснувшая на себе комплект воспоминаний Грея.

И чего енто я тогда ничего не чувствую? Что это, пардон, за хамство такое, в виде ничего моего пребывания?!

Вот возмутиться гадству отсутствия несомненно гадкого окружения, у меня с лёгкостью получилось. И, что весьма неплохо, возмущение было не пассивным злопыханием, а стимулом к действию.

Правда, делать также ни черта не выходило — либо думать, либо воспринимать ничего ничем. Последнее, невзирая на весьма затейливое определение, было откровенно дурацким занятием.

Правда... на этом я задумался и ощутил, что “течение мыслей” — не аллегория, а вполне ощущаемый процесс. Интересненько, отметил я, начав мыслеэксперименты, в самом что ни на есть прямом смысле слова.

И, для начала, стал играть со скоростью. Точнее, основываясь на субъективных ощущениях, ускорять ток мыслей. Замедлять его как-то не хотелось, по массе причин.

Мысли “как птица в клетке” не метались, но ощущение “ускоренности” было. Хотя, как понятно, базировалось оно исключительно на субъективных ощущениях.

И начал я стараться и пыжиться, ускоряя "ток мыслей" и думая обо всякой фигне, параллельно пытаюсь что-то чем-то ощутить.

Что у меня, через некоторое время, получилось. Меня стала окружать темнота. Казалось бы, невелика разница, но отсутствие света по сравнению с ничем — весьма ощутимый прогресс.

Впрочем, возможно, у меня таки начались глюки от депривации, несколько остудил я свой восторг. Вот только последний вновь вспылал, приведя мне весьма весомые аргументы: пусть даже и глюки, но, в сравнении с ничем — более чем пристойный вариант.

И не поспоришь, печально вздохнул я, попредался восторгом, да и начал ускорять всё так же ощущаемое течение мыслей ещё. Ну, мало ли, может до компании какой-нибудь доускоряюсь.

Однако компании в обозримой мною темноте, невзирая на мои потуги, не нарисовалось. Впрочем, её наличие само по себе было весьма отраднo, несмотря на то, что я, в своём восприятии, представлял для себя лишь мысли. Не было не то, что тела, а даже “зрения” как такового — темнота воспринималась “вокруг” меня, возможности приглядеться-осмотреться и прочее — всё так же были жадно незавезены неведомыми поставщиками.

В тщетных попытках побултыхаться, присмотреться и вообще хоть что-то сделать, прошло время. Определить его численный эквивалент даже субъективно не выходило, но, по моим ощущениям — долго.

Как вдруг, послышался... хотя, сказать что это был звук — сложно. Потому что это будет враньём. Скорее — я почувствовал жалобно-плаксивую эмоцию, полную обиды, ну и суицидальных порывов.

Что-то вроде “хочу умереть, пусть им всем будет плохо”.

Помимо самого факта некоего разнообразия, отраднo было то, что я чувствовал эту эмоцию не “изнутри”, а извне. А то, чувствуя ТАКОЕ внутри, самоуважение мне бы точно жить не позволило, это точно.

Впрочем, довольно навязчивое нытьё не прекращало изливаться на меня из окружающей темноты, приправленное какими-то полуразмытыми образами: выпученными глазами, разинутыми пастьями. Я бы, признаться, принял это за бред безумца, если бы не был знаком с памятью Отмороженного: зачастую, он вспоминал не “всего” человека, а некую, выделяющую этого человека черту, или их сочетание.

Если покопаться в воспоминаниях — то, безусловно, помнил всего человека с деталями и в "сборе". Но на “поверхности” были именно такие черты: глаза, характерно поднятая бровь, изгиб рта.

Правда, вспоминаемые нытиком разумные были явно людьми и... явно несимпатичными людьми для нытика. Уж если оскаленная пасть и выпученные от гнева глаза ассоциировались у него как “характерные черты”.

С другой стороны, посыл “сдохну, вам будет хуже”, что-то вроде того, предполагал, что сдыхание нытика для пучеглазого крикуна будет несколько безразлично. Хотя, он же нытик, отметил я, так что, может быть, напридумывал себе всякого.

И вот, продолжалось это нытьё довольно долго. Попался мне нытик, явно упорный в своих начинаниях, что меня несколько начало раздражать. В итоге отмыслеемоционировал я, почти произвольно, в стиле “достал ныть!”

На удивление, нытик притих на некоторое время, а потом разразился чередой образов и эмоций. Понятно в них было не более половины, но обращался он к некой “тьме, темноте” — это было понятно, да и, в целом верно, учитывая окружение. И просил он его “забрать, потому что невозможно”. Целовать, впрочем, нигде не просил, что и славно: во-первых, нытики у меня желаний целовать не вызывают. Во-вторых, даже если бы и вызывали, мне, пардон, нечем.

Впрочем, диалог — весьма приятное разнообразие, даже если нытик и плод моей помахающей скатами крыши. Этаким прощальным подарком, хмыкнул я, но попробовал наладить какую-никакую коммуникацию.

И выходила весьма занятная загогулина. Нытик воспринимал меня как этакое демона, не настоящего, а, очевидно, что-то из фантазий жрецов. Причём, сам был не уверен в моём существовании, а ныне пребывал в потере сознания от выписанных ему люлей. Судя по всему, орущим пучеглазом из его памяти, которому непременно, после нытиковой смерти “должно быть плохо”.

Причём, прямо скажем, дисциплиной сознания нытик не обладал (вот сюрприз-то!), и мыслеобразы от него были приправлены диким количеством бреда и дичи, явно прорывающихся из воображения. Да и ни Зерефа не структурированных — этаким полубредовый “поток сознания”. Не в плане сумасшествия, а как результат “взгляда со стороны”.

И вот, на определённый момент Нытик ныть прекратил и исчез. А я призадумался, причём вполне серьёзно. Вот я, положим, знаю, что эфирные даймоны — просто существа-обитатели высокоэфирных планов, с энтропийным эфиром в своей основе. Не плохие, не хорошие, те же ангелы на “концептуально-структурирующем” изначально гаже. Не вообще, а именно к человекам.

Однако если принять концепцию зарождения моей симпатичной личности как некий сбой проклятия гадкого божка Акселама... А вот чёрт знает, возможно и демон, как в фантазиях жрецов. А, возможно, нет.

Но, если рассмотреть Нытика не как бред депривированного сознания, а как отражение в текущем месте моего пребывания сознания, его чаяния, вейнья и прочее, то оказался я весьма к месту, чтобы “забрать душу”.

Нет, безусловно, это натяг совы на глобус, попытка привязать мне известное (а я весьма образованный новорождённый, прекрасно знаю, что не знаю вообще ни черта) к моему окружению. Создать из карточек известного схему, объясняющую окружающее непонятье.

Но при всём при этом факты, мне известные, весьма гладко укладываются в карточный домик, который пока не стремится разваливаться.

А герр Нытик, очевидно, оклемался после леща пучеглазого оруна, вот и покинул локацию моего пребывания.

Вообще, похоже, я пребываю в эфирном плане неясной степени эфиризации, и в виде этакое “конструкта”. Правда, очевидно, со мной “что-то не так”. Как минимум, если я “правильный демон”, я ни Зерефа не могу собой рулить. Возможно, а точнее — на это есть надежда, рулить я не могу потому, что не умею. И следующая и связанная с этим девочка Надя — что обучаясь, я свою, мне весьма любезную персону, не распидорашу.

Вариант два — что я демон-калека... По совести — наиболее вероятный вариант, но мне, если честно, как-то таковым быть не хочется. Так что будем считать себя просто неумехой, до определения критерием истины, что у меня “ручек нет, ножек нет”, свойственных любой приличной и уважающей себя демонятине.

Ну и есть, конечно, вариант, что я не новорождённое создание, а сам Отмороженный собственной персоной... Просто не хочется так считать, если честно. Слишком я, всё же, привязан к своим девочкам, детишкам, да и к Гильдии. А они — ко мне. Так что, вариант “у них всё хорошо” мне гораздо более угоден, а так как сделать я всё равно ни черта не могу, то пусть будет “теория клоническая”.

А пока я обдумывал эти мудрые думы различного уровня думности и солепсизности, господин Нытик изволил явиться вновь. В чуйствах расстроенных, свойственных егойному прозвищу.

Я, признаться, даже несколько обеспокоился: ну ладно, “умру всем назло” — позиция весьма известная, распространённая, и при этом редко осуществляемая. Однако, судя по повторному визиту Нытика, его там, пардон, пиздят смертным боем. Или близко к тому, так что “помереть” сей господин (а гендерная самоидентификация господина Нытика была чёткой и однозначной) может не “назло”, а вследствие.

Впрочем, сделать в моём состоянии я особо ничего и не сделаю. Поддержать что ли, бедолагу, помыслил я, да и выдал в окружающую черноту “соберись, тряпка!”

И был фактически повержен. Герр Нытик, получив дружеское напутствие, резко превратился из нытика в истерика-скандалиста. На меня обрушилась черед мыслеобразов, приправленная весьма гневными и злобными эмоциями. При этом нужно учитывать, что по причине недисциплинированного сознания этот “поток сознания” был весьма неудобоварим, приправлен паразитными мыслями, комплексами, девиациями и прочей джигурдой.

Я, невзирая на своё состояние, несколько “подвис”, обрабатывая и стараясь понять, что мой сомыслитель на меня вывалил. И выходило, что у Нытика “все козлы”. Причём, судя по мыслеобразам, и не скажешь, что это не так. Конечно, остаются варианты искажённого восприятия, но в целом — мдя. От неких то ли коллег, то ли соучеников, детали непонятны, которые Нытика травили физически и психологически. До некой самки женского полу, которая “чуйства” Нытика своим ныतिकонеугодным поведением “втоптала в грязь”. Причём, теперешнее мелькание Нытика, а, как следствие, егойное пинание, каким-то мистическим способом взаимосвязано с енттой самкой женского полу.

Вот ни Зерефа не понятно, призадумался я, пытаюсь в нытиковском потоке сознания что-то понять. Ну, послала его какая-то девица подальше, бывает. Но люли-то как связаны с этим посылом? Послала быть битым, что ли? Бред какой-то, недоумевал я, пытаюсь вычленить причины в неудобоваримом потоке сознания.

А пока я пытался что-то понять, распалённый Нытик буквально взревел... аж темноту моего пребывания озарила вспышка! — “ДОВОЛЬНО!!!”

Это чего это такое, пытался понять непричёмистый я, как от нытика пошел весьма целенаправленный волевой посыл “сдохнуть”. И ладно бы это, но мои ощущения выдавали картину, что нытик не просто “хочет”, и именно делает!

Не в плане меня сдыхает, а самоубивается, дурак такой. Несколько всполошившись (ну жалко балбеса всё-таки), я начал окружение свое всяческими мыслеэмоциями на тему “остановись-подумай” заполнять. Но совершенно безрезультатно. Аж треск рвущейся ткани,

не как звук, а как ощущение пошёл, так что я, в свою очередь взревев: “стой, дурак!” — начал дёргаться. Но дёргания мои, точнее попытки это сотворить, ни к чему толковому не привели. А Нытик явно самоубивался, дурак такой, причём судя по его мыслеобразам — молодой балбес. В общем, дёргался я, дёргался, Нытик умирал-умирал, как вдруг, с раздирающим моё отсутствующее нутро ощущением рвущейся уже не ткани, а плоти, темноту разорвала ослепительная вспышка.

А проморгавшись, я обогатился весьма богатым спектром ощущений. Во-первых, я был в теле и имел чем “промаргиваться”. Во-вторых, предположения об “опиздюливании” были фактом: в тускло освещённой небольшим окном деревянной комнатухе пол покрывали обломки прутьев. Болезненные ощущения спины и лях указывали, обо что эти прутья ломали. Как болели скулы, затылок и кровоточил нос — видимо, орущий пучеглаз, бешено пучащий на место моего пребывания выпученные глаза, изломав некие розги перешёл к рукоприкладству.

А я, похоже, занял место Нытика, хотя хотел балбеса спасти. Впрочем, судя по всему, место вскоре окажется вакантным, поскольку красномордый пучеглазый орун взирал на тело моего пребывания взглядом, не преисполненным доброты.

Хм, а я отбиться-то смогу? Ну, хотя бы попробовать, стал прикидывать я, проводя ревизию доставшегося мне богатства... хотя, скорее, бедности, вынужденно хмыкнул я. Дрищеват, тощеват, да ещё и весьма чувствительно бит. Впрочем, здоровый пучеглазый орун в бешенстве, факт. А положение на полу имеет не только недостатки, но и преимущества. А, значит, когда он меня продолжит смертью убивать — яйца, колени, внутренняя часть бёдер. А потом горло и глаза, быстро прикинул я, а на битой физиономии моего вместилища невольно, по старой памяти, появилась добрая улыбка.

— Надеюсь, ты всё осознал! — рявкнул орун, которого с чего-то передёрнуло от моей улыбки. — На день лишён еды! — продолжил орать он, покидая экзекуторскую и хлопая дверью.

Эта... фигня какая, невольно почесал я свои, уже свои болезненные места и принялся понимать, а что, собственно, произошло, ну и что с этим делать, не без этого.

Очевидно, герр Нытик мучений избиения (ну, вообще-то, довольно неприятно, факт) не выдержал. И, не менее очевидно, был он неким аналогом мага. Каким, что и как — не понятно. Что я точно знаю — я не в Земном Крае. И, высоковероятно, не на старой Земле: ряд чисто внешних проявлений указывает на это.

Далее, пусть паренька и жалко, но вины перед ним я не чую — я реально старался ему помочь, а не “овладеть туловом”. Хотя, будем честны, чёрт знает, как бы я себя повёл через несколько субъективных лет торчания в виде ничего в чём-то. Мог и за телом начать охотиться, факт. Впрочем, парень решил всё за меня, лишив проблем этического выбора. За что ему честь, хвала и хорошего посмертия, без пучеглазых орунов.

А вот что у меня есть и как мне со всем этим дальше жить — вопрос. Рявк пучеглаза я услышал ухами и понял мозгами. А, значит, набор памяти у меня присутствует. При этом, состояние, в котором я пребывал, явно “эфирного сознания”, собственно, сейчас я мыслю “там” имея с телом “удалённую коммутацию”. Вполне знакомые ощущения, прекрасно известные мне-Отмороженному.

А раз есть память, то надо с этой памятью разбираться, заключил рассудительный я, потёр болючие места и притулился в уголке наказательной каморки. Пока не пойму, рыпаться отсюда не стоит.

И начал я “вспоминать головой”. Для начала, язык мышления и общения. В чём-то знакомый мне-прежнему, в чём-то нет. Судя по всему — искусственный язык, как и в Земном Крае. С другой стороны, все языки в той или иной степени “искусственные” — не грибы чай, “естественными быть”. Но, в данном случае, искусственность была очевидна, на основании моего знания “протоязыков”. А именно, латынь, явные славянские, французские, ну и скорее всего — норвежские корни. Последнего я не знал, но, судя по артикуляции и произношению ряда слов — оттуда.

Далее, на мне, как и на пучеглазом оруне, одежда, пусть добротная, но явно потёртая (а не хер по ней розгами лупцевать, злопыхнул я мимоходом). Этакий редингот, скорее сюртук, нежели пиджак. Да и брюки на явных подтяжках. И вообще, одежда стиля конца девятнадцатого-начала двадцатого века Земли. Что, в рамках розог и простой деревянной комнаты с не менее простой рамой и весьма грубым стеклом, вполне соответствует друг другу. Ну, не дремучая древность с антисанитарией и свинцовым водопроводом — уже неплохо, мимоходом порадовался я. Но собрался — радости особенной по остальным пунктам не было. И вообще, надо разбираться: кто я, кто орун, с какого мужского полового хера он меня мало, что не до смерти забил... точнее, Нытика. Но, во-первых, нелюбезно так к весьма щедрому меценату обращаться: для меня парень — реальный благодетель. И, во-вторых, если орун продолжит свои рукоприкладные манифестации, прилетят они мне. Точнее, скорее всего, я оруна прибью, но надо разбираться.

И начал я пытаться как медитировать, так и просеивать доставшийся мне ум в плане интересного всякого. И, господин Гемин, из славного рода Толмирос, немало этого предоставил.

Вообще — мало, дисциплины сознания никакой, в башке — каша, сварливо оценил я. Но, для пятнадцатилетнего недоросля, который ещё и сопротивлялся попыткам в него знания вбить — весьма немало.

Итак, лупцевал меня недавно Лад Толмирос, мой, как это ни парадоксально, биологический отец. А причина лупцевания... Ну, если по совести, то желание ему выдавить глаз и вырвать кадык, по ознакомлению с первопричинами, не уменьшилось. Правда, не только его, ну да по порядку.

Итак, оказался я в Мире с названием Стегас, по крайней мере в той языковой среде, где жил я. Языков в Мире было три, все три изучались в гимназиуме, который так и назывался. Который и посещал Гемин, ну и, похоже, придётся посещать мне. И знал он два “не родных” языка весьма хреново, прямо скажем, на изучение “забивая”, за что неоднократно был порот, как в учебном заведении, так и дома.

Далее, социум Анта, страны моего пребывания, был сословным. Весьма жёстко и иерархично сословным, хотя и с формальными “социальными лифтами”. Цензы имущественные, военные, образовательные... Забивавший на учёбу Гемин толком их и не знал, хоть нашлось в памяти число “двенадцать” и седьмой класс Лада.

Сам орун был мастером-контролёром, как я понимаю — начальником смены на производстве, этаким заводе. Немало, весьма, но, как понятно, не “владыка жизни”.

Собственно, обитание в этаким городском трёхквартирном особняке, с приходящей прислугой, отражало социальное положение весьма наглядно. Как понятно, две другие квартиры занимали жильцы или семьи другие.

Весьма любопытна причина избиения: у Гемина проснулся гормон, ну и обратился он с предложением общаться к некоей Агате. Кстати, гимназиум был “общим”, правда, классы

имели деления по полам. И в учёбе они не пересекались.

Но всё дело в том, что данная девица (или нет, не проверял), не только послала дрищавого Гемина с его “общаться”. Но и сообщила предку о “непристойном предложении”. А предок был, на минуточку, начальником папаши, высказал “фи” подчинённому, в плане “недостатка воспитания”. И вот, этот недостаток воспитания Лад и компенсировал колотушками.

Вообще, довольно забавный социум, правда, Гемин ни черта не знал — откровенно забивал на учёбу, причём вина тут... ну скажем так, родителей и его самого. Самого — потому что чуть ли не с детства считал себя самым умным, причём упёртым был, как баран. Палочная система воспитания не с неба взялась и имеет массу преимуществ, но на моём доноре дала сбой: не помогало.

Родителя, точнее, Лада (матушка была “читающей домохозяйкой”, которой, на мой взгляд, было на всё монопенисуально) обвинить стоило в том, что он был типичным родителем.

А именно, на протяжении тысячелетий, семейное воспитание формировало из людей “копии родителей”. Потому что они “лучше знают” и прочее подобное. В принципе, в чём-то, даже верно, но...

Например, проект “государства для людей” моей прошлой страны провалился потому, что модель “семейное воспитание” сохранилась. Нет, она была ослаблена, но всё же сохранилась. И, в итоге, люди в массе своей стали лучше, но далеко не все. А как только в бой пошло старичье, которое перестали “профилактически отстреливать”, судьба государства была решена. Три поколения сформированной “партийной элиты”, анекдоты про “у генерала тоже есть внук” и прочее.

В общем-то, Земной Край был таким же, если бы не одно “но”. Оставшиеся, очевидно, от эпохи “богоборцев” определённые культурные маркеры и социальные институты. И маги, а точнее — эфир. Суперы, которые не были патологическими негодьями, с “выбраковкой” порядково меньшей, нежели у “простых человекoв” в аналогичных условиях.

А тут такового не было, ну и Гемина, с лейтмотивом “будь как я” лупил отец, ну и с лейтмотивом “учись, паразит!” лупили в гимназии. Не помогало ни то, ни то, надо сказать. Табель успеваемости в последнем году обучения был удручающе отрицателен. Впрочем, были экзамены... но Гемин не учился. Он, дурак такой, писал. Писал стихи, весьма скверные, которые мнил, невзирая ни на что, вершиной и вообще. А учиться не желал, потому что он “талант”. И тут спасибо матушке, перехвалившей в раннем детстве (после чего забившей на сынульку).

Тот факт, что “физик” без вкуса и воображения — бездарный исполнитель, а “лирик” без понимания Мира и окружения — бездарный фантазёр, Гемину в голову не приходил, а тонкие намёки на это, приправленные розгами, он игнорировал.

Дурачок какой-то, поставил я веский диагноз. Хотя, чёрт знает, тыкнуть пальцем и сказать, что кто-то виноват, не выходит. И Лад, и Клиссо, матушка-домохозяйка — продукты своего времени и окружения. Тут, скорее, сбой “палочной педагогической системы”, которая в случае Гемина не помогала. Ну и неправильное воспитание, точнее, его отсутствие на начальном этапе формирования личности. Вот уж не знаю, насколько это в местных краях “нормально”.

Так, с этим понятно. Уровень технического развития примерно конца девятнадцатого века, правда, с массой отклонений. Например, в доме было натуральное телевидение, на

неизвестном Гемину, как и мне, принципе. И да, “зомбоящик вульгарис”, судя по воспоминаниям донора.

И куча вопросов без ответа — не учился, не интересовался, был болваном.

При этом, маги в этом Мире были, но... весьма и весьма странные. Слабые, но тут скорее вопрос “общего эфирного фона”: буйство эфира того же Земного Края надругивалось над физикой, биологией, климатологией, много ещё над чем. А тут, очевидно, “нормальный” Мир. А вот “маги” в большинстве своём — на заводах. И деталей нет, “не знал, не интересовался”.

Так, семейка у моего реципиента — прямо скажем, не фонтан. Сам он — как следствие, не фонтан также. До экзаменов в гимназии полгода, ни черта не знает, искренне был уверен, что его бездарноватые стишки выложат ему “золотую дорогу к шашью”.

Социум Мира — непонятно. Не знал Гемин ни черта про Мир, где живёт. Хотя, если по совести, видимо, тоже не фонтан. Слишком много “бытовых” элементов явно указывают на не самое “справедливое мироустройство”. Хотя, в этом случае чёрт знает: может, это особенность довольно захолустного и небольшого городка. По крайней мере, парень намеревался подаваться в столицу, где, как он ожидал, его будут ждать с распростёртыми объятиями.

Но, с другой стороны, с учётом всех факторов, мне чертовски повезло. Собственно, я бы свое предыдущее место пребывания поменял... да, наверное, на что угодно. От женщины, до животного, если подумать. Всяко лучше, чем мариноваться в нигде или в темноте, непонятно кем.

И, наверное, просто жить, хотя “просто” — мне не очень интересно. Но для “сложно”, нужно узнавать то, что благополучно пролюбил за годы жизни реципиент.

И с этими мыслями поднялся я на ноги, да и попёрся в комнату Гемина. Всё хоть и болело, но умеренно, орун Лад, невзирая на рукоприкладство, повреждений особых не нанёс, да и сотрясения ума не было.

Так что проковылял я по памяти в комнату своего нынешнего обитания. Бардак, мда, оценил я бардак. Не совсем запредельный, за который прилетало бы от Лада, но куча макулатуры, испорченной рифмоплётством уровня “розы-морозы”. А сумка с учебниками небрежно брошена в угол, да и часть их Гемин вроде и не открывал толком. Блин, хоть читать умею — и то хлеб, слегка порадовался я, начиная вчитываться в литературу.

И столкнулся с неприятным открытием: Гемин своим раздолбайством заработал... точнее, отвык работать с информацией. Читал быстро, столь же быстро забывая, так что пришлось заниматься, пиная ленивый ум. Вообще, надо приводить мозги в порядок, поскольку они, сами по себе — весьма нужный и полезный инструмент.

И пусть моё “эфирное сознание”, похоже — неотъемлемая часть моего теперешнего бытия, использовать мозги просто как “консоль управления телом” — просто глупо.

А ещё вопрос — смогу ли я быть магом? Ну, положим, уровня Отмороженный — не смогу. А если второй источник, например? Впрочем, тело ощущения контейнера не давало. Но какие-то маги, “чудотворцы” тут точно есть, причем чуть ли не как сословие.

Ну, даже если и не буду магом — обидно, досадно, но ладно, логично заключил я. И вообще — что бы я ни надумывал, Гемин ни черта не знал. А значит, надо узнавать. Причём, не с конца, а с начала, отложил я полуоткрытую гимназическую сумку, подходя к тяжёлому книжному шкафу.

В нём, изрядно припорошенные пылью, лежали учебники с первого года обучения. Ну-с,

приступим, заключил я, приступая к изучению.

И погрузился в него с головой, параллельно пиная ленивый мозг, приучая его воспринимать информацию, а не “как обычно”.

Слова Лада о лишении пожрать были не для красного словца, матушка, очевидно, предпочла “визорствовать” (агрегат, демонстрирующий движущиеся картинки, обзывался визор) либо читать очередной роман. На меня ей, как и подсказывала память, было индифферентно с определённого возраста. Или, возможно, с отсутствия прогресса в рифмоплётстве, тоже вариант, отметил я.

Хотя, отсутствия корма этой тушки... На этом я поднялся, отложив книгу, да и разоблачился, открывая платяной шкаф.

Мда, больше пытку напоминает, нежели наказание, отметил я тщедушные мощи. И вот как так жить-то можно? Нет, Гемина голодом не морили, кроме ситуаций с “усугублением наказания”, которые могли бы быть восприняты как “лечебно-разгрузочные дни”, но он же ни черта не делал! Хоть не толстяк, хотя и не факт, что хорошо: жиробасы волей-неволей имеют неплохие мышцы, поскольку тягают свои туши, получая нехилую нагрузку.

А рожа... нормальная рожа. Серовата, правда, но, учитывая воспоминания, пепельные волосы в разных оттенках и серые глаза — скорее фенотип местного населения. В остальном — вполне сносное лицо, похуже, чем было у Мороза или Отмороженного, но терпимо. Не inferнальный урод, хотя грубоватые черты, очевидно, в Лада.

Так, ладно, с голоду не сдохну, а исправлять это всё надо уже сейчас, решил я, начав приседать и отжиматься. И да, скорбно всё. Дрожащие, почти лишённые мышц лапки, нехватка воздуха непривычному телу... Скорбно всё это, констатировал я через полчаса “тренировки”, хотя подобную я даже Морозом, не то, что Отмороженным, разминкой бы не назвал.

И опять принялся, подвывая пузом, за грызню гранита науки. Догрыз до темноты, включил настольный торшер — иных осветительных приборов комната не имела. Кстати, опять же, выбивающаяся из “общей технологической картины Мира” приبلудина: изукрашенная растительным узором бронзовая подставка содержала в себе лампочку, причём не накаливания, а что-то вроде люминесцентного газа. Заинтересованный, я в подступающих сумерках вывинтил фигулину и стал озадаченно её рассматривать.

Озадаченно, потому что медный цоколь с резьбой просто не мог содержать в себе конденсатора, стартера и прочие необходимые люминесцентной лампе приبلуды. На текущем уровне НТР, хотя... визор, да. Ни черта не понимаю, но очень интересно. Расковырять бы её, призадумался я, но мысли свои научно-исследовательские оборвал: память Гемина давала понять, что стоит эта фигнюшка весьма дорого, меняется раз в несколько лет, а быть битым Ладом, а точнее, убивать оруна я пока находил преждевременным. И не факт, что получится, не без иронии отметил я, припомнив “выдающиеся физические успехи” своего тела.

В общем, вывинтил лампу, почитал учебники первого года гимназии ещё час, да и решил отойти ко сну. Благо завтра намечался выходной день, так что время на изучение хотя бы первичных данных у меня будет.

А вообще, размышлял я, уже валяясь в ложе, как-то меня... жёстко и быстро попадало. И вот даже не понятно, подумать-порerefлексировать, попечалиться о массе вещей или забить?

Впрочем, по здравому размышлению решил я забить. Рефлексия мне не даст ни толку, ни пищи к размышлению: слишком мало данных. Даже оценить своё реальное положение я

не могу, потому что ни черта не знаю местного социума. Геминины обрывки знаний можно интерпретировать чётко знает как, а история первого курса гимназиума описывала “древнейший Мир”: цивилизации местного пошиба, уровня Вавилона и Египта. Названия не те, но ряд общих черт отчётливо просматривался.

А физика была... ну в общем, довольно привычной элементарной механикой и физикой. Манера подачи информации была чрезмерно велеречива, пестрела цитатами, очевидно, каких-то местных умников, но в среднем по учебнику — общий уровень знаний соответствовал начальной физике школы старой Земли.

В общем, пока посплю, заключил я, приступая к этому ответственному делу. На удивление, ничего мне не снилось, а проснулся я не в ничто, а в кровати, в которой засыпал. Что весьма меня порадовало, как и отозвавшийся парадным бурчанием живот на:

— Господин Лад и госпожа Клиссо ожидают вас на завтрак, — озвучила пробудившая меня стучом Руза, приходящая кухарка и горничная.

Чуть было не сорвался с низкого старта к источнику калорий. Но синяки предательски занули, а память напомнила, что к завтраку, чтоб его, надо одеться и обуться!

И это я, точнее Отмороженный, на хвостатых злопыхал, печалился я, заключаясь в редингот с брюками и натягивая штилеты. А тут всё совсем грустно, хорошо хоть порывы к “вентиляции всего себя” у меня пропали. Впрочем, если бы они у меня были, с сопутствующими возможностями, рассудительно отметил я, то это бы были не мои проблемы. А тех, кому это не нравится.

И добрался я до столовой, где родители сего тела вяло ковырялись в завтраке, взирая на визор. Довольно крупный агрегат, тоже ни черта не понятно в плане “на чём работает”. Но, вроде бы, не лучевая трубка. Слишком плоский и здоровый экран, без характерного мерцания. При том, “оклад” из бронзы с серебром сего агрегата был весьма “антикварен”.

По зомбоящику несколько дядек общались на какие-то политические (вроде бы) темы, вальяжно и блиская специализмом. Не могу сказать, чтобы я понимал и мог оценить, но возникало ощущение, что это “карманные политологи”. Уж очень они знакомо “хваляли наших” и ругали “не наших”.

Впрочем, пока ничего не ясно, может, “наши” и вправду хорошие люди во плоти, а “не наши” — нехорошие люди. И призраки злобные, хмыкнул про себя я.

Кстати, нужно отметить, что папаша на мою персону бросил взгляд и сместил башку на миллиметр, если не показалось. Ну и вернулся к созерцанию “экспертной беседы”. Мамаша же на моё появление вообще не отреагировала, наблюдая за экраном и позёвывая.

Чудная семейка, отметил я, поглощая нечто вроде круассанов со сливочным маслом и варёным яйцом. Запивалось это травяным отваром, несладким, горьковатым, но явно не чаем.

Слопав пару яиц и круассан, я уставился на тарель с добавкой. Есть, в принципе, больше не хотелось, но не помешало бы. Хотя... учитывая все прочие равные моменты, просить добавки у меня не лежит душа.

— Благодарю, — нейтрально озвучил я, поднимаясь из-за стола.

На последнее, всё также без слов, Лад совершил миллиметровый кивок. Нет, точно чудесная семейка, поставил окончательный вердикт я, телепаясь в комнату. Полчаса разминался для усвоения пищи, да и вновь вгрызся в гранит науки.

2. Педагогические розги

И весь день я занимался приведением своих знаний в относительное соответствие своим запросам. Хотя бы начерно, причём, по здравому размышлению, забил я, на данном этапе, на прочие учебники и углубился в историю и географию.

Дело в том, что Гемин был не то, что уж совсем “оторванный от жизни отшельник”, нет. Но его активное нежелание разбираться привело к тому, что чёрт поймёшь — “закон”, “традиция”, а то и вовсе “местный произвол” приводят к причинам, по которым, например, полицейскому надо чуть ли не в ножки кланяться.

Из таких мелочей, по сути, состоит вся жизнь, но объяснений не было, а мне было интересно хотя бы в общих чертах понять, что за место меня окружает.

Так что, помимо трёх приёмов пищи, за которыми оба родителя вели себя абсолютно аналогично завтраку, я весь день с данными направлениями и знакомился. К вечеру вообще углубившись во вполне официальный предмет “Благое Государство Ант и его премудрое устройство”, точнее, в учебник по этому предмету.

И, можно ответственно сказать, что государство тут... ну средней паршивости, прямо скажем. Сама сословная система и вправду имела социальные лифты, вот только была чисто по-людски бестолковой. Больше прав — меньше ответственность, что преподносилось как благо и “высшее достижение государства”. Вплоть до того, что налог у четвёртого класса, высшего для “негосударственных служащих”, был процентно ниже, чем у всех предыдущих классов. С девятого класса отменялась “солдатчина”, самыми же “всем обязанными” были пейзажи и рабочие без образования, пара низших сословий.

Руководил государством, при всём при том, выбираемый “свободным демократическим образом” “Добрый хозяин”. Правда, право выбирать было лишь у высшего сословия: первого класса, чуть ли не этакого клана из десятка семей, выбирающих главнюка из своих рядов. А остальные “не имели должной сознательности и разума” дабы иметь голос в столь важном вопросе.

В общем, монархия, по сути, если разобраться.

При этом, доступ к медицине, образованию, прочим благам был весьма “сословным”. Однако если, положим, пейзажин неким неведомым образом раздобыл денег на обучение отпрыска в гимназии — тот автоматически становился, на время обучения, девятым классом. Минимально необходимым как раз для обучения в гимназии. Потому что “имущественный ценз” был пройден самим фактом оплаты учёбы.

Опять же, я в гимназии пейзажских отпрысков не наблюдал, но подобное в политологическом учебнике превозносилось, как великое достижение “благого государства Ант”.

Кстати, если соотносить время моего пребывания со временем существования

“древнейшей южной цивилизации”, то, с момента её основания, прошло четыре с половиной тысячи лет. Либо местные историки — косячники криворукие, либо я в будущем, относительно старой Земли. Лет на триста-семьсот примерно. Поскольку точного времени основания Царства Вавилонского я, к своему стыду, не помнил, только про второе тысячелетие до нашей Эры.

Довольно любопытно, что язык социума был относительно “вольным”, в плане правил и прочего. То есть, существовал “официальный”, тяжеловесный, с красотами и утяжелениями, стиль, но использовался он в деловой переписке и в официальных, как ни удивительно, случаях. Бытовой же, подозреваю, был “сословно задан”, но в рамках мне известного, всяческими “поколе” и “только на тебя надежда” не злоупотреблял.

И, при этом — сословное государство, явные “долгоиграющие”, а не одноразовые вещи. Странно всё это, отметил я, да и продолжил углубляться.

И выходило, что история имела весьма много схожего (что, учитывая язык — вполне понятно), но и массу различий. Если рассмотреть планету в целом, то на ней было три материка, примерно соответствующих: Европе (без Азии) — Ниль, Африке (почти такой же, разве что к югу материк “сужался” довольно сильно) — Воресен, ну и Северная Америка, несколько больше земной и смещённая южнее — Готтия. Плюс россыпь островов, этакий макроархипелаг на месте Азии и Австралии.

Так вот, древние государства зарождались на экваторе Воресена, ну и благополучно закончились, дав толчок “субтропическим” государствам Нила и Воресена же.

Готтия же до колонизации цивилизацией не обладала вообще. Может, историки и вралли, но никаких “ацтекских пирамид” заокеанье, судя по учебникам, не имело.

“Античный” период так, к слову, и назывался, да и явно имел отношение к названию страны моего пребывания.

Копошились в этом периоде некие граи, населяющие аналог Греции и расены из, соответственно, аналога Рима.

Последние, кстати, как создавали “Пакс Расена”, империю на весь Ниль и большую часть Воресена, так и внесли немало в право и государственное устройство.

Я, вполне естественно, призадумался на тему: а почему так похоже-то? Но тут же нашёл ответ. Миры, в которые меня заносило — явно аналоги Земли, смещённой по пятой координате (по четвёртой быть смещёнными, ввиду одностороннего движения по ей, они не могли). Соответственно, различия, безусловно, есть, как эфирного, так и не только, толка. Но базис примерно один, так что данные “совпадения” вполне нормальны.

Так вот, средневековья, то есть провала в полторы тысячи лет в науках, социальном устройстве и праве, не наблюдалось. Но развал империи и стагнация были. Кроме того, была религия, пусть не столь оголтелая, как в некоторых местах, но... проводившая охоту на ведьмов в течение не менее полутора тысяч лет.

При том, сами данные “ведьмоловы” явно колдунствовали. “Патамучта мы от бога, а все остальные — ведьмы”. Колдунство, впрочем, судя по исторической сводке, было весьма

средненькое. В индивидуальном порядке “усиливающее”, но никаких “вымороженных пустошей до горизонта”. Чисто локальное, в большинстве своём в пределах считанных метров от колдунца, воздействие.

Опять же, так выходило, судя по уже мной прочитанному и доступному. А специализированных учебников по “ведьмовскому делу” и истории оною я не обнаружил.

Так вот, страна моего пребывания занимала чуть более половины материка. Вот только жить человекам имело смысл на десятой, максимум на восьмой части страны. Причиной был резко континентальный климат и сезонные колебания с учётом довольно северного расположения. Причём довольно любопытно, что в политологическом учебнике была статистика, пусть и не слишком подробная. Очевидно, выпускники гимназии предполагались в чиновники и прочую подобную шелупонь.

Соответственно, помимо весьма слабой населённости большей части страны, жили “слабонаселители” лет на пятнадцать меньше обитателей “нормальной части” Анта. Чистая статистика, объясняющая, почему западные страны Ниля рванули заселять Готтию, а не пустующие на тот момент просторы родного материка. Потому, что жить там недолго и хреново, хмыкнул я.

Особенно на этом фоне доставляли исторические “победные реликвии”. В смысле отмены крепостного права и щедрого выделения освобождённым пейзамам земель в Жопе Мира. Ну и гнев на протесты и бунты “тупого быдла, своего счастья не понимающего” и в резко-континентальный северный климат не стремящегося.

Ну да, быдла не понимающего: судя по статистике — приток пейзамов за четыре поколения сократился до того, что жителей континентальных пустошей стало столько же, сколько до переселения.

Бунтовали, дураки такие, помирать не хотели.

И даже аналог революции был, причём первый на планете — в Анте. Правда, не против власти “вообще”, а против церкви. Колдунствующие “именем божьим” власть имущих Анта достали, так что была гражданская война на религиозной почве. Приведшая к “светскому” государству, а точнее, к подчинению церковников государственному аппарату.

Кстати, весьма неплохо это вышло для прочего Мира — попы, насмотревшись на последствия гражданской в Анте, сами борзеть не стали и слились, став просто сектой, а не сектой, претендующей на абсолютную власть.

Но вот что интересно — при отсутствии “религиозной ампутации мозга цивилизации” (ну, по крайней мере явной — охота на ведьмов на это, как по мне, не тянет) НТП двигался весьма и весьма неспешно. И так же неспешно двигается сейчас, нужно отметить.

Правда, в Анте, если судить не по восторженным “у нас лучше всех, а остальные — дурачье”, а по уму, довольно отсталое, в среднем по планете, устройство социума.

И да, постоянно поминаются “желающие наши богатства несметные отнять”. Вот не выходило, по уму, не то, что несметных, но даже сметных богатств у Анта. Только территория, которую толком использовать невозможно.

Ресурсы — да, были, но не единственное место на планете с ресурсами, да и добыча затруднена, поскольку всё это богатство недров — в той же Жопе Мира. При этом, например, в истории и географии на массовую потребность в нефти и её фракциях не указывается.

А по памяти тела выходил такой расклад: в городке есть омнибусы и трамваи. Основной способ передвижения. Далее, есть редкие, роскошные, вплоть до золотой отделки, мобили. Их не более сотни на городок.

И, наконец, пейзажные общины имели некую технику, из виденного — здоровенные грузовики. И всё это, включая рельсовый трамвай, ездило явно не на нефти и фракциях — характерных ароматов не было.

При этом, пейзажане в индивидуальном порядке пользовали гужевой транспорт, которому доступ был лишь в окраинные районы городка.

В общем, “высокую ценность” Анта в глазах “злых всех” я оценить не смог. И таковой не заметил, хотя и не факт, что учебники истории и географии в полной мере отражали картину.

Может, есть в Анте специальное место, с ценностями великими, вот до усрачки всем нужными. И точат на место это ножи и зубы, а Ант хранит сокровища из идейных соображений. Хотя верится в таковое не очень.

А по “политической карте Мира” и скудным хулигельным комментариям выходило, что и пара десятков стран Ниля, как и конфедерация Готтии, были несколько менее “сословными”. В смысле, отошли от “скреп и традиций, тьфу на них”. Про Воресен и население островов вообще рассуждения в стиле “голозадые папуасии”. То есть, согласно учебнику, после древнейших государств там жили исключительно дикари, весьма упорные в своём дикарстве. Что, учитывая то, что не менее половины отражённых в истории учёных были выходцами из “голозадых папуасиев”, смотрелось довольно комично.

Не радужная картина, хотя информации мало, и большая часть моих выводов — предположения. Да и общее сходство толкает на проведение аналогий. А вот совершенно не факт, что эти аналогии, в этом случае, уместны.

И, наконец, вопрос “что делать?” — безусловно, на данном этапе ориентировочный. Ну, положим, ни черта я не успел изучить, завтра в гимназию, где я, похоже, буду бит. Первый день после выходных — опросы, на которых Гемин не блистал и огребал розог, стабильно и по расписанию. Не сказать, чтобы сильных, да и преподаватели на “безнадёжного” махнули рукой и пяток ударов прутом по ляхам делали “на отлюбись”. Что, в целом, вполне оправданно: ну не учится балбес, розги, как показала многолетняя практика, не помогают. И на кой болт тогда стараться, вкладывать силы и душу в порку, если она бессмысленна?

Но опрос будет, а значит, по жопе я получу. Неприятно, но надо терпеть — попытка зарядить по шарам преподавателю перекроет мне путь к экзаменам, а это выйдет весьма хреново.

Дело вот в чём: в Нюстаде, столичном городе Анта, располагалась Академия. Не

конкретное здание, да даже не их комплекс, а именно государственное ведомство, ведомствовавшее высшим образованием. Ну и десятки подчинённых этому ведомству заведений “по профилю”, раскиданных как по столице, так и по столичному пригороду.

Этот момент Гемин знал неплохо, поскольку выбраться из “захолустного Терска” он рассчитывал через Академию. Правда, не по результатам экзаменов, лист оценки которых, ему, на мой взгляд, стоило бы сжечь по получении.

А, направив свои бездарные вирши в “Академию стихосложения, музыки и искусств всяческих”. Как по мне — послали бы академики в дали дальние писаку, а то и бумагу на посыл бы пожалели.

Но, сам процесс поступления и прочее Гемин изучал, на многое поплёвывал в стиле “не для меня”, но изучал, к моему счастью. И выходила картина, что гимназические испытания, сданные на “выше ожидаемого” по предметам, профильным для конкретного ВУЗа, открывали путь к “вступительным испытаниям”, которые экзамены. Хотя годилась и индивидуальная работа, оцененная профессурой, на роль которой Гемин полагались его стишки.

И вот, моя задача, если я хочу к местной науке приобщиться — несколько из предстоящих экзаменов сдать “на отлично”. По физике и математике — наверное, этого и хватит, прикинул я, хотя уточнять надо.

Это, не говоря о том, что поступление в ВУЗ автоматом давало седьмой класс. Были даже стипендии — хотя последние надо было отдавать либо впоследствии “с зарплаты”, либо на каторге, при отказе от отдачи.

В общем, в столицу и ВУЗ мне надо, окончательно определился я. А, следовательно, порку по незнанию придётся терпеть, до момента пока не догоню программу. В принципе — не сложно, в моём теперешнем состоянии читал я на радость быстро, думал ещё быстрее, вполне обдумывая и прикидывая. То есть, гимназический курс истории, пусть и с лакунами, я за сутки слопал.

Вообще, конечно, для нормального понимания только гимназической истории минимум неделя нужна на детальный разбор. И знаний одних только учебников — на экзамен не хватит. Но, чтобы жопу свою от розги карающей уберечь — более чем достаточно. Пусть будет “удовлетворительно”, меня вполне устроит.

А в ВУЗ надо, факт. Даже неполных обрывков знаний и официальной социологии хватает, чтобы понять: страна весьма небогатая. Отягощена развитым бюрократическим аппаратом, но не это даже самое неважное — ещё и армия немалая, судя по всему.

То есть, блага весьма ограничены, ну и спускаться “по социальной лестнице” нет никакого желания. И в плане банального качества жизни, и в плане дальнейшего развития, и вообще.

Ну а в остальном — непонятно и после прочтения. Итак, в странах иных сословное деление присутствует, но непонятно, насколько выражено. И, кстати, может, оно там поразумнее, в плане баланса “ответственность\права”: уж очень учебники забугорных

помоями поливают. Что не на Ниле с Готтией творится — толком не понять, может и вправду “голозадые папуасии”, вот только раса-то на планете одна. Есть дифференциация роста, цвета волосьев, глаз, оттенка кожи — это да, но в целом — европеоиды. Хотя...

Прикрыл я глаза, припомнил морду лица своего и не только, ну и пришёл к любопытному выводу: метисы. Планету явно населяют метисы, с преобладанием европеоидов, а точнее, кровей неандертальцев, очень уж эта часть кровей была выражена. И это, наверное, неплохо. В смысле отсутствия различных рас. И так у людей причин придумать друг друга хватает.

Хотя довольно странно — то же аборигенное население Готтии было всё теми же метисами, как я понимаю. И за десятки тысячелетий не обособились, не заимели отличий... В общем, довольно странная выходит картина, но в прочитанных учебниках ни черта на эту тему нет, так что буду просто иметь в виду.

В общем, в любом случае, надо учиться и узнавать, заключил я. А там уже смотреть, бежать с писком и визгом из страны, либо тут “общая по планете ситуация”.

На этом я провел серию упражнений и завалился в постель — судорожно читать учебники смысла не было никакого, только не выплюсь.

А мне ещё подумать не помешает. Не в плане “как я сюда попал” и прочее. Этого я всё равно не напридумываю толком: нужны факты и знания, хотя бы для первичных теорий.

А в плане: что мне всё-таки делать-то? Ну стал я Гемином, хорошо. Всяко лучше, чем в ничто. Ну планы на учёбу — в целом тоже понятны и хороши. Из всех возможностей досуга вариант “познавать Мир и придумывать интересное” мне наиболее симпатичен.

На этом я захихикал в голос: похоже, меня настиг “синдром впопуданца”. В плане, что я непременно “избранный” и надо “сделать всё по уму”. А меня, извиняюсь, просил кто-то что-то менять? А компетентен ли я, даже если возможность “напомянуть” есть? Ну, пускай мне картина, на основании жизни Гемина и явно “подредактированных” учебников, видится не слишком симпатичной.

Так во-первых: учебники эти для “удовлетворительных” знаний среднего класса Анта. На троечку, прямо скажем, все оценки выше которой — не просто идеальное знание материала из учебника, но и дополнительные материалы (хорошо), а, в идеале — наличие своих мыслей и выводов (что оценивалось уже высшим баллом).

Во-вторых: этот Мир явно не тот, что был у меня. Мировых войн тут не было вообще, хотя нередки гражданские, причём во многих странах. Как и многочисленные мелкие конфликты, нужно отметить.

Далее, при отсутствии уничтожения попами “мыслящей части общества”, творится весьма странный застой. То есть, возможно, отлов чародеев сказался, но они, по логике, “вне” системы научной мысли. Или я чего-то, опять же, не понимаю, но “цивилизационного провала” точно не было, а был весьма медленный, “замороженный” прогресс. Во всех сферах, от науки до культуры.

Тысячу лет без особых войн, климатических пертурбаций и прочего Ниль набирал популяцию для освоения Готтии. И начали освоение, причём не одна страна, только когда людям стало “тесновато”.

Правда, с освоением заокеанья замороженный Мир несколько отморозился и ускорился, но незначительно, по меркам Земли — уж точно.

В общем — странно всё это, данных никаких, а судить социум, страну и планету по имеющимся у меня — глупость несусветная.

И с чародеями непонятица. То есть они упоминались, но настолько “проходно”, как будто вещь всеизвестная. Ну, примерно как Вильд Бородатый — блондин, а Ромс Скрюченный — чародей. Вот без шуток, был такого рода пассаж в учебнике.

И при этом, Гемин к ним относился так же, как к, положим, ни разу не виденному министру. Есть такие, это нормально, а что, как — ни черта не знает.

В общем, спать надо, а не фигнёй страдать, заключил я. И, кстати, подумал я, засыпая, возможно, некая “основательность”, свойственная в вещах более веку девятнадцатому и ранее, связана с тем, что Ант — бедная страна. Не тянет он “капитализм” с гонкой за увеличивающейся прибылью, с одноразовыми вещами-самоломками. Если так — то в этой сфере весьма разумно, решил я и уснул.

Утро начиналось хреново — в один глаз било Солнце. В другой глаз не било, но организм, хоть и привычный к колотушкам, к физическим нагрузкам привычен не был. И меня, мягко говоря, несколько крючило — всё же “перестарался” я с тренировкой на ночь, хотя и усилий вроде особых не прилагал.

Вот тоже задачка — где туловище в порядок приводить? Пока можно и дома, но вот дальше... Хотя узнаю, заключил я. То, что меня отсутствие доступных “тренировалеи” в девятнадцатом веке Земли наталкивает на мысль, что “тут так же” — никак не показатель, что так и есть. Кроме того, “физическая культура”, как предмет, в гимназии был, причём не только в плане “бегать по кругу”. Про отметки Гемина по этому предмету лучше не вспоминать, как, впрочем, и про прочие предметы, ехидно думал я, одеваясь. Хотя, а если подумать?

И последствия “подумать и припомнить” выдали такую картину:

У Гемина такие предметы как литература и поэзия оценивались от “хорошо” до “превосходно”, с некоторой даже растерянностью отметил я. Вот даже не задумывался, а тоже интересно. Присел на кровать, да и пробежался сознанием по местной “эпистолярщине”.

И, вот как-то... Блин, смех-смехом, но на фоне местного “героического мифа”, “любовного романа”, а уж тем более совершенно inferнального рифмоплётства, для которого геминовское “розы-морозы” — прорыв и вершина... В общем, планы парня, выходит, были и не так глупы и беспочвенны. Блин, что это у местных товарищей с культурой письма-то? И ведь музыка вроде сносная, рисование ничего себе так. А книги — жуть inferнальная, как и стихи.

Ну, впрочем, ладно, разберёмся, не стал рассиживаться я, ответил “иду” на стук

прислуги и попёрся завтракать.

Завтрак всё так же был ознаменован миллиметровым кивком папаши, игнорированием меня мамашей, а увенчался передачей мне пакета от Рузы, как подсказала память — с обедом, пожираемым на “длинном отдыхе”, промежутке между занятиями в районе двух часов пополудни.

Так что дотопал я до комнаты, собрал сумку, да и направился в гимназию.

Место, где стоял наш доходный дом, было близко к центру городка. До гимназии пешком выходило четверть часа, не более. И заодно я сверял окружающий меня пейзаж с воспоминаниями. Довольно приглядно выходило: неоклассицизм в архитектуре, впрочем, выполненный, в основном, из кирпича, в большинстве своём прикрытого облицовкой. А вот мостовая была брусчаткой, причём довольно качественно сделанной — шестигранники, явно отполированные и одного размера.

Впрочем, припомнил я, всё это благолепие — прерогатива центра, а в пятке километров — и лужи до центра планеты можно найти, да и курятник какой на приусадебном участке.

С другой стороны, центр города зелени не содержит, только небольшой парк и поле у гимназии. А на периферии зелени хватает, как плодовой, так и просто древесины неспиленной.

И дотопал я до четырёхэтажного (что для двух-трёх этажной застройки Терска было весьма немало) здания гимназии. Заходя, припоминал особенности учёбы — занятия были четыре дня из пяти, пятый — выходной, по пять полуторачасовых занятий в день. С учётом перерывов выходило, что занятия занимали почти дюжину часов, что, мягко говоря, многовато.

И внимание рассеивается, хотя одно из занятий, третье — непременно “физическая культура” либо художественного типа. Но всё равно жестковато, хотя оправдано кратким сроком обучения. Четыре года, с одиннадцати-двенадцати лет.

В общем, в чужой гимназиум со своим инспектором не лезят, отметил я и вошёл в сень заведения.

Довольно большой холл, выполненный в беломраморном оформлении, содержал небольшие группки учеников и учениц. Причём, общение между этими группками было довольно частым: на занятиях разнополые ученики не пересекались, после занятий — отползали по домам. За благопристойностью “межполового общения” надзирал некий битель, этакий завуч-инспектор. И экзекутор, при нужде, так что название должности весьма символизировало.

А я окинул компании взглядом, да и потопал на второй этаж, к ожидающей меня классной аудитории. Кстати, что любопытно, гимназическая форма была именно формой, этакие полувоенные мундирчики. А у девчонок — длинное платье и передник, довольно комично напоминающие “наряд горничной”.

Перед классом я извлёк из сумки учебник “Географии и статистики”, довольно забавное

сочетание, став вчитываться в последнюю тему. Хотя и читал его, но бегло, а быть битым розгами, хоть телу не привыкать, лишний раз не хотелось.

Добрые соученики, подходя, весьма громко хмыкали на мою самообразовывающуюся персону, менялись мнениями на тему “чем меня били по голове, что аж учиться стал”, но лично ко мне не обращались.

В должный же срок коридор огласил колокол, ну и класс вломился в аудиторию.

Преподавателем географии и статистики был довольно молодой тип, высокий ростом, худощавый и остроносый, с усиками, как у сутенёра, не преминул отметить я. Легий Шлосс звали этого типа, который через минуту начал прохаживаться между каменными “партами” с деревянными столешницами и сидушками.

— На прошлом занятии, господа, — размеренно, в такт шагам, вещал он. — Мы рассматривали округ Ерисов, его население и... — на последнем он резко остановился. — Продолжите, Недил.

— Ну-у-у... — послышалось весьма аутентичное мычание от соученика, вполне подходящее ему — здоров был габаритами парень. — И-и-и...

— Урок пения, риторики и изящной словесности, Недил, у нас в другой аудитории, — изящно пошутил преподаватель, вызвав смешки. — Вы не готовы, забыли? — уточнил он.

— Я помню, господин Легий, — перестал “распеваться” парень. — Аграрная карта, карта полезных ископаемых и... — замялся он. — Демография? — с надеждой уставился он на преподавателя.

— Демография, — хмыкнул тот. — Численность Жерно на описываемый в учебнике момент? — почти выстрелил он вопросом. — И ваша распевка, Недил, будет обозначать неудовлетворительно, — принудил он захлопнуть пасть было разинувшего её ученика.

— Шестьдесят тысяч, согласно налоговой этой... — пробормотал парень.

— Удовлетворительно, Недил, — поморщился преподаватель.

И продолжил свой променад. Учитывая, что в нашем классе было полторы дюжины физиономий, опрос он учинял всем, в своем стиле, правда не слишком подробный.

К моей же персоне Легий подходил со страдальчески заломленными бровями, вопрос же задавал не “резко”, а на вздохе.

— Гемин, какова основная аграрная культура округа Ерисов? — вздыхая спросил он.

— Рожь, господин Легий, — вставая ответствовал я.

— Хм-м-м... — подняв бровь, с видимым удивлением уставился на меня преподаватель, даже сложил за спиной руки, явно перед этим разминаемые для порки. — Верно, Гемин. А основной поставляемый округом аграрный продукт?

— Мясо и кожи, наряду с пушниной, господин Легий.

— Преобладающее сословие в Урнабе?! — вдруг выстрелил он вопросом.

— Двенадцатое, — ответил не слишком уверенный я.

— Неверно, Гемин, одиннадцатое, — отрезал преподаватель. — Урнаб — добывающий город, аграрное хозяйство в его округе нерационально. Впрочем, в честь ваших выдающихся и внезапно прорезавшихся талантов, будем считать, что “удовлетворительно”.

На этом преподаватель утопал к кафедре, а я с облегчением присел. Соученики поглядывали на меня кто с иронией, кто с удивлением. Но, в целом, листание учебника они наблюдали, так что причина "внезапного озарения" тайной для них не была.

А Легий, дотопав до кафедры, принялся рассказывать о ещё одном округе Анта. Насколько я понимаю, ввиду скорого выпуска, определённая прикладная информация ученикам давалась, поскольку многие на гимназии обучение завершали. Ну и могли попасть как раз в изучаемые округа, как секретари, письмоводители, или даже учителя. Правда, последнее — редкость, да и учителями они могли быть только у пейзан, в "примитивной школе". Двухлетка, насколько я прочёл, часто писать-читать-читать, ну и величие Анта, скорее всего.

Тем временем преподаватель вещал, и... показывал на таком аналоге доски графики и схемы, цветными светящимися линиями! Причём не в первый раз, как отметил я в памяти, но Гемин просто не обращал внимания. То есть, чародей, а передо мной эфирное воздействие, собрался я, пытаюсь ощутить колебания эфира... и ничего. Обидно, чёрт возьми, внутренне посетовал я, пристально вглядываясь в колдунство.

Вообще — чистая демонстрация, прикладное значение подобного воздействия... хотя, чёрт знает, для преподавателей весьма удобно. Да и картинки он создаёт, не смотря глазами...

Стоп, я ещё ничего не знаю, ни метода эфирного взаимодействия, ничего. Возможно, эти картинки может создавать каждый второй после недели занятий. А, возможно, Легий с пелёнок корячился в освоении искусства "светописи", и демонстрируемые картинки — вершина чародейства и волшебства.

И ещё два преподавателя точно чародеи, припомнил я. Физик и преподаватель чистописания и изобразительного искусства. Причём, если последний творил примерно то же самое, что и статистический географ, то физик, бородатый дядька средних лет, использовал колдунство в наглядных экспериментах.

Не как основу, но отклонял дуговой разряд и прочее для наглядности, припоминал я.

Тем временем, пока я пропесочивал память ещё раз, а то мало ли, преподаватель донудил до конца занятия. Ну и послал нас, как понятно, подальше.

Следующим занятием был "Язык Раский", этакий аналог латыни. И, похоже, мои первые розги, вздохнул я.

В сущности, так и оказалось — латынь я, вообще-то, не сказать чтобы особо знал, на вопрос не ответил, на что преподаватель, укоризненно покачивая головой, выдал:

— Гемин, я вам говорил не одну тысячу раз: если вы рассчитываете на будущее в виде стихоплёта либо прозаика, раский вам необходим. И если вы думаете, что я устану повторять — нет! — патетично заявил дядька. — Задержитесь после занятия, неудовлетворительно, — со вздохом подытожил он.

И после занятия я огрёл свои первые пять розог. Довольно неприятно, отметила моя

избитость, покидая аудиторию экзекуции. Но в этом случае делать нечего, тоже учить надо, блин. Хотя, похоже, с языками будет тяжелее всего: как бы мне не пришлось до конца гимназии быть поротым.

А дядька, кстати, даже не преподаватель, а именно учитель. Весьма заинтересованный в обучении, так что даже трёхполовинойлетнее “забывание” Гемина не заставило его на парня “забить”.

Впрочем, его равнодушие отражается на моём филее в весьма неприятном ракурсе, отметил я, поелозив на скамейке.

Ну и перекусил, чем служанка послала, после перекуса принявшись за учебники.

Впрочем, от розог меня разглядывание учебника не уберегло. Следующим предметом была как раз литература, где на порку я мог нарваться просто по причине ярко выраженного отвращения к припомненной эпистолярщине. Однако преподаватель просто... не спрашивал меня, коротко кивнув и констатировав сам себе “знаешь”.

Ну, будем считать, пронесло, тихо порадовался я, поскольку следующий предмет — физика, на которой я должен вытянуть.

А преподаватель тем временем изрекал местные “легендарные вирши”, так что мне пришлось взять себя в руки, дабы не морщиться. Звучало это кошмарно:

— Блистая светом вдохновенья, Сиг меч воткнул врагу во груди. Под светом тёплым светила злой Мазрен отворил себе руди.

И этот, пардон, inferнальный кошмар преподаватель зачитывал, со, сцука, одухотворённым лицом. С выражением, чтоб его. И соученики не катались по полу, не втыкали себе перья в уши... тихий ужас, в общем. Причём, ну ладно бы это был перевод — я бы понял. Но этот стихокошмар был плодами потуг одного из популярнейших виршеплётов текущего века! И это чудовище вроде бы ещё было живо и творило свой бесовский труд, на пагубу Эвтерпе.

Ну, зато розгами не получил, попробовал найти я хоть что-то положительное в происходящем в аудитории кошмаре. Выходило с поисками не очень, так что выползал я из антипоэтической аудитории с твёрдой уверенностью, что лучше бы меня пороли.

И вот начался урок физики, на котором Марцил Вомс, дядька средних лет, начал проводить опрос. Меня преподаватель оставил “на сладкое”, задав вопрос с физиономией закаменевшей, встопорщив бороду:

— Как заряженные частицы электричества используются в химических процессах, Гемин? — задал вопрос он, явно не ожидая ответа.

— Электролиз, господин Марцил, — бодро отвечивал я.

— Не соблаговолите ли привести практический пример этого процесса? — лишь излишняя велеречивость указывала на то, что дядька несколько удивлён.

— Позолота, например, — выдал я, выдав себе мысленный подзатыльник, за то что не

заглянул в учебник.

Вот чёрт знает, как местные используют электролиз. Так-то метод используется в куче направлений, ну и позолота или нанесение меди — один из простейших.

— Верно, — всё так же ровно, но выпучив на меня глаза, ответил преподаватель, а в зале пробежали шепотки. — Озвучьте закон пропорциональности электролиза, Гемин, — выдал он.

Хм, попал или нет, быстро прикинул я. Впрочем, первый закон Фарадея вполне можно назвать “законом пропорциональности”, прикинул я, ну и озвучил:

— Масса вещества, оседающего на электроде, прямо пропорциональна заряду постоянного тока, прошедшего через электролит, — выдал я.

— Постоянного тока? — последовал вопрос от Марцила, аж приподнявшего бровь.

— Однонаправленный ток, не изменяющий величину со временем, — чувствуя, что я “попал” выдал я.

— Однонаправленный, — покивал преподаватель. — А скажите ка мне, Гемин...

И начал физик задавать мне вопросы. Почти без формул, но с формулировками. И задавал пятнадцать минут, я аж взмок, отвечая. Причём, были у меня опасения, что что-то у меня выйдет не так, а уж не открытый учебник я проклял раз сто.

— Понятно, — нахмуренно выдал преподаватель. — “Отлично”, Гемин. И задержитесь после занятия, — выдал он. — Тишина! — повысил голос физик, поскольку соученики шушукались очень уж отчётливо.

Проведя занятие и проведя разгон класса, бородач широким жестом указал мне на экзекуционное место.

— Господин Марцил, могу ли узнать причину наказания? — внешне ровно, но внутренне с искренним возмущением и обидой выдал я.

— Можете, Гемин, — был мне ответ.

И выпорол мою невинную персону, десятком розог, причём “от души”, паразит такой! Вот реально, надо этой сволочи гадость учинить. Просто садист бессмысленный и извращуга, рассудил я, прихватывая сумку.

— Наказание, Гемин, вы получили за издевательство над преподавателем, — выдал бессмысленный садист. — Знания ваши, очевидно, превышают учебный курс, а предыдущие ответы ваши иначе как насмешку рассматривать я не могу.

— Благодарю вас, господин Марцил, за весьма способствующее дальнейшему постижению физики наказание, — злобно буркнул я.

Бородач несколько смутился, почти незаметно, но всё же, руки на груди сложил и слабо

кивнул. А я покинул садистское пристанище.

В принципе, как человека его понять можно. И будь он именно учителем — причина экзекуции была бы понятна. Но он — преподаватель физики, так что его розгоприкладство есть мелкий, мстительный и бессмысленный садизм.

Хотя вякал я зря, отметил я, уже телепаясь к дому. Но, не высказать своё праведное возмущение не мог: ну реально, “виновен в том, что хочется мне выдрать”.

Но за мою “благодарность” я мог ещё получить... К Зерефу этого Марцила, заключил я Буду отвечать принципиально на “удовлетворительно”, по учебнику. Будет пороть или попробует завалить на экзамене — испорчу ему репутацию. Экзамены не один преподаватель принимает, а оценочный табель прилагается. Так что будет он злобным козлом в глазах окружающих.

Ну а не будет пороть — так и хрен с ним. Взбесил он, конечно, меня своим хамским поведением, простительным обычному человеку, но никак не преподавателю.

И, кстати, весьма неплохо, невзирая на физика, прошёл первый день, несколько “отошёл” я за ужином. Правда, надо готовиться к следующему дню. Хотя бы начерно просмотреть учебники, да и к уроку грайского языка подготовиться, хотя бы начерно.

Не факт, что выйдет, но не хочу пороться, заключил я, погружаясь в учебник уже в своей комнате.

Вообще, конечно, рассуждал я, параллельно с вниканием во всяческую грайщину, график выходит весьма напряжённым. И, главное, источники информации, кроме учебников, остались неизвестны. То есть, понятно, что книги, например, можно купить. Но у меня ни черта нет денег, а просить их у Лада я не собираюсь.

Теоретически, в гимназии, наверное, есть библиотека. А практически я про это ничего не знаю. А может и нет её, кстати.

Впрочем, остудил я своё полыхание, я и учебники-то толком не изучил, а уже о библиотеке печалюсь. Да и спрошу у бителя про библиотеку, в конце-то концов. Не всё же ему межполовому общению гимназистов мешать.

Зазубрив из главы по языку всё, что смог, я принялся готовиться к прочим занятиям. Математика вопросов не вызывала, разве что названия законов и действий подчас были “аборигенными”. Физическая культура вопросов также не вызывала, как и изобразительное искусство и скульптура. Химия и риторика также много времени не заняли, так что, размявшись, я бухнулся в кровать.

Так, график, конечно, тяжеловатый, при том, что большая часть предметов мне нафиг не сдались, рассуждал я. Но и сделать ничего толком я не с этим не смогу, до экзаменов ещё полгода.

Далее, местные чародеи. Вот реально непонятно — колдунствуют у всех на виду, всеизвестны, но информацию по ним не найти. Или в детских книжках каких всё написано? Или отражено в религиозной мутоте? В принципе, последнее, с учётом долговременного

“монополизирования чудес” попами, вполне возможно.

Вообще, имело бы смысл у Лада спросить, если бы отношения были хоть на пару градусов теплее. Наверное, если через пару квинков (как называлась “урезанная” неделя, четыре рабочих дня с выходным) толковой информации не найду, всё же обращусь к папаше. Есть смутная надежда, что на вопрос “по делу” пучеглаз меня пороть не будет.

А при фантастической удаче — даже ответит, ехидно фыркнул я. Ну и заснул.

Следующий учебный день как начался, так и проходил не слишком отлично от вчерашнего. Причём, филей мой был трудами моими от розог избавлен: даже преподаватель грайского, хоть и морщился от произношения, но “удовлетворительно” зачёл.

С физической культурой было довольно напряжно, но, будучи повален несколькими соучениками на маты аналогом местной борьбы, да и пару раз обежав трусцой гимнастический зал, на “удовлетворительно” я намучался.

Кстати, никаких “спортивных” костюмов не было, разоблачились до труселей, в них и занимались. И, учитывая довольно прохладную залу, “филонить” было бы довольно некомфортно. По окончании занятия гимназия предоставила общественную душевую с довольно прохладной водой, но в целом — довольно неплохо, заключил я.

А после пятого занятия, которым и была физкультура, я направился к бителю в холле.

— Господин битель, не подскажите ли, как пройти в библиотеку? — выдал я, чувствуя себя героем бородатого анекдота.

Дядька брови поднял, вытаращился на меня с изумлением, но через полминуты тыкнул лапой в один из ведущих из холла коридоров. Всё это молча, с задранными бровями, правда, в спину я, направляясь в тыкнутом направлении, услышал “дожили, гимназисты о библиотеке накануне экзаменов спрашивают” и прочее бормотание под нос, в стиле “о времена, о нравы!”

Проникнув в полуподвальное помещение, я обрёл такие знания: библиотека есть, даже есть библиотекарь: дама довольно молодого возраста, типа “мышка серая, библиотечная”. Впрочем, учитывая “этническую” серость антов, ну и место пребывания девицы, тип ейный был более чем уместен.

Данная мамзеля на меня смотрела, как на “врага всех книг”, уяснив, что в её владения я явился впервые за три с половиной года, но на вопросы отвечала, причём довольно толково.

Итак, библиотека в гимназии есть, это пункт раз, который не может не радовать. А то мало ли, может, глюки меня окружают, порадовался я.

Гимназистам доступ к ней предоставляется невозбранно, правда, есть нюансы. Первое: книги на руки не выдаются, читать надо в библиотечной зале. Кстати, несколько соучеников разных потоков и полу и ныне предавались этому разгулу, отметил я краем глаза.

Второе: никто меня “консультировать” и расшифровывать мои “размахивания руками”

не будет. Есть библиотечный каталог, есть четыре библиотечных службы, которые доставят том согласно каталогу. И примут книгу, проверив на предмет нанесённого ущерба.

И всё, больше персонал библиотеки ничем не занимался, услуг не предоставлял и вообще. Нет, хорошо, что она есть, но ни черта не удобно. Так что засыпал я библиотекаршу Соллу “дополнительными вопросами”. Девушка мордочку мученическую соорудила, глазки позакатывала, но всё же соизволила ответить.

И выходило, что доступ у гимназистов к библиотеке имеется всё время обучения, с девяти пополудни до девяти пополудни, без выходного дня.

На вопрос “а как бы тут перекусить?” девушка сначала ответила в стиле “полное брюхо к учению глухо”. Но кинув взгляд на мои дрищавые мощи, проявила на физиономии даже некоторое сочувствие, пояснив, что неподалёку от гимназии есть некая “недорогая и пристойная едальня”.

Это хорошо, что недорогая и пристойная, только денежки нет. Так что буду челночить между домом и гимназией, благо — недалеко, решил я. Ну и моцион какой-никакой выйдет. Так что поблагодарил я девушку, распрощался и потопал домой.

Конечно, чертовски интересно, но дело надо делать с начала, а не с конца. Так что, пока я не освою гимназический курс хотя бы в общих чертах — торчать в библиотеке смысла нет. Как минимум потому, что я запроса толкового служкам не дам, а если начну “водить руками”, меня пошлют, как уверила меня Солла.

Так что дотопал я до дома, перекусил, да и принялся готовиться к следующему учебному дню. И, открыв учебник “Анатомическое строение человека”, нужный ко второму занятию завтрашнего дня, я понял, что не факт, что спать мне доведётся.

Потому что оглавление выдало мне такие притягательные названия глав, как “отделы мозга, за искусство чародейское отвечающие”, “патологии разума, нервного, органического и чародейского характера” и прочее подобное.

Интересненько, довольно заключил я, погружаясь в учебник.

3. Суетливая пятница

Ознакомление с учебником анатомии (причём, в нём рассматривалось не только строение организма) принесло весьма ощутимые плоды. Как в плане “колдунства всяческого”, так и прояснило, точнее, дало основания для теорий, объясняющих “странности”, мною подмеченные.

Итак, для начала, если меня не подводит память, у местной породы человеков был гипертрофированный эпифиз. И “третий глаз” в его составе был весьма заметно выражен. Хотя я и не биолог, но очевидная деформация, по сравнению с припоминаемыми схемами была прекрасно видна.

Кстати, не факт, что в Земном Крае не было подобной этой аномалии, мельком отметил я.

Так вот, этот орган нёс не только светочувствительный функционал, но и был ответственен за “чародейство”, взаимодействие с эфиром. Природа этого взаимодействия в учебнике не открывалась, да и не факт, что вообще была установлена местной наукой, но патологии и отклонения “третьего глаза” достоверно и очевидно приводили к невозможности колдунствовать, что учебник однозначно и с примерами утверждал.

Соответственно, потенциальными ведьмами были все местные без патологий. Правда, хоть и без подробностей, были указания на некую “инициацию”. Из чего я сделал логичный вывод, что раз уж орган, но колдунствуют единицы, рефлексов управления им “не завезли”.

Соответственно, “самоинициация” редка, возможно — опасна. Надо будет уточнять и искать в библиотеке гимназии, отметил я.

Далее, я стал почти уверен в “неэволюционном” пути местного человечества, последние десятки тысяч лет где-то. Во-первых, сама по себе “единорасовая” популяция, при учёте на весьма длительное время оторванных друг от друга групп. Во-вторых, местный иммунитет, чтоб его. У меня был не медицинский справочник, а учебник для подростков, но, согласно ему, люди имели три шутки заразных заболеваний. Без шуток, всего три: некая разновидность простуды, типа гриппа. Явная чума, как судя по летальности и редким вспышкам, так и по распространителю в виде блох. И, наконец, сепсис, при наличии неочищенной и некротической раны.

То есть, всякие прочие бациллы и вирусы иммунитет местных выводил на корню. Да и в случае с сепсисом — насколько я помнил (да и описывалось в учебнике), поражения подобного толка опасны именно тем, что очаг заражения с иммунной системой не взаимодействует, по сути “травя” организм и будучи изолированным от него. А так — две болячки из широчайшего спектра возможных, как Земли, так и Земного Края.

В естественность подобной картины не верилось от слова “совсем”. Правда, при всём при том, никаких “мудрых предтеч” и древних развалин всяческого типа и вида местная история не знала. А если бы были даже намёки — то машина правды Анта, несомненно,

вывела бы родословную местного населения от этих самых предтеч.

И, наконец, отсутствие копчика. Отростков нижняя часть позвоночника не имела, правда был аппендикс — но его “атавистичность”, насколько я знаю, стояла под вопросом.

В общем, похоже, либо была у местных “высокая цивилизация”, причём “биологического” типа, либо кто-то шаловливые ручонки в популяцию местных человек запустил, лет этак с десятков тысяч назад.

Кстати, на это указывал ещё один небезынтересный момент: как рождаемость, так и младенческая смертность была весьма низкой.

Судя по описаниям учебника, яйцеклетка “принимала” крайне ограниченный набор сперматозоидов, что вело как к фактическому отсутствию патогенных мутаций, так и объяснимой “заморозке” и отсутствию эволюции вида, по крайней мере, в обозримые сроки.

Ну и, наконец, учитывая некоторую “аномалию” строения мозга, есть вероятность, что местные люди просто “не тянут” в поэзию. Точнее, “тянут”, но мне это кажется inferнальным ужасом, а им “сгодится”. Теоретически — вполне возможно, даже при наличии удобоваримой “научной литературы” и прочем. Хотя, музыка... но вроде и не распространена она сильно, по крайней мере, у нас в городке.

А я ещё и поспать успею, довольно заключил я. Ну и до полуночи изучал местную физику. Вообще — вполне классическая школьная программа, класса до восьмого-девятого школы Мира Земли. Классическая механика, оптика, электродинамика, простейшая термодинамика.

При этом, даже на уровне упоминаний, не затрагивалась микрофизика, теории гравитации... Всё было упрощено и очень “прикладно”, при этом, ряд моментов и опытов указывает, что данные разделы науки, хотя бы частично, известны.

В общем — всё равно неплохо, довольно заключил я, засыпая. А ещё есть химия и математика, хотя последняя — элементарная алгебра и евклидова геометрия. В принципе — знаю, но освежить знания, а главное, зазубрить терминологию очень не помешает.

С утра размялся, позавтракал, ну и направился в гимназию. По дороге прикидывая, а с чего мамаша, при текущих раскладах, на Гемину забила-то? На фоне эпистолярной жути местных писак — прямо Байрон Лермонтович, а она с лет восьми вообще внимания не обращала. Впрочем, возможно, “заел быт”, жизнь в визоре и дамских романах (небось, тоже жутких) оказалась дамочке комфортной. А поддержание сынульки — несомненный конфликт с Ладом, который, до поры, осуществлял родительскую программу “Будь как я!”

Блин, похоже, надо будет читать местную художку, обречённо вздохнул я. Причём, разлива именно “современных дамских романов”, поскольку классические дают представление “как должно быть”, а нужно понимание “как есть”.

А то реально, даже не понять — у меня дома лютые упыри и сволочи, либо “средние по больнице” овощи.

Хотя, можно и у... подружки полюбопытствовать. Хм, а была у Гемина поклонница, не без удивления отметил я. Некая Сона Возер, дочка, насколько я понимаю, коллеги батяни. Несколько раз, как я с родителями наносил визиты, так и девчонка с родителями бывала у нас. И, на третью встречу, Гемин озвучил свои “розы-морозы”, после чего девчонка смотрела на него глазами больного щенка и просила “рассказать стих”.

Так, а девчонка-то влюблена, похоже, отметил я. Хотя и не факт — знакомство многолетнее, на её явные “авансы” Гемин реагировал весьма никак, хотя восхищением наслаждался.

Но эпистолярщина ей точно нравилась, так что, как минимум — подруга и поклонница. И виделась с Геминим регулярно, после последнего учебного дня квинка, то есть завтра. Это хорошо, это интересно, отметил я.

Правда, не в плане вопроса полового, хотя слегка полноватая девица с вьющимися, отливающими рыжиной волосами и серыми глазами — вполне себе ничего. Грубоватые черты, как на мой вкус, но это, очевидно — признак “популяции”, вне зависимости от пола.

Но вопрос “вдуть” не стоит. Как минимум — до получения достоверной информации о “жизни половой” местных. В анатомии я на упоминания плевы не наткнулся, но были “тонкие” моменты эпистолярно-исторического толка. Типа “подвига отеллы” и прочих подобных ситуации, вроде “ждала полвека”, и войн из-за неожиданного обретения рогов. Кстати, что забавно, сей эвфемизм присутствовал, хотя его местная этимология мне пока неизвестна.

То есть, брачные взаимоотношения моногамного толка “общественно приличны”. Кроме того, очевидна женская дискриминация в социуме. Не критичная, но, например, библиотекарьша в гимназии — очевидный “потолок” для женщины в этом заведении. Уже в преподаватели женщин не брали, факт.

Выходит ненулевая вероятность, что межполовые отношения строятся на “праве собственности”, если и не де-юре, то де-факто. Соответственно, теоретически, я девчонке могу “вдуть” и даже получить от этого удовольствие. И этим же самым капитально испортить дальнейшую жизнь, вполне вероятно.

То есть, прежде чем “вдувать”, нужно осознавать социальные последствия данного “вдувания”, веско постановил себе я.

А значит, если Сона появится завтра — буду её раскулачивать на информацию в плане “межличностных взаимоотношений”. Правда, стишки почитать придётся, внутренне поморщился я. Впрочем, можно что-то из земного наследия перевести, благо родство языков очевидно.

С такими мыслями я и дотопал до гимназии. День прошёл без аварий, причём меня даже не пороли, чем вселили в мою непоротую персону законную гордость.

Правда, появились некоторые мысли различной мудрости.

Например, Гемина, как по его памяти, так и по объективной реальности, минимум три

дня из пяти, один раз в пятидневку, на протяжении девяти месяцев из дюжины, три с половиной года подряд пороли. Вот чёрт его знает, а как по мне — ну мозоли какие должны на заднице и ляхах образоваться, а их нет.

Я, в данном случае, не уверен, но, судя по всему, должны. Так что, возможно, ещё одно отличие от мне известного, подумал я, решив проверить копыта свои по приходу домой.

А ещё на мою персону бросала нехорошие взгляды компания самого “большого и толстого” соученика, Недила. Разборки с воспоминаниями показали, что компания это Гемина “подтравливала”. Не травила до невозможности жить, но отнять после занятий сумку, сыграв ею в волейбол, попинать в гимназии между занятиями — милое дело, хоть и явно не “смысл жизни” этой пятёрки товарищей. Что, кстати, небезынтересно — битель прерывал “подтравливание” только когда оно происходило у него уж совсем под носом.

Возможно, прикидывал я, это как в большинстве британских колледжей, “закалка характера”. Не самый разумный подход, как по мне.

Так, но что мне делать, если эта компания, как в целом случалось, затеет “в меня” поиграть? Вот как-то совершенно неохота получать синяки, бегать, как придурок, за сумкой, на потеху умственно отсталым...

Жаловаться — проверено, нет смысла, разок Гемина даже выпорол битель за “злословие”.

Но — пять здоровых лбов. Пусть по росту и не особо выше, но они здоровые и толстые. А я дрищавый и тощий. Да и надо учитывать, что если я начну “отбиваться” и отобьюсь не до конца — недоросли эти могут и озвереть. И появляется ненулевая вероятность быть не просто битым, а искалеченным, а то и вообщедохлым.

Хм, ну “терпеть” я глумёж точно не буду, рассуждал я, потихоньку телепаясь к дому. Мне и порки, пусть потенциальной, на ближайшие полгода с головой хватает. А вот что я могу сделать, задумался я.

Ну, убивать придурков не стоит. Всех разом высоковероятно не убью, так что неприятности будут гарантированные. И да, “морально-этический” момент “убийства онжеребёнок” меня не волнует — раз достаточно взрослые для причинения насилия, значит, достаточно взрослые для насилия ответного. А “достаточность” самообороны — большая фантазия любящих управлять беззубым стадом чинуш.

Хотя, похоже, пребывание в нигде мои морально-этические императивы несколько “перетрахнуло”. Или это связано с телом? Неважно, а важно то, что вариант “прибить подонков” отторжения не вызывает. Притом, что точно вызвал бы у Мороза и Отмороженного.

Впрочем, убивать придурков я тоже не стремлюсь. Но из ситуации надо найти выход, правда, чёрт знает, какой. У Лада есть некий огнестрел, это я знаю, но тырить в ночи глухой точно не буду.

А вот кирпич — оружие обиженных, уже в комнате проверял я прочность сумки. Решено, отмахиваться буду кирпичом, если не по головам — то отмахуюсь, наверное.

Есть, конечно, теоретический вариант убежать. Но во-первых — догонят. Кондиции физические мои весьма скорбны. А во-вторых, все полгода до экзаменов убежать я не смогу, так что решить вопрос надо раз и навсегда. В идеале — нанеся нападающим побои, без увечий, но болезненные.

По крайней мере, иных способов решить проблему я не вижу. В рамках имеющихся знаний, безусловно, хотя надежда, что в этот раз “великолепная пятёрка” обойдёт мою персону стороной — весьма велика. Хотя бы знаний поболее получу, а то окажется, что “компанейские” — какой-нибудь лютый класс, пятый, а то и четвёртый. И будет меня ждать “пять лет повешения через посажение на кол”.

Так, окончательно определился я. В сумку пяток тяжёлых томов поувесистее, назвав их гордым именем “кирпич”. Если получится избежать конфликта, пусть бегством — лучше убежать, хотя бы до времени, пока я разберусь в реалиях. Ну а если припрут к стенке — ну Отмороженный я, куда деваться, ангельски улыбнулась моя персона.

И, хорошо, что Сона будет ждать меня в парке. Кстати, Гемин хоть и не осознавал, но весьма был от девчонки зависим, отметил я. Её восторженные взгляды и робкие комплименты, хоть и принимал он их “снисходительно-брезгливо, подобающе Истинному Таланту”, были одним из немногих, что сохраняло геминову психику в более или менее сносном состоянии.

И не навредить, дал я себе мысленный подзатыльник. Не косячить, как с Мирой и Эльзой: раз нет намерений с девчонкой хотя бы временно жить (хотя и непонятно, где и как), так и яйца, ежели выкатятся, вкатить. Ну, если местный “постельный код” соитие не принимает за “дружеское проявление приязни”. И такое может быть, хотя вряд ли.

Уже почти засыпая, проверил свои ступни. Кожа плотная, но ороговения нет, даже в виде намёка. Забавно, похоже что ещё одно “улучшение” местных человек.

И на следующий день в гимназию я топал, слегка перевешиваемый сумкой. Тщедушное тельце, блин, вздыхал я по дороге. А главное, что довольно забавно, три тома “кирпича” были богословскими талмудами. Причём, сегодня день был “закона божьего”, так что, придя в гимназию, я бегло пролистал местный сборник сказок.

Вообще — довольно типично. Творец вселенной, всего вообще и совсем, безусловно, всезнающий и всеведущий тип, значился в основе культа. Тот момент, что “всезнание и всеведение” как лишает свободы воли, так и освобождает от любой ответственности (ну а что, это всё всеведущий творец во всём виноват), местных сектантов, как и их коллег из прочих известных мне мест, не смущал. И да, вращалось всё вокруг чародейства: что, мол, только достойных, непременно воцерквлённых, боженька одаряет, а все остальные — казлы и ведьмы поганые.

Множественности творца не было, но некий пророк был “злобными ведьмами” умучен, воскрешён и садистски мучителей убил. Вполне по заветам бога, которому он пророчил.

И, наконец, куча заповедей, правда, о “блуде” ни слова. А о верности мужа и покорности жены (последней, очевидно, верность не нужна) написано.

Про ненужную верность жены я произнёс вслух, и сделал это весьма зря. Полный жрец, под хихиканье класса, выписал мне весьма чувствительных розог, не став дожидаться окончания занятия.

Вот и стал я мучеником за веру, не без иронии отметил я, елозя травмированным афедроном по скамье. Но озвучивать этот тезис не стал, а то религия-то государственная, так что предмет этот дурацкий равнозначен с прочими. И лишит меня доступа к экзаменам, а, как следствие — перспектив образования, сектантский агитатор вполне может.

Но вообще, прикинул я, поповье писево — ни черта не “руководство к действию”. На моей памяти, у вполне “святых”, подробно описываемых товарищей, были многосотенные гаремы. Вдобавок, они не только не страдали, а наслаждались педофилией и прочими весёлыми вещами, но ентим святым было можно, а прочим сектантам ни-ни, потому что “непростительный грех”. А в ряде случаев и светские власти немалую часть “праведников”, описанных в сектантских книгах, пересажали бы к чёрту.

В остальном же день прошёл без аварий. Наш учитель пения из терпения не выходил, но при этом совершенно терпеливо всыпал розог Недилу. Последний, очевидно, не “распелся” в должной мере на физике, ехидно отметил я.

Хотя, если серьёзно, предмет был “риторика и песнопения”. А мычал бугай вполне музыкально, но, очевидно, весьма мускулисту и суровому на вид певчому дядьке-преподавателю были нужны не вокальные, а риторические таланты.

И вот странно — песни вполне сносные, как и музыка. И непонятный затык с художественной литературой и стихами. Наверное, и вправду какие-то отделы мозга “переразвиты”, а какие-то угнетены.

В общем, учёба подошла к концу, а пятёрка, идиотски гыгыкая, кидая на мою тщедушную персону косые взгляды, щеманулась из гимназии.

Значит, точно будут ждать, мысленно вздохнул я, ну и решил за ними не бежать. Дурак я, что ли, бегать? Ещё побьют усталым.

А ещё мне лишние свидетели не нужны. “Самцовскость” Недила ему просто не позволит отступить при свидетелях, подпевалы в расчёт не идут, само собой.

Так что, подготовившись как давать, так и получать, я неторопливо покинул гимназию.

— Гемин! — послышался крик, через полминуты после выхода из гимназии. — Подь сюды!

Блин, придурки, отметил я взглядом пятёрку. Не могли от гимназии подальше отойти, “засадники”, чтоб их. Ну и потопал дальше, приготовившись.

— Оглох, что ли?! — последовал возмущённый вопль.

А я подготовился, да и встретил топот со спины взмахом “кирпича возмездия”. И сделал это весьма неграмотно.

То есть, по Недилу-то я попал, причём, судя по скрюченности и вою — по яйцам. Вот только не учёл свою тщедушность. Сгибающийся бугай башкой тюкнул меня в спину, отчего я фигурально обрёл крыла. Ну и был повержен бессердечной сукой-гравитацией.

Вот теперь мне пиздец, обречённо отметил я, хотя попробую порыпаться. Улыбнулся и начал подниматься, придерживая сумку. И чуть сам не впал в ступор.

Дело в том, что четвёрка подпевал с редкостно удивлёнными (и дебильными) лицами переводила взгляд с подвывающего Недила на поднимающегося меня. И ни черта не делали! Выпученные гляделки, разинутые пасти... и всё.

Хм, это мне чертовски повезло, отметил я. Так, надо быстро ситуацию доводить до логического конца. И всё с той же доброй улыбкой неторопливо направился к стоящим.

Выбрал я для “закрепления” одного из подпевал: он меня, паразит, за уши тягал, больно и без Недила, явно по собственному “зову души”. Парень расширенными и неверящими глазами наблюдал за приближающимся мной, начал вставать в боевую стойку, скорее на рефлекс, ну и получил “кирпичом справедливости” в пузо. Чуть не улетел вместе со своим импровизированным кистенём, но удержался. И взглянул на оставшуюся троицу, взиращую на улыбочивого меня с натуральным ужасом. Нет, в этом случае пинать будет уже неоправданным садизмом, отметил я, улыбнувшись пошире и тут же рывкнув:

— На землю! Сели! Быстро!

И сели, бояться, мысленно хмыкнул я. Думал было начать педагогический диалог, но тут Недил справился с последствиями своей мужественности и дрожащим голосом проблеял:

— Тебе пиздец, Гемин, я тебя изувечу-у-у! У-у-у!!!

Последний музыкальный вой был связан с тем, что я наступил на мизинец пытающемуся подняться бугаю. Нетравматично, но чертовски болезненно.

— Если ты, Недил, ко мне просто подойдешь, то лишишься яиц. Возможно, потом меня и изувечишь, — ласково улыбнулся я. — Но сам останешься калекой на всю жизнь. Вас это тоже касается, господа, — небрежно бросил я подпевалам. — Можете попробовать напасть все вместе — но калеками нескольких из вас я сделаю. Вам понятно? — в ответ на что послышалось понятливое мычание. — Просто не приближайтесь ко мне, а мысль поднять на меня руку — забудьте как страшный сон.

— Мой отец тебя... — начал шипеть огрёбший в пузо подпевала.

— Ралил, ты, очевидно, не понял, — улыбнулся я, подходя. — Изувечу я тебя, а не твоего отца, — ну и начал прикидывать, куда парня пнуть, чтоб без травм, но не успел.

— Что здесь происходит?! — раздался громкий голос бителя.

— Самозащита, господин битель, — небрежно бросил я.

То есть, этот паразит наблюдал. Очевидно, когда надо мной издевались — тоже. Чтоб не прибили, ненароком, педагог заботливый, чтоб его, злопыхнул я.

Хотя, тут же “палочная система воспитания”, а для неё подобный подход нормален, напомнил себе я.

— Самозащита, говорите, господин Гемин? — уставился на меня этот тип.

— Безусловно, господин битель. Уж не хотите ли вы сказать, что я, — обвёл я лапкой тщедушное тельце, — напал на НИХ? — аж выпучил я глаза тыча в поверженных.

Инспектор повзирал на соучеников, на меня, похмыкал, криво ухмыльнулся и выдал:

— Сумку продемонстрируйте, господин Гемин, — требовательно протянул руку он.

— Мы на территории гимназии и в учебное время? — окрысился я.

Дело в том, что меня ситуация несколько... раздражала. Этот тип явно “приглядывал” за нами, а над Геминим регулярно издевались не столь далеко отсюда. И чихать мне на их “педагогические” изыски — то, что “нормально” им, бесит и раздражает меня. Так ещё и меня хотят выставить виноватым, когда я всего лишь дал отпор. Ну, несколько преждевременный, сам признал я, но преждевременный только сегодня. А вообще и в целом — даже СЛИШКОМ гуманный.

— Кхм, не вполне, господин Гемин, — признал битель. — Однако, в знак вашей доброй воли... — не договорил он.

— В знак вашей доброй воли, вы могли прервать эту ситуацию годы назад, — безадресно, как бы “под нос”, но и далеко не шёпотом выдал я. — Любуйтесь, господин битель, — распахнул я сумку.

Инспектор нос в сумку запустил, хоть и не обыскивал. Вновь похмыкал, на три тома “слова божьего”, стрельнул взором в мою персону.

— Вы столь набожны? — с некоторой долей скепсиса любопытствовал он.

— А как же, — широко улыбнулся в ответ. — Только на господа нашего в беде и уповаю, более не на кого, — елейно подытожил я.

— Понятно, — нейтрально ответил битель. — Поднимайтесь, господа, следуйте за мной, — обратился он к пятёрке.

— А... не территория... — вкнул было Недил.

— Территория гимназии, господин Недил, заканчивается на проезжей части, до которой пятнадцать метров. Или вы хотите со мной поспорить? — бездарно попробовал спародировать мою ослепительную улыбку инспектор.

Впрочем, бездарной она показалась мне, мастеру и специалисту добрых, ласковых и всепрощающих улыбок. Забитым и запуганным добрым мной гопникам хватило и этого, так

что, покряхтывая, удалились они гуськом в гимназию.

А меня никто не позвал, разве что битель коротко кивнул, да и учесал, ведя недилдовскую компанию в здание гимназии.

Кхм, а это вообще — нормально? Не знаю, констатировал я, через полминуты просеивания памяти. И Гемин не знает, как-то он только огребал, а не выдавал. И все связанные с огребанием взаимодействия с гимназическими служками ограничились лишь “добавкой” розгами, за “злословие и отвлечение ерундой занятых людей”.

Ну, будем считать, что нормально, поскольку изменить я уже ни черта не смогу. И, нужно отметить, уж слишком я стал неводержан на язык. Мороз бы промолчал, из чувства самосохранения. Видимо, бытие Отмороженным меня довольно сильно изменило как личность. Даже если я просто слепок, хмыкнул я. В общем, попробую язычину свою несколько укротить, а то договорюсь до чего-нибудь нехорошего.

Так, а теперь вопрос. Меня ждёт поклонница, возможный источник информации и потенциальный наставник в непрописанных, но действующих в Анте правилах и нормах.

Моя персона сейчас несколько пыльна, хотя не критично, рассудил я, и занялся выколачиванием пыли (огрѐб, всё-таки, колотушек, пусть и не так, как рассчитывали злобные окружающие). Так что пойду-ка я в парк, да и побеседую с Соной.

Приняв это решение, я в парк и направился. И в глубине парка, на “нашей” лавочке, девицу обнаружил. Сидела она, самозабвенно читая некую книжку, в очках, которые в памяти Гемина не отложились. Скрывала, наверное, хотя зря — ей идёт, да и вообще девочка весьма аппетитная...

На этом моменте я мысленно отвесил пендаля своим выкаченными яйцам, отчего они послушно вкатились. Ну и слегка кашлянул, на что девица вздрогнула.

— Привет, Сона, — озвучил я.

Девчонка отчаянно покраснела, неловким движением сдёрнув очки.

— П-привет тебе, Гемин, а я не ждала тебя так рано, — отчаянно краснея пробормотала она.

— Очки тебе идут, — решил успокоить девицу я.

И сделал это весьма зря: краснота физиономии девицы стала просто пронзительной, дышать она начала неровно, то подёргивая уголками рта в улыбке, то хмурясь.

Мдя, констатировал я, это, товарищи, вагинец. В плане: похоже, девица на Гемина запала капитально. Ладно, убежать сегодня от неё точно глупо, а дальше посмотрим, заключил я.

— Тебе правда нравится, Гемин? — последовал вопрос почти через минуту.

— Не хуже, чем без них. Скрывать их излишне, — сухо ответил я, чувствуя себя несколько по-козлински.

— Ясно, хорошо, Гемин, я не буду убирать, — поникла девчонка, но тут же оживилась. — Скажи, как у тебя дела? И не прочитаешь мне свой новый шедевр? Пожалуйста, — смущённо добавила она.

— Дела мои вполне успешны, — ответил я. — А насчёт почитать:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
И рассветом золотым охваченный,
Буду бесконечно молодым.

Ты всё так же сильно будешь биться,
Сердце, пробуждённое теплом,
По стране березового ситца
Буду вечно шляться босиком.

Дух бродяжий! Ты все также, чаще
Расшевеливаешь пламень уст
О, моя схороненная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я не оскудел в своих желаньях,
Жизнь моя? Пускай ты снишься мне!
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Говорят: мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло расцвести и молодеть.

Собственно, помнил я ряд стихов, хотя и не был большим поклонником. Песни — да, а речитативный рассказ с вычурностями и рифмой... Но разве что именно рассказ, а не короткий всплеск наполнения автора. Но знал, а готовясь к встрече, переводя с русского на антский, решил я из депрессивного есенинского стиха сделать что-то приличное. Уж очень первая строчка хороша, зацепила меня в своё время, а вот последующий стих вселил немалое недовольство.

И да, это было “попадание”. Девушка закатывала глазки, прерывисто дышала, краснела и бледнела.

— Это... прекрасно, Гемин, — выдала она наконец, аж блеснув слезинками в глазах. — Ужасающе, невыносимо прекрасно, — положила она ладошку на грудь. — И каждый твой новый стих прекраснее и прекраснее!

Ну, положим, по сравнению с геминскими “розы-морозы” и вправду небо и земля. А уж если сравнивать с местной “классикой”, то вообще слов нет.

— Я начинаю уставать, Сона, — ровно выдал я. — Не думаю, что буду писать после гимназии.

— Но... как же так, Гемин?! Ты же... но как же...

— Вдохновение — не птица в клетке, а я чувствую, как оно меня покидает. Истощаются силы. Так что буду простым учёным, а не поэтом, — озвучил я.

Просто связываться с виршеплётством, а тем более плагиатом, я действительно не собирался. Как и тащить девицу в койку или давать ей “ложную надежду”. Учитывая её взгляды и поведение... ну, если она “играла”, то в подругах у Гемина была величайшая из виденных мной лицедеек. А если нет — просто бесконечно влюблённая девчонка лет шестнадцати. И даже если она сейчас развернется и уйдёт — ну, найду иные источники информации, а играть ТАКИМИ чувствами, как бы я к ним не относился — подло.

— Может быть, пройдёт время, и вдохновение вернётся? — с надеждой уставилась она на меня.

— Не думаю, — отрезал я.

На что Сона посмурнела, задумалась. А я молчал — на самом деле эту связь лучше рвать. А если она не только “поклонница”, но и подруга — то поможет.

— Гемин, — неожиданно серьёзно сказала она, заглядывая мне в глаза. — Даже если ты перестанешь писать, твои творения надо издать.

Хм, корысть, а девица “имела планы”? Ну, вроде бы, по возрасту и рановато, но чёрт знает, какие тут фельдиперсы с выкрутасами творятся. Собственно, я на неё и рассчитывал, чтоб про ентих самых персов узнать.

Но как играет-то, в таком случае! Хотя не верится, признаться честно. Впрочем, разберёмся.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — отрезал я. — Да и кому это интересно, кто за это возьмётся?

— Есть, Гемин, точно есть! — мерцала глазами Сона. — Интересно всем, кто прочтёт. А возьмётся...

И выдала мне Сона такую информацию: её мамаша работает в еженедельном журнале-газете “Ведомости Терска”. Главным редактором, на минуточку. И есть у ентной мамашки “выходы” на руководство “Печатного дома Брудсен”, одного из трёх печатников учебников. Данный дом нашим городским листком и владеет.

Хм, так, прикинул я. В принципе — это небезынтересно. Не как стиль жизни, безусловно, но банально в плане денег. Их нет у меня, с Ладом отношения весьма натянутые, да и не в восторге я от производителей моего тела.

А денежка нужна: и для книг, ну и Академия. Столица — место дорогое, а возможность там подзаработать, параллельно обучению, может будет, а может и нет.

Плагиат, конечно. Но не совсем — будет это единоразовой акцией, гуманитарной помощью местным, в плане “что такое стихи, а не инфернальное надругательство”.

Кроме того, Зереф надвое сказал, выйдет ли из этого предложения что-то толковое. Мне девчонка-подросток говорит “издавайся”, а даже её мамаша послать может. Не говоря уже о руководстве мощной корпорации, хоть домом её назови, хоть хижинкой.

Ну и, наконец, какова вероятность того, что девица движима матримониально-корыстным интересом? Ну, положим, я, согласно своих знаний считаю, что не высока.

При всём при этом, нужно отметить, что даже обычные люди, выросшие в разных культурных средах, могут друг друга не понимать от слова “совсем”. А здесь живут, на минуточку, люди необычные. И то, что я, например, в Земном Крае был как рыба в воде — никак не показатель, что здесь так же.

То есть, вполне может быть и матримониальная меркантильщина.

Вот только даже если она есть — мне-то что с того? Мне не помешают деньги, есть теоретическая возможность относительно несложно, ну и не слишком бесчестно (перевод, популяризация, да и переписывать я буду часть) их получить.

А планы Сола, если таковые и есть — сугубо её проблемы. Мне, по уму, если они есть — только лучше. И так на горло своей песне наступать приходится — девочка весьма аппетитная и сочная, ябвдул, но этика, чтоб её. А если лелеет меркантильные надежды — просто “обломаю в планах”, переживёт.

В общем, написал я есенинский стих в своём переложении, передал Соле “для ознакомления”. Будет — и хорошо, не будет — ни черта не потеряю.

— Сона, мне нужна от тебя некоторая помощь, — аккуратно озвучил я, решив, раз уж “имеем дело”, так и часть задуманных планов надо осуществить.

— Для тебя — всё что угодно, Гемин, — ответила девица.

— “Всё что угодно” — не нужно, — отрезал я. — А вот с литературой ты мне можешь помочь. Скажи, нет ли у тебя, — задумался я, как бы сформулировать. — Современных бытовых романов?

— Бытовых? — переспросила девица.

— Ну да, описывающих быт, взаимоотношения, — ответил я.

— А, дамских, — улыбнулась девица. — Тебе для стихов? — уточнила она, на что я неопределённо помотал рукой. — А какие тебе нужны?

— А какие есть? — резонно спросил я.

После чего, я был посвящён, что “бытовые и любовные”, в общем, дамские романы, в понимании Сола, делятся на “нашенские” и “забугорные”. Причём, забугорные, как понизила голос девчонка, на родных языках и не издают. Потому что нельзя и “разлагает нравственность”.

— Хм, вправду разлагает? — ровно любопытствовал я, не без внутренней иронии.

— Не знаю, по моему — то же самое, что и у нас, — ответила девица. — Но живут по-

другому.

— Если не затруднит и это возможно — я бы ознакомился с парочкой, — отвечивал я.

— Конечно принесу, Гемин. А когда?

— Завтра с утра сможешь? — любопытствовал я, решив ковать железо, не отходя от девицы.

— К тебе домой? — слегка покраснела она.

— Нет, встретимся здесь. И много книг не надо, три-четыре “наших”, но лучше от разных авторов, ну и парочку не наших, — озвучил я.

Был заверен, что всё будет, как по часам. После чего девица с полчаса пела дифирамбы “великому гению” в моей роже, что было, судя по памяти, делом регулярным. Ну а через полчаса я с ней распрощался.

Экий у меня насыщенный вышел день, рассуждал я по пути домой. Впрочем, сегодня аналог “тяпницы”, в чём-то “частота событий” даже закономерна.

А вот дома меня встретила багровая, с выпученными глазами физиономия Лада.

— Это что?! — приветственно заорал он, размахивая некоей бумажонкой.

— Приветствую, отец, — ровно выдал я, прикидывая, куда бы ему стукнуть, если начнёт рукоприкладствовать. — Судя по всему — послание...

— Издеваешься, щенок?! — заорал на меня производитель.

— На ваш вопрос, отец, я ответил честно, вежливо, всё, что знал, — отрезал я, прикидывая, а жить-то мне где, после того, как отмахуюсь кирпичом.

Выходило неважно, но бросаться пучеглазу в ножки и просить прощения невесть за что желания не возникало.

— Читай! — через полминуты кумачовых переливов морды рявкнул Лад, пихая мне бумажку.

Достойный Лад Толмирос!

Приношу Вам и семейству Вашему извинения, за поведение отпрыска моего непутёвого, Ралила Щebetена.

Детроп Щebetен, полицмейстер города Терск, славного государства Ант.

— Что это?! — прорычал пучеглаз через десяток секунд.

— Извинения, — честно ответил я. — Этот Ралил в компании четверых соучеников, напал на меня с целью избиения. Я дал отпор, подоспел битель гимназии. Очевидно, сие извинение — следствие этого инцидента.

— Щенок, ты понимаешь, какой важный человек ИЗВИНЯЕТСЯ? Что теперь будет?! — тебя...

На этом моменте я ОЧЕНЬ по-доброму взглянул на Лада. Ну реально, достало попробует избить меня за самозащиту — будет бит сам.

— Еды сегодня лишён! — проорал Лад, развернулся и покинул холл.

Точно деньги нужны, рассудил я, уже сидя в комнате. Это “светило педагогизма” мою тощую тушку до могилы доведёт своими педагогическими взбрыками.

А вообще, очередное подтверждение было сегодня, что ни черта аналогии с девятнадцатым веком не верны.

Дело в том, что ступор гопников девятнадцатому веку не свойственен. Гимназисты, насколько я знаю, дрались смертным боем, с переломами, а то и увечьями. Даже смерти бывали не раз. Уж утяжелённая свинцом пряжка ремня была если не повсеместна, то распространена.

В общем-то, только в двадцатом веке “детские” драки стали таковыми. До него они были как бы не пожестче “взрослых”: дети и подростки в принципе лишены ряда “ограничивающих факторов”.

А тут явные гопники, не по факту, а по стилю, слились и щёлкали клювом. Или то, что столь дрищавый и забитый я ответил, их “застопорило”? Или уже подросли и стали немного думать?

Вот чёрт знает, но вывод о некорректности “временной” аналогии — верный, заключил я.

Далее, этот полицей. Чин весьма высокого класса, четвёртый. И вот не будет ли мне неприятностей каких, от этого “извинения”?

У Лада — возможно, но и похрен, заключил я. А у меня — крайне маловероятно. Даже если местный полицей аналогичен деятелям моего первого Мира, то он устроит “неприятности” Ладу. Быть столь отбитым, чтобы лезть в гимназические разборки карательным аппаратом государства... ну нет, вряд ли. ОЧЕНЬ маловероятно.

После гимназии — возможно, но после гимназии меня в Терске и не будет, заключил я.

А сам факт писульки — наверное, некое “сохранение лица”. Очевидно, конфликт всплыл и получил огласку, пусть в узких кругах. Ну и “принести извинения” — вполне популистски верный, социально грамотный ход. В рамках моего понимания, но видимо, так и есть — не стал бы полицей “по вине” извиняться, у них, даже если они редкостно честные и порядочные (что, очевидно, бывает, хотя мне встречалось только в литературе), профдеформация происходит. “Не пойман — не вор”, причём во все стороны работает.

С этими самоуспокоительными, но не факт, что верными, мыслями я потренировался, да и завалился спать. Пузо, впрочем, моё желание отдохнуть не разделяло, высказывая громогласным бурчанием протест против всего, отсутствия наполненности в первую очередь. Но протест был жестоко подавлен, и я благополучно уснул.

На следующий день после завтрака (всё те же, всё там же, всё так же) я дотопал до

городского парка и был снабжён краснеющей Соной сумкой с литературой.

Интересненько, уже дома рассудил я, начав погружаться в “дамские романы”.

И на основании знакомства с ними пришёл я к таким выводам:

Женской плевы у местных дам-с нет, факт. Вопросы секса полового... неоднозначны. То есть, некий герой, в стиле “принц на белом коне”, “опробовал” героиню, с довольно анатомичными подробностями, на тему “а трахать ли мне это тело в дальнейшем, в любви и радости, или а ну его нафиг?”

Причём подход героиней воспринимался совершенно нормально, метаний на тему “а тому ли я дала?” с учётом того, что по сюжету сей принц был первым трахалем — не возникало.

При этом, в процессе развития “сюжета”, героиня, сочетавшаяся с принцем “браком перед богом”, возбудилась на некого вьюноша. И трахалась с ним сексом.

И вот тут “драм” и “нутряных пережевательств” было преизрядно много. И “перед боженькой грех”, и “принц не забудет, не простит, если узнает, конечно”.

При этом, роман явно содержал “мораль” — не трахайтесь сексом на стороне после брака. Поскольку ветреную героиню на несанкционированных потрапушках поймали. Принц её закономерно послал, как и к стати, и вьюнош — “я не знал, что тебя так любят, а знал бы — ни в жисть бы сексом не трахал!”

Бред нежизненный, невзирая ни на какие местные особенности. Но ряд “социальных норм” демонстрирует весьма отчётливо.

Далее, некая “чистая и невинная” выпускница гимназии двигает в столицу из глубинки. Покорять местный нерезиновск и потрясать его своими многочисленными талантами.

При этом, по пути она трахается сексом с пейзанами, один разик аж с двумя(!), но в столицу, согласно автору, пребывает всё так же “чиста и невинна”.

Блещет в столице талантами, становится “заместительницей главы торгового дома” и вообще, приходит к успеху. Досуг половой у дамы довольно разнообразен, нужно отметить. И, наконец, уже в довольно зрелом возрасте, дама видит “взоры страстные”, бросаемые на неё владельцем торгового дома, проникается к нему любовью неземной и выходит замуж. И жили они долго и счастливо, верные и преданные друг другу, пока не померли в один день смертью долгих и счастливых.

Всё это описывалось, с вполне анатомичными подробностями соитий, без эвфемизмов, что говорит о довольно нетабуированной половой жисти. Что, учитывая отсутствие плевы, ЗППП, ну и “труды на зачатие ребёнка”, что выходило реально трудами: каждодневный секс на год, а то и не один, для удачного зачатия, — в общем-то, разумно и естественно.

При этом, мужеложество, что авторами, что авторшами, либо не поминалось вообще, либо осуждалось категорически. В “слове божьем” глиномесам тоже были назначены “колья калёные” и прочие прелести. Как будто им есть дело, кто, кого и куда, мысленно фыркнул я.

А вот женоложество, в плане “девочка с девочкой”, рассматривалось обоими полами как “невинная шутка и тренировка”. Хотя у одной забугорной авторши была аж драма: бабеч разрывалась между любовницей и любовником.

И да, писалось всё весьма “тяжёлым”, “канцелярски-формальным” слогом. Для учебника — прекрасно, но для любовного романа... ну, прямо скажем, невзирая на многочисленные и весьма достоверные описания соитий, я, несмотря на возраст, не только не возбудился телом, а немало проржался от этих описаний.

И, наконец, вопрос с “буржуями забугорными”. Влияние церкви в плане “внутреннего монолога” было очевидно. Язык был не антским, но тоже “суржиком”, довольно близким к антскому. Причём моих знаний языков хватило, чтобы более или менее понимать смысл, пусть и без ряда терминов.

И в плане социума буржуи оказались таковыми. Сословия упоминались, но весьма фоново, а вот “ежемесячный, ежеквартальный и ежегодный доход или рента” — через слово. Причём, невзирая на то, что героинь трахали пинусом, количество денежек явно оказывало на этих баб эффект афродизиака. Даже если енти бабы на “руку и капиталы” партнёра не претендовали.

И бытовые моменты, в виде “новых моделей” чесалки спины присутствовали. То есть, более буржуи, нежели в Анте. У нас социум, невзирая ни на что, скорее “служилых дворян” выходит.

Не сказать, чтобы плохо, но и не сказать, чтобы хорошо, охарактеризовал узнанную социальщину я. Бюрократия, наследные должности и прочие прелести точно есть. При этом, факт сбрасывания совсем бездарностей вниз по социальной лестнице есть так же. Но это на “моём” с родителями, не сказать, что шибко высоком сословном уровне. А вот что “повыше” — чёрт знает, книги тут не помощники.

Вопрос полового досуга порадовал, то есть возможность “секса без обязательств” для снижения напряжения и взаимоудовлетворения есть. Но вот с Соной, наверное, всё же не стоит. Похоже, девчонка реально “влюблена до одури”, так что мне — спустить пар и не только, а ей травмы психологические и ожидания непонятно чего, чего не будет.

Хотя, а сейчас она не мучается? Ну, вот чёрт знает. Так, наверное, стоит после решения вопросов с издательством общение всё же прервать, прикинул я.

Так, деньги и прочее — это славно, вопрос с девчонкой — отложим до решения вопроса с изданием.

Науки — постигаются и неприятностей (кроме сектанта пухлого) не доставляют.

А вот вопрос с чародейством остаётся открытым. Кто, как и чем “инициирует” чародея, где происходит обучение и вообще?

Ни в учебниках, ни в романах, ответа нет. А, значит, надо спрашивать напрямую. Наверное, прикинул я, обращусь к библиотекарше, не думаю, что на столь “простой” вопрос отмолчится. Ну и знает ответ, почти стопроцентно.

И, наконец, не будет ли “ответки” от Невила и компании завтра? А вот чёрт знает, как по мне — нет.

Но богословский я три тома “закона божьего” из сумки не уберу. Религия помогает жить, логично заключил я, отходя ко сну.

4. Социальные сюрпризы

“Ответки” мне от родимых гопников не прилетело, что не могло не радовать. Пятёрка здоровяков вообще лишней раз в мою сторону не смотрели, что и прекрасно: может, совсем отстанут, благо нам “вместе” быть всего полгода. А если и не “совсем”, то через пару месяцев я доведу свои кондиции до более или менее вменяемого состояния. Бугаём мне не быть, буду я “жердиной”, но хоть дрищом быть точно перестану. Ну а в таких раскладах местная “вольная борьба” с довольно ограниченными и примитивными ударами кулаками и подсечками в роли работы ногами — мне не страшна. Да и “в группе” пятёрка работать не умеет, скорее мешают друг другу. В общем, через пару месяцев отмахуюсь, причём уже не кирпичом.

Правда, возникла у меня с физикой тела некоторая... проблема. Дело в том, что метаболические процессы местного населения явно были “оптимизированы” тем же мастером, что “настраивал” иммунитет. Откуда я и взял пару месяцев, примерно так и выходило.

Вот только... еда. Банальный и, казалось бы, смешной вопрос в довольно развитом обществе и обеспеченной семье стал довольно неприятной проблемой. Во-первых, гадский Лад устраивал мне на основании своих больных фантазий “лечебное голодание”. Во-вторых, даже без егойного “еды на сегодня лишён”, мне нужно было БОЛЬШЕ еды в связи с нагрузками на тушку, чем предоставлял родительский стол, даже с учётом “добавок”.

И было довольно голодно, печально констатировал я. Так что либо я интенсивность тренировок уменьшу, либо найду источник “много пожрать”, либо сожру сам себя, вплоть до болячек, а то и смерти.

Картина не радужная, но пока ни черта я с ней не сделаю, так что остаётся только ждать.

Учёба же проходила сносно, к занятиям я готовился и “пороть меня” благополучно избежал. Правда, на физике сложилась ситуация, которая меня на первых порах напрягла.

Итак, я осуществил свой “план отморожения”, то есть: в полной мере ответил по программе учебника, на вопросы же “вне программы” вид имел лихой и придурковатый, лупая на преподавателя глазами.

— “Хорошо”, Гемин, — наконец, выдал потративший на меня не менее пяти минут Марцил, пожевал бородой и выдал. — Задержитесь после занятия.

Компания Недила в этот момент вид приняла весьма злорадный, я внутренне злопахнул, не став устраивать истерику.

И что, этот гадкий упырь теперь меня ЗА ЗНАНИЕ программы пороть будет прикидывал я. Блин, хоть “план покушения” разрабатывай, на полгода сволочь бородатую в койку направляя. Впрочем, посмотрим. Пока потерплю, всё равно деваться некуда, заключил я.

А после занятия, благо оно было последним, Марцил тыкать клёшней своей злодейской в экзекуторское ложе не стал, а сложил енти клешни на груди, встопорщил бородищу свою, ну и уставился на мою невинную персону взглядом прокурорским.

— И как это понимать, Гемин? — выдал он.

— Не могу знать, о чём вы спрашиваете, господин Марцил, — с вполне лихим и весьма

придурковатым видом отвечивал я.

— За издевательство над преподавателем... — не договорил физик, покраснев мордой лица и бросив на “порольное место” выразительный взгляд.

— Как вам угодно, господин Марцил, — уже закаменел мордой я.

— Мне не “угодно”, Гемин! — возвысил голос бородач. — Мне “угодно” понять, что за чертовщина с вами творится и как ваши знания оценивать!

— Как вам угодно, так и оценивайте, господин Марцил, — был мой ответ. — Лично меня отметка в таблице “удовлетворительно” более чем устроит.

— А на экзаменах вы продемонстрируете знания на “отлично”, если не “достойно всяческого подражания”, — проницательно выдал преподаватель.

— Продемонстрирую, — не стал спорить я.

— Это вы мне за порку надумали отмстить? — последовал вопрос.

— Не имею никакого желания и намерения “мстить”. Просто, господин Марцил, я не желаю быть поротым. Вот такой я привереда, безусловный мой недостаток, — признал я. — А вы мне наглядно показали, на прошлом занятии, что проявленные знания влекут за собой наказание от вас.

— Вы прекрасно понимаете, Гемин, что наказаны были не “за знания”, а за то, что не демонстрировали их... — несколько растерянно выдал преподаватель. — Ни черта не понимаю, — констатировал он. — Впрочем, сами расскажите, если захотите, пытать я вас не буду. Итак, господин Гемин, мне угодно, чтоб на занятиях вы отвечали минимум “хорошо”, вплоть до экзаменов.

— Вам напомнить, господин Марцил, устав “Академий государственных благословенного Анта”? — вновь принял вид лихой и придурковатый я.

— Излишне, значит, всё же месть за порку, — нахмурился Марцил. — А вы понимаете, Гемин, что я могу вас и не допустить до экзамена?... — соорил он угрожающую морду лица, впрочем тут же махнув рукой. — Но не буду. Итак, что вы хотите? Извинений?

И тут ситуация оказалась такой, что я Марцила реально “держал за яйца”. Дело тут вот в чём: ну, ставит он мне “удовлетворительно” до экзамена. А на экзамене я блистаю своим могучим интеллектом и несравненными знаниями, получая “отлично”, а то и “превыше всех ожиданий”, этакий аналог “красного диплома”, правда, только по одной дисциплине.

И получает физик этакий аналог “неполного служебного”, как по гимназии, так и в министерстве просвещения. Потому что неверно оценивал знания и прочее. Безусловно, это не “конец жизни и карьеры”, но в рамках мне известного — весьма неприятно.

Далее, ставит он мне, как, кстати и сегодня, “хорошо”, за “удовлетворительные” ответы. Так соученики бузу поднимут, родителей подключат, что опять же, неприятно для преподавателя и без последствий не проходит.

И, наконец, вариант “загнобить” меня, не допустив до экзамена. Тут Марцил показал себя не худшим человеком, от столь “простого” решения с ходу отказавшись. Конечно, если я буду излишне кобениться — может, и вернётся к этому “простому, всем понятному и неправильному” решению, но пока не хочет, факт.

Кроме того, я могу потребовать в связи с “попранием прав, реальности противным”, экзамен “вне” стандартной процедуры, как раз в случае “недопущения”.

Правда, тут палка о двух концах. Первое, комиссия явно будет ко мне весьма пристрастна в негативном смысле, будет “валить по возможности”, проявляя корпоративную солидарность. Не факт, но высоковероятно.

И таким “ходатайством” я ставлю под вопрос ВООБЩЕ свое окончание гимназии. То есть, недопущение по одному предмету — неприятно, сам факт “пустой графы” в дипломе — не слишком способствует дальнейшей карьере и учёбе, даже в непрофильных “не допущенного” экзаменах направлениях. И это неприятно, но терпимо. А вот если я затребую “комиссию” и не сдам ей предмет — меня, как “скандалиста вздорного”, от сдачи экзаменов “освободят”. Совсем и вообще.

Но, при всём при этом, Марцил оказался в интересной позе, сам это понимает и хочет из ситуации выйти с наименьшими потерями.

При этом, особо наглеть и мне не следует, задумался я.

— Тогда давайте, господин Марцил, я выскажусь откровенно, — выдал я, на что последовал кивок. — Да, я, безусловного, оскорблён инцидентом на прошлом занятии. При этом, я прекрасно понимаю его причины и, если бы вы не были преподавателем, скорее всего уже забыл его.

— Разумно, продолжайте, — кисло выдал бородач, вклинившись в “риторическую паузу”.

— Первое, мне бы было желательно, чтобы наказания следовали “за незнание”, а не по вашему хотению. До экзаменов менее полугодика, так что мне кажется, это пожелание от моей несимпатичной персоны вас не слишком отяготит.

— Не слишком и приемлемо, — хмыкнул явно расслабленный бородач. — И да, Гемин, я приношу вам свои извинения за ту порку. Решение было принято на эмоциях, я был не прав. Однако, вы сказали “первое”?

— Благодарю за извинения, господин Марцил, — кивнул я. — Да, вторым пунктом окончательно исчерпания случившегося инцидента я бы хотел назвать вашу консультацию, — закинул удочку я.

— Хм, вообще-то это — моя работа, не только учить, но и отвечать на вопросы, Гемин, — последовал ответ. — Спрашивайте.

— Вы чародей, господин Марцел, а меня весьма интересуют некоторые моменты, — начал было я, но был прерван резким взмахом руки.

— Подойдите, Гемин, быстро! — почти крикнул он, поднимаясь.

Хм, повыдываться или нет, задумался я, но решил подойти. Дядька явно напряжён, мало ли. Подошёл, а Марцил глаза на меня пучит и...

Несколько странное ощущение внутри, отметил я. Это он на меня колдунствует, похоже, несколько всполошился я, начав из “эфирного сознания” отслеживать биологический ум, на предмет гадостей и пакостей.

Последних не обнаружил, а через минуту физиономия преподавателя приняла более расслабленное выражение, хотя и несколько недоумевающее.

— Странно, инициации нет, — пробормотал он.

— Не затруднит ли вас разъяснить, что происходит, господин Марцил, — выдал я, уточнив: — Собственно, о консультациях в плане чародейства я и хотел вас просить. Книги по вопросу я не находил...

— Дурно искали, Гемин, — фыркнул бородач. — Впрочем, объясню и проконсультирую, отчего нет.

И поведал мне преподаватель такие данные:

Итак, после “гражданской по подчинению жрецов государству” монополия на чудеса из шаловливых поповых ручек уплыла, но не совсем. Послушников своих и прочую

религиозную шелупонь жрецы учили, сами колдунствовали, но “бессмысленные фокусы, по большей части”, как выразился физик.

И появилась, в рамках министерства просвещения, “комиссия дел чародейских”. То есть, обучение колдунствованию всё равно было “жёстко регламентировано”, обучаемые чародеи приносили ряд присяг и обязательств.

— Одно из основных — докладывать о самоиницилирующихся и помогать им, блокировать чародейские проявления до прибытия чиновников комиссии, Гемин, — пояснил Марцил. — А я, признаться, подумал, что ваше “внезапное озарение” в учёбе связано с произвольной инициацией.

— А часто она бывает? — любопытно спросил я.

— Да не сказал бы, что часто: за семь лет моей службы ни разу не наблюдал. Но прецеденты были, весьма неприятные, а деталей я вам, Гемин, не скажу — обязательства, — развёл руками бородач.

— А если я, например, в Академии начну учиться, меня чародейскому искусству обучат? — любопытно спросил я.

— Если вы прошение в комиссию пошлёте, обоснуете “надобность для дальнейшей службы искусства чародейского”, оплатите уроки, либо возьмёте займ государственный — научат, — был мне ответ.

— А что могут чародеи — я в библиотеке гимназии найду? — продолжал любопытно спрашивать я.

— ВСЁ, что могут — безусловно “нет”, Гемин, но общее представление получите, — махнул на меня физик рукой. — Раз уж у нас вышла откровенная беседа, расскажите, с чем связана ваша скрытность знаний, до прошлого занятия?

— Я и не скрывал ничего, господин Мерцил, — честно сказал я, решив прямо не врать — ну мало ли какие у колдунов местных возможности. — Просто... читал физику, да и прочие науки... не зубрил, но знакомился, — изобразил некоторое смущение я. — Но не запоминалось как-то.

Реально не врал — Гемин учебник “пролистнул”, ни черта не запомнил и забил.

— А на прошлом занятии... как-то, само собой, вспомнилось ранее прочитанное, да и вообще запоминать хорошо стал, — вывалил я.

— А инициации точно нет, видно, дар наследный или благословение божье, — задумчиво протянул собеседник. — Что ж, стало понятнее. У вас есть ещё вопросы, Гемин?

— Благодарю, господин Марцил, вы в полной мере удовлетворили моё любопытство, — “тестово” соврал я.

И не зря — некоторая ирония по физиономии бородача промелькнула. А значит, некий колдунский аналог “полиграфа” у местных есть, удовлетворённо отметил я. Возможно — телепатия и эмпатия, но — маловероятно.

А вообще, оказался Марцил дядькой симпатичным. С поркой, конечно, козёл, но, стоит признать, так поступили бы 99 % человек. При этом, признание неправоты и прочее — большая россыпь жирных плюсов ему, в моей внутренней оценочной системе. В общем, хорошо, что такие люди тут есть, а то как-то “беспросветнегато” в моём окружении было, довольно отметил я. И нет, бегать “хвостиком” я за физиком не буду, да и планы мои не поменяются, но сам факт существования подобного типа — отраден, поднимает как настроение, так и позитивизирует “ощущение Мира”.

— Тогда, Гемин, я вас не задерживаю. Если у вас появятся вопросы по физике —

обращайтесь. С чародейством же — увольте, полюбопытствуйте в библиотеке, там есть довольно доходчивые труды, хоть и без подробностей, — продолжил бородач.

На этом мы и распрощались. Ну и продолжил я тренироваться, грызть гранит науки, как зубря, так и узнавая ряд моментов.

До последнего учебного дня квинка меня даже не пороли ни разу. Завет его августейшества корабела вполне сработал и с религиозным агитатором. Ну и на соответствующий вид и оттарабаненную, как болванчиком, религиозную муть, служитель культа покивал, да и с благостным выражением на морде выдал, что “рад моему вступлению на путь исправления”. Что, мол, ошибки бывают, но егойный запредельный педагогизм и розгоприкладство, видишь ли, вовремя пресекло небогугодное явление.

Впрочем, в данном случае ничего и не сделаешь, а желает пропагандист считать себя светилом педагогизма — я ему не лекарь, отметил я. Ну и в целом — был доволен, потому как для того, чтобы сей “гигант духа” от меня отстал, было достаточно тупо зазубрить несколько страниц к занятию. И не думать, ни в коем случае, точнее не показывать результаты когнитивной деятельности выше уровня умственно отсталого. Очевидно, божеству местному безымянному таковые были максимально угодны.

После занятий Сона меня поджидала не в парке, а у выхода из гимназию, ну и, смущаясь, выдала:

— Привет, Гемин, послушай, ты не против навестить мою матушку? — на что я вопросительно поднял бровь и девица зачастила, объясняя. — Я передала ей твои записи, она хотела уточнить у тебя что-то. А время нынче рабочее.

— Почему нет, — прикинув, ответил я. — Кстати, спасибо за книги. Я, наверное, завтра отдам, или на следующем квинке.

— Когда тебе удобно будет, Гемин, — выдала Сона и повела меня к издательству.

Терск городком был небольшим, так что до отдельно стоящего небольшого здания редакции (и печатни, как отметил я, увидев вывеску), добрались довольно быстро. И, к моему удивлению, Сона распрощалась, опять сильно смутившись. Но, уже перед тем как я зашёл в здание, практически в спину, она выдала:

— Гемин... послушай, а может мы встретимся завтра в парке? — выдала она. — Я очень люблю твои стихи, — чуть тише закончила она.

Хм, и вот что мне делать? Хотя, если по уму, прикинул я, так завтра и отдать книжки, прервав дальнейшее общение. Несколько... чёрт возьми, некрасиво и неприятно, но просто трахать влюблённую девчонку я не хочу. А связывать с ней жизнь... ну, скажем так, я явно не однолюб, да и ближайшие годы мне будет, скорее всего, не до отношений. В общем, пусть посылать её некрасиво внешне, вплоть до поджатых пальцев, желания зажмуриться и постучаться башкой об стенку, но вполне правильно внутренне. Проявив тем самым к девчонке хотя бы дружеские чувства, которые она своим отношением и общением более, чем заслужила.

— Хорошо, Сона, встретимся, — нейтрально ответил я. — Во сколько тебе удобно?

— В полдень тебя не слишком затруднит?

— Нисколько, значит в полдень. До завтра, Сона, — выдал я, да и потопал в редакцию.

— До завтра, Гемин, — раздалось мне вслед.

Блин, или связаться с ней? Чисто по-человечески жалко дурочку влюблённую, да и сексом я весьма не против заняться, точнее организм-то благим матом вопит “хочу”, а я как я — в целом не против. Осуществить такой роман “до экзаменов”, во время которого

постараться, я не знаю, сволочью гадкой себя показать. В принципе, с учётом общих особенностей культурного кода Анта, вполне неплохо выйдет, уж всяко лучше “пошла нахер, не мешай”. Или я на поводу чисто животных инстинктов ведусь? Да вроде и нет... Ладно, дома серьёзно всё обдумаю, а там видно будет, логично заключил я.

Очевидно, предупрежденный о моём визите швейцар молча, через рабочий зал, провёл меня к кабинету с надписью:

Залина Возен

Главный редактор

За дверью располагалась приёмная с секретаршей, дамой под пятьдесят на вид, довольно невзрачной. Окинув меня взглядом, она молча указала на дверь.

— Приветствую тебя, Гемин, — приветствовала меня прекрасно знакомая дама лет тридцати пяти.

Кстати, нужно отметить, что “рабочая одежда” у женщин была разумной. Не идиотское копирование скуртуков и пиджаков, в довольно жалкой попытке как придать феминности, так и сохранить официальность, а вполне себе платье с жакетом. Более чем гармонично передаёт “деловитую женственность”, причём, вполне скромно, мысленно одобрил я.

— Приветствую вас, госпожа Возен, — коротко кивнул я.

— Не стоит излишне официально, мы, всё же, старые знакомые, Гемин — обозначила дама улыбку слегка приподнятыми губами. — Предлагаю общаться “по именам”.

— Как вам угодно, Залина, — кивнул я. — О чём вы хотели побеседовать?

— Сразу к делу, — хмыкнула дама. — Хорошо, пусть так. Гемин, я ознакомилась с твоими стихами. Это... — выдержала паузу она, на что я, каюсь, не удержал иронично приподнятую бровь. — Достоин печати. И господин Грейс Брудсен впечатлен, — покивала она, весьма выделив тоном “значительность” этого человека. — Настолько, что к концу следующего квинка будет в Терске. Он желает побеседовать с тобой, Гемин.

Хм, задумался я. Ну, гадить под себя “от щасья” я от таких новостей не буду. Причём, причину интереса “большого человека” я понимаю. Местное стихосложение реально отвратно, а мой плагиат — более чем пристоеен. При этом “стихотворная аномалия” местных оценить рифмоплётство не мешает. Соответственно, дядька оценил перспективу, прикинул, что это “интересно” в плане денюжек, ну и собирается на мне их побольше срубить. А моя задача будет денюжек получить и не лопухнуться. “Лопухнуться” же было вполне возможно: крюкотворство в бюрократизированном общества Анта цело и пахло, это даже из учебников ясно.

— Рад это слышать, Залина, благодарю вас за заботу, — чуть улыбнувшись так же, как и собеседница, уголком рта, ответил я.

— Труда это не составило, а стихи и вправду чудесные. У тебя истинный талант, Гемин, — выдала собеседница. — Признаюсь тебе по секрету, — заговорщически понизила голос она, — твой отец часто упоминал в разговоре с моим супругом, что ты фантазёр без перспектив. Приятно удивлена его ошибкой, — покивала она.

— Приятно удивлён вашим приятным удивлением, — нейтрально ответил я, на что дама рассмеялась, прикрыв пасть запястьем.

— Да, видно, что ты прекрасный поэт, игра словами весьма изящна, — продолжала капать елей на меня собеседница, а я призадумался.

А надо-то что ей из-под меня? Ну, положим, хочет денег с печати и последующих продаж. Это было бы понятно, и ничего дурного в этом нет. Ну так и выступила бы

посредником между мной и этим “важным человеком”! На кой, извиняюсь, овощ, окучивать юнца, пусть и с перспективой в её глазах? Ничего не понимаю, но, признаться, не очень интересно. Видимо, стоит вообще с семейкой Возен дел не иметь, а если с печатью всё выйдет — сделать тётке и Соне какой-нибудь ценный подарок в благодарность и свернуть общение.

Тётка тем временем несла в массы, в моём лице, какой я замечательный, какой был “приятный мальчик” в детстве и вырос в “приятного вьюноша”. Продолжался этот бардак уже пять минут, ну и я, естественно, начал прикидывать, как бы мне поделикатнее свалить, как вдруг одна, мимоходом брошенная фраза, меня изрядно удивила.

— Жаль что ваш брак с Соночкой не сложился, но спорить с Зерго я не стала, — выдала эта женщина.

— Кхм, прошу прощения, брак? — уточнил несколько удивлённый я.

— Ну да, а ты не знал? — на что я помотал головой. — Договорились о вашем супружестве, ещё когда вы были совсем крохами, но потом расторгли договорённость по инициативе Лада, — выдала тётка.

Так, это выходит, Лад не только Гемина лупил, но и всем встречным поперечным жаловался, какой у него сынулька пропащий, причём с “последствиями”. Отец-героин, чтоб его. Нет, я жениться не стремлюсь, но сам факт весьма примечателен.

— Но не сложилось, — скорбно выдала дама. — Впрочем, вы уже не дети, вам решать.

— Какое огорчение, — произнёс я нейтрально, на что Залина прищурилась и выдала весьма неприятным тоном.

— Почему вы пренебрегаете Соной, Гемин? Она вам столь неприятна, или проблемы по мужской части? — в лоб вывалила собеседница.

— Э-э-э... — завис я. — Погодите, Залина, вас интересует, почему я не совокупаюсь с вашей дочерью?

— Естественно, интересует! — возмущённо(!) выдала тётка. — Общаетесь вы часто, девочка она приятная и красивая. И страдает, — веско припечатала она, — от вашего пренебрежения.

— Так, погодите, Залина, я чего-то не понимаю, — растерянно выдал я. — Чувства Соны заметны, общаемся мы не первый год. Но я, вообще-то, хотел прервать наше общение...

— Столь талантливому рифмоплёту не подходит моя дочь? — злобно прошипела дама, на мгновения став весьма пугающей.

— Я. Забочусь. О. Ней, — отдельно и нейтрально выдал я.

— Объяснитесь, сделайте милость, Гемин, — последовал ответ весьма едким тоном.

— Итак, госпожа Залина, я к Соне не испытываю романтических чувств. Но имею дружеское расположение. Соответственно, воспользоваться её чувствами для удовлетворения похоти... — на этом послышался фырк, я примолк, подняв бровь, но тётка махнула рукой в стиле “продолжай”. — Я нахожу неприемлемым. Опасаюсь нанести ей душевную травму, дать напрасную надежду на возможное совместное будущее — которого не будет.

— То есть, тягу к соитию вы испытываете, но находите его “неприемлемым”? — уточнила собеседница, на что последовал мой кивок. — Даже не знаю, — улыбнулась она, — считать вас глупцом, мальчишкой или чрезмерно щепетильным человеком. В общем, если вы себя называете “другом” Соны, Гемин, то не прерывайте с ней общение, —

подытожила тётка. — А если не имеете к ней отвращения, то весьма меня обяжете, став её любовником, пусть и на время.

— Не вполне понимаю вашей позиции, Залина, — в некотором ступоре пробормотал я.

— Не знаю, что сподвигает вас на мысли, что вы нанесёте “раны” моей девочке, но она далеко не дура. И прекрасно знает, что ваш запланированный брак расстроен, а её ждёт другой супруг. Если, конечно, у вас с ней не сложится, на что я, признаться, рассчитываю. Но, это дело будущего. И роман перед браком пойдёт девице только на благо, поверьте моему опыту. Терзания будут, но отказывая ей — вы действительно её раните.

Мнда уж, задумался несколько ошарашенный я. Мать предлагает, пардон, оттрахать дочку и возмущается, почему я это не делаю. Впрочем, если подумать, то социумы разные, принципы тоже. Сам перечислял критерии, из-за которых “жисть половая” не табуирована. В браке — да, но брак, как я понимаю, сформирован на основе религиозных представлений. А последние, прямо скажем, отражают традиции и реалии, сложившиеся в социуме зародившейся религии. Точнее так: есть некая объективная причина, скажем, не есть жаб. Как минимум — потому что их нет в географическом поясе зарождения религии. И это закрепляется как “завет”, поскольку “исполнение завета” укрепляет религию, сколь бы дурацким он не был. Ну а по мере распространения, если оно происходит, подобные “мелочи” становятся “догмой”, вне зависимости от того, что первопричин для их исполнения давно нет.

Ну да ладно, а мне что делать? В принципе, я, как нормальный парень со здоровыми реакциями, и не против, как понятно. Насчёт вреда психологического... ну вот не кажется мне, что мать о дочери заботится меньше, чем я. Ошибаться, конечно, может, но чёрт возьми, 99 % ошибаюсь именно я, по незнанию.

Так что: прерывать общение не буду, это раз. Если Сона сама проявит интерес к сближению (ну, всё-таки, она — не её мать, а я как Гемин наглядно столкнулся с негативными последствиями родительского “будь как я”), то отвечу положительно. А дальше — посмотрим, мудро рассудил я.

— Я вас понял, Залина, — слегка склонился я. — В таком случае, если Сона проявит интерес — буду только рад. Но, повторюсь, после экзаменов я намерен продолжить обучение в столице, так что развитие данных отношений маловероятно, — на всякий случай уточнил я.

— Вот и прекрасно, Гемин, — довольно покивала тётка. — И, поверьте мне, ваш порыв, очевидно, произрастающий из книг, весьма похвален, но изначально ошибочен. В жизни всё сложнее, — наставительно изрекла тётка.

— И проще, — буркнул я.

— И проще, это вы точно подметили, — хмыкнула собеседница. — В таком случае, давайте прощаться.

— Буквально один вопрос, Залина, — решился я. — Мне было бы весьма полезно провести консультацию со стряпчим, не порекомендуете ли что-то?

— По поводу возможного договора? — весьма “по-акульи” оскалилась тётка.

— Нет, что вы, — ангельски улыбнулся я. — Исключительно вопрос финансов и совершеннолетия.

Ну реально, что я, дурак — спрашивать у юриста компании, а не обманет ли меня компания. В этом случае я могу положиться лишь на себя, да и позиция у меня, по большому счёту, выигрышная, если не буду тупить.

Однако есть вопрос именно совершеннолетия и взаимоотношений с Ладом. То есть, вот я живу у него, за его счёт и даже учусь за счёт его же. Как по мне — заведя ребёнка, а, главное, ведя себя, как вёл он, все возможные долги между нами он уже свел к нулю. Вот только то, что считаю я, и то, что считает закон и аппарат принуждения — две большие разницы.

В гимназической программе это не отражается, да и книги, если попадутся, дадут мне немного. Судя по всему известному, максима “закон — что дышло, куда повернул — так и вышло” в Анте цветёт и пахнет. А значит, мне нужно именно описание правоприменения от профессионального крюкотвора. Не наложит ли на мои возможные денежки свои клешни Лад, не воспрепятствует ли моим планам, прочие подобные моменты. Более того, вопрос “совершеннолетия” весьма поверхностно описывался в учебниках, а такие вещи хорошо бы знать точно.

Вопрос информированности моей собеседницы... так у меня выбора, по большому-то счёту, нет. Книги не слишком помогут, даже если они есть в гимназической библиотеке. А на стряпчего деньги появятся (если вообще появятся) только после встречи с этим Грейсом, когда сами эти деньги будут под угрозой “изъятия”.

Так что риск в данном случае так и так присутствует. Если Залина сообщит Ладу о “встрече на тему печати”, то возможные неприятности будут. Ну и, соответственно, лучше знать, чем не знать. Возможно, вообще не имеет смысла с этой печатью связываться, возможно — нужно соломки подстелить в определённое место.

И, соответственно, вопрос подобного типа, обращенный к выказывающей благорасположение ко мне тётке (да прямо скажем, дочку свою ко мне в койку пихающей), видится мне относительно приемлемым риском.

— Кажется я поняла вас, Гемин, — задумчиво протянула Залина. — Думаю, стряпчий издательства не откажется ответить на пару ваших вопросов.

— Буду крайне признателен, — довольно глубоко склонился я в поклоне.

На этом и распрощались, я присел в приёмной, а через десять минут ко мне подошёл довольно пенсионного вида кадр, представившийся “господином Арносом, стряпчим Терских Ведомостей”.

— И что же за консультация вам нужна, юноша? — довольно снисходительно проскрипел он, что я великодушно проигнорировал.

— Меня, господин Арнос, интересует вопрос статуса шестнадцатилетнего по отношению к родителям, ограничено ли право собственности его волей последних, каковы обязательства он несёт перед ними по закону.

— Понятно, юноша, — покивал стряпчий. — Я не профильный специалист, но вам же достаточно общего представления? — на что я кивнул. — Тогда слушайте, в законах благословенного Анта...

И понесло старичка, как на трибуне. Впрочем, по делу он тоже говорил, нельзя не отметить.

Итак, выходило, что всё зависит от сословий. То есть, у сословий до девятого, совершеннолетием считается двадцать один год, и до этого возраста “чада в воле родителей”, совсем и вообще. С девятого по четвёртое — до шестнадцати, собственно, ограничено гимназией, после которой власть над окончившим гимназию “только у мудрого правительства Благословенного Анта”.

И с четвёртого класса — четырнадцать лет.

Правда, есть нюансы: возрастной ценз на должности, момент того, что дитёнок в ряде случаев значит “на сословие или более ниже”, причём почему у строго определённых классов так — я толком и не понял.

По моей же ситуации было так: до шестнадцати лет или окончания гимназии я, по закону, прав не имел вообще. Ни на собственность, ни на что-то ещё. Всё Ладово, вне зависимости от источника получения благ, более того, жизнь и здоровье также принадлежит ему и в его воле, законом не защищается.

На вопросы о “беспределе над чадушкой” стряпчий искренне изумился: дети — редкость, усилия по их зачатию пусть приятны, но не всегда дают результат не только в обозримые сроки, но и вообще. И, кстати, вопрос с внебрачными детьми оказался весьма занятен: беременные девицы оказались “лакомым кусочком” в плане брака. То есть после рождения спиногрыз автоматически становился ребёнком “мужа”.

Очевидно, за счёт искусственных механизмов, инстинкт “продолжения рода” сменился на “выживание вида”, прикинул я.

Так вот, с шестнадцати лет, например, я могу спокойно открывать счёт в “государственном банке Анта”. И доступ к нему буду иметь только я, либо чиновники и по суду. А Лад — только если я сам ему дам доступ.

Далее, юридически родители, в старости, также от “неблагодарности детей” ничем не защищены, как дети от “педагогизма родителей” в детстве.

Как поведал мне стряпчий, что ежели воспитал ребёнка так, что тот тебе сухую корку жалеет, то сам виноват, и государственные службы тут не причём.

В общем, если Залина Ладу не “настучит”, с облегчением заключил я, прощаясь со стряпчим, так и не узнает пучеглаз о моём возможном “тайном доходе”.

Возможно, конечно, Залина и “доложит” Ладу, но в таком случае — ни она, ни её начальник просто ничего не получают. Ну а я как-нибудь дотяну до экзаменов, а реализовать плагиат буду пробовать в столице.

С такими довольно оптимистичными мыслями я издательство и покинул.

На следующий день встретился с Соной в парке, почитал ей стихи. Причём, в этот раз действовал довольно осторожно: раз уж это ценность, способная решить массу моих проблем, то довольно глупо ей раскидываться.

И — ничего. В плане объятий-поцелуев, не говоря уже о большем (хотя, чёрт знает, где это возможное “больше” осуществимо в текущих условиях). Никаких “намёков” и инициативы Сола не проявляла, хотя на то, что я подержался за её ладошку, отреагировала весьма бурно и положительно.

Чёрт знает, не думаю, что Залина несла ерунду, размышлял я, распрощавшись с девицей. Хотя, если мои выкаченные яйца девицу отпугнут... так я, собственно, и так расставаться собирался, хмыкнул я. В общем, то, что Сола не набросилась в ответ на моё “поддержаться за ручку” в ближайших кустах — скорее нормально. Если Залина столь экзотическим образом хочет избавить дочку от “ветра в голове” — так пусть будет, я не против. Меня, конечно, используют, в таком случае. Но в направлении, которое я осуществлять решил сам, так что пофиг.

А со следующего дня начался третий квинк моей учёбы. И, проглотив гимназические учебники, приступил я к изучению библиотеки.

Для начала, как понятно, затребовал я литературу по чародейству. Которая, по изучению, оказалась именно тем, на что намекал Марцил: примерным описанием, без

“ненужных подробностей”.

Итак, местные чародеи были, судя по изученному, сильно ограничены в своём колдунстве, как силой воздействия, так и областью применения. В первую очередь описывались задранные физические и когнитивные кондиции, последние — по одному направлению, судя по всему. То есть, чародей, например, приобретал абсолютную память. Но суперкомпьютером не становился, просто мог вспомнить почти всё. Либо очень быстро мыслил, не становился “умнее” а именно “ускорял мышление” в разы, причем это была, очевидно, именно “работа”, а не постоянное усиление.

Далее, на расстоянии в десять-двадцать метров, чародей проводил эфирные манифестации, но довольно ущербные, по меркам Земного Края. Иллюзии (аналогичные увиденному на доске в классе), подозреваю — некий аналог голограммы. Телекинез уровня “поднять пару кило”, термокинез уровня “разжечь огонь, заморозить или вскипятить литр воды”. И всё, по сути.

И эмпатия, описываемая чуть ли не как вершина “чародейского искусства”, довольно урезанная и дающая эффект полиграфа. Ни телепатии, ни работы с памятью местные, судя по прочитанному, не осуществляли.

В принципе — логично, учитывая явно слабый, по сравнению с Земным Краем, эфирный план. И кстати, подозреваю, в насыщенном эфиром Мире местные вполне смогут заткнуть и богоравного какого. Но тут — так, что, в общем-то, тоже немало.

И, наконец, я узнал, что делают чародеи на производстве. Ускоряют и оптимизируют, в рамках своих не слишком титанических сил вмешиваются в технологический процесс. В одной из книг было чёткое указание, что первые одарённые (естественно, если вынести сектантов за скобки) были кузнецами, гончарами, ювелирами. Производственники, как они есть.

Ну и “наиболее востребованы чародеи в производстве мобилей и комплектующих к ним, электроприборов, визоров, часов, компасов и прочих достижений прогресса”, было в прочитанной мной литературе. В принципе — логично, ну и объясняет весьма широкий “технологический разброс”. Лекарей и целителей, кстати, не описывалось, тоже момент небезынтересный.

Однако, остаётся вопрос. Ну, положим, часть “технологических цепочек”, чародеи устраниют, пусть и немалую. Вот только разрыв между технологиями в сотни лет, по меркам Земли. Причём визоры, например, существуют уже не менее полутора сотен лет! И никакого прогресса, да и полторы сотни лет назад я в описываемой в Стегасе картине предпосылок для ряда высокотехнологичных прибудин не наблюдал. А они есть и плотно вошли в обиход.

И ведь вопрос не в том, что не могут сделать. Могут, критерий истины это наглядно подтверждает. Но сама идея того же визора — откуда? Где побочные результаты разработок, это же не с неба свалилось! Опять же, визоры работают на явной радиосвязи, а где она в массовом порядке? Нет широкого распространения телефонов, всё через почту. Нет массового радиовещания, что вообще бред: визор полноценно передаёт изображение и звук, а просто звукового радиоприёмника нет и не описывалось.

А ответов нет, что довольно неприятно. И интересно, не без этого.

Собственно, обратился я с вопросом, откуда дровишки, типо визоров, взяли-то? Вопросы по физике он мне сам говорил задавать, а ни “принципа работы”, ни многомудрого изобретателя я в прочитанных книгах не нашёл.

— Олле Сиржи, ученый с Радужного Архипелага, Гемин, — ответил на мой вопрос физик. — А устройства этого прибора я вам не расскажу, технологическая тайна производителей.

— И электрические осветительные лампы небось, тоже, небось, технологическая тайна, господин Марцил? — любопытствовал я.

— Точно так. До их изобретения использовались лампы раскаливания, металлический жгут в зоне пониженного давления. А пятьдесят лет назад отец Ерисоп, мой, кстати, земляк, — несколько приосанился бородач. — изобрёл этот прибор, сэкономив кучу ресурсов и подняв благосостояние благословенного Анта на новую ступень.

В общем, выходило, что большая часть “высокотехнологичных приبلудин” изобретали на архипелагах и Ворессене. Меньшая — равномерно распределена по Нилю и Готтии, без каких-то привязок.

И да, никаких очевидно должных быть “побочных результатов изобретения” нет.

Странно, объяснений придумывается масса, но пока лучше голову не ломать, задумчиво брёл я домой. Вариант “цивилизации-прародителя” самый напрашивающийся, но чтобы о ней вообще ни слова не было известно? Или цензура? А на хрена она такая дурацкая вообще нужна? Что скрывать?

Вопросов тьма, ответов нуль, так что отложим до поступления в Академию. Не может быть, чтобы подобные вопросы в ней не освещались — в ентот академии, пардон, будущих специалистов-изобретателей готовят.

А на следующий день меня после занятий поймала Сона, да и обрадовала сообщением от маман, что “большой человек” приехал и ожидает встречи с моей поэтической персоной в редакции.

Ну, неплохо, рассудил я, да и прихватил девицу под ручку, направляясь к редакции. Последняя отчаянно покраснела, но руку не отняла. А через пару минут весьма забавно надулась, оглядывая редких окружающих прохожих с заметной гордостью.

Довольно забавно и мило, мысленно улыбнулся я, впрочем, посмотрим. Скорость развития “нашего романа” выходит таковой, что до секса, возможно, мы и не доберёмся до моего отъезда, невзирая на планы и слова Залины. Ну и тоже неплохо, невзирая ни на что, это девчонка мне, как и Гемину, весьма помогает в психологическом плане, хотя и вдуть тоже не помешало бы. Но — не критично, так что пусть будет, как будет.

Добрались до редакции, где я, на прощание, слегка приблизил лицо... и чуть не засмеялся в голос — Сона, прикрыв глаза, отчаянно полыхала щеками. Не убегала, конечно, но было чёткое ощущение, что из ушей её извергается нежно-розовый пар романтики. Ну реально мило, широко улыбнулся я и чмокнул замершую девицу в щёку. Думал уже уходить, но она подёргала меня за рукав.

— Гемин, прости, пожалуйста... а мне можно? — отчаянно смущаясь спросила она, на что я с улыбкой кивнул.

И был чмокнут, точнее клюнут в щёку, после чего Сона, забыв о прощании, почти бегом ускакала. Ну а улыбающийся я постоял, успокаиваясь и рассуждая, сердечки над убегающей девицей — следствие моего буйного воображения или “самопроизвольного пробуждения чародейского дара”?

Так и не решив этот жизненно важный вопрос, но хоть согнав с морды лица улыбку до ушей — прямо скажем, в предстоящих мне переговорах не вполне уместную — я ввалился в редакцию.

Меня явно ждали, молча кивнувший швейцар провёл меня к кабинету редактора.

А в приёмной сидела Залина с секретаршей, поприветствовавшей меня и потыкавшей в свой кабинет, в стиле “тебе туда”.

Ну, туда и туда, пожал плечами я, вваливаясь в указанное место.

Ожидал меня тип довольно забавный — явно ниже ростом совсем не дылды Залины, судя по не самой большой части, возвышавшийся над столом. Лет слегка за пятьдесят, судя по виду, с ощутимы залысинами и с острыми чертами лица. При этом несколько полноватый, хоть и не толстый. В общем, вызывал у меня господин Грейс Брудсен ощущение этакого антропоморфного хомяка, прямо скажем. А защёчные мешки прячет в банке, мысленно хмыкнул я.

“Хомяк” на меня глазами-пуговками повзирал, слегка приподнялся, продемонстрировал тушку, упакованную в полосатый чёрно-кремовый сюртук, сделал мне ручкой и выдал:

— Гемин Толмирос? — на что я кивнул. — Я — Грейс Брудсен, совладелец печатного дома Брудсен, — слегка надулся он. — Подписывайте ваш договор, открывающий вам Мир Настоящей Литературы, — скупое (очевидно, чтоб не потревожить мешочки защёчные) улыбнулся он.

— Приветствую вас, господин Брудсен, — слегка поклонился я. — Прежде чем что-то подписать, с этим следует ознакомиться.

— Хорошо, Гемин, только не слишком меня задерживайте, время ценно, — изрёк он, на что я просто пожал плечами.

Последнее господину Брудсону явно не слишком понравилось, так что, забирая листы договора, я совершал если не подвиг, то заслуживающий уважения поступок: не ржал над видом надутого хомяка в полосатом сюртуке.

Ну а после этого благого деяния я погрузился в изучение договора, а через пару минут я не знал, плакать мне или смеяться.

То есть, я не то, чтобы догадывался, я скорее удивился бы, если бы меня не хотели “поиметь”. Ну, всё мне известное о социуме, на это “тонко” намекало. Но договор... помимо того, что он более чем наполовину состоял из “хитровывернутых пунктов”, с использованием просто неизвестных мне терминов бухгалтерско-судебной направленности, даже явные пункты были... Ну скажем так, за месячную оплату среднего чиновника, подписав данный договор, я разве что не в сексуальное рабство к хомяку не шёл. Да и то, в последнем, учитывая “неявные пункты” с откровенно непонятными терминами, не уверен.

Это при том, что в гимназии “заключение договоров” давалось, было описано и даже приводились примеры.

Хотя, “юнец безусый”, да ещё и “поэт”. Не знаю, что было в голове у Брудсена, когда он подсовывал мне эту “хомячью грамоту”, но меня он явно держал за идиота.

— Благодарю, господин Брудсен, я ознакомился с этим “договором”, — ангельски улыбнулся я.

— Ну так подписывайте и начинайте работать, — брезгливо оттопырил губу хомяк.

— Нет, этот “договор” я подписывать не буду, — всё так же, ангельски улыбаясь, выдал я.

— Извольте объяснить, почему? — возмущённо надул щёки Бурнсен. — Это — типовой договор с нашими авторами, переписывать его ради вас, — “глупого мальчишки” произнесено не было, но буквально чувствовалось, — я не намерен.

— В таком случае, господин Бурдсен, благодарю за уделенное мне время, прощайте, — с этими словами я положил “хомячью грамоту” на стол и неторопливо потопал к выходу.

— Стойте, Гемин, — остановил меня голос хомяка, когда я уже брался за ручку двери. — Вам был задан вопрос.

— Не вижу смысла в ответе, раз “переписывать ради меня” вы не намерены, — остановился я. — Но, если вам интересно — слушайте. Первое, в вашем договоре, указывается, что получив весьма скудную сумму, я передаю вам права на все плоды труда своего ума печатному дому Бурдсен. Без ограничений по срокам.

— Совершенно нормально, вы пишете, мы издаём. Сумма обсуждаема, — буркнул хомяк.

— В договоре не указано “письмо”, а именно “плоды умственной и творческой деятельности”, — столь кротко улыбнулся я, что хомяка передёрнуло. — Кроме того, я вообще не намерен “писать” для вас, господин Бурдсен. Оговоренное с госпожой Залиной — печать сборника моих стихов. Уже написанных, и охватывать договор может только этот момент. Безусловно, с не столь смешной суммой. И да, я намерен прервать творчество и заняться наукой, — на всякий случай озвучил я.

— Как оставить, вы же... — переполошился хомячок, но тут же сам себя заткнул. — Так дела не делаются, господин Гемин, — повысил он мой статус.

— А мне, господин Бурдсен, не надо “делать дела”, — сиял улыбкой я. — Мне предложила старая знакомая родителей издать мои стихи. Это мне небезынтересно. Но не слишком нужно, — покривил я душой. — Будущее со стихосложением я не связываю, соответственно, и потребности в том, чтобы быть напечатанным, у меня нет. Деньги, конечно, будут не лишними, — не покривил я душой. — Но потребность в них не критична. Так что, “делать дела” я не намерен. Продать право на печать и часть прибыли — да. Ну а если нет — так и ладно.

— Вы слишком много о себе мните, господин Гемин, — начал было хомяк.

— Так я, вообще-то, уходил, господин Бурдсен. Прощайте...

— Да стойте же, несносный мальчишка! И перестаньте так жутко улыбаться, сделайте милость! Нервирует, — признался хомячок, промакивая лоб платком. — Насчёт стихов и прекращения письма — вы серьёзно? — наконец вполне нормально спросил он.

— Скорее “да”, чем “нет”, — подумав с полминуты ответил я. — Вдохновения нет, хотя, возможно, в будущем...

— Новые впечатления, радости, а значит, скорее всего, писать сможете. Вам надо писать, — веско постановил он. — Ладно, это вопрос будущего, но дом Бурдсен заинтересован в праве на печать ваших будущих работ. Что у вас сейчас есть?

— Примерно, — прикинул я, — пара сотен листов ин-кварти.

— Это несколько сборников, — экспертно заключил хомяк. — Хотя, возможно, один подарочный комплект в дорогом исполнении... Впрочем, разберёмся. Мне нужно ознакомиться с ними.

— Нет, господин Бурдсен. Могу продекламировать пару стихов, не более. Всё остальное — напишу только после подписания договора, если он будет, — вновь начал улыбаться я, на что Бурдсена передёрнуло.

— То есть, вы даже не записали? — изобразил полуобморочное состояние собеседник. — Мальчишка! — выдал он, увеличив возможную сумму моих притязаний на пару процентов. — И как я могу знать, что вы имеете достойные стихи?

— Не знайте, — пожал плечами я. — Пару стихов озвучить я готов, не более.

— Озвучивайте, — надуту буркнул он, с видом делающего одолжение.

Я озвучил, хомячок проникся. И... началась безобразная торговля. Хомяк хотел меня поиметь, я зоофилией не страдал и не наслаждался, но хотел денюжки. В общем, через несколько часов симулирующий сердечный приступ Бурдсен голосом умирающего хомяка позвал Залину.

— Залина, нам с этим юношей, — поморщился он, взглянув на мою невинно улыбающуюся рожу, — надо составить договор. И напечатать двести листов ин-кварти, ваша секретарша справится?

— И я справлюсь, господин Бурдсен, — ответила дама.

— Прекрасно, тогда займёмся.

И занялись: я получал после оглашения “стихов на двести страниц” довольно ощутимую сумму, в виде именного банковского чека. Причём, это было “за десять тысяч томов”, в дальнейшем, если будет “допечатываться”, я получу пару процентов от продаж. На большее хомячина не “продавливался”, визжа и вереща, как умирающий.

Залина, бросив на меня уважительно-удивлённый взгляд, напечатала договор на электрической печатной машинке, что тоже довольно небезынтересно, но мне пока было не до того.

А вот чем мне пришлось заниматься, так это вспоминать стихи, переводить и редактировать их, в режиме “реального времени”. Довольно тяжело, но я справился, хотя допечатывала также уставшая Залина в предрассветных сумерках.

— И всё же, оно того стоило, — признал хомячок. — И вам, Гемин, непременно надо писать ещё, у вас несомненный, выдающийся талант, — веско покивал он.

— Да, Гемин, весьма и весьма достойно, скорее даже гениально, — дополнила Залина. — Я думаю, на четыре сборника? Стиль явно меняется, — уставилась она на начальство.

— Посмотрим, но думаю, да, — важно кивнул Бурдсен. — Что ж, Гемин, прощайте, рассчитываю на скорейшее возвращение вашего вдохновения.

И да, вариант на “эксклюзивное право” на печать мне пришлось передать Бурдсену. Хотя, вроде, не собираюсь, но мало ли, как повернётся жизнь.

И в целом, вышло весьма неплохо, заключил я, бредя домой. Вот только, подозреваю, мой “ночной загул” вызовет весьма нехорошую реакцию Лада.

Впрочем, денежки у меня достаточно, а просто перестать появляться — банально свинство, невзирая на общее состояние отношений, заключил я, нажимая на кнопку электрического звонка квартиры.

5. Изморозь самостоятельности

Судя по десятку минут, которые мне пришлось трезвонить домой, “бессонно” меня не ждали, на что и указывал вид Лада, открывшего дверь.

— Явился, значит, — выдал Лад.

— Явился, отец, — нейтрально ответил я, оценивая “психологическое состояние” оппонента.

Недавно проснулся, но не “в бешенстве” своём обычном, хотя зол. Ну, значит, можно поговорить, надеюсь.

— Мне бы хотелось с вами побеседовать, отец, — выдал я.

— Говори, — щедро продолжил он, причём дверной проём не освобождал.

Так, в принципе, он уже семь дней мне “ничего не должен”, как впрочем и я ему. По крайней мере “по закону”. Шестнадцатилетие моё было как раз семь дней назад, но традиции праздновать день производства в Анте не было. И, судя по его положению в дверях, он готов “послать нахер” непутёвого отпрыска, если тот “в ногах валяться” не начнёт.

В принципе, для Анта выходит, что он себя проявляет говнюком — не по закону, а по традиции: детей берегли. Но тут... мдя, хотя лично мне, в моём положении, даже лучше.

— Я нашёл источник дохода и хотел бы перестать отягощать вас своим содержанием и присутствием в вашем доме, — выдал я.

На этом физиономия Лада исказилась, очевидно, размышлениями и удивлением. Понятно что он ожидал от “загулявшего никчёмны” заверений в “ноги мыть и воду пить”, а никак не “здрасти-досвидания”. И новая реальность с трудом пробивалась через представления, демонстрируя на его физиономии явную внутреннюю борьбу и работу мысли.

— Вещи заberi, — наконец выдал он. — И когда с голоду подыхать будешь — на порог не приползай.

Хм, аж на барахло расщедрился, даже несколько удивился я. Впрочем, Лад не “принципиальный подонок”, просто не самый лучший человек. А так, возможно, он откупается “от своей совести”, исключая “выродка” из своего мирка. Нежелание Гемина “быть как он” явно доставляло ему дискомфорт, ну а мой уход “из его жизни” — принимал скорее с облегчением.

Так что протопал я в комнату, прибрал учебники и кое-какую одежду, в свёрнутый из простыни узел. Впрочем, Лад даже на чемодан расщедрился и не только — через десять минут ввалился со здоровенным, пусть и потёртым, чемоданом.

— Договор с гимназией. И с матерью попрощайся, — процедил он.

— Благодарю, сейчас прощаюсь, — отвечивал я.

И постучался, зашёл, объяснил, что и как... Что заходил, что не заходил: голоса Клиссо я так и не услышал, как и Гемин в последний год. Равнодушно кивнула и уткнулась в книжку, не вставая с кровати.

Ну и к чёрту эту семейку, логично заключил я, подхватил чемодан и покинул квартиру.

Встающее солнце весьма символично ознаменовало начало "новой жизни", а мне надо было в центральную и единственную гостиницу Терска. В принципе, можно было в ней пожить до экзаменов, вот только дорого, прямо скажем. Но доходных домов в городе хватало, так что я рассчитывал найти квартиру на оставшиеся месяцы.

Правда, сначала мне надо было в банк — именно чек грел сердце в нагрудном кармане, но денюжкой не являлся. А чемодан тяжёлый вышел...

Впрочем, будет мне вместо тренировки, резонно рассудил пыхтящий я, пристраиваясь на ступенях ещё закрытого банка.

И через полчаса я в банк и вцемился, бодро помахивая (точнее почти изнемогая под) потёртым чемоданом. Швейцар меня взглядом смерил, дверь открыть не соизволил, но хоть нахер не послал, святой человек.

Вообще, конечно, вьюнош в гимназическом мундирчике, причём явно потрёпанном бессонной ночью, с потёртым чемоданом и вправду для банка не "дорогой клиент". Да и вообще, с банковской сферой, насколько я успел понять, в Анте было неплохо. В плане, тыщи банков, непонятно на чём зарабатывающих миллиарды, ни черта при этом не производя — не было. Возможно было в "европейской части" Ниля и Готтии, но данной информации я не имел.

А, судя по имеющейся, госбанк фактически монополизировал банковско-кредитную деятельность, мелкие же банки обслуживали производства и товарищества, максимум — оказывали определённые услуги внутри города, как наш Терский Городской Банк, второй и последний банк городка. Но денежка для получения у меня была в Антском Государственном, так что я, как ни удивительно, получал её тут.

Мой "не дорогой" статус проявился и внутри — клерк, не отрываясь от кофия, смерил меня косым взглядом и процедил:

— Государственный Банк Анта не оказывает услуги несовершеннолетним.

— С чем его и поздравляю, — широко улыбнулся я, выковыривая из внутреннего кармана бумаги, удостоверение личности с отметкой о совершеннолетию.

Ждать пришлось полминуты, пока занятый чертовски важным кофием клерк оторвал глаза от кружки, смерил развёрнутый документ взглядом, вздохнул, аки Атлант, держащий небо и устало спросил:

— И что вам угодно, СОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ господин?

— Другого клерка, — солнечно улыбнулся я, демонстрируя “платиновый чек”. — А вы свой кофий пейте.

Никогда не любил таких служек, упивающихся своей мелкой властью. Крупных, упивающихся ей же, не люблю тоже, но с мелкими... Скажем так, крупный чиновник — это саботаж, это реальные крупные преступления. Но произрастает этот “крупный мздоимец”, как на грибнице, на таких вот мелких “хозяйчиках”. Удалить их, и крупные ворюги загниют, как мухомор без грибницы, окажутся на виду у всех. А вот пока “бытовое зло” процветает — им комфортно, они в своей среде и фактически неуязвимы.

— Простите, господин... — чуть не пролил кофий клерк.

Дело в том, что чеки имели цветовую дифференциацию, почти как штаны, только чеки. И “платиновый”, которым меня снабдил хомячок, предполагал, что определённая сумма предоставляется банком БЕЗ проверки платёжеспособности, сразу. То есть, данный чек, вне зависимости от прописанной суммы, был сам по себе ценностью: можно, обладая платиновой чековой книжкой, совершать покупки, не ожидая, пока служка добежит до банка и проверит платёжеспособность клиента. И сумма “ценности” платинового чека была весьма ощутимой, как бы не в полугодовую зарплату сидящего передо мной кофепийца. Ну а юнец, демонстрирующий подобный чек — скорее всего сынулька кого-нибудь “толстого и богатого”, так что клерк засуетился.

— Не прощу, — продолжил улыбаться я. — Я жду другого клерка. А вы, если сохраните службу, — на чём клерк аж позеленел. — К клиентам относитесь внимательнее, любезный.

— Э-э-э...

— Мне просить управляющего и говорить о вашей нерасторопности? — ангельски улыбнулся я.

— Нет, господин, сей момент... — и ускакал.

А то ишь, распустились, пусть несколько комично, но вполне справедливо помыслил я в ожидании. Гадить службе, конечно, не буду, но уроки таким преподавать надо при первом попавшемся случае.

— Приветствую, господин?.. — выдал дядька в летах, извлечшийся из недр банка, явный управляющий.

— Толмирос, — кивнул я.

— Доброе утро, господин Толмирос, чем Государственный Банк Анта может быть вам полезен? Я — Витсар Голлен, управляющий, — склонился он.

— Доброе, господин Голлен. Обналичить, завести счёт, — помахал я чеком.

— Как вам угодно, господин Толмирос, — кивнул управляющий. — Гратсе проявил нерасторопность или неуважение? — небрежно кивнул он на зелёного, потеющего на периферии клерка.

— Да нет, господин Голлен, просто он... взъерошенный какой-то, — чуть понизил голос я.

Управляющий смерил зелёного, потеющего, с распущенным и набекрень галстуком-шнурком служку, сам себе кивнул и процедил:

— Гратсе, приведите себя в порядок, — после чего клерк ускакал в недра банка. — Итак, давайте займёмся вашим делом, господин Толмирос.

В общем-то, много времени всё не заняло. Чек был настоящим, счёт Брудсена полным, так что внушительная сумма в три тысячи ауресов перекачала на свежееоткрытый счёт за четверть часа.

Сумма была пусть и не запредельной, но реально внушительной, можно было купить домик или квартирку в центре Терска.

— Чем-то ещё могу быть полезен, господин Толмирос? — последовал вопрос.

— Да, мне нужно три ауреса наличными, один из них сестерциями, и “золотая” чековая книжка, — прикинул я.

Ну и за десять минут мои хотелки удовлетворили, даже бумажник предложили купить, что, подумав, я и сделал.

И попёрся я в гостиницу, благо она была недалеко. Консьерж пытался кобениться в стиле “покажитепаспорт” но я сходу заткнул его золотым чеком — время поджимало, а опоздание в гимназию сулило моему филею очередное “пороть”.

Скинул чемодан в номере, переоделся, плеснул в рожу водой, вздохнул над своей помятой и невыспатой судьбой, да и попёрся в гимназию.

А может и перепало мне везения Отмороженного, рассуждал я по пути в учебное заведение. Или, несмотря на не самые приятные проявления, Ант ещё не докатился до уровня дома Мороза, а я параною. Но, лучше буду параноить и целым и сытым, чем останусь голодным оптимистом.

На мыслях о еде желудок скорбно огласил окрестности жалобным подвыванием. Вот тоже, ни черта не успел. Голодно, да и перекуса с собой нет, вздохнул я на подходе к гимназии.

Однако гадостей, на удивление, не случилось. Вид мой невыспатый преподавателей не волновал, гопники родимые не приставали, а, на большой перемене я даже забежал в отрекомендованную библиотекаршей едальню неподалёку от гимназии.

В последней, к слову, я с ней и раскланялся, отметил несколько разнополых и разновозрастных учеников, вкушающих обед, ну и заказал себе покушать немного.

И, наконец-то, почувствовал сытость, впервые за всё время своего бытия Геминим. Смех смехом, а весьма приятное, повышающее настроение ощущение, так что в гимназию я возвращался сытый, довольный, слегка переваливающийся с боку на бок.

Ну и белая полоса моего бытия, в гимназии, сменилась если не задницей, то несколько

чёрной полосой: я со всеми этими жизненными пертурбациями и желанием, наконец-то, наестся, забыл что у нас сейчас физическая культура! Вот ведь, фигня какая, а я с пузом набитым, да и почти засыпаю, сетовал я, разоблачаясь в раздевалке.

И пока мою тощую (но с топорщавшимся пузом) скорбную тушку валяли на матах соученики, единственными мыслями и стремлениями было удержать пожрать в желудке. Потому что жалко, да и прямо скажем, новинку боевого стиля местной борьбы “блюющий задохлик” вряд ли оценят.

Но мужественный я превозмог и был направлен на пробежку, во время которой из меня не пыталось вырваться съеденное.

— Вы молодец, Гемин, видно, что начали заниматься собой, это похвально. “Отлично”, в виде награды и стимула к дальнейшим свершениям на пути совершенства тела! — озвучил преподаватель, в конце занятия. — Только, Гемин, — ухмыльнулся он краем рта, — не наедайтесь так перед моим занятием.

— Благодарю, господин Ледин, разрешите идти? — зеленел я ликом.

— Бегите, Гемин, — усмехнулся этот паразит.

И до белого друга я добежал, избавившись от злой половины обеда. Добрую, впрочем, приберёг себе, а уже в душе размышлял: гад физрук, или не очень? По здравому размышлению, решил я, что, безусловно, гад. Но умеренный, во льдах заморозки не заслуживающий. Да и вряд ли я в своей теперешней жизни смогу кого выморозить во льдах, напомнил я себе.

Доучился я день, да и наступил на горло своей песне: хотелось идти в библиотеку, но, по уму, стоило искать жильё. Гостиница всё же чрезмерно дорога, хоть и могу себе позволить, но чёрт знает, что будет в столице, а учиться и бомжевать — точно не мой выбор.

И, приобретя у мальчишки-газетчика “листок объявлений Терска”, расположился в едальне, восполняя разор, учинённый злобным физруком моему организму.

В листке, помимо “гардероба готтийского, почти нового” и прочих собачек (без дам), были предложения аренды. Вообще, выходило, что своим жильём в Анте обладал низший класс, пейзаже, где жильё было “вместе с землёй”, либо классы уже высокие, начиная с шестого и выше. Остальные всю жизнь, с рождения до смерти, обходились арендой в доходных домах.

А вот последние, помимо “буржуйских инвестиций”, были собственностью “пенсионеров”, пожилых типов высоких классов, скопивших себе на этакую “пенсию”.

И объявления были, но, в основном, на совсем “длительный срок”. От года, с предоплатой на это же время, что было довольно неудобно и вообще — выкидывание денежки. Собственно, по сравнению с гостиницей всё равно выходила экономия, но душевное земноводное всё равно стремилось к обнимашкам.

Но “помесячную” аренду я всё же нашёл, причём в нескольких местах. И, отполировав

свой ужин кофею, направился по указанным адресам.

В двух хозяев не обнаружилось в доступности, быть соседом Ладу я находил чрезмерно эксцентричным. А вот последний вариант мне весьма глянулся — этакая мансарда-студия, переделанная из чердака. Очевидно, жадность скрюченного старичка-хозяина не давала “простаивать месту”, но арендаторов на него не находилось.

А так — студия, как она есть, с окном в скатной крыше, небольшой кухонькой, диваном, креслом, обеденным столом и двуспальным ложем.

— Мебель новая, прекрасная, — скрипел старичок, алчно поблескивая глазами, но стараясь делать вид, что делает мне одолжение.

— И ванная с уборной даже без двери, с перегородкой, — кисло отмечал я.

— Зато прекрасно работает! — с жаром парировал старичок. — Три ауреса в месяц — и эта роскошь ваша. Девки не водить, после десяти пополудни не являться...

— Прощайте, — развернулся я.

— Куда же вы? — всполошился старичок.

— Три ауреса в месяц — цена полноценной квартиры, на семью с ребёнком, — отвечал я, схваченный за рукав. — Квартира снимается чтобы в ней жить, в том числе и с девками, если это угодно съёмщику, одной или несколькими, какое это отношение к вам это имеет — не понимаю. Как и время моего возможного возвращения — ключ вы всё равно предоставляете. Если вы хотите меня столь сильно ограничить — так скажите сколько вы МНЕ готовы заплатить, чтобы я жил в этом... — скептически окинул я глазом студию.

— Так дела не делаются! — проскрипел старичок.

— Именно, поэтому я и прощался, — солнечно улыбнулся я.

Но когда два разумных хотят одного и того же, это иногда и достигается. И сдал мне старичок студию, правда на все полгода сразу, за десять ауресов. И “водить” я могу кого угодно, невозбранно, только “без шума” начиная с сумерек. На последнем старый хрыч изговнился, ворчал под нос “о времена, о нравы” и прочую гадость. Завидовал по старости лет, веско постановил я.

Но в целом, расстались мы довольными: я — уютным углом рядом с гимназией, фактически на одной улице с ней. Владелец — тем, что сдал порождённый его жадностью “неликвид”, который, как он между делом признался, рассчитывал сдать “рисовальщику какому”.

Ну, с учётом здорового окна-крыши и вида на Терск — идея не так и плоха, оценил я. Но “рисовальщики”, очевидно, не столь распространены и не так денежны, чтоб отдавать за каморку деньги, как за полноценную квартиру.

— Дрова, господин Легид, обеспечьте запас для камина, — напоследок запросил я.

— Так тепло же, и отопление водяное, — не понял старичок.

— Люблю огонь, — отрезал я.

— Только дом не спалите, — ворчал хрыч. — И денег дрова стоят... будут, — сгрёб он со стола положенные монетки.

Да, ныне осень и относительно тепло, но тут чертовски здоровое окно, а я к “домашней

одежде” не склонен. Ну и огонь люблю, не без этого.

А после завершения мероприятий и заключения договора направился я в гостиницу, забрал чемодан, заказал в гостиничном ресторане “поесть на вынос”, да и вернулся в своё новое обиталище.

Хорошо вышло, думал я с улыбкой, любуясь огоньками в камине и звёздами в потолочном окне, уже засыпая.

Последний учебный день квинка на следующий день пролетел без аварий, порадовав мою интеллектуальную персону отсутствием розог и “хорошо” с одним “отлично”. Правда, было два момента: первый — библиотекарша, поджав губы, кивнула мне, но взирала на меня как на “врага всех книг”, что в целом вполне оправданно, не мог не признать я. А ещё, я думал об особенностях организма местных. В плане сна и не только, но в первую очередь именно сна.

Итак, я не спал сутки, при этом весьма напряжённо провёл их, да ещё, прямо скажем, обожрался. Ну то, что после этого меня прополоскало от физических нагрузок — нормально. Новот тот факт, что не клонило в сон — любопытен. Точнее, клонило, конечно, но так, фоново, без клеваний носом и прочих подобных вещей.

Явно ненормально для человека, как я знаю. Но в этом случае было два возможных объяснения.

Первое, “возвыситель” местного человечества позаботился о подобной мелочи. Вполне возможно, но есть противоречия: доступная мне информация указывала на необходимость “поспать”, как в книгах, так и в наблюдаемой жизни.

А был второй вариант, который учитель Марцил (да и не только он) обзывал “одарённостью богом”. Как по мне, данная “одарённость”, описываемая в книгах о чародеях, была как раз следствием работы чародея. Какого-то дальнего предка, закрепившего некий механизм работы эфирного “третьего глаза” без инициации. Не сверхи, но мнемоники, силачи и прочее подобное время от времени проявлялись. Не рождались, а именно проявлялись среди людей, обычно в юном возрасте.

Не запредельные плюшки, но довольно приятное дополнение, скажем так.

Но всё равно, хочу чародействовать, немного поныл я. А учить до академии никто не будет, разве что в послушники податься, притом не факт, что возьмут, да и вообще я к сектам с неприязнью и осторожностью отношусь. Так что ждать, ну и учиться — пусть по чародейству ни черта толкового в библиотеке нет, но надо бы наведаться в плане физики. Может, что интересное найдётся, да и если вскоре в библиотеке не появлюсь — меня книжная владычица погребёт под тяжестью суровых взглядов.

Но не сегодня, с улыбкой отметил я поджидающую меня Сону.

— Привет, Сона, — широко улыбнулся я, подходя.

— П-привет, Гемин, — робко улыбнулась девица, слегка покраснев. — Мама говорила, что у тебя всё хорошо с изданием?

— Да, спасибо тебе, — слегка приобнял я Сону, чмокая её в щёку.

— Я... не сделала ничего... — совсем засмушалась она, робко потянулась ко мне и была “допущена до щеки”.

— Если бы не ты, то у меня ничего бы не вышло, — резонно отметил я. — Так что, если ты не против, то приглашаю тебя посидеть в ресторации, отметить мой успех и твою помощь.

— Ой, свидание? — робко спросила девица, на что я уверенно кивнул. — Я только рада, с тобой... Только я одета...

— Нормально ты одета, — прихватив под руку девицу, повлѣк её в сторону небольшого ресторана. — А мне перекусить не помешает, да и столь красивой девушке — всё к лицу.

— Красивой, скажешь тоже, — явно смущалась Сола, но я веско покивал, на что она собралась и, хоть краснея, опять надулась в стиле “вот кто у меня есть”.

В ресторане мы заняли столик, я перекусил (пришлось пичкать сотрапезницу чуть ли не силой, а то она, похоже, стремилась насытиться видом жрущего меня). Прочёл несколько стихов, с гордостью отметив, что хоть всё дальше отхожу от “плагиатного” оригинала, но выходит вполне ничего. Блеск глаз и мечтательная улыбка спутницы меня в этом утвердил. Ну и ухватив девицу за ладошку, которую начал поглаживать (не отнимала, даже начала пожимать в ответ, хоть отчаянно краснея, но со счастливой улыбкой), завёл разговор о ней:

— Сола, а расскажи про себя. Кто твои подруги, как живёшь, какие у тебя планы на будущее? — выдал я.

— Тебе правда интересно? — удивлённо спросила Сола, на что я веско покивал. — Для стихов, наверное?

— Не только, Сола, мне правда интересно узнать про тебя побольше, — честно ответил я.

— Хорошо, Гемин, — счастливо улыбнулась она. — Только... — отчаянно покраснела девица, закусила губу и, решительно кивнув, выдала: — Я люблю тебя, Гемин, давно, с нашей первой встречи...

На этом мужество Солу оставило, она, отчаянно покраснев зажмурилась, явно хотела закрыть руками лицо, но я не отпустил ладошку, продолжая её поглаживать.

— А ты мне очень нравишься, Сола, — не стал врать я.

Да и прямо скажем, не факт, что девчонка меня именно “любит”, хотя срок, мда. В общем, весьма привлекательная девушка, если честно. И, если у нас будут до моего отъезда “тестовые испытания” с взаимно удовлетворяющим результатом — а почему бы и “да”? Ну серьёзно, вот я себя поставил как “мне рано, не для серьёзных отношений” и прочее подобное.

А девочка-то весьма хороша, да и несколько резкие черты, свойственные местным — сейчас скорее пикантны. И вообще, с чисто прагматической точки зрения — постоянная любовница, мне вполне приятная — то, что нужно, на учёбу и исследования времени будет больше, чем если бегать “по бабам”.

Взглянул я на всё так же зажмурившуюся девицу, робко отвечающую на мои

поглаживания, на отливающие рыжиной пепельные волосы, проявившуюся именно сейчас россыпь веснушек, точнее, скорее намёк на них, да и решил окончательно: глупостей не творить и от возможного долговременного романа не бегать. Реально очень ничего, а то что у меня “бабочки в жопе не порхают” — так я, извиняюсь, больше демон, даже в теле, нежели человек. В плане когнитивной деятельности и гормональной активности, конечно. То есть, тело хочет до одури, но “со стороны”, а механизмы “тупеть и смотреть бараньим взглядом” я блокирую сам.

Тем временем, Сона аккуратно приоткрыла один глаз, осмотреться. Реально милота, расплылся в улыбке я, уставившись на девицу в стиле “рассказывай, давай”.

Ну и рассказала Сона о житье-бытье своём. Подруг у неё близких вроде как нет, “кроме мамы”, но приятельницами не обделена. Меня, как поведала отчаянно краснеющая девица, вправду полюбила почти сразу, но боялась отказа. А Залина, на днях, выдала “действуй, упустишь парня, да ещё и столь перспективного, как оказалось”. Ранее же её беседы с матушкой заканчивались: “ну, если хочешь, я не против, но помни о суженом”.

В принципе, как я и предполагал, а на вопрос о “суженом” девица выдала, что видела его не более трёх раз, ей он “не люб”, страшен-стар (как я понимаю, один из коллег её, да и моего отца, под сорок лет возрастом). А хочет она со мной, устроит её рай в шалаше, только бы рядом быть.

А вот по интересам, ожидаемо, оказалась Сона страстной поклонницей литературы, да и в будущем по стопам матушки намеревалась пойти. Заработать в редакции денежку, отучиться “малый курс” в Академии и устроиться редактором в газету или издательство.

— Хорошо, Сона, — улыбнулся девчонке я, по окончанию рассказа. — Давай попробуем встречаться, если ты не против, — на что Сона так замотала головой, что я испугался за её шейные позвонки. — Узнаем друг друга получше...

— Гемин, мы же знаем друг друга прекрасно! — с жаром выдала девица, тут же отчаянно покраснев.

— Не знаем, Сона, — покачал я головой. — Я для тебя — стихи, от которых, я, возможно, вообще откажусь. Ты для меня — преданная поклонница, но мы друг друга толком не знаем. Время у нас есть, будем встречаться и смотреть, что у нас выйдет. Хорошо?

— Конечно, Гемин, как скажешь, — со счастливой улыбкой выдала она.

На этом посиделки мы и завершили. И, как бы мне, точнее тому, что ниже пояса, ни хотелось, отвёл я девчонку до её дома. Правда, на прощание, приобнял за талию и полноценно поцеловал. Первое время девчонка стояла, зажмурившись, даже слегка обмякнув, но на хозяйствование моего языка через четверть минуты начала отвечать, вначале робко, а потом со всё большим энтузиазмом. Наконец, через минуту, мы разорвали поцелуй и распрощались, а тяжело дышащая девица сказала что “очень-очень” будет ждать нашей встречи.

А жизнь-то налаживается, с широкой улыбкой думал я, направляясь домой. Вообще, она реально чертовски милая, даже без постели. И, если наш “роман” ограничится теперешним

уровнем — всё равно будет весьма неплохо, да и бабочки в заднице закопошились.

Но по приходу домой сбросив напряжение под душем, взял я себя в руки. Мне на данном этапе надо учиться, а не сексом трахаться. Тут вопрос даже не только и не столько “комфортного места в Мире” — это место я, судя по всему, смогу обеспечить и плагиатными стишками, да и сам я, как выяснилось, “король в стране слепых”. Так что и без плагиата буду востребован.

Вот только ни Мороз, ни Грей жизнью “простого обывателя”, или обывателя “непростого” никогда не ограничивались. Просто неинтересно. Ну и мне не следует, а то как-то по-дурацки выйдет. А значит, надо мне в выходной день не девицу окучивать (как бы ни хотелось), а в библиотеку двигать. И начинать разбираться в полной мере с местной физикой.

Это намерение я с утра и осуществил. Но уже в едальне, на обеде, понял, что ни черта не понимаю. Итак, косвенные намёки на атомарную физику были... и всё. Даже вполне толстые, явно не “гимназического” уровня талмуды не содержали ничего сложнее электрона. Свет вообще значился “излучением”, состоящим не из частиц, а из “излучения частей спектра”. Ни теории гравитации, ни поля, ни черта.

Полупроводники известны были, но судя по книгам — не использовались. Вообще бред, недоумевал я. Такое ощущение, что в цивилизацию, застывшую на грани девятнадцатого-двадцатого века “вкинули” технологические схемы века двадцатого-двадцать первого, где-то так. А местные просто бездумно копируют по лекалам.

Но не было же здесь “цивилизации-прародительницы”! Такие вещи не скроешь, это бы влилось в культуру, историю, литературу!

Некий “пришелец-наставник”? Ну, в принципе, похоже на то, учитывая “биологическую оптимизацию”. Вообще, я отметил массу мелких отличий и даже несколько посмеялся: итак, волос на теле и лице большая часть местных не имела, точнее, был бесцветный пух. При этом довольно редко встречающееся отклонение в виде мужской бороды считалось “стильным, модным, почтенным”. И косметические лавка, в которую я заскочил за агрегатом избавления от щетины (весьма редкой и противной, прямо скажем), изумила меня энтузиазмом приказчика:

— У вас прекрасная бородка! — это он на мою редкую жуть. — Но с нашим замечательным средством “Хрустусин” она станет по-настоящему роскошной! — и тычет в меня бутылку с ентной пакостью.

— Я, как бы, наоборот сбрить, — вякнул было я.

— Не вздумайте! Вам повезло, вы обладаете богатством, ради которого многие тратят годы! Возьмите и не спорьте! — выдал этот страшный тип, запихая в меня свой “оволосин”.

Ну, в принципе, Мороз с бородкой ходил. Отмороженный думал, но ему она не слишком шла. Можно и попробовать, учитывая что сей причиндал в местном культурном коде и вправду “символ самцовости и доминантности и ваще шик”.

Ну да ладно, вопрос в том, что вероятность “пришельца-прогрессора” вполне вероятен. Но... ни слова о том, кто это такой, откуда взялся. Вот вообще никакой информации, а потому — надо разобраться.

И вместо возвращения в библиотеку начал я разбираться. Для начала приобрёл в лавке местную осветительную неонку, ну и расколотил её в процессе научного познания. И да, внутрих была некая схема, явно выполняющая функции стартёра, дросселя, конденсатора — в общем, нужных каждой уважающей себя люминесцентной лампе причиндалов.

Вот только схемка эта, заключенная в медный патрон, была как бы не повысокотехнологичнее массового производства старушки-Земли. Ну ладно, положим, клепают их чародеи. Но схемы-то откуда? Не бывает такого, чтоб технологии диодов и полупроводников были, но использовались только в одном направлении. Даже если их привнесли извне, хотя...

Эфир, дошло до меня. Если местные оперируют неким аналогом Архива и Магии Баз Данных, то они могут просто выдёргивать из эфирного плана готовые решения. Остаётся вопрос, откуда они там, но в этом случае ответ “из параллельной Земли” — вполне уместен. Кроме того, местные религиозные тексты пестрят “божественными откровениями, дарованными истинным праведникам”.

Так, возможно, а почему не изучают-то? Тупо копируют, не понимая, что и зачем? Как-то по-дурачки... хотя возможно. И людям, в целом, свойственно.

Вот только желание научиться чародействовать становилось просто нестерпимым: очень уж интересно, что содержит местный эфирный план. Но как это сделать, я не знал, рвать когти в столичную академию до экзаменов было глупо, так что пришлось смирить своё полыхание.

И, помимо подготовки к текущим занятиям, начал я припоминать магические круги Земного Края. Совершенно не факт, что они тут сработают. Но не факт и обратное.

А если я получу полноценный архив... На этом месте раздумий я чуть не закапал слюнями парту своего пребывания.

— Вас столь прельщает магнитное поле, Гемин? — не без ехидства поинтересовался Марцил, отметивший моё состояние.

— Точно так, господин Марцил, — принял я вид лихой и придурковатый.

— Тогда, Гемин, поведайте нам о предмете вашей столь трепетной страсти, чем вы будете измерять его стати? — любопытствовал физик.

И начал я выдавать закон Био-Савара, на что Марцил довольно кивал и... несколько увлёкся.

Понял я это на середине описания Уравнения Максвелла — уж очень на меня пучил очи физик.

— Э-э-э... а дальше не помню, — чертовски “изящно” вывернулся я.

В классе раздались несколько неуверенных смешков, но не более, а бородач, перестав пучить очи, выдал:

— Явно вы благословлены, Гемин. Подобные знания даются исключительно в Академии. Найти подобные формулы можно в букинистической лавке, но точно не Терска, — задумчиво выдал он. — “Отлично” за сегодняшнее занятие.

— Благодарю, господин Марцил, а можно несколько вопросов? — любопытно спросил я.

— После урока, — кивнул преподаватель и вернулся к лекции.

После занятия я поканючил и, к своей искренней радости, получил пару академических справочников для ознакомления, но... беглое знакомство дало лишь более глубокий разбор гимназического курса. Вот реально, похоже, всё же есть тут Архив, а местные чертовски нелюбопытны и без исследовательской жилки, окончательно заключил я.

А значит, физику ограничим гимназическим курсом и вычитанным в справочнике. И, похоже, в Академии я буду исключительно ради “инициации”, отметил я.

— Гемин, — вдруг произнёс Марцил. — Учитывая дар от Бога, направлять вас на первый курс просто грех. Вы же намереваетесь связать дальнейшую жизнь с физическими науками? — на что я кивнул. — Тогда давайте поступим так. Я буду проводить с вами беседы в последний день квинка. Думаю, дарованное вам весьма обширно, но могу давать литературу, если будут пробелы. И после экзаменов я порекомендую вас своему наставнику.

— А как это мне поможет и чем лучше простого поступления? — уточнил я.

На что Марцил поведал, что порекомендует меня как “помощника”, безусловно, если я проявлю достаточные знания и усердие. Структура здешних академий была как учебной, так и научно-исследовательской, то есть, я сразу же по прибытии (если “проявлю”, безусловно), могу стать именно сотрудником, что-то вроде лаборанта, причём с жалованием и правом посещения лекций. И, соответственно, правом сдавать экзамены.

Что как даст возможность окончить академию в ранге бакалавра, причём “по знаниям”, а не посещению, так и учиться далее, если будет таково желание. Вплоть до академика-исследователя или академика-преподавателя.

Довольно щедрое предложение, прикинул я, правда, оно мне надо? Ну, как минимум, не помешает. Да и на обучении чародейству подобное положение скажется весьма положительно, чуть ли не обязательное умение, как отметил Марцил.

— Буду вам крайне признателен, но, господин Марцил, чем я вам буду обязан? — резонно спросил я.

— В плане денег, Гемин? — на что я кивнул. — Пустое, ничем. Однако, если вы обозначите меня как вашего наставника, вы меня очень обяжете. Естественно, не только для господина Ледса, к которому я намереваюсь вас рекомендовать.

— Хм, ученики для академического звания? — прикинул я.

— Именно, — улыбнулся борода. — Звание магистра-наставника — это и финансово приятнее, да и возможность, при желании, устроиться в академию. Хотя пока меня вполне устраивает гимназия.

— Скажу непременно, господин Марцил, — покивал я.

Правда, меня эти “воскресные занятия” ограничат в плане моих подкатываний яйцов и прилегающего к ним меня к Соне, прикинул я. Ну и ничего страшного — мне не горит, а “горело” бы у девчонки — ухватила бы меня за хобот, невзирая на стеснение и прочее. А так, очевидно, плавное развитие нашего романа как “книжную девочку” устраивает, так и меня.

Так что воскресным занятиям быть, веско постановил я.

В последний учебный день квинка мы с девицей прогулялись по парку, слегка перекусили и посетили торговые ряды, где я приобрёл девице не слишком дорогую, но чертовски изящную брошку. Сона порадовала меня как переливами розового, так и весьма повеселила на прощание.

Дело в том, что окинув орлиным взглядом округу, целующийся я решил исследовать, а что это такое интересное прячется под платьем в плане попы. Так-то общий абрис виден, но интересненько, да. И, соответственно, стал аккуратно помякивать девичью попку. Попка оказалась что надо, в меру плотная, в меру мягкая, небольшой излишек веса Соны скорее шёл ей на благо. Но, замершая в поцелуе девица начала попискивать, я уж думал не поторопился ли я... как девичьи руки ухватили меня за задницу и стали исследовательски её жмякать!

И языком со мной играть девица начала с прежним энтузиазмом, что уберегло меня от выпуска разбирающего меня ржача наружу. Ну реально, очень комично вышло, хотя, опять же, в чём-то даже трогательно.

Посещение обители Марцила заняло пару часов. Жил преподаватель, что логично, в съёмной квартире, даже на беглый взгляд побогаче Лада, с некоей непредставленной, точнее представленной “моя женщина” полногрудой дамой, поставившей чайник с чашками и печеньками всяческими и скрывшейся в недрах квартиры. Надо на следующее занятие чем-нибудь к чаю закупиться, отметил я, хрустя явно домашним и очень неплохим печеньем.

По делу же, Марцил опрашивал меня по электродинамике и термодинамике, отвечая на вопросы, я старался “обмануть” полиграф чародея. Что, пусть не с первого раза (пришлось отмазываться в стиле “я не уверен”), успешно вышло. А, через пару часов, я покинул логово физика с тремя томами.

На фиг мне, признаться, не нужными — но блискать знаниями атомарной физики я не желал, а легендировать свои знания имело смысл. Невзирая на “благословенность”. Да и в терминах разобраться, а то большая часть законов и формул называлось именами неких странных, мне слабо известных типов.

Так что выходной я провёл более в обучении языкам, с которыми у меня были осязаемые лакуны, нежели в знакомстве с переданными учебниками. Последние я скорее пролистал, запоминая термины, ну и составляя план ответов на проверочное собеседование.

А вообще, помимо всего прочего, я призадумался. Выходило у меня всё пока весьма неплохо, но... Что мне пять месяцев до экзамена-то делать? Ну реально, точные науки знаю, в этом случае скорее надо стараться “не спалиться большим возможным”. С литературой и риторикой — сносно, точнее, и не спрашивают толком, а на экзаменах вообще прочту стих или явлю томик стихов. Последнее вполне могло быть зачтено за экзамен, единственное что, надо бумаги представить. А то печатал меня Брундсен под псевдонимом “Грей Фуллбастер”, на чём я отдельно и категорически настоял. И чтоб не мелькать своим именем, ну и чтобы почтить Отмороженного, пусть даже для себя самого.

История — вполне знаю, а в библиотеке гимназии скорее “углублённые детали” гимназической программы, не слишком мне нужные.

География — в плане стран и материков знаю, а “географическая статистика и демография” мне к чёрту не нужна. Чиновником быть не стремлюсь, так что просто зазубриваю перед занятием, а на экзаменах мне “удовлетворительно” с головой.

И, выходит, что невзирая на отъедающую весьма ощутимую часть времени гимназию, делать-то мне и нечего. Хотя... наверное, так.

Физические занятия, но они у меня и так идут: быть здоровым, пусть тощим, но сильным, лучше, чем дохлым и слабым. Далее, связь не прямая, а косвенная — биология и анатомия. Мороз в ней был подкован постольку-поскольку, скорее разбирался в “полевой медицине” и научно-популярных статьях, но Отмороженный с учителем, в поисках лекарства от старости (да и не только) довольно плотно в неё влезли.

Так что систематизация имеющихся знаний не помешает, да и, возможно, есть у местных что-то интересное. Но, похоже, это не библиотека гимназии, а букинистический магазин.

С намереньем посетить последний я и шёл после первого дня квинка домой, скинуть учебную сумку, переодеться и направиться за покупками. И был встречен стариком-домовладельцем, смотрящим на меня непонятно и проскрипевшим: “вас ждут”.

Хм, недоумевал я, кого принесло ко мне? Лад, что ли? Да не думаю, хотя скоро узнаю. И, поднимаясь по лестнице, наткнулся на предпоследнем лестничном пролёте, на двух типов чиновного вида, рассеявшихся на диванчике. При виде меня один, помоложе, вальяжно поднялся и через губу бросил:

— Гемин Толмирос?

— Приличные люди, прежде чем спрашивать имя, представляются, — наставительно сообщил я потолку, судорожно думая, а что из-под меня чинушам надо-то?

Чин поморщился, скривился и, уже смотря на меня, повторил:

— Извольте отвечать, Гемин Толмирос вы или нет? — на что я с лёгкой улыбкой продолжил разглядывать потолок. — Рессит Гонл, инспектор мытной комиссии Терска, — наконец, представился парень.

Пожилой за нами наблюдал молча, представляться не желал. Вот чёрт знает, что от

меня налоговикам понадобилось, задумался я.

— Да, я Гемин Толмирос, господин Гонл. Чем обязан? — выдал я.

— Мытая комиссия Терска установила, — надуту выдал чин, — что вы, Толмирос, имеете необлагаемые налогом доходы. И даже не представили декларацию. А это немалый штраф, а возможно — каторга! — аж выпучил он очи.

— Да вы что?! — не без ехидства воскликнул я, хватаясь за желудок, на что чин сочувственно покивал. — Пряма вот каторга?!

— По моему, Толмирос, вы не понимаете всей серьёзности своего положения, — нахмурился чин.

— Не понимаю, Гонл, — отбросил я политесы. — Если налоговая декларация не подана, то обратитесь к стряпчему газеты “Терские Ведомости”, — ангельски улыбнулся я. — По договору с печатным домом Бурдсен, подачу декларации и налоговые выплаты осуществляет специалист дома, до выплаты моего гонорара. Думаю, сей почтенный господин с благодарностью отнесётся к напоминанию о своих обязанностях. И даже, — мечтательно закатил глаза я, — ваше рвение и беспорочная служба будет отражена в газете.

— Договор предоставьте, — кисло буркнул чин.

— В редакцию со мной проследуйте, — широко улыбнулся я.

— Уходим, — коротко бросил пожилой, поднимаясь с дивана и топая по лестнице.

— Куда же вы, почтенный, вы не представились, — ехидно произнёс вслед им я. — Но я непременно доложу моему нанимателю о беспорочной службе инспектора Рессита Гонла!

Ответом стал топот ног по лестнице. Мдя уж, оценил я. Видимо, попытка запугать юнца и “отжать” денежку, за прикрытие от мифического штрафа и каторги. Весьма неприятно, вообще-то, отметил я. И весьма кое-что напоминает.

Так что, помимо всего прочего, надо и сборники законов прикупить. К сожалению, я не в Земном Крае, где маг подчинён лишь Мастеру Гильдии, и количество законов таково, что умещается в тоненькой брошюре. Касающихся магов, конечно. А тут я мало того, что не маг, так ещё с немалыми средствами при малом возрасте. И вполне, будь на моём месте Гемин, мог “платить за покровительство” годами, чёрт возьми.

А, как известно, незнание законов от ответственности не освобождает. Но вот знание, иногда, принуждает чиновников к их исполнению. Не часто, но и такое бывает, так что тоже надо.

И да, такое, хорошее напоминание, что я не в раю, а в не самом справедливо устроенном обществе. И весьма неплохо, что “напоминальщики” рассчитывали на не окончившего гимназию балбеса, с ветром в голове, а то могло всё закончиться весьма неприятно.

— И хорошо, что не душегуб и вор, — сожалеюще проскрипел домовладелец, явно “тревший уши”, проходя мимо задумчивого меня.

Напомнив, что мне к себе попасть надо, а не на лестничной площадке куковать. Ну а сгрузив сумку и переодевшись, направился я в букинистическую лавку.

Последняя меня порадовала всего четырьмя изданиями по человеческой биологии,

правда одно из них, “Справочник анатомии и физиологии человеческой” был весьма недешёвым десятитомником. Который я, подумав, решил взять: по крайней мере, пойдёт как литература для досуга. А вот с юридической литературой... я несколько обтекал, когда на “законы Анта”, ехидный продавец подвёл меня к занимающему всю стену стеллажу.

Ну реально, развели бюрократии, звездец какой-то, потерянно мыслил я.

— Это всё — законы? — уточнил я у продавца.

— Законы где-то десятая часть. Остальное — постановления, указы, должны к исполнению, — начал перечислять продавец.

— Так, уважаемый, а есть что-то... — попробовал сформулировать я. — Обзорное, дающее хотя бы общее представление?

— Конечно, нет, — удивлённо воззрился на меня продавец. — Всё конкретно, иначе зачем нужны были бы стряпчие?

Это просто... слов нет, какой-то, потеряно мыслил я, бредя домой. Сопровождал меня служка, влекущий немалый баул с книгами. Я всё же смог уложить юридическую литературу в диапазон “права и обязанности” сословий с седьмое по четвёртое. Вышло это пять крупных и десяток малых томов. Но, как предупредил продавец, “весьма неполно, а по конкретным вопросам вам лучше обратиться к стряпчему”.

Ну, всё равно изучить не помешает, рассудил я, отложив биологию на потом. А то местные чиновники, похоже, могут выпить кровь и вытрясти душу раньше, чем она мне пригодится.

6. Синематограф и водные процедуры

Знакомство моё с юридической литературой вышло довольно для меня обескураживающим. И дело вот в чём: более половины законов и постановлений были... не нужны.

Например, была в “гражданском уложении” статья “оскорбление прилюдное, порочащее честь и достоинство”. Довольно дурацки сформулированная, но была, с пунктами, подпунктами, указаниями на степень наказания в зависимости от сословия. И диапазоном наказаний “от и до”.

При этом, было шесть(!) законов и восемь указов, регламентирующих “конкретное” оскорбление. Причём, ладно бы наказание было бы больше или меньше “основной” статьи, я бы понял. Но нет, всё укладывалось в люфт “от и до”, указанный в гражданском уложении. И зачем изведена куча бумаги, в разных кодексах и уложениях — ни черта не понятно.

И так практически по каждому направлению. Возникало ощущение, что принимающие законы и отдающие указы просто не знали существующих законов. И принимали новые “а на всякий случай”.

Далее, сословность просто “выпирала” из всего спектра имеющейся юридической литературы. Убить пейзаина было гораздо безопаснее, в плане наказания, нежели, например, ограбить представителя высшего сословия. Полицейские — типы, по моему разумению, получающие деньги за то, что рискуют своей жизнью, были защищены законами сильнее, чем граждане, покой которых они “берегут”.

Впрочем, если рассматривать полицейских, как сословие, обслуживающее интересы высших, всё становилось на свое место. Понятно, что за убийство какого-то там восьмого-девятого класса наказание меньше, чем за “гвардейцев и телохранителей” хозяев жизни.

Но, подобная концепция хоть и объясняла законы, но не была прописана. Прописано было наоборот, что “служба полицейская благословенного Анта блюдет и оберегает права и покой все подданных благословенного Анта, невзирая на сословие”.

Ну, впрочем, ладно. Мне, в целом, к замаскированному виду законов беззаконию не привыкать, но, выходило, что покупал я книги, по большому счёту, зря. Чтобы знать “что будет” — нужно знать именно “правоприменение”, в которое меня посвятит только практикующий стряпчий. Потому что знание законов ни черта, кроме сакраментального “закон что дышло, куда повернул, так и вышло”, не давало.

Разве что я несколько дополнил понимание формальных двенадцати сословных классов. Законы и указы делали некоторые “категории подданных”, в зависимости от типа службы или имущественного ценза, более вышестоящими, нежели “одноклассники”, а то и переводил на ступень, а то и две выше, при формально низшем сословии.

На черта всё это было нужно — непонятно, разве что для содержания орды стряпчих-юристов. Потому что даже концепция “высший всегда прав” никак не оправдывалась дурацким дублированием и запутанностью — ну в чём сложность написать, что, положим,

третий класс “всегда прав”, а девятый — “лицо, обиженное хулиганами, позорное”?

Впрочем, была и некоторая польза: узнал конкретно про налоги и возможные повинности, право на владение недвижимостью, цензы на переход в следующий класс. В общем, из кучи накопленной юридической литературы процента два оказались бесполезными.

И наглядно подтвердили заверения учебника по политологии: больше прав — меньше ответственность.

Например, начальник мелкого отдела канцелярии градоначальника за ляп, а тем более преступление подчинённого нёс ответственность, от штрафа до, подчас, увольнения и каторги. А вот сам градоначальник, вне зависимости от деяний подчинённых, обходился “ведомственным порицанием, на усмотрение министерства”. Про более высокие должности и классы вообще говорить смешно. Но я, признаться, немало озадачился — как при системе, прямо поощряющей некомпетентность вышестоящих лиц, эта система держится-то?

Мистика какая-то, заключил я, да и забил на эти дурацкие законы. Свои “права и обязанности” я примерно узнал, кто творить надо мной произвол безнаказанно может (прискорбно много таких оказалось) — тоже. И даже в некотором роде понял Лада, напуганного “письмом с извинением”. С такими законами — реально страшновато, заключил я.

Всё это проходило на фоне очередного учебника. Кстати, нарвался на очередные розги, причём по невнимательности: на уроке по химии влез в явно не известные местным разделы, так что по итогам был порот за “обман преподавателя пренаглый: фантазии, выдаваемые за знания”.

Ну, всего один раз за квинк, потирал я многострадальный орган познания, вполне терпимо. Да и, нужно признать, я сам себе злобный буратина: столь расслабился, что перестал по ряду предметов просматривать учебник перед уроком.

Физические занятия при обильном питании выходили весьма продуктивными, я даже задумался об утренних пробежках. Правда, допустимость такого мне была неизвестна, так что я отловил старичка-управдома, на тему “а можно ли?”

— Гимнастикой заниматься, говоришь? — проскрипел старичок, на что я покивал. — Телесами обнажёнными, бесстыдник, девок привлечь хочешь?

— Моими телесами девок только пугать, — резонно отпарировал я, на что дед аж хрюкнул, согласно кивнув. — И понятно, что не обнажённым, подберу одежду, лёгкую.

— Тогда препятствий не вижу, да и власти беды усмотреть не должны, — пожевал губами старик. — Но! — воздел он артритный перст. — По уложению — после восьми пополуночи “выступать по центральным улицам надлежит степенно”. Так что, пока доставщики и снабженцы по улицам бродят — можно. А после — ни-ни, заберут за нарушение общественного порядка, — веско изрёк он.

— А в палисаднике вашем разминаться можно? — уточнил я.

— А на кой тебе? — с подозрением уставился на меня старый хрыч. — Бегать не дам, потопчешь... — задумался он, припоминая заросший травой пятачок. — Всё потопчешь! Нельзя!

— Мне не только бегать, — пояснил я. — А если потопчу — то и заплачу, — выдал я, мысленно прикидывая, что можно “потоптать” в закутке у дома и не находя “что”.

— Хм-м-м... — проскрипел домовладелец. — Да нечего там топтать, — признал он и сам. — Но до восьми пополудни только! — веско выдал он.

— Мне в гимназию так и так надо, так что позже и при желании не смог бы, — отвечал я.

Вообще, потихоньку приближались холода, так что использовать последние тёплые квинки было разумно. Ну и вопрос одежды назревал: прошлогодний гардероб мне уже не годился — подрос, да и несколько раздался (пусть немного, но и не та жердь, что был), в общем, надо было закупаться барахлом, да и формой гимназической новой. Старая была как потёрта, так и начинала жать в плечах и подмыхах.

А вот с одеждой выходило довольно забавно: “штамповка”, безусловно, была. И была на удивление качественной, что, впрочем, объяснялось её предназначением для низших классов, пейзаж и рабочих. Ну не станут они покупать барахло на сезон, реально, им выгоднее в шкуры рядиться будет. Так что “штампованные” вещи были, были на удивление добротными и надёжными и... абсолютно неприемлемыми классам повыше. То есть, “рабочую робу” можно, наверное, и штампованную, но вот в обществе появиться, учитывая расцветки и фасоны “пейзажно-рабочей” обёртки — никак.

Соответственно, все классы, с девятого включительно, шились у портных. Которых, судя по замусоленному “листку объявлений”, Терск содержал до чёрта.

Гемину барахло Лад справлял, но я ни черта не помнил где, так что, по здравому размышлению, решил проконсультироваться у подруги дней моих суровых. Так что, после окончания занятий четвёртого дня квинка, подхватил я девицу под ручку, отволол в едальню, да и озадачил своими хотелками.

— Конечно, Гемин, у нас замечательная портниха, Велиса, — ответила на мой вопрос Сона. — И с мужчинами она прекрасно работает, хотя папа кривится, мол, не умеют женщины хорошо шить, — с некоторым возмущением выдала она.

— Ну, в массе своей, лучшие портные — всё же мужчины, — с некоторым сомнением выдал я.

По крайней мере, судя по памяти двух Миров, выходило так. Как и с поварами — впрочем, у женщин выходило готовить “из ничего”: из такой фигни, из которой самый маститый мужчина-повар сделает только помои. А вот женщины умудрялись готовить из подобного вполне удобоваримые, а подчас и вкусные блюда. Впрочем, подобный вопрос в этом Мире мне в литературе не встречался и на практике, в должной мере, чтобы судить — я не сталкивался. Сам я с начала самостоятельного жития-бытия закупался пожрать “на вынос” в едальне рядом с гимназией. Вполне вкусно, недорого и, кстати, была в этой едальне именно повариха, подозреваю — и владелица небольшого заведения.

— Ты, конечно, прав, Гемин, — подтвердила мои “шовинистические мысли” девица. — Но Велиса — всё равно портниха чудесная.

— Я тебе верю, Сона, потому и спросил, — отвечивал я. — Адрес назовёшь?

— Конечно, Гемин, — покивала она. — А хочешь, отведу?

— Если тебя не затруднит, — ответил я, прикинув, что планов на сегодня, кроме “вечера с Соной”, нет, а отвести она предлагает сама.

— Конечно, с удовольствием, — улыбнулась девица. — А бородка тебе очень идёт, — внезапно выдала она.

Да, “оволосин”, которым меня снабдили в косметической лавке, за пару квинков превратил “три волосины под носом, две на подбородке” в приличную, пусть и короткую бородку с усами. На шее и щеках растительности не было, а растительность на физиономии я подстригал сам, остановившись на паре сантиметров — в принципе, раз в квинк подровнять, и никакого геморроя с ежедневным бритьём или расчёсыванием “окладистых волосьев”.

И отвела меня Сона к портнихе — даме лет под пятьдесят, чуть не вынесшей мне мозг “замечательный у тебя кавалер, Соночка” и прочими типично женскими комментариями, без учёта присутствия моей персоны, притом.

Впрочем, в плане профессионализма, на мой взгляд, тётка была вполне ничего, невзирая на “фонтан красноречия”. Да и по деньгам вышло как бы не на треть дешевле, нежели на памяти Гемина.

Что самое приятное — принимала тётка и заказы на обувь, да и на зимнюю одежду, демонстрируя образцы. Так что гардероб у меня до экзамена, да и на поездку в столицу будет, причём на то, что я занимаюсь гимнастикой и, возможно, “изменю стати”, Велиса понимающе покивала, посулив “заложить в швы материал с запасом, потом поправлю”.

Единственное, с чем возникло затруднение, так это со “спортивной обувью”. Башмаки и сапоги — вещь хорошая, но регулярно бегать на жёстких каблуках — дело глупое. Мороз в своё время обжёгся на “беготне в казаках”, потом не один месяц выправлял последствия. Возможно, “доводчик местных” о таких вещах позаботился, но вряд ли: позвоночник — вещь такая, корректировке поддающаяся с трудом. А я хоть и тощий, но высокий, так что побережь не помешает смолоду.

Так вот, понятия “кроссовок”, “кед” и прочего подобного, очевидно, местная мода не знала. Максимум, что могла предложить дама — это сапоги, “как у защитников наших”, то есть “армейскую моду” под портянки, на относительно толстой и мягкой кожаной подошве.

В топку, оценил прелести армейской обувки я.

И в итоге пришли мы к выводу, что нужны мне поршни на каучуковой толстой подошве. Что портниха и обязалась предоставить, со всем прочим заказанным, через полтора квинка.

А покинув швейную обитель под ручку с подругой, я призадумался, да и решил предоставить девице право решать:

— Сона, ты мне очень помогла, спасибо тебе, — поблагодарил я. — Куда бы ты хотела сходить дальше? Поддержу любой твой выбор, — веско покивал я.

— Совсем куда угодно? — уточнила улыбающаяся подруга. — А в визиотеатр можно?

— Можно, конечно, — улыбнулся и я.

Вообще, довольно любопытно с кинематографией в Стегосе, припоминал я, по дороге к театру. При наличии весьма цветного телевидения, чёрно-белое кино. Впрочем, припомнил я зомбоящик, кроме трансляций передач, зачастую, крутили и некие фильмы, правда чёрно-белые и... на этом месте я чуть в голос не заржал: уж не знаю, что за “съёмщики изображения и звука” у владык зомбоящика, но, судя по всему, камеры “прямого эфира”. Так вот, судя по ряду особенностей, телевизионное изображение кино... снималось “с экрана”. Пираты этакие, мысленно хмыкнул я.

Визион, или визиотеатр располагался в центре городка, в общем-то, транспорт мне пока и не был нужен ни разу — весь центр — четыре километра диаметром, полчаса хода максимум, да и то редкость. Афиши, причём кричащие, указывали о новой фильме “про доблесть и любовь”, с мордами актёров разного пола, перекошенными соответствующими чувствами. Ну, поглядим, решил я, приобретая билет в “отдельную ложу”, не без некоторого, признаться, умысла.

Заняв оную ложу, с довольно удобным диванчиком на двоих, мы с Соной взялись за ладошки, время от времени поглаживая их, ну и уставились на экран в темноте.

Фильм был... ну чёрт знает, как по мне, актёры играли откровенно дерьмово. Излишнее эмоционалирование, бестолковые “наезды камеры” на выпученные глаза... В общем, то, что мне не слишком нравилось в театре обычном — излишнее, навязчивое “эмоционалирование”. Но в театре это несколько оправдано стремлением “достучаться до галёрки”, а вот рожа в пол-экрана, перекошенная “полнотой чувств-с”, была скорее комичной, нежели “прочувствованной”. Впрочем, подруга смотрела, не отводя глаз, время от времени, в особо “драматичных” моментах, сжимала мою руку.

Сюжет же фильма был таков: некий пограничный конфликт с “неназванным соседом”, но все всё знают: как флаги были “схожи до одинаковости”, так и общий антураж указывал на один из последних пограничных конфликтов Анта с “островитянами”. Вот на кой болт Ант вообще полез туда — я не понимал. В учебнике истории указывалось чуть ли не “во славу сотоны”, точнее — островитяне были столь гадкие, что вот просто жить на одной планете с ними было решительно невозможно.

При всём при этом, конфликт выглядел так: экспедиционный корпус Анта героически высадился на несколько мелких и крупный остров архипелага. Островитяне от этого впали в ступор, за который население нескольких мелких островов было вырезано к чертям (сопротивление подавлено, как писал учебник истории), на самом крупном острове войска подошли к столице и осадили её. Осаждали-осаждали, дождались, когда к островитянам подоспеет подмога. А в итоге, с немалыми потерями, экспедиционный корпус Анта совершил ретираду.

Всё это выставлялось как “великая победа”, “цели достигнуты” и прочее, но, по фактам, не скрываемыми даже в учебнике (хоть и не связываемыми в нём с “военной операцией”) выходило, что Ант получил по наглой морде, морская торговля на десятилетия оказалась если не перекрыта, то весьма затруднена... В общем, размялись душевно, мдя.

Так вот, судя по мной наблюдаемому в фильме, это была такая попытка “объяснить, нахера это было нужно”. Итак, главный герой фильма, некий “выюнош молодой, со взором горящим”, отпрыск одного из семейств первого класса, “по зову сердца” подался в Министерство Дипломатических Дел Анта, в ведении которого были и шпионы. Как раз шпионом, который разведчик, подвизался этот парень, да и выяснил, что на “придуманном, но созвучном” острове, вражины ладят здоровенную пушку. Совсем здоровенную, на пагубу Анту, вот как выстрелит она — всему Анту настанет неотвратимый плохо.

Кстати, муляж сей вундервафли внушал — кропал его явно талантливый декоратор, и “уберпушка” вышла на удивление зловещей.

Соответственно, докладывает наш герой тогдашнему Доброму Хозяину. Тот опасностью проникается, пускает слезу и предлагает нашему “мажору-шпиёну” награду: свою дочь в жены и пару коньков в придачу. Но наш герой — ух какой герой, соответственно, жениться, когда родина в опасности, никак низзя. И просит мажор направить его охреневать в атаке на остров супостата. Добрый Хозяин вторично пускает слезу и направляет героя “вражину воевать”.

Далее происходит ряд батальных сцен и обзоров острова, где злобные вражины с непередаваемым цинизмом режут собственное население. На кой они это делают — чёрт знает, видно, из врождённой злобности. Причём режут качественно, с подробностями, непременно детей и младенцев.

В это время войска под предводительством нашего мажора пробиваются к “уберпушке”. Причём делают это они, сидя в окопах. Ну, он герой, он и не такое может. Батальные сцены и прочие моменты прилагаются, в итоге герой кидает в пушку гранатой, и пушке наступают кирдык. Но, злобные вражины стреляют из пушки в нашего героя и отрывают ему ногу этим выстрелом.

Он, значит, героически мучается, раздаёт войску указания (какие — непонятно) и утаскивается в лазарет. Где ему обрабатывается культя, а медсестра, весьма приглядная девица, воспылывает к герою неудержимой страстью. И, пардон, употребляет героя на операционном столе, со, сцука, одухотворённой рожей.

Реалистичность всей этой жути, как понятно, в значениях отрицательных. Но девица, в распахнутом халатике, с одухотворённым лицом, скачет на елде “одноногого героя после операции” весьма бодро. Вообще, назвать это полноценной порнухой нельзя — акцента на сиськах-письках камера не делает, но и “целомудренно” не скрывает, хотя основной акцент камеры приходится скорее на рожи совокупляющихся и ихних “театральных эмоциях”.

По окончании пятиминутной “совокупительной вставки” бегло показывался “счастливый и ликующий” островок и возвращающиеся в родимый Ант “счастливые и ликующие” победители. На фоне моря медсестричка спрашивает у героя, мол, как же ты дальше? На что одноногий, но негибачый, выдаёт: “пока пламенное сердце бьётся в груди, буду служить благословенному Анту”. Поцелуй крупным планом венчает сцену.

Следующий кадр — Добрый Хозяин из собственных ручек награждает героев. Медсестра (вот сюрприз-то!) оказывается доброхозяинской дочкой, сбежавшей “лечить

доблестных защитников Анта”. Слёзы Доброго Хозяина вновь прилагаются, как и закономерная свадьба дочурки с героем. Судя по фильму, не без иронии отметил я, Добрый Хозяин занят исключительно слезоразливом.

А вообще — пропаганда вульгарис. От “мы защищались” на последнем, совершенно бессмысленном конфликте, до “теряйте ручки-ножки, это ничем не вредит и почётно”.

Ну да и чёрт с ним, благо последние двадцать лет Ант достаточно мирен, да и войн на носу не намечается. Наверное, с некоторым сомнением отметил я, да и забил.

У меня, пардон, подруга под боком, причём кадры фильма её явно распалили, а мне, хмыкнул я, после “безного-полевой ебли”, очень не помешают здоровые эротические впечатления. А то могу и девиацию какую нехорошую подцепить.

С этими разумными мыслями, я приобнял подругу, да и под титры на экране слился с ней в поцелуе. Сона весьма бодро в нём участвовала, гладила меня, а через пару минут, разорвав поцелуй, тяжело дыша, спросила:

— Гемин, а дальше мы будем?..

— Я хочу, очень, а ты? — честно ответил я на не до конца заданный вопрос, на что последовал пусть смущённый, но уверенный кивок. — Тогда, приглашаю тебя ко мне, Сона.

— Конечно, Гемин, — почти прошептала она.

Ну и направились мы из ложи. По пути я отметил как пунцовеющие щёки подруги, так и не одну и не две парочки. Видимо, “порно-вставка” содержит ещё и такой смысл, мысленно злопыхнул я, но забил: реально не до того.

Добрались мы до моего обиталища, где Сона, окинув взглядом студию, выдала:

— Комната, но уютно очень. Я сейчас, Гемин, я читала, — с этими словами она опустилась на колени, протянув руки к моему поясу.

Отмороженная порнуха

Ну уж нет, не так и не то, отметил я, хватая девчонку за руки и поднимая на ноги.

— Почему? — с обидой уставилась на меня Сона поверх очков.

— Потому, Сона, что сначала мы примем ванну, — честно ответил я.

— Вместе?

— Ну да, заодно и лучше узнаем друг друга, — улыбнулся я.

Мазнул губами по губам, быстро затопил камин — нам не помешает, с улыбкой взглянул на неуверенно разоблачающуюся девицу.

Скинул с себя одежду, подошёл к Соне. Девчонка, отчаянно краснея, прикрывала грудь руками, спустив платье до пояса, но взглянув на обнажённого меня (с весьма стоящим

прибором) как покраснела сильнее, так и решительно разоблачилась. После чего я ухватил подругу за ладошку и повлёк к ванной.

К счастью, горячая вода и даже смеситель были. А вот душа — ни черта, так что я обычно мылся на деревянной скамеечке, поставленной в довольно обширную, метр на два, ванну. Но сейчас несколько иной расклад, так что зайдя в ванную, я решительно потянул в неё обнажённую девицу.

— А как мы дальше? — спросила Сола.

— Сначала — я помою тебя, потом — ты меня, а дальше — посмотрим, — с улыбкой ответил я.

Намочил губку и, для начала, начал протирать замершую подругу. Заодно и изучая её — тоже дело не лишнее и чертовски возбуждающее.

Досталась мне девица, прямо скажем, аппетитная. Розовая, смущённая, зажмуренная, но “подглядывающая” то одним, то вторым глазом. Чуть вьющиеся, рыже-пепельные волосы до лопаток, обычно собранные в низкий хвост, а сейчас вольно распущенные. Крупные, серые, “подглядывающие” глаза с чуть опущенными очками — снимать их девица не хотела, потому что “хочу всё видеть”, что, в общем и целом — ей весьма шло. Пухлые, хоть и не слишком яркие губы, острый подбородок на “ромбовидном” лице. Тонкий, чуть вздёрнутый нос, ну и слегка оттопыренные аккуратные ушки. Всё это великолепие поддерживала соразмерная шея, расположенная на весьма аппетитном теле.

Грудь у Соны была чашами, не слишком большая, возможно, не дотягивающая до двоек, но очень аккуратная и правильной формы, что я ценил превыше “лютых бидонов”. Соски, призывно затвердевшие, были розовыми и довольно крупными, с немаленькими ореолами. Проведя по ним губкой после плеч и шеи, я вызвал у подруги тихий стон и прикушенную губу, но акцентироваться не стал, ведя губкой ниже, аккуратно поворачивая девицу второй рукой.

Живот с впалым пупком имел небольшой, выступающей не более пары сантиметров над пахом валик жирка, скорее пикантный, нежели отталкивающий, ничуть не мешающий талии “быть”.

И чертовски широкие бёдра, оставляющие в промежности весьма заметную “ложбинку”, аж ноги не сходятся, улыбнулся я.

Щёлка, по которой я провёл губкой, вызвав лёгкий писк, была вполне девичьей аккуратной складочкой. К которой я ещё вернусь, посулил я, проводя по промежности влажной губкой и поворачивая девицу спиной. И начал водить губкой по уже знакомой мне жмякательной попке, весьма большой, но не гигантской, правильной формы, но в меру мягкой — в общем, замечательной попке.

Ноги у Соны были не сказать, чтобы слишком длинными, но вполне пропорциональными. Притом, я бы даже сказал, что несколько слишком тонкими — но тут, скорее, слишком широкими были бёдра, что мне вполне нравилось. А вот ступни... чёрт возьми, маленькие, идеально ровные, с аккуратными пальчиками — первый раз видел столь красивые и аппетитные ножки, в этом случае как бы футфетишистом не заделаться, подумалось мне, пока я проводил губкой по этому сокровищу.

Впрочем, заделаюсь — и хорошо, резонно заключил я.

И прихватил банку с жидким мылом, начав аккуратно намывать подругу уже руками. Хоть и моя, но уже акцентируясь на интересных местах, причём не только на груди и промежности — помимо ощущения горячего тела под руками, весьма приятного, я искал эрогенные зоны подруги. И, помимо вполне естественных сосков, щёлки и промежности, лаская которые, я вызвал постанывание и учащённое дыхание, Сона, как оказалось, балдела от ласк шеи. Попки, как вообще, так и пусть не видного, но вполне ощущаемого колечка ануса, на “намыливании” которого её даже слегка выгнуло, пришлось придержать за талию, чтоб не упала. И пальчики ног, которые я перебирал, намыливая, тоже оказались весьма “чувствительными”.

Аккуратно полив девушку из ковша тёплой водой, я отступил на шаг.

— Моя очередь? — тяжело дыша, непроизвольно облизывая пересохшие губы, блестя глазами (и косясь на мой боеготовый хобот), севшим голосом спросила Сона.

— Если хочешь, конечно, — ответил я. — Но, могу и сам...

— Хочу, конечно! — аж возмутилась подруга, хватаясь за лежащую на деревянной скамеечке губку.

И принялась мочить меня, что, впрочем, много времени не заняло — моя её сама я, как понятно, в должной мере “увлажнил”. После чего, набрала ладони жидкого мыла, начав намывать меня.

До определённого момента она водила по мне руками, перебирая пальчиками, смотря из-под очков мне в лицо. Но на характерной детали остановилась и даже слегка пригнулась, всматриваясь.

Член у меня стоял, как каменный, причём заметно подрагивал в такт ударам сердца, что и неудивительно.

Сона, аккуратно водила пальчиками по стволу, намыливая, перебирала мошонку, наконец, очень аккуратно потянула плоть, намыливая головку, на что уже я непроизвольно простонал.

— Больно? — испуганно спросила подруга, замерев.

— Приятно, Сона, — честно ответил я.

— Он... такой горячий и... горячий, — интимно понизив голос поделилась со мной ощущениями девица.

— Угусь, — кивнул я. — Только, Сона, мне кажется в постели — будет удобнее...

— Ой, я сейчас, — всполошилась девица, довольно быстро закончив омовение всего меня.

Правда, попу мне помякала, но, кажется, я понял, что она, основываясь на своих ощущениях, старалась сделать мне приятно. Да и в целом — как минимум, не неприятно, отметил я, а совместная помывка вышла весьма чувственной и приятной прелюдией.

После того, как мы напоследок ополоснулись, я добежал до ложа, сдёрнул покрывало, завернул в него девицу и понёс на руках на кровать. В принципе — последнее даже излишне, отметил я, пристраиваясь рядом со счастливо улыбающейся Соной. Камин прогрел комнату

до вполне приятной температуры, что чувствовалось, даже когда мы мылись. Что девица и подтвердила, приподняв покрывало и в очередной раз довольно мило порозовев, и спросила:

— А сейчас мы?...

— А сейчас опять моя очередь, — подмигнул я, сливаясь с подругой в поцелуе, лаская её нежными движениями.

Через пару минут, почувствовав её нетерпение, я оторвался от губ и переключился на поцелуи шеи, стараясь не оставить засосов. Параллельно, поглаживая грудь, перебирая пальцами соски. На ласки девушка реагировала весьма активно, по телу пробегали лёгкие судороги, она время от времени шептала моё имя. Через минуту я решил перейти к упругим холмикам груди Соны и весьма аппетитным, затвердевшим так, что приходилось разминать, соскам. Облизывая затвердевший сосок, легонько прикусывая его, я рукой играл вторым и сжимал грудь, так, чередуя, я доласкал подругу до стонов в голос и выгибания тела. Ну и логично решил перейти к главному блюду, целуя, спустился к промежности подруги. Щёлка её уже слегка приоткрылась, была довольно влажной, а слегка разведя двумя пальцами складочки, я полюбовался на небольшой, но уже набухший клитор. Который аккуратно лизнул, а потом легонько прикусил, вызвав ещё одну судорогу удовольствия любовницы. Раздвинув её ноги, я пристроился и начал ласкать как клитор, так и щёлку, слегка проникая в неё пальцами и языком. Сочащаяся влагой, осязаемо сокращающаяся и подёргивающаяся пещерка, стоны и моё имя указывали на вполне результативный эффект ласк.

Но я решил несколько разнообразить “первый раз” подруги, лаская щёлку и клитор одной рукой, стал пробегать языком по промежности. Последнее, судя по реакции, было девице приятно, но не слишком, так что перешёл я к её анусу, аккуратной розовой звёздочке, для начала начав ласкать его языком (благо, мылись мы не в последнюю очередь и ради таких ласк). И вот тут действенность подхода показала себя во всей красе — Сола аж приподняла таз над кроватью, стала с силой массировать и ласкать мне голову, почти крича “Ещё!”

В итоге до оргазма я довёл девицу, лаская ртом клитор, а пальцами слегка проникая в щёлку и попку Соны. Результат, в виде бурного оргазма, брызнувших потоком соков, венчал мои труды.

Полминуты девица фактически “стояла на мостике”, довольно болезненно вцепившись в мою шевелюру, после чего обессиленно опала.

— Ты — чародей, Гемин, это так приятно... — еле слышно произнесла она.

— Только учусь, — с улыбкой ответил я.

И решил исследовать столь понравившиеся мне ножки. Придерживая ступни девушки, я целовал и посасывал аккуратные пальчики, что, судя по улыбке, поджиманию ласкаемого, ну и вновь начинающему ускоряться дыханию любовницы — доставляло ей немалое удовольствие.

— погоди, Гемин, теперь моя очередь, — нахмурившись, отёрнула ножки Сола. — Ложись, я всё сделаю, я знаю, — на этом она поправила слегка запотевшие очки, что

выглядело как забавно, так и довольно возбуждающе.

Расположившись на спине, подоткнув подушку, для того, чтобы наблюдать, я предоставил подруге возможность действовать. Благо, возбуждение моё достигло стадии, когда тестикулы уже начинали побаливать, так что “разрядиться” становилось необходимостью.

И Сона, поглядывая на меня сквозь так и не снятые очки... начала повторять мои ласки. Не знаю, что она читала, но вышло как приятно, так и трогательно. Хотя жмякать МОИ сиськи не слишком удобно, мысленно хмыкнул я.

Впрочем, на подобные ласки девица потратила не более минуты — как я понимаю, ею двигало как желание доставить мне удовольствие, так и естественное любопытство. Так что через полминуты Сона расположилась у меня между ног, осторожно касаясь пальчиками подрагивающего члена. Наконец, обхватив ствол, она начала оттягивать плоть, оголив головку.

Зрелище девицы, замороженно разглядывающей мой агрегат, был чертовски возбуждающим, что вызвало практически произвольное покачивание моих бёдер. На что Сона, сосредоточенно нахмурившись, приоткрыла рот и, поцеловав головку, обхватила член мягкими горячими губами. При этом, взглянула на меня, так что я чуть не кончил от вида — очки, пусть и не были никогда моим фетишем, в данном случае, придавали вид “отличницы”, делающей минет... В общем, чертовски возбуждающе, не мог не отметить я.

Так что с улыбкой покивал девице и опять чуть качнул бёдрами. На что кивнула и Сона, насаживаясь губами на мой член, орошая его слюной и исследуя головку языком.

Через несколько секунд, она начала водить пальчиками по стволу в такт движениям руки насаживаясь губами. Я, перевозбуждённый, стимулированный видом “отсасывающей отличницы”, думал, что вот-вот кончу, но Сона, очевидно, вправду “читала”.

Выпустив изо рта головку, она несколько раз провела по ней языком и переключилась на ласки мошонки, а потом, слегка раздвинув мне ноги, промежности. И даже по анусу несколько раз провела язычком, причём всё это не прекращая водить по стволу пальчиками. Совокупность чертовски приятных ощущений закономерно привела к оргазму, член задёргался, а девица вскинулась, заключив головку в плен губ, принимая результаты оргазма в себя, даже слегка втягивая, втянув щёки. Вот чёрт возьми, кончил бы ещё раз, если бы не кончал уже, отметил я, наблюдая пикантное зрелище.

— Ну как, Гемин? — через несколько секунд спросила Сона, явно проглотив семя, глядя на меня с тревожной улыбкой.

— Чудесно, Сона, мне в жизни не было так хорошо, — честно ответил я с улыбкой, на что девица просияла.

— Мне тоже, ты чудесный, — отозвалась она.

— И ты, Сона. Иди сюда, — протянул я руку, подтягивая любовницу к себе.

Заключил её в объятия, целуя и лаская, на что получал ответные ласки. Что через несколько минут привело нас к повторному возбуждению.

Положив девицу на спину, я пробежался ласками по её телу, убедился в более чем

готовности к соитию лона. Пристроился к щёлке, поводил по ней головкой восставшего члена, вызвав стон, ну и вошёл в девицу.

С левой проблем не было, но войдя в Сону, я всё равно замер, как прислушиваясь к ощущениям, так и наблюдая за расположенной подо мной девицей. Последняя также замерла, прислушиваясь к своим ощущениям, а через четверть минуты неловко качнула бёдрами, слегка “сползла” и вновь “насадилась” на мой член.

Ну значит, “поехали”, заключил я, начиная понемногу двигаться в любовнице. Стенки лона при этом беспорядочно сокращались, рот подруги приоткрылся, глаза её затянула поволока. Так что стал я наращивать темп, а на определённый момент, впился в её губы поцелуем, благо разница в росте позволяла.

Сона, постанывая в такт моим фрикциям, на поцелуй отвечала, руки её беспорядочно ласкали меня, то голову, то щёки, то спину, ноги сжимались и расслаблялись, в такт лону, пока, наконец, мы не составили гармоничную фигуру — ноги любовницы сомкнулись у меня под ягодицами, подталкивая мои фрикции, руки — сомкнулись на спине, а губы наши были сомкнуты во всё длящемся поцелуе.

Подталкиваемый ножками любовницы, я всё наращивал амплитуду и темп фрикций, даже став немного замедляться, в беспокойстве о любовнице, но требовательное мычание и сжимающиеся ноги Соны указали, что “всё хорошо”. Я и продолжил, входя в горячее лono подруги на всю длину, тогда как языки наши сплетались и расплетались, ведя свою любовную игру. Наконец, я почувствовал наступление оргазма, постаравшись притушить его, но задёргавшие стенки лона вынудили меня извергнуться непроизвольно — и весьма вовремя, поскольку у сжавшей почти до боли ноги Соны оргазм как раз наступил.

Замерев, на некоторое время, мы смотрели друг другу в глаза.

— Любимый, — произнесла наконец Сона. — Любимый Гемин, ты со мной, — на этом глаза её заблестели, наливаясь поволокой слёз.

— Не рыдать! — возмутился я, — Всё было настолько плохо?

— Всё чудесно...

На этом я слился с девицей в поцелуе, а через минуту, выйдя из лона, я пристроился на бок рядом с любовницей.

— Давай спать, милая, — с улыбкой сказал я, снимая с неё очки и кладя на прикроватную тумбочку.

— Хорошо, любимый, — кивнула, счастливо улыбнувшись, Сона.

И пристроилась на мне, прихватив меня за даже слегка возбуждённый от подобного член. И уснула.

Ну, тоже ничего, мысленно хмыкнул я, поглядывая на посапывающую у меня на груди девицу. И секс вышел на загляденье, девочка явно неопытная, но не менее явно “читала”. Чёрт знает, кстати, что — невзирая на откровенность читанных мной романов, столь детальных подробностей там не давалось. С другой стороны, припомнил я сегодняшний,

точнее, уже вчерашний, фильм, может, и порнография есть полноценная, как учебного, так и “развлекательного” толка.

В общем, утром будем разбираться, заключил я.

С утра же, проснувшись, я обнаружил нас в той же позе, ну и стал потихоньку высвобождаться, на что Сона дёрнувшись, проснулась. Секундная растерянность в её глазах сменилась счастливой улыбкой, а через несколько секунд она спросила:

— Куда ты, любимый?

— Помыться, привести себя в порядок, — ответил я. — Надо будет сходить перекусить. И у нас будет серьёзный разговор, как нам дальше быть, — на что девица, подумав, кивнула.

Впрочем, через секунду её лицо озарила озорная улыбка, а легко охватывающая мой член рука несколько раз сжалась.

— А может...

— Сначала — помоемся, потом — “да”, а потом — перекусим, — обдумав, решил я, на что также последовал кивок.

Подкинул дров в почти потухший камин, да и забрались мы опять в ванну. Похоже, будет у нас это “своей фишкой”, отметил я с улыбкой, когда мы намыливали друг друга. Впрочем, мне нравится.

А после ополаскивания я почувствовал некоторые позывы, так что подошёл к унитазу. Как вдруг, вокруг живота обвилась рука, а выглядывающая сбоку голова пробормотала:

— А можно? Мне всегда было интересно, как это — стоя.

— Эмм, можно, — несколько неуверенно сказал я.

И помочился, когда член мой охватывали и направляли девичьи руки. Как-то... излишне интимно, хотя небезынтересные ощущения, отметил я.

После же, ополоснув агрегат, я отнёс подругу на кровать, положив на край. Было мне интересно попробовать ещё один вариант, так что, лаская девицу, я убедился в её готовности, приподнял ноги, ну и вошёл в лоно. И, совершая фрикции, придерживал руками ножки, лаская пальчики на ногах. Что, судя по реакции, было девице приятно, стонала она довольно громко, пальчики поджимала, ну и кончила весьма обильно, несколько раньше меня. Что, впрочем, не слишком нам помешало, точнее мне — четверть минуты фрикции были Соне не неприятны, а я благополучно кончил, получив как удовольствие, так и новые знания о пикантных местах любовницы.

Размороженная порнуха

— В ванну, — через пару минут заключил я. — Мыться, сушиться, а потом в едальню. А то мы из кровати до гимназии не выберемся.

— Я не против, — был мне ответ с улыбкой. — Но да, надо, — комично-серьёзно покивала подруга.

Через сорок минут мы завтракали в едальне, временами встречаясь глазами и непроизвольно улыбаясь. Пока, наконец, я не взял себя в руки и не начал “серьёзный разговор”.

— Сона, у нас была чудесная ночь, — начал я, на что опять слегка покрасневшая подруга покивала. — И мне хотелось бы её повторения. Не раз и не два, но надо определиться, что и как дальше. У тебя есть жених...

— А ты согласен жениться на мне, Гемин? — почти фанатично заблестела глазами подруга. — Мама сказала, что возьмёт папу на себя, если что, так что расторгнуть договорённость — не проблема, — уверенно заключила она.

— Хм, в принципе — я не против, — обдумав, выдал я. — Только, Сона, вопрос в том, что нам ещё рано. Мы даже гимназию не закончили, хоть и совершеннолетние. После гимназии — я поступлю в академию. А главное, нам надо получше узнать друг друга. Пожить вместе, понять, а устраиваем ли мы друг друга не только в постели, но и в быту, — на что девица задумалась.

— Наверное, ты прав, Гемин... точно прав, хотя я тебя люблю, вытерплю...

— Вот чего точно не надо, так это “терпеть”, — отрезал я.

— Хорошо, Гемин. А жить у тебя можно?

— Естественно, хотя одна комната, — задумался я. — Впрочем, так даже лучше, — заключил я через несколько секунд обдумывания. — Если мы чем-то друг друга не устроим — это всплывёт. Так, давай подумаем, что мы друг от друга хотим. Я, наверное... — начал формулировать я. — Ну, помимо весьма приятного соития, — подмигнул я покрасневшей, но кивнувшей мне девице, — хочу возможности заниматься обучением. Живём вместе, но имеем личное время, не мешая друг другу.

— Конечно, Гемин, — был мне ответ.

— Хм, само собой, взаимная верность, — начал прикидывать я.

— Я не против, если ты будешь с кем-то, — был мне ответ тихим голосом. — Если потом будешь со мной.

— Мне это к чёрту не сдалось, — отмахнулся я. — Так, ну по деньгам я нас обеспечу, — прикидывал я.

— Я хорошо готовлю, — подала голос Сона. — Кухонька маленькая, но выйдет дешевле и вкуснее, правда!

— Верю, — улыбнулся я. — Хорошо. А у тебя какие пожелания ко мне?

— Что бы ты был со мной, Гемин, — был мне ответ. — И... иногда читал мне свои стихи, если тебе не сложно, — тихо произнесла Сона.

На что я не мог не улыбнуться, прочтя стих, который сочинил в сам, тут же, навеянный чудесной совместной ночью. По совести, был он довольно неважен, как по мне, но Соне безоговорочно понравился.

И начали мы метаться. Для начала, наняли разъездной мобиль (чертовски, нужно отметить, дорого, но вариантов не было), заехали к Соне домой, где, пока подруга собирала

вещи, со мной поздоровалась Залина, с довольно-удовлетворённой улыбкой. Коллега отца, имя которого я, признаться, не вспомнил (надо бы у Соны узнать, отметил я, а то как-то неудобно даже), также отметил, взирая на мою персону без восторга. Что, в свете выявленных жалоб Лада на “сына-никчёму”, в чём-то и неудивительно. Но — не мои проблемы, мысленно хмыкнул я. Раз уж Залина меня к этому роману подтолкнула, пусть сама со своим благоверным и разбирается, с его недовольством.

После же, загрузились в мобиль, перевезя вещи подруги ко мне. Кстати, не сказать, что их было особо много — примерно на три аналогичных моему чемодана. После же пробежались по магазинам и продуктовым лавкам, так как Сола настаивала на “приготовлю всё сама”.

Вообще, как я понимал, кулинария была одним из “обязательных к освоению” женских предметов. Впрочем, “уметь” и “делать” — две большие разницы. Моя матушка, Клиссо, на памяти Гемина и не готовила ни разу, обходясь стряпнёй обслуги. Впрочем, Сола явно “воспылала” вариантом “приготовить любимому”, так что я был только “за”.

И, наконец, уже дома Сола заняла письменный стол, начав готовиться к завтрашнему учебному дню. Бросая на меня время от времени взгляды, улыбаясь и счастливо вздыхая, вызывая у меня искреннюю улыбку. Ну а я, взяв в руки свои порывы устроить марафон потрапушек, знакомился с литературой по анатомии.

И выходила довольно любопытная картина. Гипертрофированный эпифиз, помимо прямых отростков к глазным нервам, создавал такую “нейронную паутину”, охватывающую кору мозга. Вообще, в анатомии мозга уделялось довольно много места, правда, ряда информации, в плане зон мозга, местные либо не знали, либо не находили должным освещать.

Также я в свете последних событий не без интереса стал уточнять вопросы женской физиологии.

И да, получил подтверждение имеющимся данным — фертильность местных дам весьма и весьма низка, средний срок “для зачатия”, при “каждодневных трудах и здоровье супругов” обозначался в год.

При этом, минимум патологий и довольно безопасного протекания беременности также подтвердилось.

Так что, возможно, “замороженность” Стегоса имеет корни и в этом моменте — прирост населения весьма невелик, три ребёнка — если не редкость небывалая, то и не слишком распространённое явление. По крайней мере, от седьмого-восьмого класса и выше.

Ещё я отметил довольно высокую живучесть местных, отражённую в описываемых ранах и травмах и их лечении. Люди Мира Мороза от двух третей из описанного померли бы без немедленной реанимации. Да и не маги Земного Края, пусть они и покрепче, но вряд ли бы дожили до рекомендованных литературой “лечебных мероприятий”.

А вот со зрением патологии встречались, причём были, в основном, врождённые:

дальнозоркость, как у Соны, и близорукость. Видимо, не наследные, справочник отмечал их как “ошибки формирования плода, прекрасно корректируемые современной оптикой”.

Пролистав справочник дальше, я отметил вполне “нормальную” уязвимость к ядам, как растительным, так и животным. А вот язв внутренних органов в списке заболеваний не значилось, как и опухолей, что не может не радовать.

Но основная часть была всё же сконцентрирована на мозгах. Психические заболевания были описаны ничуть не хуже Мира Земли, ну и довольно подробно описаны методики лечения. Вот только лоботомия в ряде случаев меня несколько выморозила. Хотя, учитывая “эфирный эпифиз” и “патологическую чародейскую активность”, возможно, это и оправданно.

Наконец, пробежал я взглядом учебники на тему завтрашних уроков. И... вспомнил. Мне сегодня надо было быть у Марцила, а я и забыл. Последнее не удивительно, конечно, но надо бы быть собраннее, осудил себя я.

Впрочем, рекомендация преподавателя — пусть вещь бесполезная, но не критически важная: судя по всему, мне, кроме чародейской инициации, от академии ничего и не надо. А последнее я так и так смогу получить.

Но извиниться перед Марцилом надо, а если не пошлёт меня — более таких косяков не повторять, веско постановил я.

Тем временем, студию наполняли приятные запахи — негромко напевающая Сона, закончившая с уроками, готовила нам ужин. Поумилявшись на сосредоточенную девицу, я решил уточнить один заинтересовавший меня момент.

— Сона, — позвал я, на что восторженная девица с улыбкой ответила:

— Да, Гемин, скоро будет готово.

— Это хорошо, но я хотел у тебя уточнить. А что ты читала насчёт соития? Интересно, — признался я.

Девица покраснела, но оторвалась от плиты, метнулась к недоразобраным баулам и через несколько секунд протягивала мне потёртую книжку, отчаянно краснея.

Приняв эпистолярщину и благодарно кивнув, я решил ознакомиться с данным любопытным трудом, пока Сона, пунцовея даже ушками, вернулась к готовке.

Зачитанная, очевидно, потертая книжка называлась “Наставление деве молодой в утехах любовных”, на что я хмыкнул, ну и бегло пролистал сей труд.

И могу сказать, что его имело смысл изучить большей части известных мне (хотя, точнее, Грею, поправился я) дам. Как младым, так и опытным. Причём, труд сей описывал не только эрогенные зоны, методы и способы соития, но и ряд фетишей. Частично — охватывал мужскую психологию. То есть, например, вопрос приготовления пищи указывался как атрибут “весьма способствующий”. Ну, не всегда, конечно, но в целом — да, не мог не отметить я. И вообще, весьма толковая книжка, а судя по зачитанности — весьма нам в совместной жизни поспособствовавшая.

Кстати, надо бы поискать что-то подобное для “выюноша младого”, отметил я. А то я, конечно, дохрена опытный, “всё знаю-умею”, но мало ли. Не помешает, веско постановил я.

А после был совместный ужин, очень вкусный и чертовски душевный. Совместная ванна, которая у нас точно станет “доброй традицией”. Кстати, вопрос гигиены в книжке “деве молодой” не поднимался, а, как по мне, жизни половой он весьма способствует.

И весьма приятно, по окончании водных процедур, повторили мы любовные упражнения. Засыпали в обнимку, очевидно довольные друг другом.

А с утра гимназия, думал, засыпая я. Но чертовски мне с этой девчонкой повезло, надо бы, чтобы и она о своей влюблённости не пожалела.

7. Туманные дела

Утро вышло чертовски приятным, мне даже тренироваться было не надо — физическая нагрузка вышла вполне достаточной. Сона выдала мне “школьный обед”, да и направились мы под ручку в гимназию.

Первым делом, оказавшись в гимназии, я заскочил в кабинет физика, взиравшего на меня с некоторым недовольством. Мимоходом посетовав на “возвысителя” местных человек (ну не гад ли — не болеют толком местные, а мне теперь и не соврёшь!), я с покаянным видом признал свою вину. Степень и глубину не признавал, но и без того всё было ясно.

— Материал выучили? — сухо полюбопытствовал бородач.

— Выучил, господин Марцил, — выдал я, отдавая учебники и справочники.

— В воскресенье у меня. Ответите материал. Если ещё раз подобное повторится — считайте, что наш договор расторгнут, — отрезал физик.

Ну, вполне справедливо, мысленно отметил я, плетясь на занятия. А, на обеде, перекусывая с Соной на лавочке, я на всякий случай перетраховывал мысли и решения своей персоны, да и внешние факторы.

Итак, для начала — с чего это девица столь быстро и резко согласилась “быть со мной”? Причём, ладно бы сама Сона, девчонка влюблённая, но Залина, причём застраивающая в этом плане муженька?

И в этом случае всё прозрачно и примитивно: я за сборник стихов получил зарплату немаленького чиновника за несколько лет. Даже если я перестану писать, во что, к слову, никто не верит, я — УЖЕ вполне завидная партия. Ну а если не брошу — так вообще замечательно.

В общем, позиция на тему Соны у её семьи выходит беспроблемная изначально: сойдётся она со мной — прекрасно. Не сойдётся надолго — будет опыт, избавится от “ветра в голове”, подготовится к грядущей семейной жизни. Тоже, в общем-то, неплохо.

Вопрос номер два: а с чего это я, весь из себя мудрый и опытный, повёлся на явный и в чём-то неловкий развод девицы-подростка насчёт “брака”?

А дело в том, что... а почему бы и да? У меня, подозреваю, за счёт “удалённого управления демонической душой” производные тела над разумом не довлеют. То есть, я могу телом получать удовольствие, чувствовать эмоции, но до “нутра” они доходят, только пройдя фильтр разума.

Другое дело, что и моя “гипотетически демоническая” часть не лишена эмоций и переживаний, причём чёрт знает, что их источник. Но в случае с жизнью половой безумные любви мне не грозят.

Даже у Отмороженного на эмоции и отношения влиял эфир, пусть, высоковероятно, запрограммированный им самим. Про Мороза можно не говорить, а вот у меня,

замечательного, не так. И голову я, соответственно, не теряю.

И вот спрашивает у меня Сона насчёт брака. И меня, после секундного размышления, он вполне устраивает. Безусловно, какое-то время проверить надо, пожить вместе, но я почти уверен, что аварий не будет. А я получу красивую, умеющую доставить удовольствие, приятную лично мне спутницу жизни. Найду лучше? Вот только зачем? Я не Отмороженный, за “лучшее” гоняться, меня всё и так вполне устраивает. Лучше, даже если такое и возможно, мне просто не надо. Подруга есть, удовольствие в жизни есть, время на свои исследования есть. И, пардон, нахрена мне в таких раскладах невнятные, тощие и драные журавли, когда в руках у меня вполне меня устраивающий и реально мне приятный воробушек?

Ну а если что-то и всплывёт нехорошее со временем — так я не местный всё-таки. Брак тут скорее культурно обозначен “пожизненным”, а по факту ограничений юридического толка нет. “Общественное осуждение” — вот беда-то какая, мне от ентото “общества” не столь много надо, чтоб на его мнение оглядываться.

Разобрав режим полёта воздушного судна “жисть половая и социальная господина Гемина”, да и докушав более чем пристойную еду (тоже ведь фактор немаловажный и весьма приятный), я вернулся к учёбе.

И до конца недели выходила у меня чертовски приятная во всех смыслах жизнь. Гимназия, конечно, всё же напрягала непомерными тратами на себя времени и потенциальной угрозой перманентной порки, но в остальном — сам бы себе позавидовал, если бы не был собой.

Сона прекрасно готовила, полностью удовлетворяла меня в постели, ну и не была излишне навязчива. Просто “идеальная жона”, а не человек, добродушно ухмылялся я. Впрочем, со временем посмотрим, может, она меня к себе “приучить” пробует, а потом попробует учинить весёлый марафон церебрального секса, нескончаемый, по гроб жизни. Хотя, судя по всему — вряд ли, признал я, поглаживая посапывающую на мне девицу.

А вообще, думал я, засыпая в предпоследний день квинка, довольно любопытно у нас в Стегосе технологии корёжит. Например, косвенные данные, поскольку прямых ни черта не было, указывали, что мобили и электростанции работают на ртутно-водяных турбинах. Вообще — вариант весьма достойный, с КПД до сорока процентов, но весьма сложный в исполнении, в плане точности работы и требовательности к качеству материалов. Не для генераторов на электростанциях — там-то вариант “Наварить защитный кожух. Мало одного — пусть будет ещё!” вполне приемлем. А вот с мобилиями весьма непросто, но делают ведь, чтоб их!

Та же самая бредятина, что и с полупроводниковой электрикой. А вот топливо производилось “без тайн”, причём пейзажами: дерево, солома и прочее подобное перегонялось в масла и спирты. И вполне удовлетворяло, насколько я понимаю, потребности “Замороженного Мира” в топливе.

Оружие — пороховое, причём уже не менее четырёх сотен лет — на нитропорохе. И, опять же, весь прогресс — пушки побольше. Уберпушка в фильме про безногого мажора — вполне соответствовала реальности.

Воздушного сообщения нет вообще, как факта — ни легче, ни тяжелее воздуха. При этом, например, Ант соединяет сеть железных дорог с регулярным сообщением и поездами, как я понимаю, на всё тех же ртутных турбинах.

И вообще, учитывая то, что даже в городе сносные дороги только в центре, железная дорога — единственная возможность сохранения государства как факта. В противном случае коммуникации осуществлялись идущими годами караванами.

Казалось бы — поле разливанное для прогрессора. Но вот есть у меня нехорошие подозрения, что всё это неспроста. Да, вероятность того, что “прорывные технологии” выковыриваются из эфирного плана, почти стопроцентная. Но вот отсутствие общего развития, пусть и на основании “натыренного” — бред. И мои мысли о “ленивых и нелюбопытных человеках” ни черта не объясняют. Путь не прорывные технологии, ладно. Но радио местным известно! Зомбоящик чуть ли не в каждом доме, а радиосвязи толковой нет. Почта и, чтоб его, проводной телеграф. Да, с возможностью передач даже картинок, но всё равно — бред выходит.

А значит, есть некий фактор, развитие науки и техники тормозящий. И во “внутренний”, в плане “ущербности творческого начала”, не верится ни черта. Пусть местные люди во многом оптимизированы, а в чём-то — урезаны. Но история древнего мира антским по бумаге обозначает развитие более-менее соответствующее миру старушки-Земли.

А вот после древнего мира — мдя. Тоже, что ли, попы постарались? Ну хорошо, допустим “заморозка” — это попы. Только бред выходит: чуть ли не половина изобретений — “святой отец такой-то”. И нет в местном опиуме для народа никаких “земля на трёх слонах, а кто не верит — в топку”. И не было, судя по истории.

В общем, ни черта не понятно, но весьма занятно. И, надо учитывать, что планы насчёт “попадуна-прогрессора” могут быть благополучно похерны неким неведомым фактором “заморозки”. Вместе с самим попадуном в моей роже, что самое неприятное.

Так что, окончательно решил я, планы “запрогрессить Стегас с силой страшной и необоримой” мы пока строить не будем. А буду я, до конца гимназии, просто жить, благо оно и вполне приятно выходит.

Правда, только балду пинать и Сону трахать все пять месяцев — как-то по-дурацки получается. Но и маяться хренью какой-нибудь бессмысленной — ещё более по-дурацки. И начал я проверять, всё ли сделал из возможного.

Эфир не раз и даже не десяток раз проверил — не отзывается, подлючий. То есть, понятно, что метод взаимодействия с ним несколько отличен от “ощущения пальца” Земного Края, но какой и как — “начувствовать” у меня не вышло.

Пробовал накарябать магический круг. Накарябал, кровушкой полил, попыжился над ним. Почувствовал себя на всю голову сатанистом, других эффектов не наблюдалось. Так что тут — точно только ждать инициации.

С изучением всякого-интересного — швах. Гимназический курс прочитан и перепроверен, библиотека и букинистический магазин тоже. Ничего особо интересного в последних нет, только выходящие за рамки гимназической детали, скорее количественные, нежели качественные.

Юридическая литература, хмыкнул я, припомнив лютый стеллаж в книжном. Вот вообще смысла нет. Даже если бы я рассчитывал на карьеру юриста — нужно правополагание, а так — хоть целиком всю эту макулатуру выучу, а толку не будет.

И остаются мне языки, с которыми и так уже неплохо, но может быть лучше, факт. И биология в качестве настольной книги. Основные нюансы, меня волнующие, я уже узнал, но можно и для общего развития просветиться — отнюдь не лишним будет, да и небезынтересно. К тому же, медицина в замороженном мире развита весьма неплохо, в чём-то получше мира Земли.

И, наконец, физические занятия, прикидывал я. Хотя мне тут Сона как помешала, так и помогла. Просто несколько иные мышцы качаются, улыбнулся я, разглядывая копну пепельно-рыжих волос.

Но надо, хотя несколько разбавив занятия вертикальными занятиями горизонтальными, довольно заключил я.

На следующее утро у меня было запланировано посещение Марцила, раз уж физик меня не послал. Так что бодро пожелал Соне доброго утра с деталями, бодро собрался, не менее бодро заскочил в кондитерскую — ну раз уж меня чаем почуют, плюшки надо свои тащить, да и направился к преподавателю.

По пути предаваясь сложному вопросу — а вот начинать мне курить или нет? И по здравому размышлению выходило, что скорее всего — “нет”, по крайней мере, пока. Так-то привычка, при всех своих недостатках, не лишена ряда приятностей и полезностей. Но последние проявляются в состоянии стресса, а у меня... всё хорошо. Ну, хочется, конечно, больше, и чтоб гимназическая угроза розог сменилась раздольными гранитными полями науки Академии, но это хотелки.

А так — ни стрессов, ни огорчений, одни приятности, заключил я, внутренне поёжившись. Вот лучше б какая-нибудь пакость была, фоновая и неприятная. А то что-то у меня приступы паранойи вызывает незамутнённое благолепие. Хотя, это тоже паранойя, так что не буду в благоглупости впадать, ну и наслаждаться жизнью, раз уж так сложилось, резонно заключил я.

Марцил на притараненные плюшки одобрительно хмыкнул, но расспросы “по теме” проводил весьма пристрастно. Собственно, из-за его углублений в детали мы проговорили два с лишним часа, прерванные лишь весьма отчётливым “незаметным покашливанием” из соседней комнаты “моей подруги” физика.

— Что ж, Гемин, вижу, вы материал изучили с усердием, похвально, — покивал бородач. — Берите эти книги, ознакомьтесь, жду вас в конце следующего квинка. И учтите — нужно понимание, а не заучивание, — сел на педагогического конька он. — Что-

то не будете понимать — спросите у меня, а заучить и забыть, как поступает большинство — совершенно бессмысленно.

На этом педагогический монолог физика прервало уж совсем громогласное “незаметное покашливание”. Я даже заподозрил полногрудую даму в чародействе — ну реально, столь громко и выразительно покашливать из соседней комнаты — практически невозможное дело.

— Прекрасно это понимаю, господин Марцил. Нужно это не вам, а в первую очередь мне, — на что слегка покрасневший от столь “заметной незаметности” физик покивал. — И проверять вы будете, прежде чем рекомендовать меня, не “последнее задание”, а именно понимание.

— Именно, Гемин, хорошо, что вы это понимаете. И — до свиданья, — приподнялся из-за стола дядька.

На этом мы и распрощались. А я, неторопливо бредя домой, думал, чем бы нам с Соной заняться. Ну, помимо занятия естественного, конечно. В визион сходить, конечно, напрашивалось, но как-то увиденная фильма меня туда не тянула. Так что только если сама захочет, постановил я.

Наверное, в кафешку какую сходить... в общем, поговорю и разберёмся. Может, ограничусь читкой моих (уже реально моих) стихов, ну и дружбой телами. Тоже дело небесприятственное и вообще.

С этими мыслями я в студию и вцелился и... немало напрягся от увиденного. Итак, за письменным столом сидела заплаканная Сона, кинувшаяся ко мне при моём появлении. А в кресле вольготно развалился некий тип, лет тридцати с хвостом. Причём, на лацкане его поблескивал значок, обозначающий принадлежность к полиции. И в ботинках, паразит такой, отметил я поругание наших полов.

И прежде чем я начал злопыхать и кидаться в незваного гостя тяжёлыми предметами и словами непрельстивыми, Сона до меня добралась, вцепилась объятьями и со всхлипом выдала:

— Гемин... твои мама и папа... — на этом она всхлипнула, уткнувшись мне в грудь лицом, не в силах продолжать.

Так, судя по всему, с Ладом и Клиссо беда, учитывая противного полицая. А я уж думал, это заход два “развода малолетки на деньги”, раз уж с налоговиками не вышло. Ну и требовательно уставился на всё так же развалившегося полицейского.

— Гемин Толмирос? — подал голос он, на что я, немного подумав, кивнул.

Хамство, опять же, но ситуация явно нетривиальная, так что учить недоученного полицая представляться первым — нет ни желания, ни, подозреваю, времени.

— Недий Варон, следователь по разбойным делам полиции Терска, — представился полицай. — С прискорбием сообщаю вам, господин Толмирос, что Лад и Клиссо Толмирос убиты в результате разбойного нападения.

Вот просто... так, собрался я, приобнимая всхлипывающую и вцепившуюся в меня Сону. По логике — это мне надо рыдать, но не рыдается, хотя время на подумать у меня есть. Душевная травма и всё такое, решил я, исказив физиономию в меру скорбной и растерянной гримасой.

Итак, разбойное нападение. В принципе, Терск — довольно спокойный город, так что тут особого криминала и не было, насколько я знаю. Бытовой — да, случался. Ну и ограбления вне “центра города” были время от времени, особенно подвыпивших “господ”. Но убийства не в драке или семейной соре были редкостью, а последний в городке разбой со смертью произошёл чуть ли не год назад. Осуществили его некие заезжие типы, “объявленные в розыск”. История была столь громкой, что и “на всё пофиг” Гемин был в курсе ситуации. Тоже, кстати, семейная пара, муж — чиновник городского казначейства.

Тоже “залётные”? Скорее всего, но ни черта мне ситуация не нравится. Ныл, чтоб меня, про “белую” полосу, накаркал, блин, мимоходом злопыхнул я непонятно на кого.

Так, ладно, нужна информация. И дел у меня весьма “прибавилось” — как бы я к Ладу с Клиссо ни относился, теперь последние почести — моя забота, это чисто по-человечески правильно.

— Господин Варон, прошу у вас несколько минут, поговорить с подругой, после чего буду полностью в вашем распоряжении. Насколько я понимаю, от меня что-то требуется? — на что последовал молчаливый кивок, очевидно, как на “минуты”, так и на “требуется”, совокупный. — Сона, — произнёс я, отстраняя девицу и держа её за плечи, — мне предстоит масса дел, очень прошу тебя — отправляйся домой. Сегодня я нанесу вам визит, а пока у меня будут дела, тебе же лучше быть с родными.

— А как же ты, Гемин? — последовал вопрос со всхлипом.

— Справлюсь, а вечером увидимся. Сделаешь? — уточнил я.

— Сделаю, Гемин. Очень жалко твоих родителей, ты уж держись, любимый, — всхлипывала подруга, начав собираться.

По-моему, она более, чем я, горюет. Хотя, это точно так: для неё они — хорошие знакомые, без негативной составляющей, да и за меня девчонка переживает.

За пять минут Сона собралась, чмокнула меня в щёку, шепнула на ухо слова ободрения и покинула студию. Полицай, к его чести, терпеливо ждал, а вот с уходом девицы, наконец, поднялся с кресла.

— Пройдёмте со мной, господин Гемин, — выдал он, направляясь к двери.

— В участок? — уточнил я, закрывая дверь.

— Зачем? — последовал недоумённый вопрос. — На Тёплую улицу, в квартиру.

— Так, погодите, господин Варон, так нападение произошло в квартире? — несколько опешил я.

— Да, — скупо ответил полицейский, спускаясь по лестнице.

Так, а вот ЭТО мне уже совсем не нравится, мысленно напрягся я, следуя я чином. Впрочем, на месте разберёмся.

На месте и разобрались: ни соседи снизу, ни соседи сверху “оразбоены” не были. Замок двери, охраняемый полицейским снаружи, был явно повреждён. Совсем не нравится, заключил я, проходя за чином в гостиную.

В комнате был явный бардак, барахло валялось на полу, а по центру комнаты стояли двое козел, прикрытые простынями.

— Взгляните, их опознали, но на всякий случай, — проронил следователь отгибая простыни.

— Они, — произнёс я, взглянув на бледные лица.

— Хорошо, — нечутко выдал собеседник, накрывая тела вновь. — Полицейское управление выставит вам счёт за уход за телами. И, господин Гемин, проверьте пропажу отличительных ценностей.

— Не сказал бы, чтобы особые ценности были, да и не приглядывался я особо, — отвечал я, на что полицейский пожал плечами.

Проследовали в спальню родителей. Трюмо Клиссо было покорёжено и, естественно, лишено ценностей, косметика и книги раскиданы по полу. Смятая кровать была заляпана багровыми подтёками. У Лада в спальне картина была аналогичной, но вот место, которое он в свое время, кривясь, показывал Гемину, ни убийцы, ни кто бы то ни было ещё не нашли, судя по всему.

— Ценности пропали все, насколько я понимаю, но что-то конкретное и приметное назвать я не могу, — подал голос я.

— Понятно, господин Гемин. Тогда я вас покидаю. Счёт за услуги придёт на новое место вашего жительства, по поимке преступников — вас поставят в известность. Примите соболезнование и прощайте.

— Прощайте, господин Варон, — произнёс я уже вслед удаляющемуся полицейскому.

Так, ну, положим, поведение его нормально, насколько я понимаю, да и сословно следователь довольно высок, что накладывает отпечаток. А вот остальное... это не просто “подозрительно”, это пипец какой-то!

То, что меня не допрашивали и не “снимали показания” — странно мне, но я ни черта не знаю местных “заморочек” расследования, возможно, колдунским, точнее, чародейским образом мою непричастность и причастность неких “разбойников” установили.

Вопрос в другом. В подъезде три этажа, живут три семьи. А разбойники выбивают дверь на втором этаже, причём сосед с третьего, владелец лавки, гораздо “денежнее” заводского контролёра Лада. А судя по картине в спальнях, ворвавшиеся к спальням и рванули, сразу убивать находящихся в квартире. И следы... вот чёрт знает, не специалист, но на мой взгляд, “обыск разбойниками” больше на показуху похож. То же трюмо — нахрена ломать, когда полки беспрепятственно извлекаются?

И тайник Лада — пусть скрыт он искусно, но пристрастный обыск бы его обнаружил.

В общем, похоже, ни черта это были не грабители, а конкретные убийцы. Подошёл к козлам, откинул простыню, полюбовался на “вторую улыбку” Лада. Мдя, жалко их, невзирая ни на что, отметил я. И версия убийц видится мне всё более реальной.

А убивать родителей... да не за что, по большому счёту. Тишайшие обыватели, разве что Лад на службе кого-то столь сильно задел... Не верю я в такое.

Так, ладно, мыслеблудствовать можно до бесконечности, надо проверить тайник Лада, решил я, возвращаясь в спальню родителя. Повернул шишечку столба кровати, и мозаичная панель толстой кроватной спинки со щелчком откинулась, явив тайник.

Пистолетик, небольшая пачка денег и бумаги, отметил я. Из-за пистолетика Лад нам с Клиссо тайник и показал: очень, похоже, его впечатлило “разбойное нападение”. Но — не помогло, мдя.

А сделал, похоже, сам. Или “заказное свойство” кровати, чёрт знает: вроде, хоть и “высшего класса” но мастеровым был покойник.

Двести ауресов, несколько паёв в заводике — акций, по сути. И мелкокалиберный пистолетик на... На этом моменте я стал возиться со стрелялом. Такой, скорее “дамский” вариант, хоть и без украшений. Предохранителя ни черта не видно, видимо, или нет, или завязан на спуск. А магазин выдвигается нажатием на него же, ни черта не удобно, отметил я. Затвор, пустой ствол, а предохранителя нет вообще.

Ну и ладно, а мне, похоже, пригодится, прикинул я, помещая пистолетик в сумку — в карман, учитывая отсутствие предохранителя, не хотелось.

После чего вернулся я в гостиную, сел на диван и задумался. Так, ни черта всё это мне не нравится, сверх того, что, в общем-то, смерть родителей вообще — не фонтан. Судя по всему, их приходили убивать, и целенаправленно, причём причин таковому... вот ведь, задница! Но блин, бред же — из-за ТАКОГО убивать? Или нет... блин, не знаю, но подозревать надо. И что мне в раскладе виновности в этом деянии полицмейстера Щебетена Детропа делать-то?

Ну просто не выходит каменный цветок понимания, в рамках моих знаний, с иными “подозреваемыми”. Впрочем, знания мои скудны, даже сам факт того, что тут именно “убийство” — чисто умозрительен. Но исходить будем из этого подозрения.

Блин, а ведь ДАЖЕ если доказать, что это он, максимум — крупный штраф и понижение в должности, припомнил законы я. Что сказать, чудесная страна Ант, чтоб его.

И ведь похоже, что если он — ни черта не сделаешь, по обдумыванию заключил я. Разве что надеяться, что убийством родителей его полицмейстерство “удовлетворилась”, чтоб его. Если, конечно он...

Так, хватит мыслеблудствовать, одёрнул себя я. Исходим из того, что это полицмейстер,

это раз.

Родителей жалко, чисто по-человечески, но не более, это два.

Соответственно, бережёмся и ходим с оглядкой, это три.

Роман с Соной, похоже, закончился, это четыре. Обидно, но рисковать девчонкой, с учётом того, что я — возможная мишень убийц, я точно не буду.

И, наконец, надо разбираться с похоронами, это пять.

Кстати, хорошо, что я читал законы. А то...

На этом моменте мои размышления прервал дверной звонок. Засунув руку в сумку и нащупав пистолетик, я с некоторым опасением направился к двери. Но на площадке перед ней оказались не кровавые злодеи, а домовладелец: весьма пухлый дядька под пятьдесят, со скорбной миной на лице.

— Приветствую, Гемин, прими соболезнования, — выдал он.

— Приветствую, господин Корнел, благодарю, — кивнул я. — Проходите.

— Не хотелось бы, Гемин, — передёрнулся дядька. — Я пришёл принести соболезнования и сообщить тебе, что квартира до конца года оплачена.

— Я, господин Корнел, проживаю в другой, так что квартира мне понадобится не более чем на квинк, — отвечивал я. — Разберусь с похоронами и вещами, и она в полном вашем распоряжении.

— Понятно, — протянул дядька, на лице которого явно боролись жадность и сочувствие. — Арендные деньги за три месяца верну, — решительно сказал он.

— Не стоит...

— Стоит, Гемин, ты остался один, без источника содержания, тебе не помешает, — выдал дядька, явно гордый своим великодушием.

Вообще — действительно молодец, не мог не признать я. Ну да ладно, вернёт и вернёт, в этом случае, очевидно, довольство от собственного благородства “дороже денег”.

— Господин Корнел, прошу прощения, а не подскажете ли вы, если, безусловно, знаете, как мне поступить с похоронами? — уточнил я, поскольку реально в этом вопросе был ни в зуб ногой.

В случае, если откажет, прикидывал я, попробую уточнить у Возеров, благо сонина семья в некотором смысле “не чужие”.

На физиономии домовладельца промелькнуло сомнение, он стрельнул взглядом на сломанный замок, нахмурился и явно задумался.

— К вам я заходить не буду, Гемин, ты уж прости, но я опасаюсь мёртвых, — наконец выдал он. — Я сейчас пришло Феда, он заколотит дверь, до поры. Тебе же квартира для жилья не нужна? — уточнил он, на что я кивнул. — Тогда ты собери важные вещи и заходи ко мне. Расскажу, что знаю. Заодно, — аж надулся он, — отдам арендную плату.

— Весьма вам благодарен, господин Корнел, — поклонился я.

— Жди, Гемин, скоро придёт Фед, — выдал домовладелец и засеменил по лестнице.

Собственно, мне, кроме найденного в тайнике, ничего не было нужно, так что вернулся я к прерванным раздумьям о пистолетике.

С девятого сословия было разрешено владеть “благородным” оружием, к которому и относился короткоствол. Низшие сословия были “безоружны” в плане огнестрела, кроме пейзажей: им позволялись ружья, и только они, вне черты города притом.

А с седьмого позволялась покупка короткоствола, что было, как по мне, бредом. Но было именно так.

И, соответственно, я никому докладывать о пистолетике не должен, как и регистрировать его. С совершеннолетия, конечно.

Как и наследство не нуждалось в регистрации, кроме недвижимости и банковских счетов, если таковые есть.

Собственно, в одном из любовных романов был описан момент с утаченными драгоценностями — если имущество не у стряпчего или не в банке, а завладевший — родич, то всё, завладел с концами.

А Корнел оказался весьма неплохим дядькой, продолжил рассуждать я, но на этом моменте меня прервал Фед, хмурый слуга с гвоздями, молотком и парой досок. Молча кивнул мне и начал, после моего выхода, заколачивать дверь.

Ну а я потопал в соседний подъезд доходного дома, который полностью занимал домовладелец.

На стук меня впустили, пихнули в меня кружку чая, после чего просто светящийся благородством Корнел всучил мне денежку, не преминул отметить, что “квинк квартира в твоём распоряжении, Гемин, но деньги я за это не беру!”

После чего присел и стал рассказывать, что и как. И так, во-первых, мне надо посетить градоуправление, в котором мне выдадут бумаженцию о смерти.

— А они знают? — уточнил я.

— Должны, курьер от полиции направляется тот час же, дабы сделки и регистрации именем покойных совершить было нельзя, — важно ответил Корнел.

После чего мне надлежит с данной бумаженцией явится в “храм божий”, где служители “всё сделают”, от самих похорон до поминальной трапезы. За деньги немалые, как я понял, судя по некоторому сомнению в словах “тебе хватит”, как и взгляду на так и не убранные мной деньги за аренду.

Вариантов “альтернативы” Корнел не предлагал, а, подозреваю, их и не было толком.

Впрочем, надо — сделаю, это будет просто правильно, мысленно заключил я, уже думая прощаться, как Корнел меня остановил.

— Гемин, предупреди сослуживцев Лада о похоронах, — выдал он.

— Хм, наверное, завтра, — прикинул я, учитывая выходной день.

— Завод работает всегда, — наставительно выдал домовладелец. — Впрочем, смотри

сам. И что ты будешь делать с мебелью и вещами?

— Признаться, не знаю, думал просто оставить. А мебель разве не ваша? — уточнил я.

— У меня не меблированные комнаты, а жильё на всю жизнь! — гордо задрал нос толстяк, тут же смутившись. — Прости, Гемин, неловко вышло. В общем, всё в квартире кроме стен и сантехники — твоё, — озвучил он. — И мне оно не надо. Если хочешь, могу привести старьёвщика, он оценит обстановку и заберёт её, согласовав с тобой цену.

— Буду вам крайне признателен, господин Корнел, — ухватился я за предложение. — Но, вы и так очень много...

— Пустое, Гемин, — весьма самодовольно отмахнулся толстяк. — У тебя горе, Лад и Клиссо были прекрасными людьми. Грех не помочь! — веско выдал он.

Собственно, на этом и распрощались. А я направился в городскую управу, краем глаза оглядываясь. И, чёрт возьми, заходя в здание, был почти уверен, что не зря! Некий тип двигал за мной если и не от дома, то примерно из того района. Народу на улицах было немного, шёл он далеко...

Хотя, может, просто прохожий в центр, уже в управе подумал я. Всё же я не шпион и не что-то такое. Но посмотрим.

Подошёл к чину на входе, спросил про “справки о смерти”, на что старичок нахмурился, поднял единственный листок со стола и с сочувствием уставился на меня:

— Толмирос?

— Да, он самый, — кивнул я, извлекая документ.

— Примите мои соболезнования, молодой человек, — сокрушённо покивал дед. — Сейчас справлю вам справку.

И вправду справил за минуту, отгиснув печать “делопроизводство городской управы города Терск”.

Чем, в целом, подтвердил мои выводы о “некриминальности” Терска. Да и население городка было не более десяти тысяч человек, шесть по “налоговой статистике” географии.

После чего я направился в место культа, максимально аккуратно проверяя себя на наличие “хвоста”. И сей орган у меня и вправду появился — всё тот же тип, что шёл за мной от дома, телепался вдалеке, демонстративно не смотря на меня.

Так, а если полицейай, прикидывал я. Вроде бы, такого занятия как “слежка” местные служители высшего класса не знали, но тут нужно отметить прискорбное отсутствие в жуткой литературе Анта жанра “детектив”. Вроде и нет, а по логике — должны. Так, ну, положим, полицейай, рассуждал я. Так бред выходит — к кому я приведу? К наёмникам, убившим родителей? Так бред, были бы подозрения — просто допрос с одарённым. Так что, похоже, если и полицейай, то по мою душу.

Так, а почему, если родителей убили наймиты или подчинённые полицмейстера, ко мне в студию не было “гостей”? И зачем следить? Ни черта не понимаю, следователь был у меня в студии, то есть полиция место моего жительства прекрасно знает, очевидно,

домоправитель отправлял извещение.

То есть, выходит, Щебетен не причём? А кто, и на кой тогда убийце родителей следить за мной? Или это “негласная охрана от полиции”? А на кой, извиняюсь, болт, охранять родственника “жертв разбоя”?

Бред какой-то, веско постановил я, начав строить модели.

Так, положим, это всё же Детроп. Вынужденный “извиняться перед быдлом”, да ещё настропалённый отпижженным сынулькой. Узнал адрес, направил “извинения”, а через некоторое время натравил палача. Про то, что меня в доме уже нет — не знал, поскольку неинтересно. Возможно? Возможно, факт.

Далее, убийца делает свое дело, но меня дома нет. Возвращается к Детропу, а тот “достать и прибить Гемина, он сынульку обидел!” Тоже возможно. Причём интерес полицмейстера к фамилии Толмирес на фоне убийства... А вот чёрт знает, как у них всё устроено внутри. Но, не мала вероятность того, что интересоваться “новым адресом” просто не стал. А делал это только следователь.

Ну так себе, на троечку теория, шита белыми нитками. Если бы мне этого типа надо было “засудить” — сам бы посмеялся. Но мне надо не помереть, при учёте того, что он высоковероятный зложелатель.

Так, надо получить из “топтуна” информацию, окончательно заключил я. Если убийца — узнать, кто наниматель, или какая причина убийства. Если полицай — вежливо извиниться, с некоторым сомнением заключил я. Или... посмотрим. В общем, пока мечусь по делам, а если тип будет следовать за мной — буду думать, как бы его ущучить.

На этом моменте я ввалился в капище, где меня встретил белоглазый тип в жреческой робе.

— Благословение божие тебе, отрок, — выдал этот тип. — Что привело тебя в сень храма господнего?

— Похороны, — коротко ответил я.

— У трона всевышнего ныне пребывают близкие твои, в покое и радости, взирая на тебя и ожидая, — выдал поп.

Да чтоб ты сам сдох, паразит такой, внутренне возмутился я. Но покивал с тупым выражением морды лица.

— Пройдём, отрок, — деловито выдал служитель культа. — Справка о смерти с собой? — уточнил он.

— С собой, — кивнул я.

И в закутке начал меня “окучивать” на золотые пуговицы, банкет на весь город и прочие непременные атрибуты похорон. Правда, узнав, что погибли родители, причём насильственной смертью, несколько смирил свои аппетиты.

И выходило, что за полторы сотни ауресов тела примут, проведут поминальный ритуал

и сожгут, развеяв пепел по ветру. И даже металлическую табличку с именами на пол молельни пришпандорят. На последнем, я взглянул на и вправду испещрённый небольшими мелкими табличками пол. Правильно истолковавший мой взгляд поп выдал:

— Сколь долго продержится имя, столь и должно поминать усопших. А после — имя стёрлось, и помнят лишь дела! — веско выдал он.

Ну, даже в чём-то изящно, не мог не признать я. Всяко лучше, чем склепы и кладбища: никогда не понимал эти “земли для мёртвых”.

И, соответственно, организуют поминальную трапезу, состоящую из каких-то наполненных концентрированной святостью печенок и какой-то жутко ритуальной кашей.

— Когда потребно обряд провести, отрок? — выдал, под конец, священник.

— Побыстрее, — прикинул я. — Тела всё же. Но... друзья по службе, проститься могут захотеть, — задумался я.

— Тогда в первый день квинка, шесть пополудни начнётся служба. Прощаешься с родителями, да и отправишься поминать в дом. Дальше наша забота, — сложил он молитвенно лапы. — Да, напиши своей рукой, что по твоему поручению слуги божии за телами пришли. Заодно приберут залу и столы поминальные поставят, — уточнил он. — А то есть поганцы, веры в господу не имущие, за воришек, прости господи, смиренных служителей принимают!

Правильно делают, не мог не отметить я про себя, отсчитывая служителю культа деньги, подписывая и получая бумаги.

Так, теперь завод, прикинул я, направляясь от церкви к остановке трамвая. Сам завод находился не в центре, так что пешком было далековато. Заодно проверим, будет ли мой попутчик за мной следить, или у меня паранойя разыгралась.

Трамвай был с удобными кожаными диванами без “стоячих” мест, стоил не гроши, имел довольно плавный ход. Уместившись в самом начале вагона, я отметил шмыгнувшего в заднюю часть топтуна, прикрывшего морду свою противную развёрнутой газетой.

Так, точно по мою душу, и точно надо с этим типом “разговоры говорить”. Вопрос только — где, напряжённо задумался я, впав в полумедитативное состояние.

Так, за заводом ни черта застройки нет. А есть пустырь, вроде бы как-то с отходами стального производства связанный. Сам завод окружает довольно высокий забор, комплекс зданий там внутри, и меня, если я почешу на пустырь, не заметят. Далее, припушу я, положим, по пустырю бегом. А за мной топтун, если он злодей — так точно, удобное место. Хотя... и пристрелить ведь может, если пистолет есть. Хотя Лада и Клиссо зарезали, но это никак не показатель отсутствия огнестрела. Блин, у завода стрелять не стоит, особенно первым, да и если полицей-охранник... чертовщина, сложно-то как, посетовал я.

Так, узел надо разрубать. Если он стрельнёт — то из короткоствола и не рядом с заводом. А я побегу, причём зигзагами. Что попадёт — шансы мизерные, пустырь из завода вроде не видно, так что: либо упаду и отстреляюсь прицельно, либо помру. Но тут варианты такие, не вижу я, в рамках текущей ситуации, выхода без риска.

А нет у топтуна огнестрела, либо полицейай не злонамеренный — так вообще прекрасно. На мушку возьму и душевно побеседую. Всё, так и поступим, заключил я, выдыхая.

А вообще — попаду, если что, прикинул я. Мороз стрелять умел, Отмороженный стрелял ледяными пистолями, вроде бы навык есть, но тут неизвестный пистолет, да и тело непривычное. Блин, а варианты-то какие? В полицию идти, с воплем “дяденьки, защитите?” С учётом того, что главный полицейай высоковероятно моей кончины и хочет...

Нет, без вариантов, действую, как надумал, окончательно решил я, старательно угоманивая скачущие гормоны.

Это ещё хорошо, что я форму хоть чуть-чуть подтянул, отметил я. А то будь я Геминим вольгарис — то и в процессе пробежки помереть бы мог, от натуги, на радость зложелателям всяческим.

Тем временем, трамвай остановился на нужной мне остановке, а покидая его, я отметил, что топтун вышел и почесал к каким-то складским зданиям, параллельно мне и отстав.

И по дороге прикидывал я свои планы, да и выходило, что они, если не будет случайных прохожих, вполне осуществимы. Впрочем, быть этих прохожих, по логике, и не должно: воскресный день, точнее, уже вечер. Смена заводская за час до полуночи будет, так что вряд ли кто лишний на улице появится. И память насчёт забора и комплекса заводских зданий не подвела, прикинул я, подходя к проходной здания управления.

— Кто таков, чего надо и к кому? — любезно любопытствовал дядька средних лет, после того как я приоткрыл дверь проходной.

— Толмирос, Гемин Толмирос, — обозначился я. — К кому... не знаю. Отец умер, сообщить сослуживцам надо, — беспомощно закончил я.

— Толмирос, Лад? — выдал страж, на что я кивнул. — Вот горе-то, — покачал он головой. А что... так, к управляющему тебе надо, — собрался он. — Проходи, на второй этаж и направо, до упора. Секретарше скажешь — зачем, пропустит.

— А? — помахал я документом.

— Не слепой я, — отрезал дядька, помотав головой. — Похож ты. Сочувствую, парень.

Хм, вообще, и вправду похож, поднимаясь, не мог не признать я. Хоть и тощий я и с бородкой — но общих черт с Ладом до чёрта, недаром я рожу свою грубоватой “в Лада” поминал.

Поднялся, дошёл до приёмной, сообщил секретарше. Та поохала, да и в переговорную трубу сообщила.

— Сочувствую вашему горю, господин Толмирос, — встретил меня весьма лощёный тип. — Что случилось?

— Разбой, господин Олин, — кратко ответил я. — Я, собственно, пришёл сообщить о смерти, ну и поставить в известность сослуживцев, что панихида завтра в шесть пополудни, а после поминки. Но знакомых отца я почти не знаю, — развёл я руками.

— Понятно, — кивнул управляющий. — Завтра, в шесть. Что ж, я предупрежу свою смену, а мой сменщик — свою, — посулил он. — На сколько человек вы рассчитываете?

— Честно говоря — не знаю, не думаю что поместится более двадцати, — протянул я.

— Ну не рабочих же я буду предупреждать, — фыркнул дядька. — Человек семь-восемь от завода придёт, может десять, если с супругами.

— Хорошо, господин Олин, — кивнул я. — Я, с вашего позволения...

— Конечно, господин Толмирос, ещё раз сочувствую вашему горю, — не стал препятствовать моему уходу дядька.

Так, мысленно и физически собрался я. А теперь начинается самое весёлое.

Вышел через проходную, кивнув на соболезнования стража, да шмыгнул вдоль забора. Оглядываться не стал, точнее обежал округу взглядом, отметив метрах в ста знакомую фигуру рядом... со второй фигурой, явно вместе. Вот чертовщина, злопыхнул я, но уже поздно что-то менять.

И почти бегом двинул вдоль забора, огибая завод. А дойдя до пустыря-свалки, рванул зигзагами вперёд, проклиная неэкологичных заводчан: то ли кокс, то ли ещё какая гадость была привольно навалена на пустыре.

Через три минуты бега я обернулся и испытал как облегчение, так и не очень. За мной чесали два типа, бегом. Причём, у одного в руке был какой-то клинок ножевого типа, а у второго что-то вроде кистеня. Точно не полицаи, выдохнул я, выхватывая пистолетик и припадая на колено.

Целился одному из преследователей в бедро, а попал в лицо. Это притом, что они замерли, в явной оторопи, увидев убегающую жертву с огнестрелом. Ну и чёрт с ним, не стал расстраиваться я, начав стрелять по ногам второго, с учётом “поправки”. И вообще, стрелял малютка негромко, отдача выходила смешная, правда, видимо, пятнадцать метров было для него далековато.

Но третьим выстрелом, на котором я думал стрельбу прекратить и, либо подпустить супостата с ножом, либо догонять, я всё же попал во вражеское копыто. Вредитель пал на землю, оглашая пустырь сетованиями на нехорошую судьбу и нехорошего меня. Нож он выпустил, баюкая травмированное копыто.

Ну а я бодро подскакал к вражине, пнув того по голове. И, быстро пробежался по одежде убийцы, стянув ремень и связав им руки. В ногу, кстати, попал удачно, отметил я. Теперь типу только в полицаи, хотя не думаю, что доживёт.

Шмыгнул к словившему пулю мордой, убедился в его бесповоротной кончине. Поднял откинутый ножик, что-то вроде ножа гаучо, с крестовиной, образованной самим клинком, этакий “кухонный нож” в боевом исполнении.

Ну и вернулся к приходящему в себя типу.

— Тебе пиздец, щенок! — поприветствовал меня убийца.

— Не думаю, — широко и ласково улыбнулся я, вспоминая один из немногих допросов, проведённых Отмороженным, причём примерно в том же ключе. — Полиция будет весьма рада видеть убийц и разбойников, — откомментировал я, взглядываясь в рожу.

И не зря, а предчувствия меня не обманули — рожу убийцы на миг осветило облегчение.

— Ну и хер с тобой, отсижу — на ремни пушу, — на чистом автомате ответил он.

— Ну, — ангельски улыбнулся я. — Вопрос в том, ЧТО я сдам полиции. Руки и ноги там не особо нужны.

— Не пугай, щено-о-А-А-А!!! — заорал допрашиваемый, после тычка ножом в пятку сапога, от души. — Ты ёбнутый псих!!!

— Просто — Отмороженный, — честно признался я. — Семья Толмирос. Кто приказал или заказал их смерть?

— Да ты совсем дурак, какая смерть?! Какая семья-а-а!!! — продолжил вокальные упражнения собеседник.

— Впереди целая ночь, — мечтательно улыбнулся я. — До полиции от тебя может остаться только тело и голова. И то не факт. Не ври мне и отвечай на вопросы, тогда от тебя сохранится гораздо больше, — честно соврал я.

И потратил я на этого подонка полчаса. Впрочем, лишившись части уха и пальца на руке, он стал петь правильные песни. Не сказать, чтобы я получал удовольствие, но в рамках сложившейся ситуации и не испытывал угрызений совести. Вообще, стал несколько более отмороженным, чем Отмороженный, подозреваю, не в последнюю очередь от “демонического сознания”. Впрочем, вопрос не в самокопани, а в выпитой информации, которая мне ни черта не нравилась.

Итак, парочка передо мной и вправду была убийцами. Точнее, были они “исполнителями на крючке” не самых приятных поручений верховного полицая. Я уroda помучил, но судя по всему, выходило так:

Выходцы из десятого класса, приятели, посчитали, что “работать глупо, воровать — разумно”. Ну, смотря на благосостояние и занятие большинства “владык жизни” — поспорить сложно. Так вот, напали они в “чистом” городе на подгулявшего типа, ограбили его и благополучно попались.

И — не загремели на каторгу. Один из приятелей был слесарем, второй, уже дохлый — весьма крепким в драке типом. И вместо каторги получили они место “деликатных порученцев” Щебетена. В основном — взламывали указанные квартиры, тащили документы и “себе на прокорм”.

До случая с казначеем год назад. И да, это были они. Чем уж полицая помешал чин — не знали, а я думаю — на неблагоприятном чём-то поймал дядька полицая.

В общем, весёлая у ребятусшек жизнь. А вчера получили адрес, уведомление, что времени у них пару часов, ну и приказ “убить всех, но тихо”. Что они и сделали, после чего

доложились полицаяу, который на “двух” разгневался, узнал детали, ну и потребовал “щенка прикончить!”

— Где встречались с Рамилом? — уточнил я.

— У него дома. Не убивай, шойгар, подлечусь — пригожусь, я много умею, храни бог твою светлую родину! — зачастил тип. — За фалиту твою винюсь, не знали, дураки, — продолжил он.

Ни черта не понимаю, но, похоже, принял меня убийца за шпиона какого. А родителей — за “прикрытие”. Впрочем, похрен.

— Как попадали к Рамилу? Что внутри, какая охрана? Говори, если хочешь жить, — ни разу не соврал я.

И зачастил ободрённый убийца на тему, что и как у полицая. Вообще — место жительства немалого чина было всеизвестное, но деталей я, как понятно, не знал.

А были они таковы: охрана есть, но в сторожке-проходной на территорию особняка. И ни разу их во время вечерних, а подчас и ночных визитов душегубы не видели.

Что, в принципе, вполне логично — тут хозяин жизни и смерти, кого ему бояться-то?

— Стучали в окно, крайнее от оранжереи. Иногда спал, — частил убийца. — В халате встречал. Оранжерея на засов затворяется, через неё выходил. Засов — раз плюнуть, ножом поддеть можно.

— Что ж не прирезали-то тогда? — хмыкнул я.

— Полицмейстера? Да нам жизни бы потом не было, это тебе, шойгар, всё можно!

— Он чародей? — уточнил я.

— Вроде бы нет, простой полицай, — ответил мне допрашиваемый.

— Угу, — кивнул я, втыкая ножик под подбородок убийце.

Так, всё это противно, но надо, да и за Лада с Клиссо частично рассчитался. Вот только вопрос, что дальше-то делать?

Рамил этот — скотина та ещё, соответственно, пусть даже этих двух не найдут — что, кстати, вполне возможно, особенно если в яму скинуть и кокса этого дурацкого нагрести — так меня он всё равно за свои фантазии будет хотеть убить. Или ещё что гадкое умыслит, да и за родителей отмстить не помешает, вне зависимости ни от чего.

То есть, в идеале, надо мне этого полицая прикончить. Причём, вроде бы — возможность есть. Теперешний труп, скорее всего, не врал — явно рассчитывал выжить, став моим подручным. А на лжи в таком раскладе я бы его поймал. И что за ложь бывает, он вполне прочувствовал.

Хм, а иные варианты у меня есть? Похоже, что и нет, да и, по уму, прибить такую скотину — просто порядочно.

Так, хорошо, рассуждал я, оттаскивая мёртвые трупы к неглубокой яме и вырезая из них пули, а то мало ли. Положим, в особняк полицая я попасть смогу. Если труп соврал — то

просто не попаду и отступлю. И ничего не потеряю, как была жопа, так и будет.

Ну вот, попал я, положим, в особняк. Видимо — ночью. Стрелять точно не стоит. Прирезать, прикинул я, смотря на ножик. Ну, видимо, так. Как в спальню попаду — непонятно, возможно, на ней замок есть. Но тогда окно, первое от оранжереи справа. Встретится кто-то по дороге вряд ли, ночью всё надо делать. И вопрос “смогу ли”, не стоит. Надо, если жить хочу.

Прирезать, ну и драпать домой. Подозрений ко мне, скорее всего, не будет. А если будут — проверку чародеем я пройду, проверено, спасибо Марцилу.

А самое поганое — времени нет ни хрена. Вопрос не в том, что трупы найдут — скорее всего, нет, в обозримом будущем, окинул я взглядом кучки кокса. Потом мне и не важно, в общем.

Вопрос же в том, что если не сегодня, то завтра полицией забеспокоится. И, судя по рассказанному, от меня не отстанет, то есть может и подчинённых натравить, а “закон — что дышло”, мдя.

Выходит, времени ни черта нет, посетовал я. Самое забавное, если дохлый тать просто отвечал наугад. Полицией не при делах, а я — “ёбнутый псих”, хмыкнул я. Хотя не верю я в такой расклад.

А значит, сегодня, а крайний срок завтра, надо вопрос с полицаем решать. И лучше всего сегодня ночью. Вот же гадство, прекрасно жизнь начинается!

Впрочем, своё праведно-обиженное злопыхание я притушил. В ничего было бы ещё хуже, факт. И в темноте не веселее.

Так, а у меня ещё встреча с Возерами, обещал заглянуть, думал я, наискось пересекая пустырь в наступающих сумерках. И вывозился я в этом антраците коксообразном, не сказать чтобы сильно, но неприятно.

Впрочем, ладно. И доеду на трамвае, не стоит выматываться раньше времени.

В трамвае погонщик на мою пусть отряхнутую, но всё же пыльную персону покосился, но возникнуть не стал.

А через четверть часа я уже звонил в дом Возеров, где меня, невзирая на несколько затрапезный вид, встретили объятья. Сначала Золины, со словами “Гемин, мальчик мой, я тебе так сочувствую!” — а потом Соны, молча, но просто вцепилась в меня.

Сам Возер, явно “тёплый”, взирал на это с одобрением, в отличие от последнего раза, как я его видел.

— Гемин, парень, прими сочувствие, — выдал слегка заплетающимся языком он. — Как же так, с Ладом и Клиссо... Но ты учти! — воздел перст он. — С Соночкой я тебя это... благословляю, да, — важно заявил он.

— Благодарю, господин Возер, — выдал я.

— Я Зерго для тебя, по имени зови! — заявил он.

Ну, хоть имя узнал, и то хорошо, отметил я.

— Служба завтра, в шесть пополуночи, — озвучил я. — А я, если не возражаете, хотел бы побыть один. Не навестить я не мог, но...

— Понимаю, Гемин, — сочувственно покивала Залина. — Обращайся, если что, поможем.

— Поможем! — важно подтвердил Зерго.

— И я, чем могу, — почти прошептала Сона.

— Завтра, если не против, мы дома, — негромко произнёс я девице. — Но сегодня мне надо побыть одному.

— Понимаю, — покивала подруга. — И Гемин, я люблю тебя, — прошептала она на ухо, обнимая. — Ты не один.

— Прощайте, до завтра, — отстранил я от себя Сону, кивнув ей с лёгким подобием улыбки и свалил.

Так, тут всё нормально. А мне, по уму, надо сегодня всё и совершить. В ночи глухой, часа в два ночи, наверное, а то времени может не хватить или наоборот, случайного прохожего встретить. Это ещё хорошо, что до дома полиция от меня полкилометра примерно.

С этими мыслями я и дошёл до дома. Поставил будильник на час, да и попробовал “поспать телом”, оставаясь сознанием вне его. Если засну — времени всё равно хватит, а так, может, и выйдет.

И, в принципе, вполне получилось, правда, не с первого раза. За полчаса я то проваливался в дрёму, то вскакивал, но, наконец, оказался “в темноте”, но чувствуя тело, как и то, что оно спит.

И стал уже в этом состоянии проверять надуманное, выводы, полученную информацию и прочее. И, судя по всему, выходило, что: либо я — реальная, поехавшая крышей кровавая маньячина, оправдывающая свои садистские потуги, но при этом от них ни черта не получая удовольствия.

Либо выводы мои верны, а планы осуществлять необходимо. Потому что логических дыр я не обнаружил, а жизни у меня при данных раскладах не будет: прибьют или посадят, не говоря о куче преступлений на полицае, что само по себе бесит.

Тем временем задребезжал будильник, ну и я проснул тело. Осмотрелся, прикинул, да и взял с собой небольшую подушечку-думку, пистолет и, само собой, трофейный ножик.

Подумал, да и решил пойти в домашних тапках. Недалеко, не столь холодно, а следов на порядок меньше, учитывая маршрут.

Ну и выдвинулся, тяжело вздохнув, на благую операцию “оздоровления правоохранительных органов”.

Освещение в центре было, но довольно редкое. И, на мою удачу, улицы наполнял туман, не слишком плотный, но ощутимый. И было уже довольно прохладно, но не слишком холодно.

Так что семенил я в удалении от фонарей, чутко прислушиваясь к округе и оглядывая дома. Последние меня искренне радовали темнеющими окнами, как и, к слову, квартиры моих соседей по дому.

Наконец, я дотелепался до особняка полицмейстера. Его скрывала кирпичная ограда, метров двух высотой, а в привратной сторожке горел свет. Что, в общем, вполне логично, отметил я.

Ну и оставалось проверить правдивость моего дохлого информатора. Что, по приближении к угловому столбу забора, вполне удалось. В положительном смысле: прикрытый деревцем столб и вправду имел несколько выемок, по которым я благополучно забрался.

Оказавшись в парке, я мысленно чертыхнулся — не видно было толком ни черта, разве что вдали, сквозь туман, пробивался свет сторожки. Вот ведь чертовщина какая, хоть возвращайся, посетовал я, напряжённо вглядываясь во тьму. И, вроде бы, что-то углядел. Отсвет, не отсвет, но хоть знаю, куда идти.

По мере аккуратного продвижения вперёд я убеждался, что это не отсвет, а именно неяркий свет лампы.

А совсем приблизившись, уже видя контуры дома и стену оранжереи, я понял неприятную вещь — свет горел в описанной информатором “угловой” комнате. Ну, не повезло так не повезло, вздохнул я. Будем пробовать завтра, лучше подготовившись. Но аккуратно заглянуть не помешает, логично заключил я.

Подобравшись к окну и осторожно заглянув в него, я понял, что повезло мне чертовски: в комнате, на кровати, при свете приглушённой толстым абажуром прикроватной лампы дрых явный полицай. Явно дрых, был один, а, главное — окно было слегка приоткрыто, фиксируясь шпингалетом.

Так, это хорошо, прикинул я. Наверное, надо попробовать пробраться, причём всё же через окно, а не через оранжерею.

Сняв тапки и убрав их в сумку, я, затаив дыхание, приподнял шпингалет ножом. Отчётливо услышав храп полицая — пусть не оглушительный, но вполне слышимый. Так, это совсем замечательно, обрадовался я, поднимаясь на подоконник. И начал медленно, двигаясь на выдохе и замирая на вдохе, двигать к кровати.

Итак, уже с метра отметил я. Есть полицай, он спит. И прибить его вполне возможно. Вот только... А на хрена это делать ножом?

Вообще — обидно, отметил я. Отравы бы какой, или что-то бытовое, естественное... На этой мысли у меня появилась счастливая улыбка: бытовое, лампа, этакий ночник, за которым полицай прячется от нечистой совести.

Так, начал прикидывать я. Надо, чтобы замыкание высоковероятно прибило гада. Это, вообще-то, не так уж просто. Но и не так уж сложно, с другой стороны — остановка сердца, а не срывается — ну значит неизящно добить. В идеале — лицо, предположим, лампа падает

на него, размеры и местоположение её позволяют. И — ни хрена. Нужен контакт с плотью. Так, а если вода? Кувшин с водой стоит чуть дальше лампы, на той же тумбочке. Так, в принципе — вероятно. Не без огрехов, но мало ли, повернулся тип в ночи неудачно, в общем, шанс на “отсутствие подозрений в криминале” есть. А отсутствие света в доме — только на руку. При этом, вряд ли ВСЁ освещение завязано на один предохранитель. И уж точно свет в спальне и в сторожке охраны на разных.

После этого, я аккуратнейшим образом, в такт дыханию спящего, прихватил левой рукой лампу, занеся правой нож. И стал её аккуратно приближать к спящему. К счастью, люминесцентный свет не давал особого тепла, но на приближение света, на определённый момент, Щebetен всхрапнул особенно громко. Я напрягшись, готов был уже его прирезать, но полицай, продолжив храп, повернулся набок. Даже ещё лучше, прикинул я, прислоняя абажур к границе шеи и затылка.

Полицай продолжил храпеть, а я аккуратно выдохнул, прикинув куда и как мне двигать в темноте. Определившись, я взял кувшин с водой, прикинул, куда он “случайно упадёт”. Ещё раз взглянул с разных углов на спящего, прикинул, куда его пырять, если что.

Вздохнул, припомнил Лада и Клиссо — всё же не слишком мне нравилось то, что я делаю. Да и коротко плеснул водой на лампу, будучи готов пырять, в ответ на “неправильный” звук.

Сверкнула вспышка, и наступила темнота. А вот звук был “правильным” — мелкое поскрипывание кровати без криков. Это значит хорошие предохранители, не вышибает совсем, мимоходом порадовался я, прислушиваясь к шуршанию и поскрипыванию тела, явно выгнутого судорогой от тока.

И, судя по субъективным ощущениям, продолжалось это “казнильное шебуршание” не менее пары минут. За это время отошедшие от вспышки глаза стали различать слегка сереющий оконный проём.

Звиздец, это СКОЛЬКО я уже душегубством занимаюсь, чёрт побери, удивился я.

Тем временем, подёргивание прекратилось, послышался скрип кровати. Значит, обмяк. Не орёт, дыхания не слышно, отметил я, кидая кувшин на отмеченное место.

Подумал, а не проверить ли мне поджаренного, но решил, а ну его нафиг: ни черта не видно, дыхания не слышно, а лезть лапами, путь даже в тонких кожаных перчатках — шанс составить компанию полицая.

А время поджигает, раз небо сереет — не менее пяти, а то и поболее. Валить надо, решил я, ну и, собственно, это и сделал. На подоконнике надел тапки, подумал, да прикрыл окно на шпингалет, с помощью ножа. Несколько шире, чем было, но лучше, чем ничего. И почесал в сумерках обратно, благо свет сторожки сквозь сгустившийся туман пробивался.

Пройдя вдоль забора, нашёл я столб, с внутренней стороны которого также были выемки. Подумав, снял тапки ещё раз — в саду земля, так что нафиг лишние следы. Ну и

покинул особняк полицмейстера, обувшись уже на той стороне.

Так, а теперь надо быстро домой, прикинул я. Скоро появятся разносчики и прочая обслуга, встречаться с которыми, даже если всё будет “чисто”, мне не стоит. И от ножа надо избавиться, прикинул я.

И двинул, в сгущающемся тумане и уже отчётливых сумерках, в сторону дома. Встреч, к счастью, не было, нож я уронил в канализационный сток по дороге — если и найдут, до того как проржавеет в труху, со мной никто не свяжет. В палисаднике перед домом почистил подошвы тапок о влажную и уже жухнущую траву, да и завалился аккуратнo в дом.

Добрался до своей мансарды, с облегчением выдохнул и даже улыбнулся — кажется сегодня мне ЧЕРТОВСКИ везло, невзирая на кучу ляпов. Ну не убивец я, в конце-то концов уж точно не “профессиональный”.

А в остальном — даже некоторый душевный подъём есть, отметил я. Как по причине избавления от смертельной, в прямом смысле слова, опасности, так и в связи с возмездием за Лада и Клиссо.

А денёк сегодня ещё тот будет, напомнил я себе, да и стал набирать ванну. Хоть так расслаблюсь, пока есть время.

8. Наступившая зима

В ванной я на свежую голову (весьма условно, но всё же) обдумал события предыдущего дня, свои косяки, мотивы и прочее.

И, в принципе, ничего особо криминального (кроме массового зверского убийства, конечно) не нашёл. Оперировал я имеющейся информацией, выводы делал на её основании, и делал их правильно. Что в итоге и привело к “условно-положительному” итогу.

Таковой же он потому, что я ни черта не знаю всех возможностей местных чародеев, да и “не всех” знаю весьма неважно. Вероятность того, что моё присутствие у виновно-прожаренного полиция обнаружат — отнюдь не нулевая. Но вариант “мочить полиция” был, есть и остаётся оптимальным выбором: шанс “быть обнаруженным” против практически гарантированного звиздеца из его ручек.

Бежать же, если по закону, то только с “сопроводительными документами”, причём от полиции. Без которых любой антец, до четвёртого класса, автоматом “беглый преступник” вне ареала зафиксированного обитания.

С этим ясно, хотя “на дело”, конечно, надо было идти более подготовленным, а не дрыхнуть-экспериментировать. В этом случае меня подвели не реакции тела, а “душевные порывы”, которые мне, похоже, также надо контролировать.

Далее, первая часть вечного вопроса. А не казёл ли я, что хамски начал отбиваться от мажоров? Ну, если бы я на момент отбивания ЗНАЛ о последствиях — то, безусловно, “да”.

В гораздо меньшей степени, нежели упырь-полиция, но “да”. Однако, я не только не знал, но и возможности узнать не имел. Так что потуги каких-то невнятных частей моей личности повесить на мою зеркально чистую совесть смерть Лада и Клиссо — бред.

Не виновен, более того, отомстил. А виновен полиция и, прямо скажем, частично социум, законы и традиции которого позволяют существовать и процветать подобному упырю.

Далее, что мне, собственно, делать с учётом возможного узнавания полицией автора “электрической койки”?

А ничего. Объём знаний, умений и прочего у меня таков, что лишняя суета меня скорее подставит, при наличии подозрений, нежели спасёт.

А если меня попробуют “допросить”, хм... Так, первое — на прямой вопрос: “а не тебя ли видели, казнящего полицмейстера Терска, в ночи глухой?” — честно вру, что “нет”. Высоквероятно, что возникновение подобного вопроса будет связано с чародейским умением. В таком случае, отпираюсь достаточно долго, а после “сдаюсь под давлением”, рыдая и размазывая сопли, рассказываю, что вышел в лавку, на голову накинута мешок, угрожали лютой смертью. Привели невесть куда, где некто третий меня повелел прибить, был какой-то грохот, после чего опять дорога, удар... И очнулся я с ножом в руке и двумя мёртвыми трупами передо мной. В сумерках и вообще. Испугался страшно, не бейте дяденьки, дошёл домой и решил молчать — у меня душевная травма, родители погибли.

Есть правда, пусть и мизерный вариант, что моё возвращение заметил домовладелец или кто-то из соседей. Но окна были темны, двигался я КРАЙНЕ аккуратно... в общем, маловероятно, да и вариант “таскаемого с мешком на башке” это никак не опровергает.

Подобный вариант даёт мне невысокий, но шанс “оправдаться”. При всём бардаке

законов, “самозащита” — вещь признанная, и право на неё имеет любой класс. А убийцы — десятый, соответственно, я защищался, проснувшись “талантом от бога”, вполне реально. А полицей либо всё же “случайно помер”, либо его наймиты прибили — в общем, это гораздо более вероятно, чем подозревать гимназиста. Ну и, соответственно, нормальное объяснение фиксации моего присутствия в месте убиения, если таковое и будет.

Так что: живу как живу, будут допрашивать — отпираюсь до поры, а потом плача и рыдая, сливаю “легенду”, благо трупы в коксе-антраците найдутся. И, в этом случае, шансы “вывернуться”, пусть и небольшие, но есть.

На этом вопрос моего душегубства закрываем, благо ни черта я уже с этим не сделаю: будет как будет.

Далее, планы мои на время в гимназии в силе:

Марцил, как будущий источник протекции.

Физические занятия, к которым, возможно, через некоторое время, попробую добавить стрельбу: купить пистолет я права не имею, но владеть — сколько угодно.

Медицина, как единственный из интересных и доступных предметов.

И, естественно, Сона, как приятный досуг и потенциальная долговременная подруга.

А сегодня я в гимназию не попрусь, прикинул я. В принципе, наверное, даже предупредить не буду: прогул одного дня не был “критическим преступлением” при уважительной причине, а у меня причина — “уважительнее” некуда.

И решил я до пяти предаться разгульному чтению. Можно было и поспать, но собью себе режим, да и Сона сегодня будет у меня, а реакция на неё однозначная. Вот только я в некотором смысле сам считаю соитие в день похорон несколько неуместным, а на кой чёрт “наступать” на горло своей песне, когда можно просто поспать?

Так что, вылезая из ванной, я немного позанимался, наконец-то порадовав себя взятием барьера в “десять отжиманий”.

Немного почитал, да и направился в едальню: продукты были “Сониной епархией”: мои попытки несколько раз приготовить что-то были прерваны жалобными взглядами и просьбой “предоставить всё ей”. Что я и выполнил, ну а до едальни реально пару шагов, так что нет смысла огорчать подругу.

По дороге в едальню меня привлёл вопль мальчишки-газетчика о “Кровавой трагедии”, так что в едальне я сидел с газетой “Терские Ведомости”. И, выходила такая заковыка: о полицмейстере подчинённые Залины либо не знали, либо им запретили печатать. А вот родителям был посвящена первая страница, причём я назвать Залину наживающейся на горе никак бы не смог: посвящена статья скорее тому, какие замечательные были люди, какое горе и прочее подобное. Выражена уверенность в “профессиональных действиях доблестных сил полиции Терска, несомненно, в скорейшем времени поймающих отвратительных злодеев”.

И даже мне был посвящён абзац, на который я не без иронии похмыкал: “едва переступивший порог совершеннолетия юноша, мужественно преодолевающий свалившееся на него горе”.

Ну, в общем, ладно. Родителям скорее “почесть”, нежели “трепля имён”. А вот по моему “душегубскому вопросу” ни черта не ясно, так что будем ждать.

С этими мыслями я направился домой, где немало напрягся — на лестничной площадке, перед мансардой, сидел некий тип со значком полицая на лацкане, причём не один, а с двумя держимордами, в мундирах городских.

Ну, в принципе, неудивительно, мысленно вздохнул я, топая мимо компании с “равнодушно-скорбным лицом”.

— Гемин Толмирос? — не поднимаясь бросил сидящий.

— Он самый, господин?... — скорбно взглянул я на типа, который мой очевидный вопрос проигнорировал.

— Где вы пребывали сегодня, с полуночи до шести? — последовал вопрос.

— Дома, господин непредставленный, — уже нахмурился я. — Кто вы, что случилось?

— Не ваше дело, — отрезал тип, вставая, с нахмуренной мордой. — Гнесс, — бросил он, на что один из держиморд шагнул ко мне, весьма напрягая.

Впрочем, в лапах полиция была какая-то бумажка, которую тот протянул мне, а подходящий к лестнице главный бросил через плечо:

— Счёт за уход за телами, прощайте.

И ускакала вся троица. Так, размышлял я, проходя в комнату, и что это, собственно, было?

Ну вообще, в голову приходят два варианта: первый — неким колдунским образом моё присутствие всё же было выявлено, но неточно. Какой-нибудь “эфирный след” в районе дома полиция, например, в котором расследователи не уверены, а я под руку подвернулся. Маловероятный, но возможный вариант.

И второй — ко мне подходил подельник дохлого Щебетена. Факта именно убийства установлено не было, но этот непредставленный тип ЗНАЛ, кого хочет убить полицмейстер. И, высоковероятно, отметил пропажу исполнителей. В таком раскладе, если он, или одна из держиморд — чародей, всё выходит весьма высоковероятно. Несчастный случай, но тот, кто должен быть дохлым — живой, что весьма подозрительно и проверить не помешает. Причём проверить с “причиной”, в виде “представления счёта”, а не просто так. Ну и проверку я прошёл — в противном случае меня бы прихватили допрашивать.

Далее, если это “пodelьник”, то опасаться ли мне его? А с чего, собственно? Очевидно, что полицмейстер просто “зажрался”, посчитал себя “боженькой во плоти”, которого ситуация оскорбляла, а оскорбителей — на тот свет.

А какой-то зам... в честь “током убитого начальника”, по приколу, прибить малолетнего пацана? Ну ОЧЕНЬ маловероятно. И мимика его указывает на то — он нахмурился не от “меня”, про меня он явно забыл сразу же после ответа. Он нахмурился “предстоящим делам”, судя по расфокусированному взгляду в никуда.

То есть, всяко, конечно, бывает, но воспринимать всех окружающих за “кровавых маньячил” — столь же бредово, как и быть подобным самому. Если данный, весьма высокий, судя по шикарной одежде, чин и подельник — то причин у него “тешить эго дохлого начальства” просто нет. И пусть ему за это, при, положим, пятом классе, тоже каторга не грозит — просто, а нахрена рисковать карьерой?

Так что, осторожным буду, но параноить и “бежать к финской границе” не буду точно. Лучше узнать, для начала, а как вообще с енттой самой границей, финской и не очень, обстоят дела.

В романах антцы “на воды в Гаагу” ездили, факт. Но без деталей, а как это вообще происходит, всем ли классам доступно — вопрос. И вот, честно говоря, обращаться в букинистическом магазине с таким вопросом я несколько опасаясь.

У Марцила надо спросить, или у Залины. А, если по уму, то у последней лучше всего: дама в моём благополучии, очевидно, сильнее всех из мне знакомых заинтересована. Да и

“подцензурная литература” у Соны довольно красноречиво намекает, что редактор газеты несколько более волен, чем прочие разные, к “информации допущена”.

А по прожаренному ситуация прояснится, как только Ведомости о ситуации напечатают. Пока не напечатали — расследование и полиция на оглашение “не даёт добро”. Ну а после печати станет ясно: несчастный случай принят вердиктом или всё-таки убийство.

Некоторое время потратил на утоманивание истерящего тела, ну и вернулся к книгам.

И, соответственно, направился к капищу в положенное время. Пришёл чуть раньше, но перед зданием уже были люди. Семейство Возер в полном составе, домовладелец Корнел почтил мероприятие своим пузом, ну и дюжина человек, мне неизвестных, явно сослуживцев Лада.

К моей персоне подтянулись, посочувствовали-пособолезновали, Возеры в полном составе меня пообнимали (в полутора случаях это было даже приятно), ну и в должный срок завалилась компания в молельню.

Сам ритуал, по счастью, не затянулся: “прах праху” и прочее, единственное что, жрец не преминул во всеуслышание объявить, что покойные “у престола всевышнего” пырятся, не отрываясь, на нас. И вот ждут не дождутся, когда мы “к ним”. Вот с чего этот тип так угробить-то всех хочет, недоумевал я.

Ну а после направилась вся компания на Тёплую улицу. На входе в квартиру стоял некий церковный служака, кивнувший в стиле “пост сдал” и скрывшийся вдали по моему появлению. А в гостиной и вправду было прибрано, стояли некие “банкетные столы” прикрытые бордовой тканью (цветом скорби) и заставленные ритуальными “кашей и печеньками” в деревянной посуде.

А алкоголя нет, отметил я. Или не принято? Но тут же получил ответ на свой вопрос — все присутствующие извлекали из своих недр бутылки. Видимо, некий ритуальный дар покойным, который надо употребить самим, прикинул я.

Ну и начались поминки в виде еды и пьянки. Причём стульев не было, что вселяло надежду на недолгое мероприятие. Надя меня не обманула — все посиделки заняли не более полутора часов. Из любопытного был только довольно занятый и крайне противный на вкус ритуал: пришедшие капнули из принесённых бутылок в некую деревянную, явно ритуальную чашу, которую мне пришлось употребить. К счастью, это было единственным необходимым “потреблением”, в дальнейшем моего покачивания головой на предложение “сообразим” вполне хватало.

А так — тосты на тему “какие хорошие они были люди” и “надеемся, у них всё хорошо”. И, соответственно, поклевали ритуальной еды.

Когда поминающие уже расходились, ко мне подкатился колобок-Корнел и завёл разговор насчёт старьёвщика, в плане родительского барахла.

— Если это возможно после пяти пополудни, завтра — буду вам крайне признателен, — отвечивал я.

— А почему не с утра, Гемин? Дело-то важное, — покачал головой домовладелец.

— Гимназия, господин Корнелл, — ответил я, на что он физиономией изобразил непонимание, а я пояснил. — Учёба важна, а родители были бы только рады, если бы узнали о моей заботе о будущем.

— Разумно, Гемин, — просветлел челом дядька, сочувственно покивав. — Весьма похвальное чувство долга, хотя, я бы на твоём месте несколько дней приходил бы в себя, — покачал он головой. — Тогда завтра, в шесть пополудни, тебя устроит? — уточнил он.

— Более чем, господин Корнел, крайне вам признателен, — поклонился я.

Ну и разбрелись гости дорогие (имён которых я так и не узнал толком), уходя, желая мне всяческого, как и всяческое выражая.

Возеры же закономерно задержались. Сола ухватила меня под руку, против чего я не возражал, Зерго похлопал по плечу в стиле “парень, держись”, Залина полуобняла в том же стиле.

Ну а после, под стук вновь заколачиваемой двери (вот честно, лучше б замок поставил Корнел, чем косяки дырывать, хозяйственно подумал я), мы с Соной направились к нам в студию.

По дороге я призадумался, о пусть маловероятной, но опасности для девчонки рядом со мной, но по обдумыванию забил: степень “опасности” лично ей незначительно превышает опасность от неё для меня. В плане, ну мало ли, вознегодует жоних обломом планов, да и совершит подвиг отеллы с горя.

В данном случае, выходит проще вообще ни с кем не общаться и ничего не делать, чтоб “опасности не подвергать”.

— Как ты, Гемин? — на полдороге спросила Сола, прервав мои мысли.

— Не слишком радостно, — признал я. — Но, буду с тобой честным, не слишком скорблю: у нас были не самые лучшие отношения с родителями. Жалко их, конечно, но жизнь моя с ними не закончилась, — сформулировал я.

Девушка нахмурилась, задумалась, но через минуту просветлела:

— Да, твой папа очень сильно тебя ругал, постоянно. Даже нашу помолвку с тобой от этого разорвали, — припомнила она, кивая сама себе. — Но всё равно, жалко их очень, — повесила нос она.

— И не поспоришь, — умеренно повесил нос я.

Добрались до дома, Сола повозилась на кухоньке, перекусили, да и завалились спать. Потуги к соитию девушка, в виде ухватывания меня за хобот, проявила, но на покачивание головой понятливо кивнула, так что мы просто уснули.

На следующий день в гимназии были шепотки, сочувственные (впрочем, равнодушно-любопытных тоже хватало) взгляды. Каждый урок начинался с “выражения сочувствия” преподавателем, да и не опрашивали меня, очевидно, рассчитывая впоследствии подловить на незнании и жестокосердно выпороть.

Кстати, Ралила в гимназии не было, причём, судя по обрывкам услышанного разговора гопничающей четвёрки, во главе с Надилом, в чём причина отсутствия, они не знали.

На обеде с Соной на лавочке я призадумался: начинает холодать, зима, можно сказать, близко. Наверное, нам всё же стоит перенести обед в едальню, прикинул я, что девушке и озвучил. Последняя довольно покраснела на похвалу её стряпни, но правоту мою, что “дрожать на холодрыге” смысл невелик, признала.

— И да, Сола, после гимназии у меня дела, — припомнил я. — Так что дома я буду чуть позже, да и проводить тебя не смогу. Возьми, — протянул я девушке сделанный ключ, передать которой помешала гибель родителей.

— Спасибо, — довольно приняла ключик девушка. — Тогда я тоже сделаю несколько дел, — после короткого раздумья выдала она. — Если меня не будет, когда придёшь — то дождись, — наказала она.

С некоторым трудом подавив естественное желание ответить: “да ни в жисть не дождусь!” — я покивал. За что был вознаграждён поцелуем, и направились мы в гимназию.

Ну а после учебного дня направился я на Тёплую улицу, встречаться со старьёвщиком и окончательно закрывать “родительский вопрос”. Вообще, чувствовал я некоторую неловкость от своего “отношения”. Последнее было более, чем оправдано — как Гемин, так и я, став им, могли предъявить им массу претензий, более чем обоснованных, но...

Но после их смерти “долги списались”, а лёгкий дискомфорт по поводу “отсутствия должной скорби” копошился неприятным червячком. Довольно неприятное ощущение, от которого я рассчитывал избавиться, полностью отойдя от “родительского прошлого”.

Ну и думал по дороге о своей ситуации, строил модели, но ни черта ничего нового и “гениального” не надумал, так что оставалось только ждать и быть, по возможности, готовым к гадостям.

В родительской квартире меня поджидал Корнел и некий молодой глист в сюртуке — парень реально был столь узкоплеч и подвижен телом, что я-жердина казался на его фоне перекачанным атлетом. Глист представился Армом, торговцем, уведомил меня, что “всё осмотрел и готов приобрести вещи и обстановку за четыреста ауресов”. После объявления последнего Корнел грозно засопел, нахмурившись, а глист, мученически закатив очи, увеличил сумму в полтора раза.

Ну а мне главное было “закрыть вопрос”, собственно, я бы и приплатил за избавление меня от возни с не самым психологически приятным наследством, если бы не явная “странность” подобного поведения в глазах окружающих.

Так что на сумму покивал, денежкой был осыпан, после чего искренне поблагодарил лучащегося самодовольством и благородством колобка.

Реально, вне зависимости от внутренних причин, дядька весьма помог, искренне и ничего не ожидая взамен. А если я могу отплатить за это минутой восхвалений, так не переломлюсь, сделаю, это только справедливо.

— Ну полно, Гемин, не столь много я и сделал, — прервал поток моих славословий сияющий, как новенький аурес, домовладелец. — Ты захаживай, если что, расскажешь, как дела, — прощался он.

На последнее я покивал, но, признаться, вряд ли я по своей воле вернусь к этому дому: здесь будут валяться не самые приятные воспоминания и ощущения, тревожить которые у меня нет никакого желания.

И направился я домой, по дороге прикупив “Ведомости” у мальчишки-газетчика, ну и убедился, что факта смерти верховного полицая там не отражено.

Мдя, неважно, вынужденно констатировал я: значит, идёт “расследование”, судя по всему. Реально, что ль, “рвануть к финской, или не очень, границе”?

Погонял я данную мысль в голове, да и вышла такая петрушка:

С границей — ни черта не знаю, но, подозреваю, сословное государство, в котором “свобода перемещения и пребывания” возможна только с подорожной от полицаяев... Которые ещё, теоретически, могут её и не дать. Вдобавок, государство это “весьма шовинистично”, то есть, очевидная государственная позиция — “кругом враги”. В общем, не думаю, что это выйдет просто, если вообще выйдет.

Далее, “сменить место учёбы”... Ну, такой себе вариант, точнее, не вариант совсем: судя по изученному мной, смена гимназии посреди года — дело невиданное, по сути — не практикующееся. По крайней мере, в рамках моего сословия. А уход из гимназии мало того, что отрежет возможность поступить вновь и получить экзаменационный лист, так ещё и понизит моё сословие автоматом, снижая “образовательный ценз”, выдаваемый

гимназистам “в кредит, на время учёбы”. То есть, доучившись до экзаменов и сдав все их на “плохо” — я всё равно в сословии останусь. А вот бросив учёбу — потеряю шанс даже “направить работу на рассмотрение профессуре Академии”. Не будут его читать, от быдлы деклассированного.

А если попы, уже всерьёз задумался я. Ну, не нравятся они мне, но мне и от Академии-то только одно необходимо: чародейская инициация. Остальное так, приятный бонус, не более того. Так что потерплю, не сломаюсь, если таковая возможность есть. Ну и если “подвешенное” состояние продлится, естественно.

Принял я решение потиранить на информацию “учителя слова божия”, прям завтра. Ну и заранее смирился с возможной поркой — мог паразит, за “неуместное любопытство”, “вопросы не по чину”, много по каковой причине, “дарованной ему свыше”, мог.

Ну и дотелепался я до дома, где Соны ещё не было, и предался разгульному чтению медицинского атласа. Вообще, признаться, меня это занятие довольно увлекло: раньше я знакомился с “интересными моментами” биологии, а вот рассматривая организм в целом... Ну, в общем, выходил, с одной стороны, редкостный бред: противоречия и взаимоисключения, от клеточного и обменного уровня, до когнитивной деятельности. По первым вводным, ни черта такой механизм работать не может, да и совершенно по-дурацки сделан.

А, по пристальному рассмотрению, практически все ошибки и противоречия весьма изящно компенсировали друг друга, создавая довольно надёжный, да ещё с немалым запасом прочности инструмент жизни в материальном мире.

В общем, выходило реально интересно, так что изучал я справочник не только потому, что больше было нечего.

Единственное, что меня смущало, так это момент с явным “искусственным изменением” местного человека. Вероятность того, что я, например, окажусь “в ином теле, ином Мире” была совершенно ненулевой, учитывая место локализации большей части того, что я воспринимаю как “Я”. А вот естественный ли механизм описывался, либо привнесённый возвышателем — чёрт знает. Впрочем, живу я “тут”, так что полезно. А если и “впопаду” ещё куда — то иметь базовые знания, пусть и не вполне точные, лучше, чем их не иметь.

И где-то через полчаса после начала моего самообразования в студию пришла Сона, снабжённая пусть и не слишком большой, но осязаемой сумкой. Зашла, разделась, с улыбкой чмокнула меня, да и начала шебуршать на кухне.

А я, с улыбкой наблюдая за ней, стал припоминать, как отучал девицу от “домашней одежды”: полноценных платьев и башмаков дома. Реально потратил немало времени, чтоб хоть по вечерам и в выходные девочка не наряжалась в платья.

Так-то дома мы ходили в халатах, а я, признаться, пускал слюни на Соню, представляя её в фартуке на голое тело — как-то такой вариант меня весьма привлекал. Но, это на будущее, а пока и так “халатная психоломка” у девчонки.

И вообще, довольно странный момент с “одетостью” местных, мимоходом рассуждал я. Иммуитет мощный, как сволочь, простудных заболеваний толком нет, последствия от хреновой гигиены — минимальные. Но, как довольно распространены (хотя у меня к ним потребность на порядок выше) водные процедуры, так и “максимальная одетость” в быту.

Ну, первое, уже серьёзно задумался я, скорее всего всё же связано с гигиеной — грязь и повреждения кожного покрова, болячки разного типа и вида всё равно на коже

проявляются, невзирая ни на какой иммунитет. А, потенциально, к тому же сепсису приводят, так что мытьё логично. А вот второй фактор, похоже — обострённое обоняние, хмыкнул я. Как-то не обращал внимания, но вот сейчас задумался, да и осознал, что сквозь запах готовящейся еды и почти незаметный аромат духов, пробивается лёгкий запах выступившего у Соны пота. Не неприятный, скорее даже возбуждающий. Впрочем, припомнил я, люди вообще пахнут друг для друга приятно, а все “вони” — следствие работы бактерий.

А одежда дома, похоже — чисто культурное. Или религиозное, прикидывал я. Ну, в общем, вполне может быть и наследие дикарского “голые только животные”, как пример.

Тем временем, Сона приготовила и накрыла на стол, а, после перекуса, вопросительно взглянув на меня, сама потянула меня за руку к ванной.

Видимо, прикинул я, хочет как “помочь забыться”, так и “закрепить положение”. Всё же, временами было заметно — девчонка боится, что я её “брошу”. Вслух не говорила, но явно напрягалась, когда я смотрел, даже мимоходом, на других дам-с. Когда под руку шли, даже чувствовалось, как девчонка слегка дёргается.

Ну, в принципе, я и не против, пусть “закрепляет”, мысленно пожал плечами я, разоблачаясь перед водными процедурами.

Отмороженная порнуха

В ванной, не пренебрегая ласками, мы совершили ставшее уже традиционным омовение. Лицо подруги, в ответ на мою активность, утратило толику озабоченности. Всё же, похоже, опасалась, что я “не захочу”, отметил мысленно я.

Правда, на мою попытку, не менее традиционно, отнести её к постели на руках, Сона помотала головой, самостоятельно выбралась из ванной и направилась к стоящей неподалёку от кровати сумке. Интересненько, не мог не отметить я, наблюдая за нагнувшейся над сумкой девицей, точнее за весьма возбуждающим видом оттопыренной попки.

А из сумки Сона извлекла два цилиндра, побольше и поменьше. После чего, оставив последний — некую бутылку, начала, сосредоточенно закусив губу, разворачивать больший, оказавшийся некой свёрнутой клеёнкой. И принялась её устраивать поверх ложа, что ей было явно неудобно.

Точно интересненько, веско постановил я, присоединяясь к подруге и помогая накрыть кровать клеёнкой.

Далее Сона вернулась к оставленной бутылке, попросив меня расположиться на кровати. Ну, я не против, довольно растянулся на кровати я, положив под голову подушку. А через минуту фактически завизжал, хотя после сам же рассмеялся: дело в том, что бутылка с массажным маслом была не сказать, чтобы холодная, но и явно не тёплая. А Сона, добрая девочка, окатила из неё мою спину весьма щедро, после ванной, в тёплой комнате... Ну, в общем, весьма пикантный момент стал весьма комичным, а несколько минут мы потратили как на взаимные разъяснения, так и на хихиканье.

Впрочем, вид сидящей на кровати обнажённой подруги вернул мне “настрой”, а мой “настрой”, судя по бросаемым взглядам, возбудил и саму Сону. В результате, прикусив губу, девчонка попросила меня всё же лечь, что я и выполнил беспрекословно. И начал наслаждаться ладошками любовницы, гуляющими по моей спине и ногам, втирающими ароматное и... похоже, с лёгким афродизиаком, оценил я свою реакцию, маслом. Впрочем, я и не против, а горячие ладошки, бегающие по телу, были весьма приятны, хотя подруга и не

делала массаж — видимо, не умела — а именно гладила меня.

На этом месте ладошки, поднявшись с ног, перешли к ранее мимоходом поглаженной заднице. И вот тут девочка начала несколько смутивший меня процесс — она, согрев масло в руках, начала поглаживать и сжимать мои ягодицы. Впрочем, довольно приятно, несколько расслабился я и вновь напрягся — пальчики скользнули между ягодицами, но к счастью, “анального девства” я не лишился — промаслив промежность Сона начала поглаживать и ласкать её, от ануса до мошонки, перебирая последнюю пальцами. А вообще, оценил я, чертовски приятно, а девочка — умница.

Впрочем, подобные ласки продолжались не более трёх минут, после чего Сона попросила меня перевернуться. Эрекция у меня, как понятно, была каменная, что девочка с довольной улыбкой отметила, плеснув на себя масла... и взвизгнув, поскольку опять забыла, что оно холодное. Впрочем, камин топился, бутылка нагревалась и досталось ей “поменьше” первоначально окаченного меня. Ну а её вид, блестящий от масла в свете лампы не дал мне “расслабиться”, пока мы хихикали.

И через минуту намазавшая себя маслом Сона взгромоздилась на меня, став ласкать и промасливать меня как руками, так и елозя по мне своим телом. Было это чертовски возбуждающим, у меня, помимо эрекции, аж пульс постукивать стал в ушах.

А девчонка, поелозив по моему торсу, погладив его, начала спускаться ниже, я даже немного приподнял бёдра, но подруга, с улыбкой покачав головой, легонько погладила эрегированный член и перешла к ногам.

Хм, точно интересненько, с улыбкой заключил я, наблюдая за спускающейся по моим ногам подругой.

Домассировав ноги, она начала пристраиваться между ними, но несколько меня удивила. Сев по-турецки, она начала смазывать маслом свои ступни. Хм, вообще — я не сказать, чтобы имел ступни фетишем, но очаровательные ножки Соны, с аккуратными пальчиками... Ну, в общем, посмотрим, заключил я.

А подруга, намазав ножки маслом, для начала аккуратно прошлась вытянутыми пальчиками по промежности и мошонке, поласкав их. После же, уперевшись руками за спину, сомкнув ступни на стволе члена, принялась скользить ими вверх и вниз.

Было ей явно не очень удобно, ножки проскальзывали, но вид сосредоточено закусившей губу девчонки, её блестящее от масла тело, ну и чуть приоткрытая щёлка были весьма пикантны. Так что возбуждение у меня не спадало, ну а что неловко — так и чёрт с ним. Даже от неловких скользящих движений — всё равно кончу, да и приятно, как ни крути.

Сона же, несколько раз скользнув руками, которыми опиралась, поняла, что дело это не самое разумное. Но, отступить явно не собиралась, подтянула к себе ногу, расположившись поудобнее и, для начала, повторила ласки пальчиками ноги моей промежности, с которых начала свои труды. По совести, хоть и не вели они к оргазму, были чертовски приятны, так что я с улыбкой ей покивал.

А через минуту подобных ласк Сона приподняла ножку, напряглась и начала ласкать пальчиками ноги головку члена, слегка скользя по ней, сжимая и разжимая пальчики. И это уже было реально сильно, вид изящной стопы, ласкающий мой член, да и пусть неловкие, но весьма приятные ощущения скользящих и разминающих головку пальчиков, привели меня к бурному оргазму.

— Тебе понравилось, Гемин? — с улыбкой спросила Сона.

— Очень, — улыбнулся я, — но тебе было не очень удобно.

— Ничего, научусь, и если ты захочешь — повторим, — улыбнулась мне девица.

— Если тебе не будет сложно — только за, — кивнул я довольной подруге.

Ну реально, вышло весьма пикантно, и такой вид контакта приятен, в том числе и эстетически.

Несколько отойдя от оргазма, я потянулся к сидящей подруге, но она опять отстранилась, развернувшись ко мне попой, встав на четвереньки и скользнув промасленным пальчиком себе в анус.

Хм, задумался я. Так, почему она дополнительно мыла себя — понятно, обычно мы ограничиваемся тем что моем друг друга. И анального секса у нас не было — ласки ануса были Соне явно приятны, эрогенное место, но до секса я не доходил — меня вполне устраивало лоно. Попка же использовалась как дополнительное место приложения ласк. Но, если хочет и не против — почему нет, я же только "за". Хотя, есть пара нюансов.

Первым делом я пожимал и поласкал промасленную попку девушки, провел пальцем между ягодицами, уперся им в анус, натолкнувшись на сопротивление, впрочем, тут же пропавшим — читала и помнит, вспомнил и я “наставления” из зачитанной книжки. Не без интереса и удовольствия обследовав предложенный мне путь, ощущая подрагивающие стенки, я решил что уже “можно”.

Ну и перешёл ко второму нюансу, а именно, ухватил подругу за талию и слегка поводил её из стороны в сторону. На что девчонка, взвизгнув, растянулась на клеёнке.

— Зачем? — с обидой спросила она. — Ты не хочешь?

— Хочу, Сона, — не стал врать я. — И очень тебе благодарен, только так тебе неудобно. Скользишь, — пояснил я.

— Тогда на животе? — поинтересовалась Сона, сгибая ноги в коленях, открывая чертовски привлекательный вид.

— Или на спине, если тебе не будет слишком неудобно, — ответил я. — Мне нравится твоё лицо, да и можно будет целоваться. Но, может быть не очень удобно, или я встану с краю кровати...

— Не надо, давай попробуем, — перевернулась на спину девушка. — А как? — задала вопрос она.

— А вот как, — ответил я, придвигаясь к ней.

Приподнял ноги, положив их себе на плечи, убедился, что предоставленная дырочка мне вполне доступна, как и Соне вполне терпимо, ну и начал водить головкой члена по звёздочке ануса. Первое время девочка рефлекторно его сжимала, но, через полминуты, сосредоточившись умом, расслабилась телом. А я начал потихоньку, аккуратно, вводить головку в розовеющую звёздочку. Сопротивления особого не было, член, обильно смазанный маслом, потихоньку проходил, а рефлекторные сокращения не столько препятствовали, сколько приятно массировали, и уж точно не выталкивали мой инструмент.

Девочка сосредоточенно лежала, бросая время от времени на меня взгляды из-под очков, постепенно, по мере моего проникновения, начиная улыбаться.

— Приятно, и почти не больно, Гемин, — произнесла она, когда почувствовала попой мой пах. — А как тебе?

— Замечательно, — честно ответил я.

Член плотно охватывала подрагивающая плоть, вид девушки с поднятыми мне на плечи, слегка разведёнными ножками был чертовски возбуждающим, да и сама, начинавшая тяжело

дышать Сона была весьма возбуждена. На что указывала капелька соков, скатившаяся на живот девушки из щёлки, ну и проявившийся небольшой клитор, который я, не удержавшись, слегка поласкал рукой, вызвав весьма пикантное сжатие вокруг члена.

Ну, начали, решил я, начиная аккуратно двигаться. Сначала выходило у нас не очень — фрикции мои прерывались сжатыми не вовремя мышцами девушки, а “давить” я находил неправильным и глупым. Но через минуту Сона “почувствовала ритм” и начала встречать мои толчки максимально расслабленным, а на выходе — сжатым почти до боли анусом, принося мне весьма приятные ощущения, да и сама, судя по стонам и сочащимся из щёлки сокам, получала немалое удовольствие.

Я же размеренно входил и выходил в неё, получая массу удовольствия как от ощущений, так и от вида мне открывающегося. Подумал и, на противоходе, стал нежно проводить пальцем по щёлке девушки, первый раз даже испугавшись, столь сильно сжала застонавшая Сона попку. Но, приноровился и под всё более громкие стоны подруги продолжил фрикции и ласки.

Несколько меня удивив, девушка пришла к оргазму гораздо раньше меня, оросив меня и себя соками, пикантно массируя член сжимающимися стенками. Ну, значит всё, да и всё равно приятно, улыбнулся я, начав выходить из девушки.

— погоди, Гемин, ты же не закончил, я чувствую, — подала голос подруга, нахмуренная, несмотря на поволоку удовольствия.

— Но ты-то да, — ответил я.

— Продолжай, пожалуйста, — решительно подалась бёдрами ко мне Сона, насаживаясь расслабленной попкой на полувытащенный член.

Да сейчас, откажусь я, подумал я, кивнув с улыбкой и продолжил фрикции. К моменту, когда я, наконец, кончил, Сона получила ещё один оргазм, но старалась “не сжимать”, что была как трогательно, так и весьма приятно. Этаким массаж члена подёргивающимися произвольно стенками.

Наконец, излился и я, отметив про себя, что, несмотря на “первый раз” — вышло замечательно. И для меня, и для подруги, счастливо, пусть и устало улыбающейся.

Прилёг на кровать, передохнуть, но Сона, всё ещё покрытая массажным маслом, скользнула по мне, сливаясь в поцелуе.

— Это очень здорово, — через минуту, тяжело дыша, выдала подруга. — Я немного передохну...

— Нет, — чмокнул я девушку в носик, аккуратно сняв с неё очки. — На сегодня хватит, пора спать. Ты была прекрасна, впрочем, как всегда.

— Ты тоже, Гемин, — выдала подруга, согласно сворачиваясь на мне калачиком, кладя ладошку на мой член — появилась у неё такая привычка, довольно пикантная, как по мне. А через минуту заснула с улыбкой на губах.

Размороженная порнуха

А вот я призадумался. Нет, в сексе отказа мне не было, более того, девочка явно сама от соития получала немалое удовольствие. Но за всё время нашей “дружбы телами” довольствовалась “ведомой” ролью, изредка проявляя инициативу руками и оральными ласками, но не более.

А вот с чего сейчас-то такой, без кавычек, праздник, призадумался я.

Так, она отходила “по делам”. Судя по всему — домой. А вот там, скорее всего, Залина посоветовала проявить инициативу. Причём было ли причиной “поддержать и взбодрить”

либо “покрепче привязать” — мне не очень важно. Результат вышел чертовски приятным, а привязан я “достаточно крепко”, разумом и удобствами, да и вполне наличествующей симпатией. Сильнее всё равно не выйдет — “влюблённости” я давлю, как и негативное влияние страсти.

В общем-то, я не против, как уже думал, довольно заключил я, приобнял посапывающую девицу и с улыбкой заснул.

Наутро мы проснулись несколько раньше будильника — пусть масло впиталось, но камин почти прогорел, а осень вступала в свои права, так что нам стало прохладно.

Прибрались, помылись, взаимно порадовав друг друга, да и направились в гимназию. По дороге я перехватил мальчишку-газетчика, придающего утру дополнительную прелесть писками: “Срочная новость! Очередная трагедия!”

А, распрощавшись с Соной, погрузился в прессу, на первой странице которой было сообщение о “несчастном случае с уважаемым полицмейстером”. “Несчастный случай” меня немало порадовал, но статью я прочитал с напряжённым интересом.

Итак, “безвременно отошёл в мир иной”, согласно “заявлению господина Мозера, нейдриг-полицмейстера Терска”, в смысле заместителя, Детроп “в результате несчастного случая с электрической лампой”. Причём, в статье приводились цитаты, согласно которым “виноватый” в несчастном случае нашёлся. А именно — производитель “неисправных электрических предохранителей, кои, будь они сделаны согласно нормативам, уберегли бы жизнь почтенного полицмейстера”.

Ну вообще — трясло паразита долго, факт. И предохранители явно свою роль не выполнили, так что “направленное заявление в компетентную комиссию” по поводу бракоделов вполне оправданно.

Правда, чёрта с два полицаю бы помогли предохранители исправные, мысленно хмыкнул я.

А так — выходит, что принята версия “несчастного случая”, что, фактически с гарантией, меня обезопасило. В этом плане, напомнил сам себе я, а так-то я живу не сказать, чтобы в “безопасном” Мире.

И слишком я углубился в размышления, пребывая на “законе божьем”, ответил несколько невпопад, за что святоша повелел “задержаться”. С очевидной целью: надругаться моим филеом над чистыми и невинными ивовыми прутьями.

Впрочем, облегчение от “пронесло” — пусть и не со стопроцентной гарантией, но весьма высоковероятно, меня несколько с очередной поркой смирило.

Да и вопрос образовался, припомнил я, вывалив на святошу вопрос о “духовном пути в жизни” сразу, как мы остались наедине.

— Так, отрок, ты о том думал, вопросом моим пренебрегая? — с прищуром уставился на меня законобожеучитель.

— Над ним самым, господин законоучитель, — честно соврал я. — Достоин ли я, да и вопрос к вам обдумывал.

— Негоже за мысли благостные порке подвергать, — порадовал меня поп. — Но и небрежение в учёбе недостойно! Прочтёшь дюжину молитв на ночь, во искупление небрежения, — цепко уставился он на меня.

— Прочту, господин законоучитель, — покаянно соврал я.

Судя по расслабившемуся рылу, проверял меня своим колдунским полиграфом, паразит такой, отметил я.

После чего, фактически песенным речитативом, выдал поп мне такой расклад:

Итак, в послушники я пойти могу. Отдав всё имущество, включая носильные вещи. “Ибо на церкви святой будет твоё содержание и окормление, негоже в духовный путь брренное влачить”. Последнее мне было не слишком важно, поскольку “проверяемого имущества” у меня может оказаться весьма мало, а “полиграф” я обойду.

А вот далее выходила картина не слишком радужная: пять лет фактического рабства у святош, по окончании которых, “в меру развития духовного, допустят до таинств духовных, альбо смирать себя в послушании поручат ещё полдесятины лет, альбо негодным признают к пути духовному и в мир отпустят”.

Хорошо устроились, кисло подумал я, спросив, а везде ли в Мире столь “разумные и правильные порядки”, поскольку интересно мне, не исказили ли сволочи импортные, тьфу на них, святые божественные законы.

На последнее святоша признал, что импортные — несомненно, сволочи. И даже тьфу на них, факт. Однако до сволочизма искажения “слова господнего” они не докатились.

Елейно поблагодарив и поведав, что буду до экзаменов искать в себе волю и силушку духовную, дабы понять, потяну ли я “тяжкий путь”, я под кивки закономучителя из аудитории удалился, поспешив на следующее занятие.

Мдя, отметил я не самую приятную перспективу. Если не соврал поп, учиться колдунствовать у святош — дело если не бесперспективное, то крайне долгое и неоднозначное. Причём по всему Стегасу, похоже.

Проверить, конечно, не помешает, но вряд ли закономучитель врал: нет смысла и вообще.

И потекла потихоньку учёба. Ну и жизнь вместе с ней не отставала. На квинке зашли мы к портнихе за моим новым барахлом, которое оказалось весьма к месту, поскольку холодало весьма ощутимо.

Да и заказал я Соне шубку, хотя подруга отнекивалась, вполне серьёзно, насколько я могу судить.

Но тут я не только её благодарил, за весьма весомый вклад в моё довольство и комфорт, но и себе приятно делал, так что настоял.

Учился, встречался с Марцилом, но и про “забугорье” решил поинтересоваться. А в итоге получил, пусть и намёками и недомолвками, массу бесполезной информации от Залины.

Итак, выходило, что “на воды в Гаагу” антец поехать может почти невозбранно. Если благонадёжен, ну и если конкретная Гаага его стремления его рожу видеть не против. Что определяли в столичных посольствах.

И, вроде бы, проблем с этим особых не было. Правда, начиная с шестого класса. Остальным “в забугорье”, видимо, было нечего делать. При этом, вопрос “иммиграции”, на который я аккуратно навёл собеседницу, также, на удивление, препятствий со стороны властей не встречал. Однако “были нюансы”.

Самым необходимым для “потенциального диссидента” было отсутствие долгов, как перед гражданами Анта, так и, само собой, перед государственным аппаратом. И диссидентствовать предлагалось без имущества. Вот вообще без, носильные вещи, один комплект, ну и не более пятидесяти ауресов деньгами.

— А если у покидающего наше благословенное отечество, будет, к примеру, имущество в зарубежных странах? — уточнил я.

— Так если дома или иная недвижимость, пусть дарственную пишет на казначейство, — отвечала дама. — А если счёт в банке или иное что — так же переписывает и поручительство выдаёт. Такие вещи не скроешь, — веско выдала Залина.

— Мудрые и верные законы в нашем благословенном Анте, — выдал я под кивки собеседницы. — Так и надо.

А вообще, невзирая на весьма жёсткую “обдираловку” — несколько более либерально, чем я предполагал, признал я.

А ещё, за три беседы, что у нас были, Залина несколько прояснила ряд моментов.

Итак, по закону, конечно, высшие сословия были “чем выше, тем неподсуднее”. Однако от совсем оголтелого произвола их удерживало как некое “общественное мнение”, так и социальные связи. С заметным удовольствием просвещающая меня тётка (чуть мысленно не оговорился “тёща”, мысленно хмыкнул я) приводила не один и не два примера, когда представители третьего, а один пример был пусть и давним, но второго класса, аж “стрелялись от позора”.

Ну, положим, стрелялись эти ворюги и сволочи не от позора, рассуждал я, а от “общественного мнения”. От позора они бы делишки свои гадкие не творили. И картина выходит вроде и поприметнее, чем казалась, хотя... На соплях всё, да и всё равно по-дурачки. Тот жедохлый Щебетен в свидетелях.

Кстати, насчёт последнего, точнее, не его мёртвого трупа, а наследничка. Ралил ни черта не появлялся в гимназии почти месяц. Более того, по слухам, предавался весьма самоотверженному загулу, с пьянством и блядством. Что хоть несколько осуждали, но из гимназии, например, даже не пробовали выпнуть. Сословие оберегало, а меня пошлют и за неделю прогулов, отметил я.

Ну а в остальном — всё более или менее соответствовало моим планам. Зима Терска наступила и была, прямо скажем, лютой. За полчаса можно было отморозить до бесчувственности нос и лицо, так что добирались мы с подругой до мест назначения почти бегом, да и выбирались, помимо гимназии и едальни, только по реально важным надобностям. Да и камин топился теперь, не переставая, несмотря на осуждающее покачивание головой старичка-домовладельца на “расточительство”.

И вот, бегу я, значит, в один ненастный вечер, в продуктовую лавку. Надо было нам домой некоторые продукты прикупить, а Сону я уговорил остаться, нечего ей лишней раз морозиться. Бегу, тороплюсь, потому что реально холодно, мимоходом сожалею об “отмороженной” резистентности отрицательным температурам, ну и не особо обращаю внимание на окружающий меня пейзаж. И вдруг, на подбеге к лавке, получаю мощный такой, весьма ощутимый поджопник. От земли меня не оторвавший, но бросивший мордой на стену лавки и ощутимо к данной стене челом приложивший.

Ну и пал я, естественно, на снег, быстренько приходя в себя, оглядываясь и начиная злопыхать. Потому как ко мне вальяжно топал расхристанный, явно пьянящий Ралил, игнорирующий расстёгнутой шубой мороз. Шёл с дебильной улыбкой, а неподалёку его ожидала некая весьма закутанная и подрагивающая ледь, обозримые части которой указывали на то, что она лядь.

Мизансцену окружающего пейзажа дополняли пара явных покупателей, с интересом взирающих на происходящее, ну и на периферии, из мобиля со знаком полиции, медленно выковыривался городской, в таком количестве мехов, что более походил на медведя.

— И что ты мне, ик, оторвать хотел, плесень подзаборная?! — спросил пьяный

Ралил. — Понял, на кого руку поднял, гря-а-А-А-А!!!

Последнее вокальное упражнение было связано с тем, что галоша, принявшая на морозе крепость камня, со всем моим усердием размазала яйца мажора по промежности. Ну, вряд ли всмятку, прикидывал я, поднимаясь и вытирая кровавые сопли со своей морды, но в мешочек — вполне возможно.

Поднялся я, стал проверять организм на предмет ущерба. Кроме разбитой носопырки последнего не обнаружилось, так что стал я оглядываться и думать. Бил-то я на рефлексе и из чувства самосохранения: пьяный мажор, ведя диалог, явно примерялся меня отпинать.

Но вот косолапящий полицай... И сословие — у меня на ступень ниже родителей, восьмой. А у яичного, точнее безъяичного, мажора, чтоб его, шестой.

Так, стоп, у меня — самозащита. И свидетели есть. До лишения этого права местные законотворцы не додумались, так что, в теории, даже пейзажник может Доброму Хозяину, если самозащищается, башку свернуть. По факту, конечно, нет, но у нас с Ралилом не столь велика сословная разница, чтобы меня за самозащиту карали.

— Жалобу на него подавать будете? — подтвердил полицай мои мысли, отогнув, подойдя, край прикрывающего полицейскую морду шарфа.

— Нет, не буду, он своё получил, — отвечивал я.

— Тоже верно, — покивал полицай, безуспешно попытавшись поднять мажора. — Знакомец?

— Соученик гимназический, — отвечивал я.

— Ну, хоть отпор кто дал, — пожал плечами (почти незаметно под “сто одежек”) городской. — Может, за ум возьмётся.

— А что, не первый случай? — уточнил я у разговорчивого дядьки.

— Да, случается, — нейтрально ответил он. — Горе-то у парня понятное, весь город в печали, — на что я, скорбно на роже и радостно в душе, покивал. — Но всему ж мера нужна! Пьёт, как не в себя, с девками непотребными, за деньги, гуляет, — смерил он девицу взглядом.

— Я все налоги плачу! В управе зарегистрирована! — возмущённо выдала лядь, на что полицай махнул варежкой.

— В общем, это вы верно сделали, может, в ум придёт. Хотя, место вы выбрали, — поморщился он.

— Уж простите, куда доставал, туда и пинал, — развёл лапами я, на что полицай покивал.

Да, довольно забавный “оскал сословизма”, рассуждал я, заходя в лавку и подпрыгивая, отогреваясь. Отбиваться — можно, ну и претензий не возникает, полицай у меня даже имени не спросил, признавая “в своём праве”. Однако если пьяный мажор пинает кого — это проблемы пинаемого, до поры, поскольку “высший класс”.

Было у меня, конечно, некоторое опасение, что данная “дружеская встреча” может возыметь неприятные последствия. Но через квинк по городу прошла новость, что вдова Щebetена продаёт особняк и с сынулькой покидает Терск, в направлении столицы округа. Ну и колдобинами дорога, мысленно пожелал я.

А у меня же, возникала некоторая не то, чтобы проблема... хотя можно сказать что и так, с Соной. И вот чёрт знает, что с этим было делать, так что выбрал я свободное время, да и заскочил не в едальню, а кафе, в одиночестве, кофий попить, посидеть-подумать.

9. Столичная баня

И заключалась проблема с подружкой дней моих суровых отнюдь не в беременности подруги. Местная статистика сюрпризов мне не подкидывала, так что с будущим спиногрызом было весьма неопределённо. Возможно, мы вообще несовместимы, и такое не раз описывалось.

Вообще, конечно, вопрос детёныша был неоднозначен. Контрацепция, учитывая местные реалии, была мягко говоря неразвита. А на простейшие её методы, вроде “достал, перед тем как кончить”, Сона, а, подозреваю, любая местная дама, реагировала весьма негативно. Не в плане “скандалов”, но были очень удивлённые глаза, а, после третьего раза, девочка после соития отошла в сторонку и горько рыдала. На мои приставания и вопросы отвечая: “всё хорошо”.

Так что, обдумав вопрос с будущим-возможным спиногрызом, я пришёл к выводу: будет и будет. Я к ним отношусь скорее положительно, финансовое благополучие у меня есть. Подруга, при всех прочих равных, меня вполне устраивает, так что дёргаться я перестал, на возможное отцовство став смотреть нейтрально-положительно.

Но, беременной Сона не становилась, да и не было бы это, в рамках моей текущей позиции, “проблемой”. Скорее изменением определённых планов, причём даже не отказ, а именно смена приоритетов выполнения.

Но проблема была, причём “у меня с ней”, внаоборот же всё девчонку устраивало. И проблема чисто этически-умозрительного толка. А именно:

Сона, со всеми её достоинствами и недостатками не была, а главное, очевидно не имела намерения, становиться мне “подружкой”. Соратницей, хотя бы частично разделяющей интересы, объединённой со мной одним делом. Было ей это неинтересно, к этому она не стремилась и на мои потуги её интересами моими заинтересовать, отвечала покорным равнодушием.

Её интересовала литература, это факт. Она “тащила”, сияя очами, от стихов, как плагиатно-переведённых, так и мной придуманных. Читала с весьма заметным волнением и интересом любовные романы, сетовала на отсутствие визора — не слишком сильно: секс, стихи и книги её удовлетворяли, но она явно была бы “не против” зомбоящика. И да, секс она любила, во всех проявлениях и типах, как и, наверное меня... Но только не меня, как я на самом деле, а образ “Гемина-поэта” у себя в голове.

Одного того, что общающаяся не один год девчонка не акцентировала внимание на явные изменения во мне, хватало, чтоб понять что “живёт и спит” девчонка со своим образом, а никак не со мной.

И вот, это было, на мой взгляд, определённой проблемой. То есть, устраивает ли меня “секс-партёрша” и “условно-покорная жена” в качестве спутницы жизни?

Часть меня, вопила благим матом, что нужна именно подружка-соратница, а всяких “покорных жен” в топку. Правда примолкала, на ехидный вопрос о целибате и намёках на “ручную работу годами”.

А вот другая, более прагматичная, нежели идеалистическая, часть смотрела на меня и идеалистический внутренний голос, как на идиотов. И выдавала, время от времени свой весомый вердикт: “да вы слишком много кушать!”

Естественно, голоса были фигуральными, но этический вопрос назрел и несколько беспокоил: правильно ли принимать ситуацию “как есть”, тешить похоть, или всё же погнаться за “душевым родством”, либо ища “ту самую”, либо ломая ценности Соны, её мировоззрение и миропонимание “об колена”, с неявными перспективами?

Вот реально, смех смехом, а вопрос-то, для меня, был довольно актуальным.

И вот, посидев, подумав, попив кофий, всё же пришёл я к выводу: “я слишком много кушать”. И кушать надо в меру, то что есть. Благо, этого много и это вкусно.

А именно, меня более чем устраивает красивая, влюблённая (пусть в образ, но он — тоже часть меня) любовница. Мои потуги получить от неё “ЕЩЁ” и “душевной близости” и разделения моих интересов кратно больший эгоизм, чем использования её как “секс-куклы”.

В последнем случае, как секс-куклу используют и меня, к взаимному удовольствию.

А вот в первом я требую от девчонки слишком много, ей, очевидно, на хрен не нужного.

Так что, окончательно решил я, после взвешивания всех “за” и “за”: довольствуюсь тем что есть, получаем с девчонкой взаимное удовольствие. Время от времени, не слишком часто, но и не “давя” буду стараться её в своих интересах заинтересовать. Выйдет — буду счастлив, возможно даже “влюблюсь”, насколько это возможно с моим складом характера и физически-ментальным строением НЕХ-а.

Не выйдет — приму как есть: то, что даёт мне девчонка кратно больше того, что я от неё решился бы требовать сам. Реально, один из немногих, если вообще не единственный, источников радости и удовольствия, в не самом симпатичном мне замороженном Мире.

Так что, если не заинтересуется “моим настоящим Миром”, имеет смысл и даже честно “подыграть” ей, в плане соответствия “её Гемину”. Не во всём, безусловно, не втискиваясь “под каблук” что воображения девицы, что взаимоотношений, но в непринципиальных вопросах — безусловно.

Надумав эти мудрые думы, я как себе настроение поднял, так и червячка внутренних переживаний задавил. А то уж очень он у меня выходил гендерно-неверным, что-то вроде “а тому ли я дала?”, что гендерно-верному мне категорически не можно!

Ну и заскочил, по морозцу (мороз и солнце, день продроглый, чтоб его!) в ювелирную лавку, где приобрёл относительно дорогие серёжки — пусть будут, в рамках “Сониной картины Мира” подобные знаки внимания весьма весомы и приятны.

А преподнеся подарок девице, я был порадован “весомым и приятным” вечером и ночью, с весьма активной и полной энтузиазма и желания доставить мне максимум удовольствия девицей.

Что подтвердило правильность надуманного, ну и засыпал я в обнимку с Соной весьма довольный и, наконец-то, без “давательного червячка” внутри.

И полетели дни, наполненные гимназией и регулярным ежедневным сексом: зима, чтоб её. Ну реально, в городе ничего толком делать, пребывание вне дома — максимум полчаса.

Фильму новую завезли, мы с Соной на ней побывали... так порнуха и вагинострадания. В смысле, “романтика”, но протагонист, половину фильма бодро и в подробностях имеющий в дыхательные и пихательные пять(!) девиц, которые друг о друге как бы не знали, и всё никак не решающийся “выбрать” “свою единственную”... Ну блин, гарему заведи, если сатириаз хронический (а судя по фильму — так и было, некие невнятные “дела” протагониста укладывались в столь ничтожное временное окно, что выходила ебля по двенадцать часов в сутки, без перерывов и выходных). А то единственная на пинусе сотрётся, до кровавых мозолей, а то вообще и совсем. Но нет, всё было приправлено “романтикой и

поисками”.

В финале романтически-давательной порнухи картина была такова: девицы, как выяснилось, друг о друге знали, ну и поставили половому гиганту вопрос ребром: “Выбирай одну из нас!”.

Дуры суицидные, мысленно хмыкнул я, он же “одну из вас” до смерти заебёт за неделю.

И вот, пребывает наш герой в тяжких раздумиях, а ему “скромная служанка” всю предыдущую фильму роняющая на полового гиганта слюнку, подавая кофий, выдаёт: “не может ли она чем помочь грустному господину?” Господина печально вздыхает, ну и имеет служанку во все дыхательные и пихательные. И так ему новый образец приложения своих талантов понравился, что берёт он, да и женится на ней. Свадьба, все счастливы. Последствий недели сожителства служанки с половым гигантом не демонстрировали, видно цензура не пропустила.

Сона, кстати, опять же, как и на прошлой фильме, воспринимала всё весьма серьёзно. Даже попробовала впоследствии воспроизвести несколько “ухваток” подруг полового гиганта.

А в остальном выходило именно “гимназия-книги-койка”, причём у меня, к сожалению, книги закончились, перечитал я интересное не по одному разу. А читать местную эпистолярщину так и не научился, что, наверное, и к счастью.

Даже мои визиты к Марцилу, к концу второго месяца зимы подошли к концу: физик признал, что объём “усвоенных знаний” чрезмерно велик, что я его “удивил и порадовал”, одарён богом “сверх всяких ожиданий” и... всё. Ближе к экзаменам он со мной побеседует, ну и по их окончанию предоставит рекомендации.

Даже на занятиях не спрашивал, что, в общем-то, довольно логично. А после пары раз “шепотков класса” последовало пара же “публичных опросов”, по результатам которых ситуация была и классом принята как “норма”.

Несколько раз навещали Возеров, устраивали чаепитие, но визиты носили довольно формальный, для меня, характер. Разве что момент с “оттаявшей музой” всплыл, не без сониной помощи.

Впрочем, винить девчонку было не в чем: я клятв “никому не говорить” о своих эпистолярных потугах не требовал, так что Залина о том, что “Гемин пишет” закономерно была в курсе.

Ну и делала намёки, на тему “а не сбацать ли ещё сборник”, от чего я отнекивался “недостаточностью материала”. Видимо, Бурдсен ей некоторые премиальные подкидывает, либо дама о “благополучии дочки” печётся, отметил я.

И вот, в подобном темпе, дожили мы до первых весенних деньков. От которых я, признаться, готов был взвыть — ну ладно, чертовски холодно, как было зимой. Так ещё и регулярный ветер, перепады температуры, от незначительного плюса, к значительному минусу, с соответствующей влажностью... Блин, как так жить-то можно, недоумевал я, невзирая на комплект памяти о “так жить”.

Впрочем, вопросы философического толка отходили на второй план. На носу были экзамены, которые меня скорее радовали. Ну и, закономерный отъезд в столицу, с целью покорять её своими немеренными талантами так же маячил, не без того.

Соответственно, вставал вопрос Соны. В рамках моего к ней отношения, ну и некоторой финансовой состоятельности, я рассчитывал забрать её с собой, арендовать жильё и... а вот что “и” — понятно только в плане сексом трахаться. А вот разговоров мы не вели, так что

одним из ужасных (дождь при минусе с ветром — реально ужасно) деньков, начал я с подружкой разговор “за жисть”.

Впрочем, для начала — был удивлён я. На предложение о начале диалога подружка ответила бодро и сходу посвятила меня в такие расклады:

— Мама с папой уже отложили средства на моё обучение, Гемин, — выдала она. — А я поступлю в Академию Изящной Словесности, буду учиться на журналиста. С тобой, пусть и на разных факультетах, — довольно заключила она.

Чем подтвердила мои догадки — невзирая на кивки и прочее часть мной говоримого девчонка либо не слушает, либо “забывает и забывает”, вскоре после моих речей.

— Сона, я тебе говорил, причём не раз, я поступаю НЕ в Академию Литературы, — отрезал я, ответом на что мне стало обиженное выражение лица.

— Но я думала... И ты начал писать! — последовал "контраргумент".

— Положим, начал, — не стал спорить я. — И что мне даст эта Академия Литературы? — ехидно осведомился я. — Или выпускники этого заведения пишут лучше меня?

— Нет! Ты, конечно, лучше! Но я думала...

— А надо было, для начала, слушать, — наставительно выдал я.

Вообще, ссорится не хотелось, хотя в целом — не слишком приятный расклад. Однако, моя позиция по отношению к девчонке также далека от идеальной, в моём понимании, так что решил я на “Гемин лает. ветер носит” не акцентироваться. Со временем притрёмся, а даже если нет — будем существовать в разных мирах, не без удовольствия друг для друга.

— Но вместе мы будем, я арендую нам жильё, — улыбнулся я Соне. — А учёба в разных академиях — не страшно.

— Да, ты прав, Гемин, — улыбнулась Сона. Только я хотела у тебя спросить... — замялась девчонка.

— И о чём? — логично стал допытываться я.

— А ты не хочешь на мне жениться? — вывалила подружка и зачастила. — Мама выделит нам...

— Сона, погоди, — прервал я поток слов. — В принципе — я не против, но нам пока рано.

— А я думала, мы поженимся перед отъездом, — надула губу она.

— Нам рано, — повторил я. — Будет свой дом, определимся с будущей жизнью — я тебе сам с удовольствием предложу. Ну и если ребёнок появится, само собой, — уточнил я. — А пока мы учимся — зачем? Да с той же оплатой учёбы выйдет дороже, — напомнил я.

Последнее было довольно странным, но реальным фактом: “женатики” в Академиях платили за учёбу больше, уж чёрт знает, почему.

Да и вообще, я девчонке не врал: в рамках наших отношений, я видел возможным брак исключительно после стабилизации положения социально-материального. Раз уж Сона “живет с образом”, а я принимаю её как “сексуальный объект”, то окончательно закреплять отношения, в такой конфигурации, я находил разумным только после определения с “планами на ближайшие годы”, ну и постоянным жильём.

Подруга, Впрочем, заметно расстроилась “отказом”. От тела не “отлучала” (что я вполне мог пережить, а “наказание” вышло же как минимум обоим), но в ближайшие недели “притормозила активность” постельного толка, ну и в целом, сократила наше общение.

Впрочем, учитывая что оно более чем наполовину заключалось в “Гемин, почитай мне

что-то”, наказывала Сона скорее себя.

А, через пару недель, меня “простили” и жизнь вернулась в прежнее русло. Причём, вроде бы, подруга частично “приняла” некоторые отличия меня от образа. По крайней мере, в своей подготовке к экзаменам, Сона начала консультироваться со мной в сфере точных наук. Что давало надежду если не на “соратницу” в будущем, то более понимающую спутницу жизни — точно.

Так и дожили до экзаменов. Вообще, невзирая на ряд не самых приятных моментов (ну и, безусловно, за вычетом сволочи-полицая), время это протекло на удивление приятно и комфортно.

Да и люди, встречающиеся мне, были, подчас, весьма симпатичны, с более чем заслуживающими уважения деяниями. Так что я, признаться, стал несколько “теплее” относиться к замороженному миру, невзирая на его явные недостатки.

С экзаменами же выходила такая петрушка: приезжала комиссия аж из неризиновска Ньюстада, в дюжину рыл, лиц и морд. И, на протяжении последнего весеннего месяца, оценивали они знания выпускников, выдавая по результатам табель. Учитывая количество выпускников обоих полов в полсотни (Терск реально был небольшим городом, не говоря о том, что гимназия была весьма “сословно-ограниченной”), комиссионеры скорее пинали пинусы этот месяц, нежели упорно работали. Ну и нужно учесть “смежность” сдаваемых предметов: та же география и статистика — один предмет, пение и риторика — также один. Математика и химия(!) и то пребывали в пусть объяснимой, но, на мой взгляд, всё равно бредоватой спарке.

Ну, в общем, количество экзаменов было весьма невелико. А сами экзамены проходили довольно быстро.

Из любопытного был экзамен богословия, к которому я, естественно, готовился, но на “условно-достаточном уровне”. Наш пухлый закономучитель, который после моих вопросов о “возможности ввалиться в лоно секты”, свои поротельные потуги смирил, по мере моего экзаменования краснел, бледнел и даже зеленел. Глазки закатывал, за пухлые щёчки хватался, даже за сиську себя мацал, симулируя боль сердечную. Правда, размеры сей части организма были у толстяка таковы, что хватался он скорее за желудок. Ну и симулировал, по итогам, не боль сердечную, а явное несварение, от моих неудобоваримых ответов.

— Удовлетворительно, — по окончании моих “бэканий и мэканий” уронил самый толстый (в фигуральном смысле, в прямом наш закономучитель его явно превосходил) сектант. — И Урий, — обратился он к закономучителю. — Рвения к службе господу я в сём отроке не узрел, так что прощение твоё отклоняется.

Толстяк покаянно покивал, злобно на меня позыркал и отвернулся. Ну а я мысленно вытер со лба воображаемый пот. Ну реально, этот святоша ещё и “сектантский капитал” хотел за мной счёт набрать, паразит такой. Из-за одного вопроса, блин.

Хорошо что ему облом, а сугубо хорошо — что по “закону божьему” оценка оглашена и секретарём фиксируется.

Просто с экзаменами, по внимательному рассмотрению, выходила весьма любопытная закавыка: недопущение до профильного экзамена, права сдавать остальные не лишало. Вроде бы так, да не совсем. Оказалось, что ряд предметов, для дальнейшего поступления в Академию, “равнее”, чем прочие.

И как раз законобожие — не сданное, или сданное ниже “удовлетворительно”, отрезало путь в “технические и точнаучные” ВУЗы. При этом, беззаконнобожий невозбранно мог

поступать в Академии всяческих изящных искусств, если имел соответствующие таланты и отметки в табеле по профильным предметам. Картина не самая приятная, наводящая на ряд нехороших мыслей, но меня “пронесло”.

Да и, если по совести, поступать я намеревался “по протекции”, не студентом обычным, так что вроде бы и пофиг... Но вот чёрт знает, так что “удовлетворение” главного сектанта меня несколько порадовало

В остальном экзамены сдавались “по плану”, весьма этим радуя. Как и, пусть неважные, но мелкие радости всплыли в дисциплинах непрофильных: географию я сдал на “хорошо”, сам себя этим удивив и порадовав. И физическая культура у меня вышла на “отлично”, что, вроде бы, учитывая мои регулярные занятия вертикального и горизонтального (последние, конечно, качали не совсем те мышцы, но общий тонус организма, особенно в долгие зимние вечера, весьма поднимали) толка, и неудивительно. Но вот не соотносил я свою физическую форму и явно “слитую” физру, что было довольно забавным психологическим вывертом. Ну и принесло толику приятных эмоций от неожиданного результата, не без того.

С физикой же вышло вполне ожидаемо: Марцил при мне нашептал про меня всякое на уши комиссионерам, так что дядьки в годах с ходу обрушили на меня пяток вопросов вне гимназической программы. На которые я, закономерно, ответил, после чего главный комиссионный физик огласил:

— Превыше всяческих ожиданий, господин гимназист. Весьма похвальные результаты, господин Марцил, — покивал он довольному бородачу, отпуская меня с миром и оценкой.

В общем, к концу экзаменационного месяца я был доволен и чертовски занят: люфт между окончанием экзамена и началом вступительных испытаний в Академии — безусловно был. Но был он прискорбно невелик, ну и если непотичному мне это, вроде бы, было не слишком важно, то поступающей “на общих основаниях” Соне — вполне.

Соответственно, к моменту выдачи табеля, надо было оформить кучу всякого разного, бюрократического толка. До смешного — подорожная для путешествия в столицу выдавалась полицией весьма неохотно. Далее, мне нужен был не только паспорт, но и так называемая “сословная грамота”: нечто вроде “выписки из архива”, от рождения и до текущего момента, расшифровывающая “историю моей жизни”. Нужно было снять копию, поскольку оригинал оставался на месте рождения, получить её, ну и предоставить по месту пребывания. В общем, бюрократщина кромешная, как она есть.

Это ещё хорошо, что Залина имела “связи” и Соне не приходилось, как и мне, скакать по всяческим присутственным местам, с языком на плече.

Дошло до того, что я просил Марцила (что он, к моей благодарности, и осуществил), рекомендовать меня своему знакомцу ДО экзаменов, после чего, уже с соответствующей телеграммой, я смог выбить из полицейского управления подорожную.

Впрочем, беготня и суета завершилась успехом: ещё до выдачи экзаменационного табеля я был снабжён всеми потребными бумаженциями, для которых аж пришлось покупать отдельный саквояж.

Сона так же была “готова”, ну и заметным волнением и предвкушением (последние были и у меня, но незаметные), ожидала “поездки в новую жизнь”.

Собственно, неделю перед выдачей табеля мы провели в визитах и прощаниях. Даже я навестил бывшего домовладельца родителей, выпил с ним кружку пива (дрянного), ну и получил жмень благих пожеланий.

И, наконец, табели нам таки выдали. Получали мы их в городской управе, вместе с

Соной. Ну и, по получении, увидев весьма заинтересованный взгляд подружки, я, жестом, предложил поменяться. На что получил весьма энергичный кивок девчонки.

И, по ознакомлению, вынужден был признать, что мой, отнюдь не “блестящий” табель оставляет меня “главой семьи”. Сона блистала в литературе, риторике, пении. “Хорошо” была оценена по изобразительным искусствам и физической культуре, ну и сплошные “удовлетворительно” в остальном. Впрочем, свой “путь Шиноби” она давно выбрала, напомнил себе я, так что девчонка просто не “распылялась” на ненужное и неважное.

И, напоследок, навестили мы перед отбытием Возеров, в очередной раз. Было довольно обильное застолье, тосты “за прекрасное будущее” и прочее подобное. Признаться, посиделка меня несколько утомила, особенно шипением наклюкавшегося Зерго “не обижай мою дочу!”, ну и “чтоб внук был!” Последнее повторялось с удручающей периодичностью весь последний час застолья, пока Сона с Золиной щебетали о своем, о дамском.

Ну и подостало меня это, естественно. Хотя, расставание придавало терпения и с нудежом несколько смиряло.

На прощание Залина выдала мне адрес “Печатного Дома Брудсен” в Нюстаде и ещё одну визитку Брудсена, в довесок к уже имеющейся. Учитывая, что она не “давила”, в плане “пиши пока в Терске”, я пришёл к выводу что в моём “творчестве” даму интересует более благосостояние дочки, нежели корыстный интерес.

А на следующий день мы с Соной были на платформе вокзала Терска, ожидая подачи поезда. Отсутствие соучеников убеждало меня в моей мудрости: у нас будет на неделю более времени на бытовые нужды, чем у “стандартных абитуриентов” из соучеников.

Подруга, раскрасневшись, сияла глазами, а я прикидывал, всё ли я забыл, ничего ли не вспомнил.

Ну и выходило, что в общем-то, всё: документы есть, моё барахло, как и сонино, отягощает тележку носильщика. Единственное, что из запланированного я не сделал — это не потренировался с пистолетиком. Терск услуг “стрельбища” жителям не предоставлял, ни одним из своих заведений и организаций. А, на момент когда можно было “пострелять на природе”, мне было явно не для того.

Хоть с конструкцией и чисткой разобрался, да и патронов прикупил. Так что покоился мой “последний довод” в документальном саквояже, вполне доступный.

Мысли о пистолетике натолкнули меня на прикопанных в коксе дохлых убийцах. Но их, до сих пор, не обнаружили, как “подснежники” они не раскрылись. Да и если обнаружатся — вероятность связи со мной близка к нулю. Уж на что было опаснее с верховным полицаем — и то пронесло.

Так что, на мысли о своих жутких преступлениях забил, ну и вместе с подругой проследовали мы в обширное купе на двоих. Довольно дорогое, но с учётом почти недельного пути — весьма оправданного.

И довольно роскошного, осмотрел я отделку и два двуспальных дивана. Это мы не заскучаем, улыбнулся я подружке.

И... мы не заскучали. Почитали немало, размялись... И очень посмеялись, не без этого. Дело в том, что ход уже отъехавшего поезда был плавлен, факт. Но, вот чёрт знает отчего, то ли из-за особенностей рельсов, то ли ещё что, но путь наш сопровождала не тряска, а ритмичное покачивание вразнобой.

И попытка опробовать в плане дружбы телами шикарные диваны последовательно привели к: прикушенной сониной груди, прикушенному моему хоботу, ну и прерванному на

половине соитию, с бегом в уборную — Сону укачало.

В общем, в определённом плане смешно, без травм, но использование поездки как мне желалось (точнее, нам обоим) было загублено на корню. То есть, спали мы вместе, фиксируясь специальным страховочным ремнём от возможного падения. Да даже удовольствие друг другу доставляли, но всё ручками, без желанного “всякого разного”.

При этом Соне досуг нашёлся — не менее четверти её багажа составляли сборники стихов и любовные романы. А у меня, перечитавшего не по одному разу всё более или менее интересное, оказалось куча свободного и, довольно скучного времени.

Которое я, помимо наблюдениями в окно, за дялями и весями Анта, провёл в полумедитативном состоянии, припоминая, точнее, освежая в памяти все магические круги, виденные во время бытия Отмороженным.

Нет, возможно, что местная инициация даст доступ к “обширным воздействиям и необоримым умелкам” на воле-желании. А довольно ограниченные “общеизвестные воздействия” — только “вывеска”, а самый сок — “жудкая тайна для посвящённых”. Но верится в такую возможность не очень, так что вспоминал и разбирал вспомненное по категориям. Раз уж выпало время, ну и чтоб потом его бессмысленно не тратить.

И да, поездка показала нашу с Соной “душевную несовместимость” довольно ярко. Беседы с девчонкой более десяти минут были либо цитированием стихов, либо проходили с её кивками и взглядом “в никуда”.

Ну а мне обсуждение персонажей местной эписталяршины, на тему чего готова была общаться Сона, ни черта не был желанен. Ни их проблемы надуманные, ни “кто, кому, сколько раз и какая сволочь”. Я сам с удовольствием бы вдул, а не про придурков слушал. Если б не этот поезд чёртов, наглядно проиллюстрировал я сам себе свою мудрость, прикусив в этот момент язык.

А во время прибытия в местный нерезиновск, мы в нерезиновск, как ни парадоксально, прибыли.

Был это весьма немалый город, причём с “децентрализованной” застройкой, этакая “агломерация”.

Около двух миллионов обитателей (что, по меркам Стегаса было ОЧЕНЬ много) располагались на почти тысяче квадратных километров. При этом, в отличие от бредовых мегаполисов мира Мороза (а Нюстад, безоговорочно, был таковым) город был гораздо разумнее. Административные и государственные здания занимали исторический центр города, причём “торговых контор” и прочей пакости там не было и быть не могло. С другой стороны, учитывая процветающую в сословном обществе бюрократию, “разнос” чиновных обиталищ “по площади” привёл бы к несомненной остановке работы бюрократического аппарата.

И так мотаться между конторами (что, к слову, пришлось делать нам с Соной), а уж если бы ещё не шаговая доступность — то была бы совсем беда.

А вот жители, торговые и производственные, учебные, деловые, переговорно-дипломатические и чёртовступные организации располагались довольно равномерно “по площади”.

Причём, в рамках именно Нюстада “арендное жильё” оказывалось весьма рациональным: контору, завод или что-то подобное окружали доходные дома в шаговой доступности, где и обитала подавляющая часть персонала.

Я даже задумался о “длинном дне”, не без иронии: в мире Мороза рабочий день был

восьмичасовым, но дорога до службы, для подавляющего большинства, составляла не менее двух часов в день. А в Ньюстаде, при десятичасовом рабочем дне — дорога занимала считанные минуты. Так что выходило, в итоге, что “сословно-угнетённые” антцы имели свободного времени БОЛЬШЕ, нежели щедро и изобильно (согласно позиции руководства) осыпанные свободами и правами трудяги мира Мороза.

Конечно, было много прочих факторов, но прикидки “сроков дороги” немало мне подняли настроение, уходящее в минус.

Потому что беготня по полицейским конторам, регистрационным отделениям, да чёрт возьми, “комиссии по лояльности” какой-то бесовской, о которой мы с Соной были ни сном, ни духом.

Притом, часть канцелярщины нам соглашались оформить только ПОСЛЕ поступления в Академии, а Академическое, где нам (точнее Соне, ну и мне, на всякий случай), получить направление на экзамен, без этой канцелярщины ОТКАЗЫВАЛИСЬ выдавать направление...

В общем — тихий ужас, прерываемый, в процессе наших бодрых пробежек между конторами, регулярными остановками нашей двоицы городскими, в стиле “предъявите паспорт, подорожную, душу”.

В итоге, когда озверевший я уже был готов “доставать парабеллум” и нести в бюрократические ряды свет и любовь, на пороге академической конторы Соны, тоже весьма усталая, подёргала меня за рукав. И указала на ни черта не видимый мной, стыдливо спрятанный, прайс за услуги.

Прочитав который я стал несколько обтекать:

Итак, судя по металлической табличке, чиновники, конечно, работают “за зарплату”. Однако, в случае “необходимости ускорения”, эти рыцари пера и чернила, за денежку немалую, готовы “не спать и не есть, но дело справиться”.

В общем, мзда, выведенная из категории “взятки” в категорию: “ускорение дела”.

Хм, вообще — довольно разумно, мыслил я, бредя с подругой в обозначенный “взяточный” кабинет. То есть, вместо “как бы уголовщины” взяток, вполне официальная оплата. С которой, не удивлюсь, если налоги платят.

И да, за пятьдесят ауресов все формальности на двоих были урегулированы за полчаса. С квитанцией за услуги, вялой ухмылкой отметил я “чек на взятку”.

Вялой, поскольку поезд прибыл в Ньюстад в шесть пополуночи, а на момент получения и принятия документов было семь пополудни. И почти всё это время мы с подругой скакали как электровеники, с нулевым результатом.

— Покушаем? — устало спросил я, на пороги конторы у Соны.

— Устала я очень, Гемин, — призналась подруга. — И спать хочется. Но, если хочешь...

— В гостиницу, — решительно подытожил я, под довольный кивок подруги.

И заскочили мы в ближайшую к нашему пребыванию гостиницу. Чертовски дорогую, да ещё с “сословным делением” номеров, так что на двоих пришлось брать “номер о четырёх кроватях” для быдла от шестого класса и ниже. И да, естественно все четыре места, на что я плюнул слюной. Завалились мы с подругой в номер, да и не раздевшись толком заснули в обнимку — реально устали очень.

А наутро перед нами встал вопрос: а делать-то что? Не вообще, а в плане сейчас. Багаж наш пока в камере хранения на вокзале, кушать, судя по цене камер, просит активно, но не пропадёт.

Теоретически, нам надо бы в наши “профильные Академии”. Но я рассчитывал

“заняться жильём”.

Хотя, бюрократическая беготня несколько “прочистила мозги”: это нам с Соной и прочим поступающим из Жопы Мира, вроде Терска, прибытие через неделю. А приёмные испытания в ВУЗы в самом разгаре, так что не знаю, как мне, а Соне точно не помешает поторопиться.

Обсудив этот момент, мы направились в гостиничную едальню (весма дорогую и не слишком вкусную), а после я обратился к портье.

Парень, ненамного старше меня, взирал на нас как Добрый Хозяин на сопляков девятого сословия. Последнее хоть и было недалеко от истины, но первое несколько раздражало, так что политесы я разводить не стал.

— Нужна аренда мобилия, на день, не роскошного, — продемонстрировал я аурес, а на протянутую клешню сжал ладонь. — Благодарность моя не будет иметь границ, — широко улыбнулся я. — В разумных пределах, — уточнил я. — Если обозначенное будет в разумный срок, ну и соответствовать запросу.

Парень оттопырил губу сразу же, как только продемонстрированная мзда скрылась с его глаз. Морда его приняла прежнее выражение “взираю на быдл панаехавших так, как они того и заслуживают”, но, с течением времени, смысл моих слов до него дошёл. Морду противную более добродушной не сделал, но через оттопыренную губу было процежено: “ожидайте”. И, через пару минут, запрошенное нашлось, а портье обрёл богатство.

И, на арендованном мобиле, направились мы, для начала, в Академию Изящной Словесности.

Погонщик хоть и был хмур и молчалив, но на вопрос об Академии Физических Проявлений сообщил, что находится она в одном “квартале” с местом нашего назначения, не более километра. Как и большая часть Академий не имеющих военного или религиозного значения, отметил несколько разговорившийся тип.

Это хорошо, не мог не порадоваться я, проблем с дорогой от места нашего обитания быть не должно.

И доехали мы до потенциального места учёбы Соны. Естественно, экзамен сходу ей никто учинять не стал, но приняв бумагу из Академического Министерства, довольно кислая (и, признаться, противная, так и тянуло назвать “перезревшей урючиной”) секретарша выдала Соне направление и обозначила срок испытаний.

После наших вчерашних мучений, заняло это всего полчаса, что немало порадовало. А, по пути к мобиле, Сона поинтересовалась нашими “дальнейшими планами”.

— Заглянем в академию, по моей рекомендации, вместе. Правда, это может затянуться, но я, признаться, опасаюсь отпускать тебя одну, — выдал я.

— Ничего, я подожду, Гемин, — покивала девчонка.

Тут играло роль два фактора — пусть и не “муравейник”, но после Терска Нюстад на подругу “впечатление произвёл”, прямо скажем, “подавил”. Ну и, кроме того, в любовных романах, даже я, не особо вникавший, описывалась нередко “незавидная судьба” провинциала, дуром вперевшегося в столичные палестины. Описывалось, конечно, и обратное, но дурочкой Сона не была, так что в благоглупость не впадала и окружения опасалась.

Мобиль доставил нас в и вправду недалеко расположенную Академию. Ну и я, сопровождаемой Соной, стал наводить справки.

Некий вьюнош-секретарь, невзирая на молодость, выглядел столь же сморщенным и

урочным, сколь и литературная дама в летах. Я даже мысленно попросил перед ней прощения — очевидно, затрапезный внешний вид был последствием “экзаменационного бардака”.

— На экзамен? — обречённо, с выражением вселенской тоски спросил вьюнош.

— Не совсем, — отвечал я. — Мне бы найти профессора Кшофа Ариса, у меня от него приглашение, — зашуршал я в саквояже.

Вьюнош на последнее несколько ожил ликом и повеселел. И, довольно быстро и толково, объяснил где ентого Кшофа искать.

Правда, нужно отметить, говоря про профа слегка морщился, хотя вот что-что, а отношение секретаря к будущему руководителю меня не сильно волновало. Мало ли, завалил на экзамене вьюноша, тот ныне секретариат и таит камень в пазухе.

И потопали мы с Соной в указанное место, на приближении к которому подруга начала морщится и пару раз чихнула: весьма “пробирающий” диапазон запахов доносился от обозначенного лабораторного крыла: озон, запах гари и химии... ну в целом — мне нравится, улыбнулся я, а Соне эпистолярщину постигать.

Пробравшись в недра лаборатории, я узнал у отловленного студента-лаборанта “куда идти”, ну и через несколько минут любовался Кшофом.

Дядька был весьма забавен видом: высок, статен, но... венчало вполне мощное тело довольно комичная голова, точнее даже лицо: пухлощёкое, округлое, практически розовое. Как будто, на тело атлета приделали голову толстяка-кулинара, да так и оставили.

Ощущение дополняла “лёгкая полуулыбка и расфокусированный взгляд профа, надиктовывавшего что-то явной студентке (что, насколько я знал, редкость в “науках точных”).

— Приветствую вас, профессор Кшоф? — негромко подал голос я.

Ну а что, если занят — пошлёт, подождём, логично рассудил я.

— Э-э-э... — протянул проф, сконцентрировал на мне взгляд, собрался лицом и стал менее комичным на вид. — А вы ко мне по какому вопросу, юноша? — выдал он.

— Гемин Толмирос, профессор Кшоф, по рекомендации бакалавра Марцила, — ответил я, протягивая кшофскую же телеграмму.

— Ах да, припоминаю, — покивал проф. — Хорошо, юноша, некоторое время я вам готов выделить, побеседуем и определимся.

И начал меня профессор “опрашивать”. Сначала — в гимназической программе, потом — в более “углублённой”, академической. В конце концов даже попросил продемонстрировать несколько опытов, с гальваникой и электрической дугой, благо, оборудование было в лаборатории как раз электротехническое.

Заняло всё это часа, наверное, два. Но Сона, потеряно стоявшая первое время у входа, вздрагивающая на щелчки разрядов, была отловлена “помощницей” профа. В плане, обменялись парой слов, а через пять минут болтали, как закадычные подружки. О каком-то новом любовном романе, как отметил я.

Вот честное слово, даже возникали сомнения в собственном “художественном вкусе”, на фоне массового восприятия окружающих inferнальной эпистолярщины как вершины и вообще.

Однако, реакция на нормальные стихи, выраженная во вполне материальных денежках. Воспоминания о явно “изменённом” мозге местных.

А главное: чёткое осознание того, что я дохрена умный и кудиторный, а вокруг —

быдлы бескультурные и дурачье, помогли мне справиться с наваждением.

— Зачем вам в Академию? — вдруг резко спросил проф, без каких бы то ни было предпосылок.

— Кхм, — несколько замялся я. — Странный вопрос, профессор. Исследовать, учиться, неплохо было бы овладеть чародейством.

— Учиться вам, молодой человек, особо и нечему, что вы и сами знаете, — выдал проф, показывая что “чародейский полиграф” подло включён, а я непозволительно расслабился. — Впрочем, от высококвалифицированного помощника я не откажусь. Правда, — поморщился он. — Фонды мои невелики.

— Так и я прибыл не зарабатывать, а узнавать, — ответил я. — В финансовом плане я вполне благополучен.

— Вы уверены, молодой человек? — со скепсисом уставился на меня проф. — Нюстад город весьма недешевый, несколько отличается от вашего Трюска.

— Терска, профессор, — ангельски улыбнулся я, с удовлетворением отметив некоторое содрогания собеседника. — И — да, вполне уверен.

— Хорошо, молодой человек. Обращаться я к вам буду по имени, это нормально для помощника, — на что я не мог не кивнуть. — Помещение вам будет в здании академии...

— Я не один, профессор, — кивнул я на общающихся девиц, точнее на свою среди них двоих. — Я бы предпочёл арендовать помещение неподалёку.

— Хм-м-м, — протянул Кшоф. — Ну раз в средствах вы не стеснены — то возможно.

— Порекомендуете что-то, профессор? — не без надежды уточнил я.

— Почему нет, вы весьма удачно прибыли, денежные студенты не заняли все подходящие места.

С этими словами он прихватил меня за пуговицу на рукаве (довольно забавный жест, но надо больше пуговиц, а то не напассёси, мысленно улыбнулся я), отвёл к окну и, приподняв жалюзи, указал на пятиэтажный жилой массив неподалёку.

— Доходные дома Академического Квартала, — обозвал он указанное.

— Благодарю, профессор, — поклонился я. — А что дальше? — всеобъемлюще спросил я.

— Думаю, сегодня у вас найдутся дела, да и завтра, — протянул он. — А вот послезавтра, в восемь пополуночи, извольте быть в канцелярии. Запрос будет, да и я подойду, если не забуду... Гиночка! — обратился он к помощнице. — Напомни мне, что послезавтра, к восьми утра, надо зайти в канцелярию, насчёт помощника, — на что девица кивнула, извлекла из своих недр блокнот и бодро в нём застрочила. — И приступите к работе. Я провожу ряд опытов с электричеством, — выступил в роли капитана он, учитывая наше окружение. — Помощник очень не помешает. А найти его сложно, да ещё эти бездарности, — пожевал он губами, вновь вернув утраченное было сходство то ли с толстяком, то ли младенцем. — Мешают, завидуют... Впрочем, Гемин, вы не в курсе, но ещё узнаете, — посулил проф. — Если у вас всё...

— Был рад познакомиться, надеюсь на плодотворную работу под вашим началом, — бодро выдал я. — Один нюанс, профессор.

— Да, Гемин, что вам? — пришёл в себя “уплывший” было проф.

— Сроки службы, хотелось бы уточнить. Учёба, — пояснил я.

— Вам же не надо... — начал было проф, наткнулся на мою ласковую физиономию, ну и прервался. — С восьми пополуночи до двух пополудни, стандартный квинк, вас устроит?

На лекциях вы ничего нового не узнаете, а библиотека будет вам открыта.

— Более чем устроит, благодарю, профессор, до встречи.

— До встречи, Гемин, до встречи, — выдал проф, уплывая в свои “важные думы”.

Забавный дядька, да и сложилось всё удачно, рассуждал я, идя под ручку с Соной. И вдруг девица весьма меня порадовала:

— А ты хочешь посмотреть жильё, Гемин? — проницательно уточнила она.

Вот вроде и мелочь, а возможно себя обманываю — но искренне порадовался возможной перспективе подружится не только телами. Влюбляюсь, что ли, с некоторым опасением проверил себя я, но ничего “суицидно-отупляющего”, к счастью, не обнаружил.

— Именно, Сона. Возможно, повезёт и ночевать будем в новом доме, — улыбнулся девчонке я.

— Было бы здорово, — улыбнулась и она, приобнимая меня за руку и второй рукой.

И нам повезло, причём, как по мне, посильнее, чем могло бы быть. Подъехали мы к жилому массиву, поймали коменданта дома, расположенного поближе к лесу. Ну и повёл он нас в квартиру. Последняя была именно таковой, довольно сносной, но не более того.

А вот в окно мы с Соной увидели весьма приглядную картину. Километре в полутора, возвышался небольшой лесок. Не слишком частое, но и не редкое явление между “блоками” Ньюстада, насколько я успел разглядеть.

А главное, в сени деревьев виднелись ограды, да и рельсы трамвая, основного городского транспорта, были украшены остановкой относительно неподалёку от места наблюдения.

— Красиво, похоже на Мильски, у нас там особняк. Родители, наверное, отдыхают, — несколько взгрустнула подруга.

— Господин комендант, а не подскажите ли, а что за дома во-о-он там, — потыкал я пестом в ограды.

— Отчего не подсказать, — выдал дядька. — Частные дома, тоже сдают. Довольно дорого, — отметил он, смерив мою одежду взглядом. — Профессура там живёт, в основном. И приезжие лекторы.

Блин, вот как меня достали на шмотки мои пялится, в сердцах помыслил я, закатив глаза. Ну да, я выбирал одежду исходя из удобства, да и заказывал так. Вот реально — если не “форменный сюртук” — то голытьба. А что материал получше многих, пиджачок реально удобен — всем пофиг. Ну и хрен с ними, философски заключил я.

— А связаться с владельцами как-то можно, вы не в курсе дела? — уточнил я, не став истерить вслух на тему “я богатей, а вы все нищоброды”.

— Насколько я знаю, до начала учебного года хозяева в домиках и живут. Которые не сдают, конечно, чтобы арендатора не упустить, — был мне ответ. — Снимаете квартиру? — резким тоном, прерывая “досужую болтовню” выдал комендант.

— Не сейчас, — бодро ответил я, — Хочу на домики посмотреть.

— Дело ваше, — махнул на меня рукой дядька.

И поехали мы на водителе к домикам. И, прямо скажем, дорога была откровенно дерьмовой, как, впрочем, и все прочие дороги Ньюстада вне “жилых блоков”. Точнее так — прочие дороги были дерьмовыми скромно, завуалированно. А километр этой, пестревшей колдоёбинами и лужами, был дерьмовым откровенно и напоказ.

Впрочем, трамвайные пути проходили неподалёку от ближайших оград, да и “внутри” рощи дорога была не из перекорёженных булыжников, а вполне пристойная, с галькой.

А на домах, безусловно не всех, были вполне различимые таблички “Аренда”. Точно надо будет арендовать, с улыбкой заключил я, оглядываясь. Место выходило действительно весьма приятное, да и Сона оглядывалась, искренне улыбаясь.

Выгрузившись из мобиля, мы подошли к крайнему участку на отшибе, этакому шале за глухой деревянной оградой.

И даже небольшой прудик был на травянистом участке, отметил я, бредя к домику. А над ним деревянная будка-домик, соединённая с шале деревянным переходом. Что-то мне это напоминает, отметил я.

А на веранде, в кресле качалке, сидел довольно обширный пузом дед, благодушно уставившийся на нас.

— Любуетесь, молодые люди? — самодовольно выдал он. — Любуйтесь, — выдал он дозволение. — Скоро сдам, место шикарное, а пока можно.

— Возможно, скорее чем вы думаете, господин домовладелец, — выдал я. — Я заинтересован в аренде, хотел бы взглянуть на дом и участок.

— Вы, юноша? — недоверчиво приподнял бровь дед.

— Я, старик, — буркнул я, потому что реально достали.

Дядька нахмурился, покраснел, но не заорал, а издал смешок.

— Вы остры на язык, но это скорее достоинство, в эти времена. Вот в наше время... — явно хотел он начать повесть о периоде большого взрыва, но сам себя прервал. — Впрочем, время есть, покажу. “Арендатор”, — фыркнул он в мой адрес.

И показал. Шале было более чем уютным, с тяжёлой деревянной мебелью и ложем.

— Мебель от предыдущего владельца, Норд, — мимоходом выдал дед. — Грубая, но может кому-то глянется. А нет — так и спалить не грех. Но вас то это не касается, — фыркнул он.

И провёл во вполне пристойный кабинет и кухню. В целом — весьма неплохой дом, четыре немаленькие комнаты: гостиная-столовая, спальня хозяйская, кабинет и спальня гостевая или детская. Кухня неплохая, а главное — канализация и отопление заведено. Мне нравилось, да и Сона оглядывалась с одобрением.

— Сколько аренда, господин домовладелец? — спросил я, извлекая “золотую” чековую книжку.

На последнее дед поперхнулся улыбкой.

— Да уж, будет мне урок, — покачал головой он. — Брал пять сотен ауресов в год, но раз уж... в общем, пусть будет четыреста... пятьдесят ауресов за год, — выдал он, совершая сложнейшую эквилибристику между жадностью и удивлением.

Дорого, конечно, посетовал я, но столица, куда деваться. И свой дом, да и не собираюсь я “кубышку набивать”.

В общем, через час мы подписали арендный договор, а владелец, покачивая головой удалился.

К стати, пристрой оказался именно тем, что я думал: натуральной баней-каменкой, над питаемым ключом прохладным прудиком. От последнего шёл дренаж, отводящий воду за ограду, незаметный от входа.

Лепо, лепо, отметил я. Баня это хорошо, жаль Отмороженного. А мне чертовски повезло: в Анте бани почему-то не прижились, были атрибутом нордов, обитателей севера

Ниля. Ну а лектор “с северов” отгрохал за свой счёт, да и оставил. И “за пристрой этот ни сестерция не прошу” уточнил домовладелец.

В общем, вышло у нас весьма приятно с жильём — дорога до трамвая минут пять. Трамвай проезжает раз в двадцать минут (и не слышно его за деревьями, что ценно). А от следующей остановки “Академический Квартал” нам с Соной до наших академий по сто с лишком метров, не больше.

В общем, на радостях начали целоваться, я даже думал, что опробуем укрытое матрасом, с явным мягким сеном, ложе... Но тут Сона отстранилась.

— Гемин, мобиль, — напомнила она.

— Подождёт, да и уедет — не беда, — отмахнулся я.

— Нет, я не про то. Подожди, пожалуйста, — попросила она, а на мою вопросительную морду лица выдала: — В лавку надо бы, да и поесть, да и вещи с вокзала забрать.

— Признаю, был не прав, а ты всецело права, — признал честный я.

И оставшиеся до сумерек часы мы нарезали по Ньюстаду, закупая всякое барахло, посуду (отметила недостачу Сона), да то же постельное бельё и прочие тряпки.

А уже в сумерках, когда Сона, напевая, готовила нам перекус, я решил опробовать баню. Да и девчонке, чем чёрт не шутит, может и понравится, думал я, раскочегаривая огонь под камнями.

10. Любовь и двухколёсник

Качегаря очаг под россыпью камней, я периодически из пристроя высовывал морду лица. Да и двери не закрывал: топилась баня “по чёрному”. Что радовало, так это металлический бак с водой и обилие деревянных ёмкостей. То есть, с помывкой проблем не будет, да и вообще, в “чёрной бане” есть своя прелесть. Если её грамотно топить и использовать, да.

И пропарюсь, почти напевал внутренне довольный я: некоторая “неудовлетворённость” Отмороженного его банным “ограничением” во мне присутствовала. Собственно, была одним из немаловажных факторов, почему я забил на кучу дел, занявшись баней. Ну и пофиг, да и после наших с подругой мытарств — банька будет в самый раз, довольно заключил я.

Через час после начала моих священнодействий, в баню засунула носик Сона. Слегка сморщилась, но потом с интересом осмотрелась.

— Дымно очень, Гемин, — выдала она вердикт. — А что ты тут делаешь?

— Топлю, — честно ответил топящий я. — Это что-то вроде мойной, Сона. Нордский бад, — на что девчонка непонимающе нахмурилась. — Так, мы, как и норды, живём в довольно холодном климате, — начал я, на что последовал кивок. — Смысл этой мойни — в том чтоб моющийся сначала хорошенько прогрелся и пропотел. И для нутра полезно, и для кожи. И приятно, хотя жарковато... но посмотрим.

— Для кожи полезно? — ухватилась за слово Сона, на что я веско покивал. — Интересно. А ты откуда всё это знаешь, Гемин?

— А я... с родителями как-то гостил, ещё маленьким, у норда, — до черта изящно соврал честный я.

— И всё помнишь. Ты у меня такой умный, Гемин, — выдала девица.

На что я, как почувствовал себя идиотом, так и заподозрил Сону в родстве с матёрыми троллями. Нордскими, да.

Впрочем, девица по пристальному разглядыванию, меня не троллила, а просто высказала “дежурный комплимент”.

В общем, по протопке, направился я дом, для лёгкого перекуса (и Сону уговорил не наедаться), пока баня “прогревается”.

Через часок же, проветрил баньку, выкинул остатки углей, сбрызнул стены кипятком, от сажи. Ну и проверил открывающийся в полу люк: в воду спускались деревянные поручни, дно было явно искусственно заглублено и не прощупывалось. А водичка была весьма и весьма бодрящей, в чём я убедился, с визгами и писканиями выскакивая из этакой купальни.

Хотя она и летом, скорее всего, весьма прохладна, а для бани — температура вполне хороша.

А после подготовки, прихватил заинтересованную Сону, да и оттащил в парилку.

Отмороженная порнуха

Первые минуты подруга явно реагировала на жар не очень. Но, после расположения её на полке, полежав, начала даже улыбаться. Я же, пристроившись рядом, задумался о том, “что же делать”. Дело в том, что покрытое капельками пота тело подруги рядом, вызывало весьма однозначную реакцию. И запах её весьма способствовал, как и мой, вполне очевидно,

для неё.

При этом, я даже “не поддавал парку”, да и прямо скажем, секс в бане — дело не самое разумное. Но... а с другой стороны... И начал я вспоминать медицинский справочник, что было весьма неделикатно, но довольно приятно прервано.

Разгорячённая, во всех смыслах девушка, ухватила меня за эрегированный член и слегка водила по нему рукой. Лёгкая улыбка, глаза поблескивающие в полумраке бани, касание затвердевшего соска к плечу прилагались. И прямо скажем, думать об анатомическом справочнике в подобных условиях у меня получалось не очень.

Правда, перед тем, как слегка повернуться и поймать припухшие, приоткрытые губы Соны поцелуем, я хоть примерно прикинул, а не убьёмся ли мы нахрен. И выходило что вряд ли, после чего думать я о всякой ерунде перестал.

А слившись с девицей в поцелуе, играя с ней языком, положил ладонь на влажное, как от пота, так и соков лоно любовницы, начав его аккуратнo массировать, в такт движениям ладони на моём члене.

При этом, горячий воздух, овевающий нас, весьма повышал чувствительность, по крайней мере мою уж точно, а судя по всему — и сонину. Движения ладошки на члене стали дергаными, поцелуй, солёный от пота — замер. Девица слегка отстранилась, ложась на спину, прошептав “Хочу, Гемин, пожалуйста”.

А уж как я хочу, отметил я. И как же хорошо, что я не “поддавал”, а то мы бы точно сварились, краем сознания отметил я.

Сам, в это время, подстраиваясь к окропленной потом и соками щёлке девушки, начавшей стонать в голос от ощущений прикоснувшегося к лону члена. И даже подавшейся тазом ко мне, слегка “насадившись” на меня самостоятельно.

На этом, я несколько “отпустил вожжи контроля”, всадив в лоно громко стонавшей подруги член по основанию, тяжело навалившись на неё. И начал двигаться в ней, довольно грубо, на всю длину. Впрочем, приобнявшая меня за шею, впившаяся в губы поцелуем Сона, очевидно, этого и хотела. Горячий воздух овеивал спину, мы, в месте соприкосновения, издавали довольно характерные “хлюпающие звуки”, при этом, тепло бани весьма “обостряло” ощущения, подозреваю, “так” у нас не было даже в первый раз.

И да, лоно подруги было заметно “жарче” обычного, затвердевшие соски скользили у меня по груди, а от её запаха я терял голову в прямом смысле слова.

В результате дошёл я до оргазма гораздо раньше подруги, весьма бурного, чертовски приятного и опустошающего... но, эрекция не пропала, к счастью. Так что, буквально через десять секунд, я продолжил весьма громкие фрикции.

Чувствительность Соны так же явно повысилась. На мои движения она отвечала весьма громкими стонами, сжатием лона, осязаемым членом даже через полминуты после оргазма, заметно снижающего чувствительность.

Наконец, невзирая на горячий воздух, подруга охватила мою поясницу прохладными, после жара воздуха, влажными от пота ногами, обняла руками спину и, с почти криками, стала насаживаться на меня, в такт моим фрикциям. Всё это, в сочетании с жаром и одуряющим запахом, очень меня завело, ну и соитие из механических движений “для удовольствия подруги”, перешло в стадию получения взаимного удовольствия.

Наконец, Сона буквально задёргалась, не только лонem, обильно орошающем мой пах соками, но и телом, хотя стонать стала совсем тихо. Прикусила мне губу, заскользила руками и ногами по спине, и, с фрикцией, завершившейся моим вторым оргазмом, тягуче

передёрнувшись, обмякла.

Как и я, лежавший на обмякшей девице. Впрочем, через полминуты, я нашёл в себе силы скатиться с неё, расслабленно пережидая, когда громopodobные удары сердца в ушах перестанут быть столь сильными.

Взгляд на подругу показал, что она практически в том же состоянии: лёгкая улыбка, расфокусированный взгляд, язычок, регулярно и нервно облизывающий припухшие губы.

А соски Соны, влажные от пота, подпрыгивали, заметно для глаза, в такт ударам её сердца.

Это было сильно, не мог не отметить я, но часто такое повторять нельзя — убьёмся к черту. Хотя, вид подруги, блестящей в полумраке от пота, вновь, в противоречие разумным мыслям, начал меня заводить.

— Это... какое-то безумие, так сладко... — наконец произнесла тихим голосом подруга, слегка улыbnувшись мне.

— Это да, — блеснул красноречием я.

На этом моменте, член мой воспрям достаточно, чтоб коснуться влажного бедра любовницы.

— Ещё? — блеснула глазами она. — Я, тоже хочу, только...

На этих словах она слегка поморщилась, проведя по боку, указывая на спину. Полок был покрыт простой простынёй, я в движениях не сдерживался, навалившись на подругу, так что спина её, очевидно, побаливала.

— Так, Сона, — решил я взять ситуацию под контроль, пока мы если не убились, то не покалечились. — Ты точно хочешь? Я вполне могу потерпеть, да и руками мне поможешь, если что...

— Хочу, конечно! — аж возмутилась подруга. — Только спина...

— И жара, — покивал я.

— Нет, жара очень приятная, мне очень хорошо!

— Как бы не слишком, Сона, я сейчас перенесу нас на пол, там не так жарко. И, лягу на пол. А там...

— Замечательно, Гемин, давай, — загорелась девчёнка, ласково погладив пальчиками мой член.

— Только приляг на меня, не перегревайся, — уточнил я.

— Я буду тебя целовать, — был мне ответ.

И, через минуту, я лежал на полу, а на мне пребывала Сона, слегка скользя по мне влажным телом и целуя. Но, очевидно, она и вправду хотела не меньше меня, так что через минуту, приподняв таз надо мной, она рукой направила член в лоно, насадившись на него почти до основания.

А я, несколько беспокоясь за неё, приобнял влажную спину, лаская её.

Девчонка поняла мой замысел, слегка сместилась вверх, а после мы начали взаимные фрикции — я напрягая поясницу и таз, а она скользя вверх-вниз по мне.

При этом, мы были влажные, жара на полу бани была хоть полегче, но тоже присутствовала. Скользящее по мне тело вносило свою, немалую лепту в весьма приятные ощущения, как самого члена, так и промежности, орашаемой потом и соками любовницы.

В итоге, Сона всё же вскочила, потеряв оберегающее волосы полотенце, и начала, громко стоная, насаживаться на мой член. Капли пота подскакивающей подруги падали на меня, мы встретились руками, сплетя их, но, через минуту, Сона освободила руки, ухватив

меня за отсутствие груди.

Что я вернул ей: мне было гораздо удобнее. Ну и, подозреваю, приятнее — сонина плотная грудь, с крупными затвердевшими сосками, доставляла мне гораздо больше тактильного удовольствия.

Через несколько минут, с почти рычанием, Сола кончила, выгнувшись дугой, пикантно сжимая мой член лоном и почти болезненно — бока коленями. В это время я смог сделать несколько фрикций, подведших к оргазму и меня. Так что ловил я почти падающую на меня девицу более чем удовлетворённый.

Размороженная порнуха

— Так здорово, Гемин, — прошептала, через минуту мне на ухо обмякшая подруга. — Я боялась, я умру от удовольствия, но не могла остановиться.

— Да, было и вправду прекрасно, Сола, но надо бы нам поаккуратнее, — отметил я, подкивки подруги.

А сам, наконец-то, включил голову, прикидывая с “чего нас так пробрало-то”. Ну, положим, повышенная чувствительность и более острый оргазм — следствие “прогрева”, насколько я помнил из опыта Мороза — соитие в бане чертовски приятно, хоть и опасно, не без этого. Однако, помимо удовольствия, нас именно “тянуло” друг к другу.

И, выходило, что пот, а не ошибочно принятое мной некогда масло, “лёгкий афродизиак”. То есть, дополнительный фактор “взаимного влечения”, который, кстати, вполне объясняет отсутствие рекомендаций “предварительной гигиены” в наставлениях по сексу. Ну, впрочем, нам в обычных условиях и без “дополнительных факторов” неплохо. А вот в бане... надо, но не слишком часто. Раз в квинк, например, если Сола после мытья и отдыха не почувствует болезненных ощущений, прикинул я.

Несколько отлежавшись, я решил продолжить “банные процедуры”. Подданный пар Соле не впечатлил, с полки она соскользнула с визгом и с пола отказывалась подниматься категорически. Хотя, запах хлеба, от некоторой толики пива, специально для “подавания” принесённого, ей понравился. Как и массаж разгорячённого тела, на который она начала постанывать и поглаживать меня в ответ. Пришлось массаж прервать: убьёмся же нахрен такими темпами.

На окунание “в прорубь” же подруга отреагировала ожидаемыми взвизгами, но, на удивление, сам процесс ей понравился. И, по завершению мытья, отогревшись, она сама сиганула на несколько десятков секунд “в прорубь”, “Очень бодрит”, как заявила она, что в общем было вполне так.

Наконец, усталые, но чертовски довольные, мы добрались до спальни, где и заснули в обнимку. А я, легонько поглаживая подругу, имел некоторую надежду на всё же “успешный роман”, пусть построенный на чисто физическом удовольствии.

А то реально, отсутствие общих интересов и душевной близости меня если не напрягало, то доставляло некоторый дискомфорт. Но и расставаться с подругой я находил как несколько подлым, так и не слишком разумным. В общем, если совместный секс “нестандартный” станет точкой нас объединяющей — будет неплохо, засыпая прикидывал я.

С утра произошла довольно комичная сцена — мы с Солей, хихикая и толкаясь, как отнимая, так и передавая друг другу, выхлестали не менее пары литров жидкости на физиономию. Как-то наши сексуальные упражнения и последующая усталость нас вчера “притушила”, в плане ощущений, а воды с потом мы потеряли уйму. И с утра наслаждались совершенно лютым по интенсивности “сушняком”, на зависть знатным пропойцам.

Впрочем, смех смехом (а факт “лютого сушняка” был комичен нам обоим), но у меня сегодня было куча дел, причём с самого утра. А экзамены у Соны начинались со следующего квинка, так что я полюбопытствовал, собираясь, у подруги её планами.

— Так визор же есть, Гемин. И книги, — выдала Сона, явно довольная заботой. — И покушать я тебе приготовлю. Вчера было... — она аж зажмурилась, не находя слов, — здорово, так что в благодарность приготовлю тебе что-нибудь праздничное, — решительно заявила подруга. — А сегодня мы?.. — вопросительно стрельнула она взглядом в сторону прохода в баню.

— Мне тоже очень понравилось, Сона, — улыбнулся я. — Но часто — нельзя. И не так приятно будет, да и опасно, может не выдержать сердце, — положил я ладонь на грудь подруги. — Так что сегодня — в кровати, — помякал я то, на чём у меня лежала рука.

На последнее Сона улыбнулась и покивала. Ну и направился я в академию, в прямо скажем, довольно мажорном настроении.

В канцелярии, куда меня направил служащий у входа, уже находился Кшоф, с видом весьма деловым.

— А вот и вы, Гемин, — откапитанствовал он. — Не будем терять времени, — ухватил он меня за пуговицу и потянул в недра канцелярии.

Итогом двух часов стало принятие меня на службу, в звании “страшного лаборанта”, для чего хватило диплома и слов профа. И должности “страшного лаборанта” именно Кшофа, понятие “статус” и “должность” были разделены, как в армии. Что, с учётом сословного общества, более чем оправданно.

То есть, моим “работодателем” в данном случае выступала Академия, “предоставляя” меня Кшофу, как помощника.

— А не составлю ли я конкуренцию Гине? — полюбопытствовал я, под конец своего оформления у профа.

— Гиночке? — уточнил он, а после кивка продолжил. — Нет, Гемин, Гиночка — обычный студент, в свободное от лекций время выполняющий функции секретаря. Моего, — излишне уточнил он. — Я её немного обучаю, — на последнем он столь кротко вильнул взглядом, несколько им замаслянев, что стало ясно, что “обучение” идёт в несколько “расширенном” формате. — А ей, помимо навыков и знаний, идёт оплата. Деньги небольшие, но учёба выходит бесплатна, а Гиночка небогата, — протянул он. — А вы из богатой семьи, Гемин? — несколько неделикатно, но в целом оправданно полюбопытствовал проф.

— Я сирота, профессор, служащего седьмого класса, — довольно сухо ответил я. — В средствах я не стеснён своими трудами.

— Прошу прощения, если задел, — повинился проф.

Собственно, после этого он засуетился, не став уточнять “источник благосостояния”, после чего я, в довесок, получил статус “вольного слушателя”, с доступом к лекциям, учебным лабораториям, библиотеке академии “без ограничений”.

И повлёк меня проф в уже известную лабораторию. Где, выполняя ряд опытов и воздействий (ну и записывая результаты, конечно), я посвящался в то, чем собственно занят проф.

После обеда, в два пополудни, к нам присоединилась Гина, довольно симпатичная девица с довольно оригинальным экстерьером: невысокая, с почти чёрными (но чёрно-пепельными) волосами и отчаянно жёлтыми глазами. Так вот, просвещение моё проф

повесил на неё, ну и девица, избавленная от профовского бэканья, мэканья, “ну-у-у, это, Гемин, ну вы знаете”, а также прочих непрременных атрибутов профессорского звания, окончательно меня просветила в то, чем нам предстоит заниматься.

А именно: проф, умница такой, без шуток, ковырял радиосвязь. Старался использовать “электромагнитные колебания” в смысле передачи информации, ну и до “бинарного сигнала” разрядами уже дошёл.

Вообще, всё замечательно, но вопросов у меня становилось если не всё больше, то они становились всё более “ребристыми”.

При этом, мой “рабочий день” уже закончился, так что я побрёл в библиотеку, рассчитывая найти там ответы на вопросы.

И ответы я таки нашёл, правда далеко не в первый день, а аж через пару квинков, когда Сона уже успешно сдала экзамены в свою академию, поступив на факультет “журналистского искусства”.

И картина выходила довольно смешная и печальная. Итак, местное человечество, при массе достоинств физического и даже метального толка, было весьма скудно творческим воображением. Я даже не могу сказать, что это особо плохо — количество психических заболеваний, например, было заметно меньше, ряд социальных явлений, вроде мировых войн замороженный мир не знал. Ну и факт отсутствия болезней также весьма завиден, но...

Но творческий потенциал среднего обитателя Стегаса равнялся уровню табуретки. А метода оплодотворения, с весьма мощным барьером на яйцеклетке, блокировала эволюционно-мутационный путь развития. Дикари-aborигены Готтии в примере — они ничем не отличаясь от остального населения, аборигенная популяция Готтии минимум пару десятков тысячелетий не прогрессировала, совсем и вообще, просто жили и дикарствовали, до приезда “понаехавших”. Которые этих аборигенов в себе и растворили, ничуть по итогам не став “тупее”.

Так вот, местный сапиенс “тупым” не был. Но, именно творческий потенциал выходил крайне низкий. Не отсутствующий, безусловно, да и случались отклонения, вроде Кшофа, его относительно недавно почившего наставника, да и нескольких кшофских коллег, покинувших академию явлений в направлении иных ВУЗов.

И, такая популяция, в принципе, могла научно-технически прогрессировать, прикинул я. Просто довольно медленно, без “взрывов”, свойственных людям другим.

Только история замороженного Мира была весьма и весьма схожа с историей старушки-Земли, в плане НТП и не только. И вот тут сыграл роль именно эфир. Итак, на прямые указания о “залежах эфирных знаний” я не натолкнулся. Однако, как всё мне известное, так и подтверждённое Кшофом и литературой, указывало на то, что местные из эфира дёргают “готовые решения”, технологические цепочки.

С чем связана “сложность” — непонятно. Почему, скажем, тот же визор появился пару сотен лет назад, а не пару тысяч.

Но есть у меня предположение, что движимая отдельными энтузиастами фундаментальная наука Стегаса потихоньку развивалась. Медленно, отталкиваясь от готовых решений эфирного плана, но развивалась. И вот, когда местная фундаментальная наука доросла до хотя бы общих принципов готового решения — происходило “великое изобретение”. То есть, в принципе работы визора местные не разобрались досконально даже за пару сотню лет использования. Потихоньку, отдельными энтузиастами, ковыряя понимание. Вот так же, потихоньку, Кшоф сейчас влез в радио.

Но, электричество, химия, понятие проводники и прочие “общие” моменты две сотни лет назад стали достаточно осознаваемы “научной картиной мира”, чтобы создавать визоры, путь и без понимания деталей.

И да, я окончательно и бесповоротно уверился в наличии “возвысителя” (хотя и ранее не особо сомневался), причём, явно возвысителя “извне”: никаких следов развитой цивилизации ранее дюжины тысяч лет не было, как факта.

Далее, выходила весьма занятная заковыка. А именно: роль “патентного бюро” выполняли... попы. И ранее выполняли, и ныне выполняют. Правда, в Анте несколько “поделившись” полномочиями с “чародейской комиссией”. Что тоже весьма занятно.

И наконец, уровень знаний, предоставленный мне Марцилом, был... вершиной, совсем и ваще, местной научной мысли. Обширная библиотека академии просто не содержала более никаких знаний, разве что описания многочисленных, а, подчас, однотипных, опытов.

Ну-у-у... серьёзно задумался я. А вот чёрт знает, что “ну”. Цивилизация явно искусственная, факт. И в рамках Анта, да и забугорья всяческого не слишком симпатичная, факт тоже.

Однако в рамках “творческого подтупливания” — вполне динамически развивающаяся. А уж с учётом проблем с фертильностью — местные вообще выходят молодцы и красавцы.

Потому что, судя по всему, вмешательство “возвысителя”, прямое и волевое в смысле, закончилась две с половиной-три тысячи лет назад.

А далее местные развивались пусть на “чужих технологиях”, но сами. И результат пусть не самый выдающийся, с высот динамики развития “больных и психованных человек”, но весьма достойный для местных реалий.

Реально, молодцы какие, искренне порадовался я за обитателей замороженного мира.

Сона же успешно сдала экзамен и... погрузилась в мир визора и книг. Периодически прося меня “почитать стихи”, не отказывая, а, подчас, проявляя инициативу в сексе... Но прискорбно напоминала мне во многих проявлениях Клиссо. И я, закономерно, поиронизировал про себя, насчёт “поиска родителей” в своих партнёрах.

Впрочем, в рамках принятой мной модели “домашней жены” — всё было более чем неплохо.

И, кстати, ознакомился я с местным зомбоящиком подробнее, волей-неволей. И знакомство меня, ожидаемо, не порадовало: шоу на тему “кто кому и в какой конфигурации всунул”, пропаганда столь отвратная и дубовая, на тему “величия Анта и гадостности всех прочих”, что тошнило вполне физически. Причём, были бы хотя бы какие-то разумные аргументы! Так нет, тупые, голословные утверждения и не слишком завуалированная софистика.

Ну и “съёмки с экрана” фильмов, качество которых я оценил ещё в визотеатре, да и театральные постановки в стиле “мыльных опер”. С эротикой, а подчас порнографией, но чёрт возьми, просматривая в обнимку с подругой эту мутотень я аж почувствовал, как мои нейроны, с мученическими пискарами, совершают акт суицида.

Так что, к началу учебного года Соны, у нас окончательно сложился быт: раз в пару дней я читаю девчонке стихи, регулярный секс, один раз в квинк — он же в бане, к чему мы с ней реально прирастались. Время от времени я вытаскивал девчонку на шоппинг, что её явно радовало. Этим наши взаимоотношения и ограничивались.

То есть, жизнь наша приобрела состояние “семейной рутины”, довольно приятной, нельзя не отметить. Дела и интересы разные, есть несколько точек соприкосновения и секс.

Собственно, спроси меня Сола о браке — я бы, на текущий момент, без колебаний согласился. Поскольку ничего бы для нас и не изменилось, по большому счёту.

Ну и ждал я, если честно, ребёнка, уже с некоторым энтузиазмом. Впрочем, невзирая на регулярные попытки оплодотворения, подчас не только вечерами, но и по утрам, подруга не беременела. Что я, по здравому размышлению, рассчитывал исправить эфирно, когда меня “инициируют”.

А вот со службой у меня выходила такая петрушка: Кшоф использовал меня и Гину как этикие “удалённые эффекторы”, пребывая на “своей волне”. Его секретарь-любовница (в последнем я был убеждён, поскольку пару раз “натыкался” на них в лаборатории, раздражённо бурча в стиле “закрывать надо”) сдала экзамены за семестр и начала пребывать в лабораториях весь день, кстати.

Так вот, эксперименты мы, по указаниям Кшофа проводили, но, прямо скажем, кривые и через задницу. Классический метод “научного тыка”: перебор вариантов, причём только пришедших Кшофу в голову.

И тут у меня вставала дилемма, не только с подталкиванием текущих исследований, но и вообще. В плане, а прогрессорствовать ли мне с силой страшной и необоримой, либо, а ну его нафиг?

И выходило, что “а чёрт его знает”. Дело всё в том, что в условиях “эфирного пула технологий” (на который, к слову, мне не мешает полюбоваться), “прогрессорство” техническое было делом довольно глупым. Прогрессорствовать имело смысл в фундаментальных науках, вот только я ни черта не понимал, а нужно ли это социуму замороженного мира.

Медленное развитие местной цивилизации, по рассмотрению её с учётом всех открывшихся фактов, выходило закономерным. И, не сказать, чтобы самым дурным: одного отсутствия загаживания природы “отходами сгорания углеводов” хватало, чтобы сказать, что не так уж всё и плохо.

Социальное развитие... да идёт оно, потихоньку. А что медленно — так Мир Замороженный, куда деваться.

И вот ни черта я не был уверен, что местному социуму нужны “революции”, что технические, что социальные. Не было у меня достаточных знаний, чтоб спрогнозировать последствия. А стать причиной, например, полноценной мировой войны, да ещё с учётом естественной малодетности местных...

В общем, по здравому размышлению, решил я пока не “прогрессорствовать”. Пожить, возможно десяток лет. Поездить по Миру, благо, оказалось это вполне возможно, для бакалавра уж точно. А звание это я получу без проблем, следующей весной, на экзаменах.

Однако возникал некоторый затык. В первые осенние месяцы, я обратился к Кшофу, на тему “рекомендации инициации”. И получил бэканье, мэканье и посылы в стиле “безусловно, когда-нибудь”.

В общем, выходило, что мой руководитель в моём эфирном развитии не слишком заинтересован. И, несколько мной подсказанных обходных путей исследований, не столько меня “приблизил” к рекомендациям, сколько “отдалил” от них: Кшофа помощник-нечародей более чем устраивал.

Что, после знакомства с “внутренней кухней” академией точных наук выходило в чём-то и оправданно. Подавляющая часть академиков ни черта не были учёными. Были это выучившие базовые научные понятия “культиваторы”. Ну, выглядело, по крайней мере

внешне, это так.

То есть, кроме лекций и интриг, они сидели и “медитировали”. Или как ещё пытались выдернуть с эфирного плана “охренительную плюшку”.

И смотрели на Кшофа, как на “лаборанта-переростка”, да и вообще относились с пренебрежением, что сказывалось на величине выделяемых фондов.

Довольно прискорбная картина, немало ироничная, притом что даже “заимствованный технический прогресс” двигали такие вот Кшофы. Без фундаментального понимания “как” — воспроизвести отпечатанный в эфире шаблон местные не могли.

Но, мне-то было не до местных академических дрызг! Я в эту замороженную академию замороженного мира поступил только ради этой гребучей инициации!

И мне ни черта не интересно, “отчего” она не происходит. И благо Кшофа, сколь бы не важным для всех местных делом он не занимался — в МОИ цели не входит. Это ЕГО дело и ЕГО проблемы, а я, получается, решаю их, без внятной перспективы.

Осознание этого прискорбного факта меня несколько расстроило, так что снизил я “интенсивность” работ, ограничившись формальным “исполнением указаний”.

И, дабы отвлечься, слегка отдохнуть и подумать, сконцентрировал внимание на Соне. Последняя, начав учёбу, первые дни меня порадовала и заинтересовала, но... К концу первого “размыслительного” квинка, после очередного банного секс-марафона, я с прискорбием признал — не интересно. Тот же “бразильский сериал”, только не театральной постановки визора, а в изложении Соны. Таковыми выходили её рассказы о жизни студенческой.

Хорошо ещё, что без “романов на стороне”, хмыкнул я, уже в постели. Как-то не хотелось мне “делить” мою любовницу и будущую “домашнюю жену” с какими-то посторонними и непременно гадкими типами.

Хотя, стал я несколько завидовать Кшофу, в плане Гины: девчонка реально “горела физикой”, училась на совесть, ну, в общем... В общем, у меня Сона, бросать её — свинство, отбивать у вполне симпатизирующего мне Кшофа любовницу — свинство не меньшее.

Так что просто позавидовал, даже не чёрной, а белой завистью, в плане “вот бы Гинины интересы, да в Сонину голову, как бы я поликовал и порадовался”.

Кстати, с началом учёбы, начала Сона меня, время от времени, теребить, на тему нового “сборника стихов”. Учитывая, что от первого уже пару раз поступали довольно ощутимые суммы на счёт, я прямо и чётко спросил — на что не хватает денег?

— Нет, Гемин, на всё хватает, а то, что присылает мама с папой я даже не трачу, — был мне ответ.

— И зачем тогда издавать сборник? — резонно полюбопытствовал я.

— Но ты же написал достаточно стихов! — привела “контраргумент” Сона.

— Первый том до сих пор продаётся и приносит деньги, причём немалые и больше, чем мы с тобой тратим, — ответствовал я. — Если будут траты, или первый сборник перестанут покупать — то да, скорее всего издам. А сейчас — не вижу в этом смысла.

Подруга на это покивала, но вид имела не слишком довольный. Но и на мои прямые вопросы просто помотала головой. Так что, пришёл я к закономерному выводу — Залина настропалила дочку на “стимулирование таланта”, не только в плане “писать”, но и издаваться. А признаваться в этом подруга не хочет, что логично. А издаваться — не хочу уже я, что логично не менее. На счету скопилось уже более шести тысяч ауресов, невзирая на все наши траты. И издание “нового тома” мне было банально не нужно.

Однако помимо всех “семейных пертурбаций”, три квинка моего “отстранённого размышления” как принесли вполне востребованный отдых, так и натолкнули на мысль, как Кшофа на рекомендацию мне стимулировать.

Итак, возится дядка с радио, пусть и дальше возится. Его темпами это займёт, до удобоваримых результатов, лет десять, ну и пусть его.

Однако надо бы некое изобретение подкинуть. Не слишком прорывное, но и не слишком “бросовое”. Такое, полезное, востребованное и осуществимое.

И, осматриваясь, я на мысль “чтоб такого придумать” набрёл. Дело в том, что мы с Соной вполне довольствовались трамваем. Время до мест службы и учёбы, с учётом регулярности транспорта и более-менее соблюдаемого расписания у нас выходило не более получаса.

При этом, в том же Ньюстаде, куча народу с удовольствием жили бы “подальше” а не в расположенных неподалёку от службы доходных домах.

Останавливала же их транспортная недоступность и очевидная, запредельная дороговизна мобилей.

Так вот, в силу ряда причин, наткнулся мой пытливый разум на вариант двухколёсного транспорта. Причём, полноценный мотоцикл нахрен не нужен: электромопед более чем местных удовлетворит. Зимы местные не холоднее минус десяти, дороги чистятся, а их неважное качество как раз компенсируется проходимостью двухколёсного транспорта.

В общем — лепо. А для себя, мысленно потирал лапки я, можно и эксклюзив сообразить, с полноценным ДВС. Выпускать последний “в массы” я находил нецелесообразным, но самому прокатится на мотоцикле... на последнем я, со счастливой улыбкой, вздохнул. Всё же осталось ещё от Мороза любовь к этому виду... точнее стилю жизни, выраженном в виде транспорта.

Соответственно, я разрабатываю электромопед, патентую “на себя”, но “в соавторстве и научном руководстве” Кшофа. Мне это даёт “полступени” в сословном социуме, Кшофу — как деньги (деньги и мне, но на них мне как-то пофиг), так и “академический вес”.

А то пренебрежительно взирающие на меня, как на “помощника лаборанта-переростка” культиваторы и меня несколько раздражали, взглядами своими бесчючими и существованием бессмысленным. А уж как Кшофа бесили, за годы — мне и представить страшно.

И честно предложить, без экивоков, совместный проект. Примет — замечательно, взамен на “рекомендацию”. Не примет — буду “италийски забастовать”, работая только по его указаниям, от звонка до звонка. И выйду на контакт с “культиваторами”, возможно в плане “купить рекомендацию”. Последнее — не самое мне удобное, прямо скажем, поведение, но... замороженный мир, куда деваться.

И примерно прикинул, на чём мой электромопед будет передвигаться. И, невзирая на массу всяческих вариантов, вроде бы и “лучшее”, пришёл я к свинцово-кислотному аккумулятору. Его надёжность, кондовость, стойкость к перезарядке наиболее подходила замороженному миру. А всякие литии и никель-гидридные и прочие... ну всё неплохо, но банально — излишне. Для нужд скутера старый, добрый, надёжный и недорогой свинец с кислотой подходил лучше всего. Особенно, учитывая то, что пользователями мопеда предполагались не богатеи, а служащие невысокого сословия, с деньгами, но не запредельными, на тот же мобиль никогда не зарабатывавшие бы.

Так что, отловил я Кшофа, да и вывалил на него свою идею.

— Два колеса? — скептически приподнял бровь проф.

— Центробежная сила, — не менее скептически поднял бровь я.

— Ну... Возможно, но будут падать.

— Можно и три колеса, в такой конфигурации, — обозначил я трайк.

— Хм, хм, — хмыкал и теребил подбородок проф. — Любопытно, Гемин, но движитель какой? Турбинный для такой конструкции тяжеловат, да и цена выйдет не менее мобилы. А это вашу идею, признаю, весьма изящную, нивелирует, — развёл руками проф.

— Электричество, профессор. И да, электрический накопитель, рабочий, — продолжил я, под удивлённым взглядом.

— Так, Гемин, погодите, когда вы ставили эксперименты? В рабочее время? — возмутился проф, на что я ему ангельски улыбнулся.

— Я не использовал ни ресурсы вашей лаборатории, профессор, ни ресурсов академии. Вообще, — улыбаясь выдал я.

— И вы не врётё, — хамски выдал задумчивый проф. — И не чародей, хм, — бормотал он под нос. — Расскажите мне о вашем изобретении, — уже в голос распорядился он.

— Да сейчас, — ласково улыбался я. — Профессор, это МОЁ изобретение. В котором я вам предлагаю роль соавтора. Притом что вы ничего для него не сделали, — уточнил я поморщившемуся профу.

— Если это “изобретение” есть, — кисло начал перечислять проф. — Если вы правильно интерпретировали то, что оно осуществим. Много факторов, Гемин. А, главное, раз уж вы скрываете, но обратились ко мне, вы от меня явно чего-то хотите.

— Естественно, профессор, — продолжал расплываться в улыбке я. — И вы прекрасно знаете, что. Знаний мне Академия не даёт, опыта тоже. В деньгах я, в чём я думаю вы убедились, не заинтересован.

— Да, хотя меня, признаться, интересует чем вчерашний гимназист может зарабатывать явно немалые средства, — на что я, всё так же улыбаясь, пожал плечами. — Ясно, — хмыкнул проф. — И будьте любезны перестать улыбаться, Гемин, ваша улыбка... неприятна. Вы хотите рекомендацию в чародейскую комиссию.

— Естественно, — не стал спорить я.

— Мне очень нужен помощник, особенно такой квалифицированный, как вы, — признался проф.

— Изобретение, профессор, — завлекательно покачал пальцем я. — Это и средства, и определённая популярность в академических кругах. Ну а нет, так нет, — соорудил я равнодушную мину. — Найду иной способ.

— Хорошо, хорошо, — хмуро буркнул проф через минуту раздумий. — Но только в случае осуществимости вашей идеи! — начал ставить условия он.

— Безусловно, профессор, — выдал я.

Квинк мы возились в лаборатории, проф убедился в “осуществимости” и затеял весьма активную суету. Занимала она время немалое, так что со словами “мы идём на лицензирование, Гемин!” подошёл ко мне проф уже в начале первого зимнего месяца.

Это время, помимо работы с аккумулятором и радио, прошло довольно ровно, без неприятностей и даже, скорее, с приятностями, правда разного толка.

Первое, мы с Соной всё так же жили, но реально оказались “в разных мирах”, кроме случаев регулярного секса и читки мной стихов. Я окончательно смирился с “домашней женой”, ну и перестал вибрировать окончательно. Есть и есть, весьма неплохо, пусть будет.

Далее, я с несколько мазохистским настроением пригласил Гину перекусить. К моему

некоторому удивлению, девица согласилась, ну и провел я в беседе с ней весьма приятные несколько часов. Причём, судя по всему, девчонка не против была заняться со мной сексом, но... меня это совершенно не интересовало. Да, я не отказался бы от такой подруги — но Гина явно “держалась за профу”, из чисто прагматичных соображений. Женщинам в точных науках было РЕАЛЬНО тяжело, во всей академии было всего три студентки, причём Гина — единственная не “богатежка из высшего сословия”.

Ну а любовница, да ещё делимая с кем-то, была к чёрту не нужна мне, меня вполне удовлетворяла Сона. Так что одним, небесприятно проведённым вечером, наше “личное” общение и завершилось.

И, наконец, была у меня весьма занятная встреча в академии. А именно, подбегает как-то ко мне весьма импозантный старичок, с обширной лысиной, выющимися, чуть ли не вверх зачёсанными кудрями вокруг неё. Ну и бородкой-висячим замком.

Причём весьма этот старичок напомнил мне некоего господина Ульянова, реально похож был.

Так вот, налетает на меня этот дедушка в холле академии, лапки складывает чуть ли не моляще и с надеждой вопрошает:

— Молодой человек, вы не чародей?

— Пока нет, уважаемый, думаю в этом году буду, — отвечивал я. — Гемин Толмирос, старший лаборант, — отрекомендовался я с поклоном.

— Ах да, простите, Лад Висс, профессор Академии Археологических изысканий, — пробормотал дедушка. — Говорите, в этом году?

— Судя по всему выходит так, профессор Висс. А в чём дело и ваша нужда? — резонно заинтересовался я.

И выдал мне дедуля (как выяснилось, посланный чёртовой уймой народа), такую картину. Итак, археология в Анте и на Стегасе была, не сказать чтобы сильно развита, но была. Но, при всём при этом, с чародеями в ней было неважно, как и с финансированием, за исключением “великих побед Анта”, высосанных из разных органов, но никак не раскопанных из земли. Последнее дедуля, отцов тёзка, прямо не говорил, но понятно было.

Итак, находит этот дедуля некий “древний папирус”, который указывает в недрах материка Воресен, в центральной части, некие “храмы-пирамиды”, чуть ли не прародителей аналогов шумерской и египетской цивилизации. И никто в достоверность не верит — все пирамиды и зиккураты были на севере Воресена, а никак не в “центре”.

Однако папирус, пусть пожёванный временем, есть. И некие фонды дедушке выделили, но...

Но очень малые. И хватит их на “добраться, осмотреться, вернуться”. На чародея вообще не хватит. А если пирамида-зиккурат будет, то они точно нужны: деталей ни старичок не сообщил, ни я толком не знал, но в пирамидах обеих древних цивилизаций была масса головоломок и загадок с ловушками. Проходимых только чародеями, причём от чародея, как сетовал старичок, ничего, кроме “тыкнуть кодлдуном” и не надо, как и куда тыкнуть старичок сообщит.

Но чародеев нет, а возвращаться в академию, фактически “даря” открытие, которое изучат без него, старичок не хотел.

И ныне судорожно искал чародея, желательнее помоложе и нежаднее.

В принципе, небезынтересно, отметил я, пряча визитку после прощания. Возможно, после инициации и займусь. А может и нет, посмотрим, что и как будет.

Но вот, притащил меня Кшоф в пристрой центрального собора, где важные попы приняли бумаги, потрындели друг с другом с часок, позадавали нам с Кшофом вопросы, да и “запатентовали”. Но не электромопед, а “средство передвижения облегчённое, на двух колёсах и центробежной силе”.

— А почему не всё, профессор? — резонно полюбопытствовал я.

— Сложности, у нас не всё готово, — вильнул взглядом проф. — Гемин, чуть позже. А сейчас, перед тем как отпраздновать наш успех, предлагаю навестить чародейскую комиссию. Вы так к этому стремились, рекомендация прошла, ну и я вам составлю компанию, — сменил тему проф.

Мдя, отметил я. Вообще — не очень жалко, да и, возможно, я излишне мнителен... Да и чёрт с Кшофом, мысленно махнул рукой я. Что будет — увидим, а мне нужна инициация.

И добрались мы трамваем до комиссии, где местный чин и вправду заверил меня, что “прошение удовлетворено” и даже назначил время инициации.

Ну и славно, а мои подозрения насчёт профа... да и чёрт с ним, по большому счёту. Будет инициация — всё мне необходимое от академии я получу. В идеале, конечно, неплохо было бы звание бакалавра. Чисто сословный момент, весьма полезный. Но, не критично, будет — хорошо, не будет — переживу.

В общем, в лаборатории, приняли мы немного вина, ну и уволок проф Гину в подсобку. А я вернулся домой, да и уволок Сону в баню, на радостях, вне “графика”. И весьма порадовался сам, да и подругу порадовал.

И вот, через пару дней, стоял я перед зданием комиссии и прикидывал, всё ли я забыл. И выходило, что всё:

Тренировки с “отделением сознания” проводил регулярно, в итоге, даже научился спать, пребывая сознанием “в темноте”, при этом имея “обратный отклик” от дрыхнувшего тела.

Этот полезный навык нужен мне был не только для обмана “чародейского полиграфа”. Но и для защиты от “инициации”.

Дело тут вот в чём: никаких Академий Чародейства и Волшебства не было как факта. То есть, человек, если не у попов, заходил в здание комиссии, а выходил из него уже чародеем. Обладающим определёнными навыками и прочее. Что с ним там делали — чёрт знает, мои осторожные расспросы результатов не принесли. Но, очевидно, “закачивали данные в мозг”, либо вообще в “ментальное эфирное образование”. Хотя в мозг, с учётом аномалии эпифиза, вероятнее.

Так вот, в том, что в “закачиваемом” только знания — я вот совсем не уверен. Навязанные программы, много чего гадкого и не полезного можно в мозги напихать. А мне с этим жить. И зомбёй это делать не хочется, соответственно, я и работал по “отделению сознания и контролю отделённым тела”. Дабы посмотреть, что местные инициаторы со мной шаманить будут.

В общем, поехали, махнул лапой я, заходя в недра комиссионного здания. Чин на проходной на документ мой покивал, да и увели меня через минуту в некую комнату, с одиноким креслом.

Там некий дядька меня в кресло усадил, протянул чашку с некой субстанцией и неко сказал:

— Пейте.

— Скажите, а это долго? — полюбопытствовал я.

— Час, редко больше. Пейте же, — отрезал дядька.

Ну я и выпил, тут же почувствовав сонливость. Но опыты мои не прошли даром, так что, хоть тело и дремало, разум мой могучий бдел. И даже приглядывал через неплотно сомкнутые веки: хреново, но лучше, чем ничего.

И вот, углядел я, как через несколько минут впёрлись в комнату пара неких типов, с какой-то совершенно магопанковской фигуриной, из гнутых труб. Медных, притом.

И начали довольно грубо моё вместилище разума ворочать, на бошку ему енту конструкцию присобачивая. А после присобачивания...

Начал мозг обогащаться всяческой информацией, причём весьма широким потоком, сенсорным органам недоступным. А я с данной информацией, закономерно, стал ознакамливаться. Радоваться, удивляться и фигеть, всё вместе и по отдельности.

Итак, выходило, что местные чародеи не маги, в понимании Земного Края, а скорее псионики. В смысле, эфир в своё тело они не впускали, тело инструментом оперирования эфиром, соответственно и не было. А вот конструкт аномальный, мозглячий, очевидно таковым был... вот только тоже через жопу. Теоретически, взаимодействие с эфиром было возможно на “воле-желании”. Но местные колдунские Кулибины эту возможность... фактически блокировали. Взамен, загружая в мозги натуральные чародейские круги, причём с “воле-желанием” связанные. То есть, местный чародей, ентих кругов “не видит, не помнит, не знает”. Он думает, что хочет воздействие сотворить и от желания евойного оно сотворяется.

А, на деле, он отсылает запрос к “пулу кругов”, которые, очевидно, транслируются в эфирный план. Ну и воздействие, закономерно, оказывают.

Это... а вот чёрт знает, вредительство или нет, признал я, сам себе. Учитывая пугательные истории о самоинициации — вполне возможно, что естественная и нормальная система безопасности.

При этом, самостоятельное “развитие чародейского ремесла” невозможно, факт. Но Мир-то Замороженный, а им это... приемлемо. И чародеи не мрут, а всё что нужно — есть, мдя.

Ну да ладно, рассудил я, а что енто у нас за круги интересные. И несколько офигел: круги как круги, магические, вполне коррелирующие с аналогичными кругами Земного Края, вот только... буквы в них были натуральной глаголицей! В свое время, Мороза немало позабавило внешнее сходство этого алфавита и “эльфячьих рун” профессора Толкина. Ну и любовался он глаголицей не раз, запомнил, а я её ныне, натурально, наблюдал в кругах колдунских. Это при том, что кроме латиницы и иероглифического письма “древних цивилизаций” литература никаких алфавитов не выдавала.

Интересненько, весьма и весьма, заключил я, начав проверять ассоциативные цепочки как к “кругам”, так и к “колдунству”. И они вполне были, весьма надёжные и понятные.

Правда, пытаться колдунствовать я по “вложенным схемам” не стал. Рано, потому что, да и типы вокруг, а я, вроде как, бессознательный.

И вот, примерно в сорок минут уложилось “закачка в мозг” местной магии. Ну, будем смотреть и изучать, воле-желанием тоже, но аккуратно.

Однако, в себя меня приводить типы не спешили. А воздействие на мозги слегка изменилось, но продолжилось...

И вот это была попытка натурального мозглячьего изнасилования!

Поскольку один тип нудно вещал о “прелестях и достоинствах Анта”. Как мне надлежит

его любить и голову за него класть. А второй нудил насчёт церкви, какая она охренительная, как я должен, теряя тапки, в её бежать с “дарованным божинойкой” знанием. И лицензировать если дозволят, ну и забыть, коли повелят.

Ну, в общем, зомбирование, мдя, оценил я. Не жёсткое, но ни черта не приятное. Это хорошо, что мудрый я, честь свою мозглячью от охальников уберёг. И фигу им, а не зомби-Гемин.

Продолжался этот речитатив минут пятнадцать, после чего не менее неделикатно, нежели одевали, с меня магопанковскую фигию стянули, ну и судя по хлопнувшей двери — утопали.

А тип, который меня поил гадким зельем, отвесил что-то вроде эфирной пощёчины, после чего тело пришло в себя.

— Вы чародей, господин Толмирос, — обрадовал этот тип хлопающего глазами меня. — Все необходимые знания и умения у вас есть. Используйте их достойно и на благо благословенного Анта! И не забывайте о господе нашем, — елеино подытожил он.

— Благослови, господи, Ант, — ответствовал я, после чего подсознание подкузьмило, выдав языком: — Не забудем, не простим.

Блин, вот задница-то, пригорюнился я, впрочем, в этом случае явно не "там", может и пронесёт. И пронесло — чин, очевидно, принял мой речитатив за последствия “отдупления”, скорее всего и не такое слышал, от в мозги оттраханных.

— Прекрасно, чародейская комиссия Анта поздравляет вас. Попробуйте воспламенить данный листок, — указал он на листик на металлическом столике. — Просто пожелайте, у вас всё выйдет, — с доброй улыбкой выдал он.

— Как скажете, — вяло ликовал я.

И, наконец, попробовал “колдунствовать” по-местному. И, признаться, несколько оторопел, хотя что-то вроде этого предполагал.

Итак, моя хотелка “нахрен сжечь мне неуютный листок” запустила внедрённую программу, которая, в обход сознания, начала мыслить соответствующий круг.

А вот перед моим условным “зрением” в темноте, этот круг проявился, сияющий цветом, слова для которого в языке и не было.

И ощущение эфира было, точнее появилось — круг сиял и напитывался, сияя всё сильнее. Поддать что ли жару, раз уж ощущаю, задумался я, ну и тут же мысленно по отсутствующим лапам себя стукнул — вот чего мне не хватало в зомбирующей конторе, так это лишнего внимания.

Так что просто наблюдал. Позиционирование манифестации задавала мозглячья аномалия, эфир на воздействие шёл “самотёком”, само воздействие — прописано. В общем, спалилась бумаженция благополучно.

Чин меня повторно поздравил, взял "подпись предупредить и не распространять", да и послал нахрен. Ну я и послался, только не нахрен, а из конторы.

Время ещё было раннее, заканчивал службу я, обычно, гораздо позже, так что решил я просто пройтись по зимнему Нюстаду, обдумать мне доставшееся.

И выходила картина не слишком приятная, но, по-человечески, понятная. Уж не знаю, опасна ли “самоинициация”, но, подозреваю, ни черта. Не слишком, как минимум. Вот только добравшиеся до механизма “кошерной” инициации попы (или создавшие её, выдернув из эфира, тут чёрт знает), конкурентов жёстко давили, как раз “охотой на ведьмов”. При этом, общее развитие всё же шло, причём попячьими лапами тоже. Чисто

“берегли свою поляну”, сволочи такие.

Ну, чёрт знает, как это "вообще". По-человечески понятно, вреда популяции не было, скорее было благо. Но вот развитие чародейства, точнее, эфирных манифестаций, в таком раскладе невозможно как факт. Это тезис раз.

Далее, война Анта с попами, очевидно, заставила попячьи задницы несколько “подвинуться”. Но, во-первых, не до конца. А, во-вторых, не на благо антцев, а только и исключительно “правлящей верхушке”. Привязывая одарённых, пусть и не слишком жёстко, но вполне ощутимо, к именно “правлящему сословию”. Это тезис два.

Кстати, небезынтересно, высшее сословие иницируется с таким же мозготрахом? И вот есть у меня весомое подозрение, что ни черта.

Так, далее, вопрос “эфирного сёрфинга” — есть. Чёткие и конкретные наборы кругов, проявившиеся перед душевным взором. Это хорошо, но проверки-эксперименты отложим. Далее: ощущение правды — круг, ощущение одарённых — круг.

Как и ожидалось, всё весьма чётко прописано и на кругах. Проверим, небезынтересно.

А местные социально-религиозно-чёртовступные свистелки и перделки замороженного мира вообще, ну и Анта в частности...

Блин, а вот реально не знаю. Похоже, ждёт меня судьба “чудака-изобретателя”, а, наверное, чудака-поэта. Полуотшельника этакого.

Потому что изобретать в замороженном мире дело небезопасное. Буду, по мере нужды в деньгах, выдавать сборники стихов.

А сам — жить и экспериментировать, искать и изучать технологии и не только. Разбираться, что я в своём душевном состоянии могу. Поскольку, круги вернули “точке, которая я” чувство эфира. До появления круга, он был, да и есть вокруг "меня", но я был в состоянии рыбы в воде, не понимая, что она мокрая. А круг воду всколыхнул, я её, как следствие, “почуял”.

Соответственно, ждёт меня масса интересного, изучение нового и эксперименты. По которым я, признаться, немало соскучился, широко улыбнулся я своим мыслям.

Ну и по Миру можно будет поездить, в целях образовательно-развлекательных. Да и Сона, при всём “домохозяйстве”, станет прекрасной парой “поэту-чудаку”, продолжал улыбаться я, уже на подходе домой.

В общем, неплохо прогулялся, двигая по улице нашего посёлка рассуждал я. То что местные — не ангелы, я и так знал, но “вершить справедливость, с силой страшной и необоримой”, пока погодим. Поживём, разберёмся, обдумаем...

И тут мои мысли прервал некий хлыщ, раскрывающий мою калитку. Изнутри, паразит такой! Я, на чистом рефлексе, впечатал ему в пузо кулак — реально, от неожиданности.

Хлыщ на землю повергся, хлопать пастью стал. Ну а я, заломав ему лапу, потащил к дому. Если бандит, а с Соной что-то случилось — там его и прикопаю, нервно рассуждал я. По дороге хлыщ что-то пытался вкнуть, но получил по хребтине и примолк.

А я приоткрыл дверь. Хм, бардака и обыска не было. Блин, служка чтоль какой? Так одет богато, окинул я хлыща взглядом. Хм...

— Рами, милый, ты что-то забыл? — раздался из глубины дома голос Соны.

Пиздец, откликнулся внутренний голос. “Милый Рами” треснулся мордой об косяк, ну и прилёг отдохнуть, а я быстро пошёл на голос.

И... мда. Голая Сона, напевая под нос, шла к ванной.

— Гемин, я... — в ужасе уставилась она на меня.

— Угу, не виновата, — на что последовал яростный кивок. — Семя с лица сотри, — бросил я, развернувшись и возвращаясь в гостиную.

Присел и призадумался. Вообще — обидно до чёртиков, но несколько менее, чем было бы Морозу, а тем более Отмороженному. И, наверное... да к чёрту эту дуру. Ну реально, её даже шлюхой, с точки зрения местного, не назовёшь — местный культурный код до брака верность полагал делом сугубо добровольным и необязательным.

Впрочем, эта лядь прекрасно, судя по выпученным в ужасе глазам, помнила моё “храним верность”. Уходить от меня она явно не желала. А трахалась с этим хлыщём... да мне как-то похер, почему. Нимфомания у неё, ещё что — реально похер.

Пока я думал эти печальные, но мудрые мысли, хлыщ очнулся, озарил фингалом окрестности и начал что-то вякать. Сона, уже в халате, с зарёванным лицом, бежала и аж бухнулась на колени, приобнимая меня за ногу. Ну и была отброшена толчком.

— Сказал, семя с рожи своей сотри, смотреть противно, — бросил я ей, поскольку рожу она “не домыла”. — Заткнулись оба. Будете вякать не по делу — убью, — широко улыбнулся я.

Хм, поверили, отметил я, хотя... нет, убивать бы их я не стал, нахер мне это не сдалось. Но пнуть мог бы, факт.

— Итак, Сона, в начале нашего с тобой сожителства, я говорил о взаимной верности. Я это выполнял, — кротко улыбнулся я. — Ты — нет. Мне всё равно, кто этот придурок...

— Я профессор литературной...

— Ещё звук и будет больно, — широко улыбнулся я, на что придурок сглотнул и заткнулся. — Я сказал, мне — всё равно. Итак, Сона, на этом мы с тобой расстаёмся.

— Я люблю тебя, Гемин... — зарыдала она.

— Люби подальше от меня.

— Мы даже не женаты!

— Ни звука о женитьбе, кроме одного раза, я от тебя не слышал. И, если бы ты сказала — женился бы. А теперь — собирайся и выметайся из моего дома. К этому придурку...

— Я женат! — аж возмутился тип.

— А мне всё равно, и вообще, достал орать. Вырубить тебя, что ли... Хотя, знаешь, вали ка ты на хер, из моего дома, — решил я.

— Вы — хам и бескультурная личность! — заорал хлыщ, закопошившись.

— Он Грей Фуллбастер! — возмутилась рыдающая Сона, уж не знаю на что рассчитывающая.

— Вы? Правда? — вылупил на меня тип. — А вы, Сона? Как вы могли изменять этому ВЕЛИКОМУ поэту? — патетично и с ужасом обратился он к так и валяющейся на полу.

Пиздец, серия два, мысленно отметил я, начав звереть. Но встряхнулся и взял себя в руки. Ну, вякнула эта, да и похрен. А раз уж этот “женатый любовничек” такой мой охрнительный поклонник, скину ка я на него не самые приятные моменты.

— Молчать!!! — рявкнул я. — Так, вы, раз уж трахали эту... женщину. Помогите ей собраться и выведите её из моего дома. Она мне противна. Здесь, — обращаясь уже к девице, кладя чек на стол. — Сотня ауресов. Тебе хватит на первое время в гостинице, потом разберёшься. В общем-то, это будут твои проблемы, — вслух, но скорее сам себе, отметил я.

— Я люблю-у-у тебя, Гемин, не бросай, прости меня-а-а... — зарыдала эта, ползя на коленях ко мне, сверкая сиськами в прорези халата.

— Простил. А теперь у тебя пара часов, чтобы убраться из моего дома и жизни. Ты мне

просто противна, я тобой брезгую, — отчётливо донёс свою позицию я. — Всё, я по делам. Через два часа я вернусь. И если в моём доме будет кто-то из вас... я ему не позавидую, — уже на ходу выдал я.

— Господин Фуллбастер, я бы никогда...

— Если поможете выдворить эту — потыкал я перстом в рыдающую. — Ни ваша супруга, ни прочие окружающие деталей этого... инцидента от меня не узнают. Но, говорить с вами и видеть вас я не желаю. На этом всё, — с этими словами я захлопнул за собой дверь дома.

Ну пиздец, уже в третий раз отметил я, несколько потерянно бредя по снегу в сторону центра города. И ведь обидно-то как! И по-человечески, и за планы порушенные, где шлюха эта место немалое занимала. И вот нахера ей это было нужно? Секса, что ли, мало?

А и похер, перестал копаться в больном я. Вполне возможно, хотела забеременеть, чтоб меня “привязать”. Разговор о ребёнке у нас был. Вот только “Гемин лает, ветер носит” в столь принципиальных моментах — не устраивает уже меня. И мне реально с ней будет противно, даже если бы я “простил” шлюху. Уж чужая конча на роже, под напевание песенки... брррр, аж передёрнулся я.

Ну и ладно, ну и хрен с ним. Влюблён я, к счастью, не был. Неприятно — да, но вообще — не критично. И на планах моих не скажется. Разве что только на сегодняшних — думал я эфирные эксперименты аккуратно провести. А вот сейчас... хм, так. Напиться я банально не хочу. В академию идти не стоит — ну реально, всё же я несколько не в том настроении и состоянии.

Да просто погуляю, ну и закурю, всё-таки, наверное, хмыкнул я, приближаясь к лавке. И закупился, и закурил. Покашлял, но сигарилки оказались вполне ничего, вполне оказали умиротворяющее воздействие.

И побрёл потихоньку к дому. Любовничков уже не было, лишнего, на первый взгляд, шлюха не прихватила. Даже не лишнего, хмыкнул я, отметив лежащий на столе чек. И две бумажки. На одной — какие-то там извинения и сожаление хлыща, с надеждой на что-то там. Вторая, мокрая с кривыми буквами “прости-люблю”. Простил уже, хмыкнул я, сжигая бумажки в камине. Подумал, да и спалил там же бельё с нашего ложа.

И расселся в кресле, думать. Но думалось хреново, так что так я в кресле и заснул.

11. Планы Башни Чародея

Проснулся я довольно рано, с затёкшим всем. Впрочем, лёгкая разминка помогла, а сваренный кофий (как положено, а не как варила эта!) с сигарилкой весьма взбодрил и поднял настроение. И хотел я было, отложенные эксперименты с эфиром начать, как чуть не заорал сам на себя благим матом.

Присел, похихикал, глубоко задумался, ну и уже откровенно заржал, с немалым облегчением.

Даже появилось желание найти Сону, чисто по-человечески сказать “спасибо”. Ну и любовничка ейного найти, чисто по-человечески отвесить смачного пенделя. Но, безусловно, с глубокой внутренней благодарностью.

Потому что эти голубки, наконец то, сломали этукую “скорлупу” образовавшуюся вокруг моего могучего, но явно контуженного текущими реалиями разума. Венту “скорлупу” на протяжении всего моего пребывания тут, бился Замороженный Мир, но я, с заслуживающим иного применения упорством, этого не замечал. А вот теперь заметил. И выходит у меня такая петрушка:

Во-первых, я ни черта не Отмороженный или Мороз. Природа сущности болтающейся в эфире в данном случае не принципиальна. Может это даже “душа”, а может — впрямь новорождённый даймун, всё равно неприципиально.

Далее, вот я как бы “рулил телом извне”, сглаживал наиболее “острые” пики: паники, влюблённости, прочие резкие моменты. При этом, радостно получая весь спектр приятностей, но... далеко не только их. То есть, как “я в темноте” очевидно и явно влиял на тело, так и тело подростка-поэта замороженного Мира влияло на “меня в темноте”. Только косвенно и незаметно.

Это не считая далеко не нулевой вероятности, что я мог, банально, отлетевшую душу Гемина сожрать. Если я даймун — да с полпинка, на “младенческом рефлексе”, аналогии хватательного, даже не осознавая этого. И совершенно не факт, что это “гипотетически сожранное” не повлияло на “меня во тьме”.

Впрочем, природа влияния так же неприципиальна. Важно, что оно было и оказало воздействие. А именно, меня несколько... “инфантильнуло”. Откатило психологический возраст до лет восемнадцати примерно, если не меньше. И метался я, переживал уже давно пережитое, страдал перестраданное и прочей подобной хернёй маялся, весьма самозабвенно.

Во-вторых, вся моя жизнь, точнее “неприятности” в Замороженном Мире — дело моих рук. Точнее, “неправильного, неестественного, враждебного поведения”. И Мир отвечал на это агрессией. Безусловно, не как разумное, и даже не как существо. Но, социальные пертурбации и реакция окружающих были закономерны. Естественный ответ на “неправильного” меня.

Итак, рассмотрим ситуацию с Геминим. Уберём факт “возможного эфирного самоубиения” и появившегося меня. Значит, парня лупит Лад, парень очухивается, вытирает кровавые сопли и живёт дальше.

При этом, он, пусть и не ОСОЗНАЁТ реалий замороженного Мира, но они для нег ЕСТЕСТВЕННЫ. И негативной реакции он, как следствие, не вызывает.

То есть, гопники попинывают Гемина полгода до экзаменов, парень страдает, но

терпит. Результат: родители живы.

Далее, Залина, судя по всему, ХОТЕЛА, чтоб ейная дочурка потрахалась сексом с Гемингом, имела опыт романа. И тут возникает два возможных варианта, причём оба вполне естественны и нормальны. Первый: Сона берёт Геминга за хобот, трахает его сексом несколько раз, а после экзаменов они расстаются и не видятся. Второй вариант: Геминг пишет стихи, причём “бортование Агатой” (которой я, признаться, не видел да и почти не помнил) оказывает на его талант воздействие благотворное. Не “розы-морозы”, а, например, “кровь-любовь”. Что в местных реалиях стихи не просто замечательные, а вот просто прорыв силы необоримой.

Соответственно, либо происходит вариант аналогичный текущему. Только представителем Геминга оказывается либо Лад, либо сама Залина, а Геминг уже женатиком и состоятельным парнем двигает с Соной в Нюстад, в литературную академию. Где вопрос “наставления Соной рогов” не стоит — ребята вместе, не только трахаются, но и проводят время. А если Сона и наставит “великому поёту” рога — то сделает это в рамках местного “кулюторного кода” и наш гипотетический настоящий Геминг об этом и не узнает.

Далее, ситуации с Кшофом (ну, она ещё не случилась “по факту”, но врать проф ни черта не умеет) в таких раскладах вообще была бы неосуществима. А, если бы я вёл себя “правильно”, то и со мной бы её не возникло. Но я столь “инороден”, что даже “протестный”, борющийся с “системой” Кшоф реагирует на меня соответствующим образом.

В общем — мдя. Но самое главное, что всё это — не мои проблемы. Вот о чём я забыл. И основное, чего я не сделал, что откладывал, не в последнюю очередь из-за “стресса ничего и темноты”, а потом — геминовой инфантилизации.

А именно: на кой, извиняюсь, болт, я существую? Ответ “просто так” — меня не устраивает. Ни Мороз, ни Отмороженный “простыми обывателями” не были, ну и мне, как “наследнику” негоже.

Соответственно, нужна мне цель жизни. Пусть не “вообще”, но на обозримое будущее. Нужны мне чёткие этические ориентиры, в плане: “желательно-допустимо-недопустимо”, потому что та каша, в которой я бултыхался до сих пор — это звиздец.

А колдунства всяческие, тренировка тела, деньги, социальное положение — это инструменты, не более.

И сел я, мудро и просвещённо, думать мысль. И пришёл в результате к удивительного вывода — я хочу получать удовольствие.

Вот никогда такого не было, а вот опять, хихикнул я.

Ну да ладно, а вышло, что основополагающее, этакое “высшее удовольствие” у меня — это постижение и понимание. Себя, Мира, физики, магии, вот щаз к биологии интерес проснулся.

Вторично — комфорт существования, в которое входит комфортное окружение. И вкусно поесть, и сладко потрахаться, и сигарилку с кофеем навернуть, и много что ещё. Вторично-то оно вторично, но первичное без этого слабосуществимо, хмыкнул я.

И, наконец — а что я хочу от Замороженного Мира? И вообще, хочу ли я что-то от него?

И вот с этим я реально призадумался, прикинул всё, что знал. И выходило, что ничего мне от него, кроме вторичного, не надо. Комфорт для достижения основной цели. Менять Замороженный Мир и бороться с “неправильной системой”... Ну, такой себе вариант, не самый разумный. “Неправильность” этой системы существует для меня, вроде бы и входит в мою “зону комфорта”... Вот только весьма симпатичные мне люди, вроде

домовладельцев, родительских и теперешнего. Той же Гины — пусть я общался с девчонкой мало, но пришлась она мне по сердцу. Да тот же Кшоф и археолог-Ульянов, невзирая ни на что, типы вполне сносные. Рождаются они и живут в этом “неправильном” Мире. И даже мне — вполне приятны и угодны.

А значит, никаких “всех спасти, а кто будет сопротивляться — в слизь” не будет. И не факт, что “потяну”, но, даже если и “потяну” — не будет.

А будет, как весьма разумно надумало подсознание (мудрое оно, в отличие от глупого меня, от той же Соны как могло, отталкивало), этакий Великий Поэт, возможно — немного изобретатель, Гемин.

И точно не буду жить в больших городах. Мелкий городок, дом на отшибе. И, скорее всего, попробую я “сформировать” себе окружение. Помощников, лаборантов, да и тех же любовниц-соратниц. Возможно — одну, возможно — нескольких. Посмотрим, целомудренно и разумно заключил я.

И надо будет их, что помощников, что помощниц, именно воспитывать и формировать, а значит — желательно набирать людей помоложе, из низшего класса.

Потяну? В принципе, если не тупить и не пинать пинусы — безусловно потяну. Опыт, знания и прочее нужное у меня есть.

Единственное, не факт, что стоит это делать в Анте. Вопрос в том, что судя по мне доступному, государство тут наиболее “наглое”. Одно факта “сращивания” с церковниками хватает.

Но, не факт, опять же, что стоит жить у “сволочей импортных”. Беда в том, что “министерство правды” Анта работает на диво хорошо. И я просто не знаю и не могу “удалённо” достоверно узнать, насколько “хреново” в забугорных палестинах всяческих. Романы — ни черта не достоверный источник информации.

С другой стороны, от Анта веет чем то “домашним”, невзирая ни на что. И вылезает в памяти древовидная клюква, в сени которой столь приятно предаваться отдохновению и размышлениям.

В общем, похоже, что “делать” — я понял. Как “делать” — в общих чертах тоже понятно.

Соответственно, открыт вопрос “где делать”. Книги — в этом вопросе не помощник. А значит, нужен мне минимум пятый класс. И, уже имея его, поездить по Миру, своими глазами увидеть: что, где и как.

Может — будет в забугорье лучше. А, не исключена вероятность, что будет хуже. И живут в забугорьях гады и сволочи, и в жопу ябуться. Методом мне не угодным, уточнил честный я.

Так, а значит, раз я такой дохрена умный, закурил я вторую сигарилку, надо мне не на круги пыриться и не эфир ковырять. По крайней мере — сейчас. А надо мне вопрос с Кшофом решить — ну реально, вот я надумал, что “проф меня кинул”, а окажется что он хороший, например.

Далее, Гина... а, просто честно поговорю, решил честный я. Будет “заход два”, с откровенным предложением. “Да” и “да”, ну а “нет”, так и “нет”.

И, наконец, вопрос звания бакалавра. Всплывёт “прямо сейчас” он лишь в том случае, если Кшоф меня “кинул”. И как решить его я, в принципе, догадываюсь.

Кстати, мстить профу — глупо, я “кидательный” расклад изначально “закладывал” в немалую вероятность. Просто не буду с ним более работать.

А вот с экзаменом — вопрос довольно интересный. Итак, в гимназии гимназист, при “недопущении к экзаменам” может потребовать “проверочную комиссию”. Это чревато неприятностями, можно вообще лишиться возможности сдавать экзамены. Но возможность есть. И даю руку сониного любовничка на отсечение, что таковая возможность есть и в академии, пусть и “не прописанная”.

Скорее всего, придётся “давать на лапу”. Но, моё “неприятие” этого, было бы правильным и верным, если бы я принял “замороженный Мир” домом.

А пока он для меня — место, где я, возможно, со временем, начну формировать что-то, что смогу домом назвать. И какая мне, извиняюсь, разница, в таком разрезе? Мзда решит мои проблемы. Деньги у меня есть, копить их я не намерен. Значит — делаем, если ситуация с Кшофом будет ожидаемой, окончательно решил я.

А дальше — будем смотреть и думать, заключил я, ну и в целом, с приподнятым настроением, потопал к остановке трамвая.

Через двадцать минут моя сияющая морда ввалилась в лабораторию.

— Приветствую, профессор, — сиял улыбкой я.

— Здравствуйте, Гемин, — буркнул проф.

— А когда мы будем лицензировать наш электросамокат в полной мере? — продолжал радостно я.

— Моё изобретение уже лицензировано! — ожидаемо, через минуту, выдал проф.

Ну, как и ожидалось, отметил я. Несколько жаль, конечно — хотелось бы в данном случае ошибаться, но на такие чудеса замороженный Мир, похоже, не способен.

— Вы ничего...

— И не собираюсь. Прощайте, профессор, — вышел я из лаборатории.

Ну реально, стыдить его — глупо. Нечестный человек... ну, в общем — да. Хотя, сам себя оправдывает, очевидно, “потерей помощника” и оказанной протекцией... Да и чёрт с ним, по большому счёту, ухмыльнулся я и потопал к ректору. Сего важного чина я видел лишь раз, при приёме на службу, в компании Кшофа.

И, на удивление, попасть к нему оказалось не так уж и сложно: секретарь воспользовался селектором, а через десять минут я уже был в кабинете.

— Изложите своё дело, — блеснул на меня довольно толстыми очками лысый, как колено, дядька.

— Господин ректор, дело в том, что я бы хотел узнать, возможно ли проведение экзаменационных испытаний на звание бакалавра вне экзаменационной сессии? — выдал я.

— Естественно, возможно, вы же... погодите, Толмирос? Лаборант? — на что я покивал, а сверившийся с какими-то бумаженциями дядька ухмыльнулся. — То есть, устав академии вы, очевидно, читали, а проспект для первокурсников — нет?

— Даже не знал, что таковой есть, господин ректор, — честно признался я.

— Ознакомьтесь, — протянул мне тоненький проспект, извлечённый из ящика стола ректор.

И да, в проспекте действительно было указание на “досрочную сдачу экзаменов”, по представлению преподавателя и за денежку. Какую — не указывалось.

— Мне это возможность предоставлена? — уточнил я через минуту.

— Безусловно, старший лаборант — автоматически приравнен к студенту четвёртого курса, только без экзаменационного табеля. Но индивидуальная сдача недёшева, господин Толмирос, а вы, как я понимаю...

— Совершенно не стеснён в средствах, — заполнил я “риторическую паузу”.

— А зачем же вы, в таком случае, связались с Кшофом? — недоумённо спросил ректор.

— Так уж сложилось, господин ректор, — не стал я акцентироваться на очередном “провтыке”.

Хотя, на самом деле, прикинул я, ни черта это не “провтык”. Ну получил бы я бакалавра — и что? Мне нужна была магическая инициация... хотя, в чём-то и провтык — путь “через Кшофа” так же мог оказаться “не единственным”, а учитывая мозготрах — не думаю, что комиссионеры так уж “зажимают” инициацию. Ну, впрочем, есть как есть.

— Не затруднит ли вас сообщить, в какие сроки возможно провести экзамен, в какую сумму это мне обойдётся. И кому её вносить? — начал уточнять я.

— Если желаете магистерское звание, — начал было очкарик, на что я помотал головой. — Сотня ауресов председателю комиссии, — на этом он приосанился. — По пятьдесят — трём профессорам, два десятка — секретарю и на организационные расходы. Средства для вас подъёмные? — уточнил ректор, на что я покивал. — Сдать их можете мне, сколько вам нужно на подготовку?

— Да не сказать, чтобы вообще особо нужно, — прикинул я. — Работ же звание бакалавра не предполагает, — полуспросил-полутвердил я, на что последовал кивок. — В таком случае, подготовка не нужна, в материале академии я достаточно ориентируюсь.

— Вы уверены, господин Толмирос? — уточнил ректор. — То, что вы сотрудник академии — никак не облегчит сдачу экзамена.

— Уверен, господин ректор, — выдал я.

— В таком случае, можете сдать средства мне, а через два дня — приходите на экзамен. В девять пополуночи, в зал испытаний, — уточнил ректор. — Да, учтите, Толмирос, если провалитесь — пересдача, даже за отдельную плату, возможна только в следующем учебном году, — сурово нахмурился он.

— Учту, господин ректор, — отвечив, я, выписывая чек.

В обмен получил вполне бюрократического вида квитанцию и покинул ректорятню. Да, довольно забавно вышло, впрочем — сложилось всё к лучшему. Опять же, опыт работы с местным лабораторным оборудованием получил, да и с рядом личностей небезынтересных познакомился.

Кстати, на расписание занятий курса одной из “небезынтересных личностей” я ныне и пялился. Кшоф, своим вполне предсказуемым, ожидаемым, но “кидкой” развязал мне руки. А Гина мне вполне приглянулась, место спутницы вакантно — так что, почему бы и “да”? Не бросаться, как с Соной, в “будущее построение жизни”, а пожить-пообщаться, посмотреть, что выйдет, если выйдет.

Так что, подождал я у аудитории двадцать минут, а по выходу девицы, хищно на неё пал, подхватил под руку, ну и авторитарно потащил в академическую трапезную. На попискивания тащимой благожелательно ответив “И тебе привет, Гина”.

— Итак, Гина, у меня к тебе есть серьёзный разговор, — вполне благожелательно улыбнулся я.

— Хорошо, Гемин, — с некоторой опаской кивнула мне девица, захрустела булкой и в опасливости сбавила.

— Ты мне нравишься, — выдал я. — Как будущий учёный и как женщина. Я бы хотел предложить тебе попробовать пожить вместе. На данный момент у меня вполне серьёзные намерения, которые я бы хотел проверить в совместном быте с тобой, — подытожил я.

— Ой, — свела очи на переносице девица, даже слегка покраснела, но встряхнулась. — Гемин, мне очень лестно, но это же не предложение брака?

— Нет, это предложение проверить, подходим ли мы для него, — изящно ответил я.

— Ты знаешь, — посидела и подумала девица. — Наверное “нет”. Я предпочту заниматься наукой. Я абсолютно не против с тобой встречаться — для соития и общения, ты мне тоже приятен. Но совместная жизнь без гарантий — точно нет, — окончательно отрезала она.

— Вариант “занятия наукой” вполне меня устраивает, собственно, этим я и хочу заниматься. Ты избавишься от необходимости оказывать услуги Кшофу. Хотя, если быть точным, я этого потребую, — признал я. — Кстати, я более не в его штате, — уточнил я. — В общем так, Гина. Подумай, мне бы не хотелось тебя “покупать”, но финансовое благополучие и свободу научного развития я смогу обеспечить. Если я тебе “приятен”, — не договорил, но выразительно посмотрел на девицу.

— Всё-таки “нет”, прости Гемин. Были бы гарантии — возможно, но начать совместную жизнь, бросив всё, чего я добилась, с неясной перспективой — я не готова.

Ну и ладно, пожал я плечами, в свою очередь отвергнув предложение девицы “дружить телами в свободное от Кшофа время”. Гина выбрала тот же вариант, что и у меня был с Соной: синица в руках. А брать на себя обязательства, до взаимной “притирки” — ну, как минимум, я нахожу неэтичным. Потому что если не подойдём друг другу — ничего и не будет. А “покупать” девицу... чёрт знает, может и имеет смысл, но не хочется.

В общем, жаль, но ладно, заключил я, покидая академию.

Да и было, признаться, желание “разобраться с Гиной” довольно импульсивным, отметил я сам себе. Хотелось “подчистить хвосты” с академией, чтобы вместе с экзаменами закрыть с ней все вопросы.

Пару дней до экзаменов я ковырял эфир. И вышла у меня такая петрушка: готовые шаблоны, загруженные базово — воздействие це-ранга, по классификации Земного Края. Огненные, электрические, воздушные, водяные и прочие подобные. Довольно широкий спектр, но крайне... хреново воздействующий. То есть, не имея тела мага как проводника, а, подозреваю, ещё и преодолевая некий “барьер” между эфирным и материальным планом, манифестация теряла большую часть энергии. То есть, сжечь человека эфиром можно, но очень нерационально. И не особо нужно.

А вот с готовыми техническими решениями вышло довольно забавно. Большая их часть, из мной изученных, была явно и очевидно неполной. То есть, не “я не “не понимал” (было и такое), а именно сочетание последовательности действий, изготовления и производства, содержало явные и очевидные лакуны.

Например, с ртутно-паровой турбиной, которую я “насёрфил”, всё было очевидно, понятно и явно. Какие материалы, что нужно сделать “в материи”, на что нужно воздействовать эфиром. Реальная техно-магическая цепочка “от и до”. Но большая часть “технологий” была повреждена, причём в произвольных местах, зачастую представляя собой неструктурированные обрывки данных.

Далее, весьма непонятны были “скачанные и осознанные” мной технологии. Как “условно-современного” технического уровня, так и “условно-будущего”. Например, были совершенно бредовые отрывки паропанка. Нерациональные, неправильные, бессмысленные. Ну на кой, извиняюсь, болт, нужны “паровые часы”? А световой, чтоб его в дышло, меч? Ну не световой, плазменный, а всей технологии я толком и не понял. Но и понятого хватило,

чтобы понять, что это именно оружие, а не “инструмент сварщика”. И востребованность подобного, на уровне технического прогресса, позволяющего оперировать магнитным полями удерживающими многотысячеградусную плазму в форме “клинки”... Ну вот вообще бред получался.

И примеры эти были не единственными, а я ни черта не понимал. Как и по какой причине не было никаких данных по медицине и медицинскому оборудованию, биотехнологиям, да много чего “не было”.

Вообще, возникало ощущение, что возвыситель не “отобрал” технологии для замороженного Мира, а хаотично “надёргал” их, причём из миров с разным уровнем и путём развития. А ещё очень много “брака”, в плане повреждённой информации, что вообще непонятно.

На этом фоне, чёткие, однозначные, указывающие на весьма развитую магическую цивилизацию круги смотрелись чужеродно. Причём, круги “улучшения физических и когнитивных кондиций” были, но довольно урезанные, на фоне всяческих “молний-огня”. А уж производственные круги, невзирая на эклектику технологий, выходили, как по мне, вообще шедевром.

И всё мной обретенное требовало весьма детального и пристального изучения. Как в плане реверс-инжиниринга “технологий будущего”, так и в плане понимания работы кругов.

Также, детального и основательного подхода требовало и второе направление: попытка чародействовать “воле-желанием” и использовать магические круги Земного Края.

Собственно, оба этих направления я решил, в основной части, отложить на момент “обретения башни чародея”. Частично же — на предполагаемое путешествие “ознакомления с Миром”. Заниматься эфирными экспериментами в Нюстаде было делом довольно глупым, да и по большому счёту — опасным. Если не для окружающих, то для меня точно. Уловитель “эфирных колебаний”, что-то типа “эфирного радара”, в “стандартных кругах” наличествовал. Насчёт “определителя типа манифестации” — почти на сто процентов уверен, что есть такой у церковников, технологичный. Собственно, “охота на ведьмов” без подобного была бы совершенно неэффективной. Соответственно, на хрен надо “светиться” в столице, логично решил я.

Единственное что я себе позволил, это попробовал “перегрузить” шаблонный круг в процессе формирования эфиром. В принципе — вышло, но круги и так, как выяснилось, были “регулируемыми”. То есть, степень воздействия и количество эфира на воздействие определялось “целью и объектом” воздействия. Всё, что я смог толкового сделать, своей “принудительной накачкой” — так это несколько ускорить формирование манифестации. Что, безусловно, неплохо и делает те же круги более оружием, нежели они есть у местных чародеев. Но напрочь проигрывает тому же огнестрелу, если не в “скорости вблизи”, то в дальности уж точно. Поскольку все имеющиеся круги имели “ограничение манифестации от чародея”, в семь-восемь метров. И “противоопульных колдунских доспехов”, например, не содержали.

В общем, чародеи выходили не “воины”, а всё же “ремесленники”. Хотя, до открытия “технологии огнестрела”, чародей был весьма весомой боевой единицей церкви.

Чего я совсем не понял, так это “механизма одарённости”. Откуда берутся свойства, явно “сверх”, но без “инициации”? Всё мной используемое и найденное — явные круги, пусть “неосознанно использованные” и без инициации их использовать местные не могли.

Загадка, хотя, скорее всего “эфирный сёрфинг” даст, со временем, на неё ответ. Да и про заклинания Земного Края забывать не стоит. В общем, по мере изучения разберусь, логично рассудил я.

Кстати, тело начало, к вечеру второго дня, “ныть”. На тему секса: я приучил его к регулярной жизни половой, а тут — “задержка”. Целибат, можно сказать, мысленно фыркнул я, беря гормональный фон под контроль “настоящего себя”.

И вот, с утра последнего дня квинка, явился я в академию, где ректор и три профессора из “культураторов” и вправду ожидали моего прибытия. И даже секретарь был, так что приступил я к сдаче экзамена.

На бакалавра, как понятно, требовался только “набор знаний”. Соответственно, первый час комиссия закидывала меня вопросами, вполне в рамках “академической программы”.

Проблем с ответами не возникло, так что перешли мы к второму этапу, а именно: решение теоретических задач.

И вот тут я реально озадачился: из семи заданий два... просто не могли быть решены на основе имеющихся данных и формул. Вот совсем и вообще, никак, констатировал я, потратив полчаса на переконфигурирование мне известного. И что это за фигня, призадумался я. Да и решил, что ни черта я решать это не буду. Спрошу по сдаче сделанных пяти задач, “что, мол, за фигня?”

И, через час, подходил я с готовыми решениями пяти из семи задач.

— Справились, Толмирос? — подал голос ректор. — Весьма быстро.

— Не вполне, господин ректор, — с кислой мордой выдал я. — Третья и седьмая задачи мне не поддались.

Переглядывание экзаменующих с ухмылками показало, что “не всё так просто”.

— Не расстраивайтесь, Толмирос, если остальные задачи корректно решены — этап экзамена вполне сдан, — выдал ректор, пока остальные экзаменующие шуршали бумагами.

— А их вообще, можно решить? — уточнил я.

— Поняли, что весьма похвально, — был мне ответ. — Теоретически, господин Толмирос. Несколько великих открытий были совершены во время экзаменов, так что несколько задач, традиционно, задаются из не имеющих известного ответа, — выдал он.

Хм, это выходит, в “эфирном инфоплане”, всё же, оттиснута “теоретическая информация”, прикинул я. А я ни черта не находил.

Впрочем, скорее всего тут вопрос “конфигурации запроса”. Всё же, если Архив был высокоинтеллектуальным терминалом с развитой оболочкой, то местное “сочетание кругов” выходило скорее оболочкой типа ДОС-а. То есть, чтоб что-то найти, нужно знать, что ты ищешь и как это что-то называется.

И, как вариант “на удачу” — нерешаемые задачки “на авось”. Скорее всего, в “экзаменационных задачах” некогда завалилась некая “теорема Ферма”, точнее её аналог, а студиоз взял, да и решил. И, появилась традиция, которой может быть не одна сотня лет, а, возможно, не ограниченная Антом. И, судя по тому, что используется — какие-то положительные результаты были.

Тем временем, экзаменаторы проверили сданные мной решения, ну и ректор огласил:

— Прекрасно, Толмирос. В знаниях ваших мы убедились, осталось практическая составляющая. Вы чародей, так что вам представляется выбор: либо вы должны произвести ряд экспериментов по указанию комиссии, — указал он на лабораторные столы в уголке. — Либо, описать процесс производства названного комиссией устройства.

— Последнее познав через откровение? — уточнил я, на что последовал кивок. — Без нерешённых задач, как с третьим...

— Без, Толмирос, — ухмыльнулся ректор, да и прочие комиссионеры заулыбались.

— Тогда, пожалуй, вариант с описанием, — прикинул я.

На что у меня затребовали описание тех самых, “паровых часов”, столь сильно меня травмировавших в логику. Кстати, никто “выписывать” не потребовал, обошлись “словесным описанием”, правда с уточняющими вопросами.

— Довольно, — через полчаса выдал ректор. — Коллеги, нахожу что знания и навыки данного юноши в науке о физических явлениях достойны звания бакалавра.

— Подтверждаю, — вразнобой отозвалась троица.

— Поздравляю бакалавром, господин Гемин Толмирос, — скупой улыбнулся очкарик.

И, поставив подпись-печать, ускакал с прочими комиссионерами, оставив меня с секретарём.

Последний составил табель, напомнив, что мне “надлежит явиться” в сословную комиссию, для подтверждения статуса.

Кстати, “уволится” из академии я смог посредством того же самого секретаря. Из страшных лаборантов и сотрудников академии он меня вычеркнул по накарябанному мной заявлению, указав что “последующее возможное устройство на службу будет рассматриваться на общих основаниях”.

Не будет, мысленно посулил я, забирая табель. На хрен мне не сдалось тут “служить”, уж в обозримом будущем — точно.

Вообще, оставалось у меня ещё полдня, которые я бы с удовольствием потратил на “бюрократически-сословные” заморочки, но, увы — последний день квинка, так что работали только “проплаченные отдельно”.

Так что направился я домой, попарился и просто отдохнул. И понастальгировал, да и позлопыхал немного... но оборвал деструктивщину, потому как изменить ничего не могу, а мысли “как она могла?!” бредовы, бессмысленны и имеют вполне понятные, хоть и неприятные ответы.

Как “вишенка на торте”, в процессе растопки бани, привлёк меня звонок в калитку. И кого принесло, недоумевал я, бредя к выходу. Где обнаружил я почтового курьера, передавшего мне под подпись телеграмму.

Последние, кстати, были без “тчк” и прочих текстовых красотей — местный телеграф позволял передавать картинку, так что телеграмма была в виде рукописного письма. И, от Залины.

Где знакомая родителей, в весьма холодном тоне, интересовалась, какого я обижаю “бедную девочку”.

Ну вообще бардак, хмыкнул я, подумал, да и засел за составление ответного послания. Можно было, конечно, оставить без ответа... но не хотелось.

Уважаемая госпожа Возер!

Согласно нашей с Вами устной договорённости, я в полной мере воплотил Ваше пожелание. А именно: сожительствовал с Вашей дочерью, имел с ней неоднократное соитие. Более того, Ваша дочь, в процессе сожительства со мной, получила ценнейший опыт встреч с тайным любовником, что, несомненно, поможет ей в дальнейшей семейной жизни со сговоренным господином. Так что, Вашу просьбу я воплотил в полной мере, даже несколько более оговоренного. На заслуженной благодарности от Вас я не настаиваю:

исполнял я Вашу просьбу в знак уважения и благодарности. На этом прощаюсь, с наилучшими пожеланиями Вам и Вашей дочери.

Гемин Толмирос, бакалавр физических наук.

И отправлю телеграммой завтра, хмыкал я, оценивая свою замечательную записулину. И, надеюсь, более о Возерах не услышу.

С этими здравыми мыслями я и заснул. А с утра, позавтракав, отправился штурмовать бастионы бюрократии Анта. И были у меня, невесть с чем связанные, ощущения, что попьют мне кровушку, да мясцом моим подзакусят местные рыцари пера и чернильницы.

Но телеграмму отправил, мимоходом пожалев, что в пуле “прописанных кругов” не было “дальновиденья”. Оченно мне хотелось увидеть физиономию госпожи Залины, по прочтении моего ответа. Не то, чтоб я прям уж совсем на неё злопыхал, но в авторстве, не менее чем наполовину, “мизансцены с рогами”, данной госпожи я был почти уверен. Сопа, при всех её очевидных недостатках, всё же неоднократно повторенное “верность друг другу” помнила, так что вряд ли без “наставляющего влияния” маман на регулярный (или не очень) секс с посторонним бы решилась.

А, возможно, и нет. В общем, пофиг, окончательно заключил я, да и выкинул возеровскую семейку из глаз и ума.

У меня и без них дел хватает, деловито рассуждал я, топая в “бюрократическом центре” к потребной мне конторе.

Первым делом, памятуя прошлые мытарства, я облазил фасад здания. И сделал это не зря: “официальный прейскурант” ускорительных взносов наличествовал, правда, как и в прошлый раз, был стыдливо сныкан в уголке.

При этом, как выяснилось, вопросами “сословного продвижения”, занимался не какой-то отдельный чин, а аж полноценный отдел, из дюжины человек. И “для решения вопроса незамедлительно”, мне пришлось отслушивать аж сто семь ауресов с сестерциями!

И вот, сию я значит, перед начальником отдела, потребляю любезно (и многократно оплачено!) предложенный кофий. Подчинённые этого господина бегают, суетятся, занимаются моим вопросом.

Как вдруг, после шмяканья подчинёнными на стол некой макулатуры, ну и беглого ознакомления с ней, начинает чин на меня хмуриться(!) и прокурорским тоном выдаёт:

— Нарушаем, господин Толмирос?

— Э-э-э... — несколько растерялся я. — Не знаю, господин Агвинс, вам виднее, нарушаете вы, или нет. Я, увы, в данном вопросе некомпетентен, — нашёлся я, с некоторым возмущением взирая на чина.

— Господин Толмирос, вы, согласно отчёту, — потряс бумаженцией чин. — Из налогового департамента благословенного Анта, уже третий месяц как прошли имущественный ценз на пятый класс! Почему же вы не явились, дабы надлежащим образом оформить свой статус?! Прикажете бегать за вами?! А путаница в бухгалтерии?! Вы три месяца! — обвиняюще потряс он бумажкой. — Платите налог шестого класса!

— Да и чёрт с ним, — отмахнулся я, прикидывая.

И выходило, что и вправду “провтыкал” очередной момент, не соотнёс прочитанное, реалии и свой статус. А именно, для пятого класса в охренительно благословенном Анте существовало несколько, взаимозаменяемых цензов. И владение денежной суммой в символические пять тысяч ауресов — было одни из них. То есть, как только дом Брудсен перевёл на мой счёт, точнее “довёл” сумму до нужной величины, я автоматом становился

“пятым”, для чего мне надлежало явиться в контору и всё оформить. Без этого тот же налог, который шестого класса, был несколько выше, как пример.

Ну и, логично, отмахнулся я от этого. Впрочем, на мои слова, чин надулся, очи выпучил, личиком покраснел. И, пусть не оря, но повышенным тоном выдал:

— Благословенный Ант не нуждается в ваших подачках, господин Толмирос! — выдал он. — А вам надлежит заплатить штраф за небрежение, и направить прошение в казначейство о компенсации и возврате налогов! — несколько успокоившись, наставительно воздел перст чин.

— А как-нибудь вычесть из переплаченного налога? — полюбопытствовал я, ответом на что стало неподкупное поматывание чиновными брылями. — Ну хоть как-нибудь решить сейчас вопрос можно? Как я понимаю, сумма переплаченного налога превышает все возможные штрафы?

— Превышает, значительно, господин Толмирос, — кивнул чин и тут же наставительно продолжил. — Но с последствиями вашей безответственности вам надлежит справляться самостоятельно. Это будет надлежащим уроком, что столь высокий класс в благословенном Анте влечёт за собой обязанности, — гадски сморозил очевидную хрень чинуша — обязанности с ростом в чине как раз “уменьшались”.

— Взял бы гонорар, так нет, проценты мне подавай, — в сердцах пробормотал я, прикидывая сколько мне мотаться по чиновным притонам, туда и обратно.

— Погодите, господин Толмирос, погодите, — закопошился в бумагах чин и прокурорски взглянул на меня. — Скажите, вы же издаётесь в печатном доме Брудсен, денежные поступления приходят оттуда? — задал вопрос он, на что я кивнул. — А вы, часом, не издаётесь под псевдонимом Грей Фуллбастер? — засиял на меня очами пожилой дядька, как восторженная гимназистка.

— Издаюсь, — с некоторой надеждой выдал я. — Это чем-то поможет?

— Господин Фуллбастер, позвольте мне выразить бесконечное восхищение вашим талантом! — выдал чин. — Я сам не любитель поэзии, признаюсь честно. Но супруга и дочь — кстати, они в полном восторге от ваших работ — убедили прочесть. Вы несомненный, гениальный талант!

— А как-то, — выразительно помотал я лапкой. — Избавиться от посещения этих почтенных контор это поможет?

— Несомненно, — с жаром заявил чин. — Ваша одаренность господом изумительна, а вы ещё и бакалавр, в столь юном возрасте! Счастлив благословенный Ант, что рождает столь прекрасных людей! — чуть ли не слезу пустил чинуша. — И понятно, что не небрежение, а лишь занятость в трудах привела к сему печальному казусу, — потыкал он перстом в макулатуру. — Всё решим, — посулил он.

И решили, в полчаса, что-то там “подчистив”. А я философски думал, что в популярности что-то есть. Как минимум, чисто практическая польза от “фанатов”.

Фанат, тем временем, извлёк из недр своего стола сборник стихов в “богатом исполнении”, моих и робко попросил:

— Не откажите в чести, господин Фуллбастер, подпишите добрым пожеланием. Жене и дочке, Шелане и Росси, они будут в восторге.

— Не откажу, — покивал я, подписывая, ну и прикидывая, а что ещё полезного можно с текущего казуса поиметь. — Господин Агвинс, скажите, не затруднит ли вас дать небольшую консультацию?

— Для вас — всё что знаю! — выдал чин, прижал к грудке подписанный томик и схоронил его в столе.

— Я, как вы видели, окончил академию, — на что последовал понимающий кивок. — Рассчитываю совершить путешествие по Стегасу, в полгода-год.

— Понимаю, господин Фуллбастер, для вдохновения, — покивал чин.

— Да, для него самого. Так вот, господин Агвинс, я понял, что суета больших городов не для меня. А привлекает меня тишина и природа, где я смогу творить невозбранно, — на что кивок был не менее понимающим. — И вот какой у меня вопрос: сколь осуществимо моё желание, желательнее не совсем отшельником — чтоб пейзажи были в округе, ну и городок какой неподалёку, приобрести что-то вроде поместья?

— Для вашего класса, господин Фуллбастер, более чем возможно, — отвечал чин. — Правда, предложить вам заслуженный четвёртый я, увы не смогу, — развёл он руками. — Ценз, недвижимое имущество. Который вы с лёгкостью пройдёте, осуществляя своё желание.

И выдал мне чин, что “башня чародея” вполне осуществима. Купить землю и строить её я вполне могу, более того, завести что-то вроде “крепостных” — не по закону, а “по факту”, заключив пожизненный контракт с пейзажами из Жопы Мира и перевезя их на свою землю, в округе того же Ньюстада.

Не рабы выйдут, но близко к тому. Блин, замечательная страна, не без иронии отметил я. Впрочем, мне от таких переселенцев понадобится не крепостничество, да и жить они у меня будут получше “стандартных пейзажей”. В общем, можно. Что и неплохо, довольно заключил я, покидая контору официальным пятым классом, свободным как ветер, в рамках сословных ограничений Анта, конечно.

Зашёл в открытую кафешку, немного повеселился и призадумался.

Ну, в принципе, можно на всё “забить” и заняться “башней чародея” уже сейчас. Но, поехать по Миру всё-таки интересно, да и подход “синицы в руках”, в разрезе последних событий, стал несколько коробить.

При этом, вариант со старичком-археологом у меня выходит наиболее интересным. Во-первых, если я отправлюсь “в экспедицию”, то смогу невозбранно покинуть Ант с, например, монетами на руках. Этакая подвешенная позиция, в которой я смогу решать, возвращаться мне или нет, не “принуждённый денежкой”.

Но это скорее как бонус, неважно, насколько востребованный. Описанный чином вариант “барина-учёного” мне в принципе нравился и меня устраивал.

Интересно поархеологичать, посмотреть на “развалины былых эпох”. Интересно посмотреть на страны, а, главное: Лад Висс мог ответить на массу моих вопросов. Будучи историком-археологом, не с точки зрения “машины правды Анта”, а, относительно, “как есть”.

В общем, рассудил я, допивая кофий. Еду в академический квартал, в академию археологических изысканий. Если старичок “нашёл чародея” — то и ладно. А если нет — предложу свои услуги. Займусь интересным делом, реабилитируюсь от “жутких душевных травм”, на последнем я похмыкал, но вообще — ситуация была несколько болезненная.

Ну и информацию получу, а там посмотрим: будет ли “башня чародея” у барина в Анте, в сени раскидистой клюквы. Или на архипелаге каком, или на Готтии, или Воресене том же.

Приняв это разумное решение, я его стал воплощать. Академия Археологии встретила меня читаемыми лекциями, так что я решил подождать в трапезной.

И был приятно удивлён разнообразием студенток. Их было, конечно, не большинство, но примерный паритет выходил. А на фоне всего трёх студенток в физической академии — так вообще цветник, одобрительно похмыкал я, да и стал “сёрфить эфир” под перекус.

Так и досёрфил до окончания лекций, ну и выловил тёзку отца.

— Приветствую, профессор Висс, — перехватил я покидающего аудиторию старичка.

— Приветствую, молодой человек. А что вам угодно? Не припомню вас среди своих студентов, — продемонстрировал дедушка отсутствие Альцгеймера и прочих деменций.

— Гемин Толмирос, бакалавр физики, чародей, профессор, — отрекомендовался я. — Мы имели с вами беседу, по поводу археологических изысканий. И, судя по тому, что я имею честь беседовать с вами — пока вы потребного чародея не нашли.

— Не нашёл, господин бакалавр, в этом случае вы правы, — покивал профессор. — Увы, припомнить вас не могу — я, признаться, довольно долго искал подходящего специалиста, всех не упомяну, — констатировал он. — Вы в курсе довольно ограниченных фондов предстоящего мероприятия? — уточнил он.

— Да, вы профессор, сообщали о прискорбной нехватке средств. Но ныне я совершенно свободен, в деньгах не нуждаюсь, вплоть до того, что готов сам оплачивать своё участие.

— Нехватка фондов не столь велика, господин Толмирос, — аж выпучил очи на меня проф. — Весьма отрадно ваше рвение, но в чём его причина, ответьте, будьте любезны, — задал он в общем-то вполне резонный вопрос.

— У меня профессор, послеэкзаменационное путешествие, — отвечивал я. — Бакалавра я получил буквально на днях. А беседа с вами меня немало заинтересовала, так что почему бы не предпринять путешествие, совмещённое с пользой для науки?

— Хм, похвально и заслуживает уважения, господин Толмирос, — выдал Висс. — И это все причины? — проницательно уставился он на меня.

— Для возможного путешествия — все, — отрезал я. — Впрочем, не скрою, что мне бы было интересно, если это возможно, побеседовать с вами. Меня в некотором роде интересует история, несколько сверх обычной гимназической программы. Несколько праздный, но имеющийся интерес.

— Понятно, господин Толмирос, — протянул проф. — Думаю это возможно, при подготовке, да и во время путешествия. Вы точно решились? — уточнил он, на что я кивнул. — Тогда следуйте за мной, — потопал старичок в недра академии.

По пути бормоча о том, что надо передать лекции, навести справки, оформить и всё такое. Бормотал он безадресно, скорее себе под нос, подтверждая образ “чудака-учёного”. Весьма симпатичного, внутренне улыбнулся я.

И привёл меня Висс в канцелярию, где я вполне реально подал заявление, предъявлял документы и проводил прочие моменты, около получаса, пока не был включён “вольнонаёмным специалистом” в состав археологической экспедиции.

Дедушка, к моменту подписания документов, с облегчением выдохнул. Очевидно, поиски чародея и вправду зашли в тупик, а поспешность моего “окучивания” была вызвана опасением, что я “передумаю”.

После подписания, подхватил меня проф под руку и, на зависть молодым, вприпрыжку утащил в некий кабинет, очевидно — евойный. Где вывалил на меня несколько брошюр и, с надеждой глядя в глаза озвучил:

— Это, господин Толмирос, методологические пособия, наставления и разговорник, — огласил он информацию по поводу осязаемой стопки макулатуры. — Мне понадобится три

дня, на то, чтобы уладить дела в Академии... вы же не передумаете? — на что я помотал головой. — Прекрасно. Так вот, жду вас в этом кабинете через три дня. Будем готовиться к экспедиции. От вас, как я говорил, потребуется только чародейское воздействие, в указанных мной местах, но брошюры, всё-таки, изучите, — веско покивал он. — И будем готовиться к отправлению, заодно, если будут вопросы — сможем ответить я или моя помощница, — пробормотал он.

На этом мы и распрощались. А я, снабжённый кипой руководств и наставлений, двинулся домой.

Где с интересом стал читать, и начитал такие любопытные факты:

Итак, центральный Воресен, где нам предстояло археоложить, был чередой степей и джунглей, что я, собственно, знал из учебника географии. Однако например, выяснилось, что джунгли несколько отличаются от надуманного мной. То есть, описываемые тварюшки, гадкие и не очень, были в изобилии. Но далеко не столь обширном, как известные мне описания Мира Земли, да и натурно знакомых субтропиках Земного Края.

Впрочем, последние вообще не стоило ни с чем сравнивать — флора и фауна Мира с бушующем и проявленном в материи эфирным фоном в принципе была “ненормальной” для чисто материального Мира.

Так вот, были хищники, были съедобные и даже ядовитые тварюшки. Но насекомых-паразитов не описывалось, хотя указывались какие-то совершенно лютые муравьи или термиты, нескольких типов и видов, “смертельно опасные”, но не ядами, а количеством.

И флора, пусть и разнообразная, была довольно скудна, для моего представления “джунгли” уж точно.

Что меня несколько не расстраивало, если честно. Хотя, может быть, описание неполное, но меня и так всё устраивает, отметил я.

Так вот, помимо флоры и фауны описывались государства и аборигены Воресена. И выходила такая петрушка: государства, если их так можно было назвать, были небольшими, не более ста тысяч человек, объединениями поселений или небольших городков вдоль побережья и, частично, вдоль рек, не слишком “углубляясь” в континент. А внутри континента жили... ну можно сказать что и дикари, а можно так и не говорить. Описывались аборигены как этакие “пейзане-охотники”, жившие небольшими деревеньками, подчас городками. А сам материк толком выходил никому и не нужен — проблемы местных с малодетностью, непригодность для сельского хозяйства джунглетепной полосы, масса факторов, оставила центральные части местным. То есть, некое колониальное влияние Готтия и Ниль имели на побережье и севере материка, а в описанных местах местным жить никто не мешал. И они не мешали, дикарствуя себе потихоньку.

При том, описывались городки до десятка тысяч человек, этакие то ли полисы, то ли “торгово-производственные центры” для массы деревенок-племён. На последние некое “влияние” “цивилизованных стран” распространялось, но весьма условно. То есть, не совсем и дикари, если прикинуть, но государства как факта нет, а племена, как этакие “дети природы” точно есть. В общем, любопытное место, в котором местные описывались как довольно неагрессивные и симпатичные люди, в отличие от довольно человеколюбивой фауны.

Язык местные имели довольно “упрощённый” судя по разговорнику, но последний, похоже, был и не особо нужен. Общие корни языков Стегаса отчётливо проступали, так что даже гимназических знаний языков хватало, для создания “аналогичного разговорника”.

Ну, интересно, посмотрю не без удовольствия, констатировал я. А на следующий день выдвинулся в лавки. Для начала — в оружейную, где, убедившись что я “право имею” и выслушав “экспедиция в центральный Воресен” продавец, важно кивнув, притаранил мне... натурального “пустынного орла”!

Ну реально, жуткий калибр, дюжина патронов, в магазине который рука то с трудом охватывала. И даже держа эту жуть двумя руками, убиться отдачей — милое дело, отметил я.

— Любезный, и как я из ЭТОГО буду стрелять? — не без ехидства уточнил я.

— Метко? — недоумённо выдал продавец. — Вас не устраивает укороченный карабин? Могу подобрать что-то потяжелее, но вы же, вроде бы, не хотели охотничье оружие?

— Охотничьего не надо, — несколько растерянно отметил я “карабин”. — А продемонстрируйте мне аксессуары к нему.

И да, хорошо что я не блистал специализмом. Передо мной был не “пистолет”, из которого выстрелить можно разочек, а потом приходиться в себя десяток секунд, трясая отбитыми ладонями. Это был именно карабин, с довольно практичной кобурой-прикладом, навинчиваемый стволом — при желании, да даже сносным четырёхкратным оптическим прицелом.

То есть, не сказать чтобы удобное именно для охоты, но весьма практичное для “джунглевания” и “степнования” оружие, окончательно признал я, опробовав “Рассен”, как назывался карабин на стрельбище.

А вот “джунглевого обмундирования” не нашлось, как и буклеты рекомендаций подобного не содержали.

Но карабин я и судя по буклетам, да и логике, взял не зря, рассудил я. А вот пистолетик, в рамках владения эфира, выходит не особо и нужен, думал я, засыпая. Впрочем, завтра разберёмся, да и со спутниками познакомлюсь.

12. Познавательное плавание

Явившись в кабинет Висса по утрам, я застал сакраментальный “пожар, во время наводнения, в борделе”. Образу последнего немало способствовали суетящиеся студентки, пребывающие в данном кабинете в явном гендерном большинстве, с какими-то листками, кисточками, фиגнюшками и прочими атрибутами высокой науки.

Над всем этим хаосом, с улыбкой доброго боженьки, пребывал Висс, впрочем, временами, испуганно выпучивающий очи и ускакивающий по каким-то забытым делам, с неподобающей божеству поспешностью.

Всё это выглядело как занимательно, так и забавно, так что, около часа, я просто приткнулся в уголок, наблюдая за всей этой суетой и получая созерцательно-акустическое удовольствие.

Сам дедуля меня увидел, улыбнулся, кивнул, но своих важных дел не прервал.

Вот только через час, пусть и весьма забавное зрелище и слушание, но всё же стало надоедать, так что заподпрыгивал я, да и уворачиваясь от всяческой студенческой братии (точнее сестрии, из мужского полу в кабинете, кроме нас с профессором, пребывало всего три рыла, против не менее десятка дам-с) подобрался к профу.

— Приветствую, приветствую, господин Толмирос, рад вас видеть, — поручкался со мной Висс. — У нас сейчас активные сборы, а вы... Хотели просветится в тонкости нашего путешествия? — слегка нахмурился, припоминая, он.

— Вообще, скорее в тонкости истории, — уточнил я. — И Гемин, профессор, по имени вполне уместно.

— Как скажете, Гемин, как скажете, — покивал проф, явив уже подмеченную привычку “повторять”. — Я с вами побеседовать до обеда не смогу, увы, дела, — понятно обвёл он рукой “пожаро-наводно-бордельность” кабинета. — Но... Асини, девочка моя, подойди! — заголосил он.

Этот призыв возымел действие, и через несколько секунд материализовал перед нами даму, на вид лет тридцати, несколько взмыленную, как, впрочем, и все окружающие, кроме ленивого меня.

— Да, профессор, у вас какие-то уточнения? — вопросительно уставилась она на профа.

— Нет, Асини, познакомься: Гемин Толмирос, бакалавр, по-моему, физики, наш чародей в экспедиции, — потыкал в меня перстом Висс. — Асини Кнетос, бакалавр археологии, моя незаменимая помощница, — отрекомендовал он мне даму. — Асини, будь любезна, ответь на вопросы господина Гемина, — выдал он. — Сам я несколько занят, а ты, всё что нужно, вроде бы записала.

— Не всё, профессор, но... как скажете, — вздохнула она, не слишком довольна оставившись на меня.

— Ну не здесь же, госпожа Кнетос, — резонно уточнил я, ловко уворачиваясь от некоего тубуса, явно с убийственной целью метившего мне в морду лица. — Как вы смотрите на кафе? Я признаться ещё не завтракал.

— Не слишком положительно, господин Толмирос, — так и пылала радушием и готовностью просветить меня дама. — Но указание профессора... Пойдёмте, — закончила она таким тоном, как будто я её не расспрашивать хотел, а скушать в ентом самом кафе.

Впрочем, приведённая в общепит дама, зажевав некую сдобу, несколько утратила в недовольстве. Неопровержимо подтвердив, что в межличностных отношениях любого толка и вида помогает не только религия, но и кондитерские изделия.

И даже соизволила перейти на “по именам” и разговорилась, по мере нашей беседы. И, к обеду, направляясь в академию, мы шли если не приятелями, то довольно благожелательно общающимися личностями.

А я за эти несколько часов получил массу весьма небезынтересной информации.

Для начала — о составе пресловутой экспедиции. В путь, помимо нахрен не нужного профессора и чертовски нужного меня, направлялась моя собеседница (приглядывать за профом), ну и пара из суеящихся в профессорском кабинете парней: оба, кстати, бакалавры, рассчитывающие почерпнуть в процессе “исследования руин неизвестной цивилизации” материал на магистерскую работу. Некие Вермин и Жозе Сафос, что забавно — родственники, но не близкие. На большой персонал фондов банально не хватало, и так маршрут экспедиции был довольно “кривоват”, в силу их недостаточности.

Что было вторым направлением рассказа, а именно “маршрут”. О фрахте судна, в условиях ограниченных финансов, речи не шло. Добираться нам до Воресена надлежало на “попутке”, которую уже определили и даже заключили предварительные договорённости телеграммой.

Итак, в прибрежном городе Капша мы садимся на гуэзское (обитатели юго-запада Нила) судно Аргент. Судно сие не столько пассажирское, сколько грузовое, что нам, как выяснилось, и надо. Так вот, грузимся мы на него, оно заходит в портовый город Сконе, как я помнил по географии — весьма важный торговый порт. Там Аргент грузится, и оттуда уже двигает к Воресену. Достигает нашей цели: довольно крупный городок Карассис, на восточном побережье. А уже там мы выгружаемся и, по Жёлтой реке (так и называлась, наводя на очевидные параллели), движем вглубь материка, к нашей цели.

Время морского путешествия, со старта в Капше, с учётом загрузки, займёт от тридцати до сорока дней.

Вообще, собеседница оказалась “матёрой путешественницей” и на прямой вопрос выдала:

— Конечно, Гемин, я бывала в Воресене, и не раз. Правда, в северной части — на что я понимающе покивал. — Центральная и Южная части считалась бесперспективной для археологии.

— А где ещё вы были, Асини? — с закономерным интересом полюбопытствовал я.

— За исключением Анта — только север Воресена. С островитянами у нас, — слегка поморщилась она. — Не лучшие отношения, в западном Ниле — свои учёные, к нашим изысканиям там относятся не намного лучше обитателей Архипелага.

— Понятно, — понял я. — А что вы можете рассказать о джунглях, их особенностях и опасностях? — уточнил я.

— Так вам же выдавал проспекты профессор, Гемин, — с недоумением уставилась на меня собеседница.

— И там указаны все особенности? — со скепсисом уставился я на собеседницу.

И как выяснилось — зря. Со слов Асини, буклеты скорее “сгущали краски”, нежели недоговаривали. Не так много хищников, хотя они и неприятные. Те же “лютые муравьи” — вполне сезонное и предсказуемое явление, если не садится голой жопой на муравейник. И не голой тоже.

— В центральных частях Воресена, я, конечно, не бывала, Гемин, но не думаю что джунгли сильно отличаются. Пустыни гораздо опаснее, — веско выдала она. — Но нам они не встретятся. Так что ваше беспокойство, особенно учитывая, что вы чародей, — с некоторым ехидством усталилась она на меня, — явно излишне.

— Лучше излишне беспокоится и быть готовым к возможным неприятностям, — отпарировал я. — Чем беспечно махнуть рукой, ну и загубить дело, а то и самим погибнуть.

— Тоже верно, — не могла не согласиться собеседница, несколько подутратив в ехидстве.

А вообще, прикидывал я, как бы не дело рук возвысителя, этот местный джунглевый биоценоз. Да, водятся всякие там хищные кошачьи, рептилии, но лютого раздолья человеколюбивой пакости явно нет. Обстановка “недружественная”, но до лютого звиздеца мне известных тропиков не дотягивает. Хотя, в тропиках попуасии жили как-то... Впрочем, учитывая среднюю продолжительность жизни, лет в двадцать с хвостом — “как-то” было ключевым словом.

Вернулись мы с Асини в академию, где проф с ордой помощников перекусил, да и вновь запустил “режим полыхания подводного борделя”.

А я понял, что ближайшие три дня, по большому счёту, мне тут делать нечего. Подготовка к экспедиции заключалась в сборе литературы, инструментов, да даже каких-то реагентов. Кто будет “копать” на месте — чёрт знает, закрадывается подозрение, что я.

А главное: чёрта с два я из кого-нибудь на интересующие меня вопросы вытрясу ответы. Как минимум, это выходит просто не слишком красиво: отвлекать, очевидно занятых людей, с которыми в самом неудачном раскладе проведу четверть года.

Так что, подумал я, уведомил профа, что буду “перед отъездом”, уточнил, не нужно прикупить каких “москитных сеток и мачетов”, был уверен что нет, да и свалил домой. И “законсервировать” дом и барахло, да и “посёрфить эфир” в интересующих меня моментах.

С первым проблем не возникло, заняло это полдня. А вот с эфирным поиском вышла предполагаемая... ну не совсем фигня. Но близко к тому: круг “поиска” на “неоформленный запрос” реагировал через раз, да и через задницу, прямо скажем.

В общем, ни черта я в обозримом не нашёл, на данном этапе, ни “теоретической информации”, ни причины “одарённости неицированных”.

Вообще, руки чесались сформировать в темноте круги Архива, благо, помнил я их прекрасно. Фактически, самое часто применяемое Отмороженным заклятье, да ещё пристально изучаемое и неоднократно модернизированное.

Но, во-первых, делать этого в Нюстаде не хотелось, по понятным причинам.

А, во-вторых, были у меня обоснованные сомнения. Итак, Архив, запущенный магом Земного Края, задействовал мозг и душу мага как сопроцессор, выполняющий большую часть вычислений. При этом, поисковые запросы он выполнял в “близлежащем эфирном плане”. То есть, информации из Мира Звёздных Духов, плане вполне Земному Краю смежном, Архивом было не вытянуть.

Соответственно, весьма велика вероятность, что в месте локализации “меня во тьме”, Архив окажется просто “компом без сети”, вычислителем, с кучей измерительных приборов, которыми и измерять-то нечего. И непонятно даже, как он будет со мной коммутировать.

Единственное что хорошо: работать “в темноте” он будет точно. Потому что “темнота” — эфирный план, это точно и экспериментально подтверждено. Соответственно, любое заклятье, **ВООБЩЕ** любое, там осуществимо. Потому что вопроса “пропускной

способности” и количества эфира не стоит, как факта. Там везде эфир, причём в локальном окружении — вполне подвластный моей воле.

В общем — посмотрим. Кстати, даже если “сёрфить” Архивом не выйдет, я получу замечательную, привязанную к душе, записную книжку: архив, в прямом смысле этого слова. В общем, бесполезно, но разбираться буду уже, очевидно, на судне.

Оставшееся до “старта экспедиции” время я провёл в “подготовке боевого чародея”. И получил, напитывая “собой в темноте” стандартные круги, ряд ответов на свои вопросы. Ну и ещё больше вопросов, что скорее порадовало.

Итак, выяснилась совершенно бредовая вещь: круг “нагрева” работал у меня как положено, но, на фоне остальных кругов — относительно медленно и хреново. При этом, когда я, эксперимента ради, запустил этот круг с желанием “охладить”, в обход ассоциативных цепочек и с накачкой эфира — он охладил. Да, в тех же семи с копейками метрах, но он именно морозил. Понизил температуру ведра с водой где-то до минус ста, за секунду, чуть не вырубив меня головной болью. Всё же, видимо, “нейронная сеть” была не только целеуказателем, но и, в некоторой своей части, посредником. Так что такими экспериментами “в материи” можно и лишиться возможности в ней чародействовать, с некоторой опаской отметил я.

Температура “ледяного ведра” определяется экспериментально: тонкая жёсть сосуда покрылась трещинами от лёгкого пинка. Минус сотня, а то и ниже, хотя измерительные инструменты не помешали бы.

И да, пусть в локальном пространстве это делало меня почти магом... но какого чёрта “термодинамическая остановка”? Свойство, впечатанное “в душу”? Отзывчивость эфира, а я “Отмороз” не только в шутку, а по сути?

В общем, вопросов уйма, хотя “созидания”, как магии, ни местные круги не подразумевали, ни мои осторожные “пожелалки”, на их основе, не воплотитли.

Тем не менее, помимо ярко выраженной “склонности”, всего за два дня подобных экспериментов я наткнулся на ответ вопроса “что есть одарённость”, с высокой достоверностью.

Началось это с того, что чистя бивни перед зеркалом, вечером первого дня “отмороженных тренировок”, я взгляделся в свою морду лица и несколько... опешил. Я был не сказать, чтоб вот совсем сильно, но очевидно и заметно бледнее себя с утра. Пристальный осмотр себя в зеркале вообще несколько напряг: вокруг зрачка серых глаз появилась почти незаметная полоска неоново-голубого цвета.

А с утра я отметил явно выросшую резистентность к снегу и напрягся не на шутку: меня “подгоняло”, очевидно, эфиром, к “шаблону” отмороженного.

Но его видок, прямо скажем, в местном приличном обществе не слишком придётся ко двору: молочно белая кожа, почти светящиеся бирюзово-голубым глаза, про остальные “невинные” побочки, типа триблюминисцентного “парения” лучше и не говорить.

И блин, невзирая на ряд не самых приятных воспоминаний, мне угодна баня! А Отмороженный возможности попарится был лишён, горячий пар вызывал неконтролируемую панику и рефлекторное вымораживание округи нахрен.

Впрочем, пристальная слежка за собой, в процессе экспериментов, в течении следующего дня, меня успокоила. Ну и как раз дала ответ на вопрос, не без того.

Итак, изменения во внешности давал эфир, это логично и понятно, особенно учитывая “головную боль” и явную, пусть и ограниченную “сеткой и эпифизом” связь “тело-эфирный

план”.

Однако, “эфиризация” Замороженного Мира была прямо скажем, невелика. И эфир, очевидно, воздействовал не “напрямую”, как в Земном Крае, создавая из человека полуэфирную тварь, а непосредственно на тело и плоть.

И делал это не абы как, а в рамках законов “материального мира”, в чём я убедился, обзаведясь на время шикарным, пурпурно-свекольным румянцем на все щёки.

Так вот, очевидно, даже неосознанно, эфир в тело определённые корректировки вносит, причём “суперские” способности вполне соответствуют человеческим желаниям. Ну и желавший “быстрее думать”, “больнее пинаться”, “лучшее видеть” чародей, за несколько лет вносил ощутимые изменения не только в фенотип, но и генотип. А “материальная природа” закрепляла активацию механизма на некий биологический триггер, пубертат же, в который “всплывает одарённость” — наиболее удобен. Вопрос “одарённости знаниями” — сложнее, но, подозреваю, это такая “частичная инициация”, интуитивное считывание информации на “воле-желании”, без кругов.

Мои же “побледнения, синения очами и хладостойкость” — полуосознанное желание “меня во тьме”. Как выяснилось — вполне контролируемое сознательно.

Вот только с “вымораживанием” затык. Сколько я не пыжился — вымораживать было проще, удобнее, “органичнее”, чем любое другое воздействие.

Впрочем, мне это скорее комфортно, если разобраться, уже засыпая, подумал я.

На следующий день я замкнул домик, посмотрел на него прощальным взглядом, да и потопал в академический квартал. С собой я, по здравому размышлению, взял только тройку комплектов одежды, ну и “Росси”, само собой.

До Воресена ещё чёрт знает сколько времени, по пути встретятся не один и не два портовых города — и нахрена мне с собой таскать баулы, с тем, что не факт, что пригодиться?

Кабинет профа выгодно отличался (хотя вопрос вкуса) от предыдущего бардака. Вся четвёрка присутствовала, а сам Висс осветился вполне “уляновской” улыбкой.

— А вот и вы, Гемин, прекрасно, — обозначил он, что даже в бардаке беспокоился о срыве экспедиции. — Здравствуйте, кстати. Сейчас заедем в министерство, ну и на поезд до Капши, через сутки уже будем на корабле, — радостно потёр он ладошки.

— Министерство? — приподнял бровь я.

— Собеседование, чистая формальность, — отмахнулся проф.

У академии нас ждал мобиль, как выяснилось — багаж уже на вокзале. Я хотя бы познакомился с нашими спутниками — Вермином и Жозе, по представлению оказавшимися двоюродными дядюшкой и племянником, что, учитывая их примерно одинаковый возраст, было довольно забавно.

Собеседование же в министерстве оказалось “формальностью”. Вот только с чародейской проверкой правдивости, на которую я честно соврал, что “жить не могу без благословенного Анта” и в остальном врал тоже.

Кстати, только там я получил, как оказалось, необходимую бумаженцию.

Дело, как мне объяснили уже в поезде, было вот в чём: “аурес”, как денежная единица, выраженная золотом, “сестерций” — серебром, ну и “палладис” — как не удивительно, палладием, было понятием, да и предметом “международным”. Палладий, кстати, был вполне востребованным и ценным, в рамках “эфирных технологий”, металлом.

В общем-то, я наткнулся на это в “импортных романах”, но ожидаемо предполагал, что это “просто название”.

Но, оказалось, что металлическая монета вполне международна и взаимозаменяема. А вот монетарная политика Анта заставляет задуматься — то, что “за бугор” не идут необеспеченные деньги — факт. Но вот внутри страны... Хотя, инфляции нет, так что пофиг, отмахнулся я от “власти всё скрывают”.

Так вот, обменивать ассигнации на монеты, по “твёрдому курсу и в больших объемах” можно только с визой министерства иностранных дел. Без него — либо грабительский обмен с возможностью быть “кинутым” с рук, либо обмен ассигнаций в забугорье, что сходу отнимало половину стоимости.

С межбанковскими “переводами” в виде чеков, дисконта, вроде бы и не было, но таковой чек ГосБанк Анта также предоставлял лишь с визой.

А прочие банки Анта “международных чеков” не предоставляли вообще.

Впрочем, причину я, кажется, понимаю, а детали выяснятся в поездке, рассудил я. В поезде, кстати, со мной наконец побеседовали. Было довольно сложно свести разговор об археологии и истории к “текущим реалиям”, точнее, вывести последние из истории, но я, в общих чертах, справился.

Понятно, что задавать вопрос “а что у сволочей импортных творится на самом деле, а не что нам в пропаганде врут?” было несколько нелюбезно.

И разговор вращался, на данном этапе, вокруг Ниля, ну и выходило, что мои предположения, основанные на романах, близки к истине. Больше буржуи, нежели сословные служаки. Более того, проф описывал такой казус, что пейзаюне Ниля — чуть ли не привилегированное сословие, точнее — фермеры. Или йомены, вольные землевладельцы короче. А низшее — городские трудяги.

По моему — либо лукавил, либо сам толком не знал. Ну или сельскохозяйственная техника вне Анта на порядок продвинутее: сколь бы ты не был “йоменом”, сколь бы относительно плодородной не была земля, но пахать-то её надо. И, либо ты имеешь высокопроизводительную технику, которой на Стегасе вроде как нет, либо пашущих в поте лица подчинённых. Которые и выходят пейзаюне, а никак не землевладельцы, которые становятся и вправду “привилегированными” — помещиками.

Но, тем не менее, беседа была небезынтересна, изобиловала “историческими байками” и курьёзами.

Сам я больше молчал и слушал — открывать свою поэтическую инкогниту я находил нецелесообразным, а анекдот про кота Шредингера, демона Максвелла и чайник Рассела собеседники бы не оценили. Дикари-с, мдя.

Единственное что я реально уточнил, это “обмундирование пребывания” в джунглях. Кстати, на этом вопросе “дядюшка с племянником” тоже насторожили уши — в археологических экспедициях они бывали, но либо в Анте, либо на том же севере Воресена, так что были “пустынниками”.

— Обычная одежда, для леса, охотничий костюм вполне подойдет, — был ответ профа. — Правда облегчённый, в джунглях жарко и влажно, — признал он. — Но это мы приобретём в Карассисе, как и найём рабочих и проводников.

И тут выяснился не самый меня успокаивающий, хотя в целом объяснимый факт: экспедиций, как таковых, в центральный Воресен просто... не было. Были торговые караваны, местные и не очень, а вот в плане “научных изысканий” археологического типа —

мы первопроходцы. Впрочем, проф не напрягался, да и я, подумав, успокоился — использование меня, как шанцевого инструмента не предполагалось.

То есть, возможно, придётся — но вынужденно, а не по “коварному умыслу зловредного начальника экспедиции”.

С утра, перед прибытием поезда, я уточнил, а что, собственно, кроме банка нужно? Плавание займёт не менее месяца, может там лимонов каких, или шоколада?

На что был просвящён, что Аргент — судно сухогрузное, торговое. Задерживаться, кроме Сконе нигде не будет, но остановки по дню — то ли четыре, то ли пять по маршруту. В общем, неделя в море максимум, а дальних переходов по нашему маршруту не будет, исключительно прибрежное плавание. Так что шоколад или выпивка — на моё усмотрение, а лимонами нас обеспечат.

Ну и прибыл поезд благополучно в Капшу. Город оказался чертовски “портовым”: располагался подковой вдоль залива. Собственно, даже портовое управление и администрация города — были одним комплексом зданий. Куда, кстати, наша компания после выгрузки багажа и направилась. А Висс, к моему удивлению, получил грузо-пассажирский мобиль — что-то вроде микроавтобуса с основательным багажником. Как выяснилось, это наш “экспедиционный транспорт”, который поедет с грузом и нами “до места”.

Ну, в принципе, учитывая морские перевозки и стоимость мобилей — даже оправданно, прикинул я.

И пару часов мы потратили на вокзале, где грузчики, под очень матерные (смотрящиеся довольно забавно) тирады Висса и не очень матерные — остальных, крепили груз в багажнике.

И, наконец, уже в полдень, мы закатали мобиль на Аргент. Последний оказался таким стометровым сухогрузом, без какого-бы то ни было парусного вооружения. Предполагаю — на всё той же, ртутно-паровой турбине, судя по отсутствию заметных труб.

Мобиль загнали в трюм, принайтывали, за чем присматривал капитан и старпом судна — вот честно, тощие, высокие, гладковыбритые, причём с горбатыми носами — немцы-перцы, как они есть.

Капитан обзывался Антонио Гуарко, а старпом Бернабо Адроно.

Выделили нам три каюты, одну из которых заняли родственники, одну — Асини, ну и нам с профом досталась последняя. Я бы предпочёл, чтоб помощница пребывала с профом, ну или, на крайний случай, со мной — всё же месячное плавание. Однако, было как было, ныть на тему смены конфигурации было нелюбезно, так что мне оставалось только надеяться, что проф не храпит.

— Гемин, рекомендую приобрести вам лекарство от морской болезни, — в спину выдал мне распаковывающийся старичок. — Вы, кажется, не бывали в море?

— Не вполне... на реке, приобрету, — чуть не “спалился” я.

Отмороженный-то на море плавал (ходить у него не выходило, видно не хватало чего-то: порока мозга, например), да и проблем с вестибулярным аппаратом не наблюдалось. Однако, даже тело-то не его, так что лекарство не помешает. И, наверное, шоколад и несколько бутылок спиртного возьму, прикидывал я. Не пропадут, а пригодиться могут.

В общем, в отделении Антского Государственного я без труда получил “дорожные чеки” и даже тысячу ауресов наличными. Точнее, десять монет-палладисов, думаю, разменяю их у каких-нибудь импортных сволочей.

Закупился сигарилами, взял килограмм шоколада, ну и по паре бутылок относительно сносного пойла — эквивалента рома и коньяка. Мне пойдёт в чай и кофий, а может и как подарок или “жидкая валюта” сгодиться.

И заскочил в аптеку, где первый раз “по делу” использовал “чародейский полиграф”. Дело в том, что, очевидно, из-за “портовости” города, потребных мне таблеток от укучивания оказалось с полсотни видов. От рыжего стекла бутылочки с пилюлями “отечественного производителя”, до пестрящих разными красками порождений всяких буржуев. Причём, точно сволочей: на большей части упаковок были изображены голые бабы, с молочными железами столь грандиозных размеров, что быть чем-то иным, кроме как злокачественной опухолью они не могли. И пофиг, что иммунитет человека Стегаса избавлял от онкологии! Сисяндры, весом в треть всей бабы — опухоль, и точка! А сволочи импортные непременно хотят меня отравить и заразить, да.

Впрочем, смех-смехом, но вопрос назрел актуальный — покупать-то что? А то, если брать всё — так реально помру от таблеток. Ну и аптекарь, с улыбочкой акулы капитализма, “порекомендовал” мне самую яркую упаковку, на которой была самая сисястая баба. И, естественно, самую дорогую. Правда сомнение в действенности данных “чудесных пилюль” читалось на аптекарской роже даже без чародейства. Так что пришлось потратить четверть часа, чтоб купить самые надёжные, безопасные и действенные. Кстати, не “отечественные”, но уж точно не “сиськобабские” — металлическая баночка с какого-то из островов Архипелага.

И вот, на этом жреце маркетинга, я “круг правды” и тренировал. Очень вышло познавательно, эффективно, а физиономия, обманутая в лучших ожиданиях — приятно порадовала доброго меня.

Вернувшись на судно, поужинав, чем кок послал (вполне сносно, нужно отметить), я завалился на кровать-диванчик, да и пообщался с профом о истории и археологии. Последний читал что-то, но, очевидно, потребность “делиться знаниями” была у деда уже “органической”. Так что засыпали мы вполне довольные, я накапливающийся “информационной базой”, а проф — прочитанной лекцией.

А, на рассвете Аргент отдал концы, ничего не поднял, ну и принялся бороздить седую равнину моря, припорошенную ледяными обломками.

Бодрый я, выскочил на палубу размяться, ну и с совсем уж бодрым воплем “Холодно, женщина оказывающая интимные услуги за деньги!” влетел обратно в нашу каюту. Скорость у судна была немалой, а воздух был минусовым, над толком не замёрзшим морем... В общем, именно так и именно то, как я бодро огласил.

Так что разминался я ограниченно, в каюте, под одобрительным “ульяновским прищуром” Висса. Вот прям так и ждал какого-нибудь “прогрессивного” высказывания, но, к счастью, не дождался.

И, помимо бесед, перекусов и прочего, наконец, активировал я круги Архива “в темноте”. Вышло, что в своих предположениях, я прав, по многим пунктам. То есть, “сёрфить Архивом” в местной “темноте” оказалось просто нечего. Аккуратные попытки не привели ни к чему: инструменты поиска банально не выявляли информации. При этом, он прекрасно “мыслеуправлялся” и считывал образы “в моей голове”, направляя их в “свою” память. То есть, я начал копировать круги и технологии в память Архива, где они вполне успешно хранились. Была у меня мысль, накопить побольше кругов и технологических цепочек, после чего запустить встроенные инструменты анализа Архива. С кругами Земного

Края толком ничего не вышло — Архив интерпретировал их “как есть”, а вот тут — может и сработает.

Так я и провёл три дня, до прибытия в порт Сконе. Кстати, город был первый увиденный мной в Стегасе мегаполис “классический”. Население приближалось к полутора миллионам, собственно, можно сказать что это были “врата” северного и центрального Ниля на пути в Воресен и Готтию.

И, даже на первый взгляд, был это “город контрастов”. Круг дальновидения, аналог подзорной трубы, явил как весьма вычурный и богатый “центр”, натурально поблескивающий на зимнем солнце позолотой чего-то там.

Так и откровенные, вот прям “трущёбы-трусеебы”, окраин. Вот при всех претензиях к Анту, в пусть и не морозном, но зимнем городе, чтоб жители грелись у каких-то костров на улице, причём не единично а массово...

Впрочем, посмотрим, заключил я. Аргент должен был загружаться пару суток, спутники мои, насколько я понял, к “туризму” желания не проявляли, ну а мне было как интересно, так и имел я желание прикупить литературы и прессы.

Понаблюдал я за началом погрузки — очень уж клешня парового крана впечатляла, как, с одной стороны, “паропанковскстью”, так и весьма высокой точностью и производительностью. Ну и потопал я к сходням, будучи остановлен окликом старпома:

— Господин Толмирос, вы в город?

— Ну не купаться же, господин Адроно, холодновато нынче, — отвечивал я.

— Холодновато, вы правы, — оценил горбонос мою шутку юмора подёргиванием края рта. — Хочу вас предупредить, что Сконе — не антский город, — на что я соорил соответствующую, в стиле “ну чего ты мне ещё расскажешь?”, физиономию. — Точнее так, господин Толмирос. В Капше я отпускаю матросов по одному. Я знаю, что они напьются, как сволочи. Возможно — будут оштрафованы, зачастую — избиты, но вернуться на Аргент. А в Сконе я отпускаю их только вахтами, чтобы присматривали друг за другом. Вы меня понимаете?

— Вполне понимаю, господин старший помощник и благодарю за предупреждение, — кивнул я. — Только я — чародей.

— Это прекрасно, но всё равно, постарайтесь быть осторожнее. Потеря пассажира негативно скажется на репутации Аргента, даже если это будет не по нашей вине.

— Постараюсь не нанести репутации серьёзного ущерба, — хмыкнул я и потопал по сходням.

По причалу сновали занятые делом человеки, а мой путь лежал к замеченной дальновидением этакой палатке, с надписью “Пресса, Новости, Путеводители”.

Достигнув её, я приобрёл несколько газет — для ознакомления и статистики, ну и довольно пухлый буклет-путеводитель. С борделями, кабаками, но даже “публичной библиотекой” и “драматическим театром”.

Но вообще, мне надо было просто в “чистый город”. Нужна была мне букинистическая лавка посolidнее, где я рассчитывал закупиться “местным вариантом” истории и миропонимания.

К сожалению, в обозримом пространстве никаких наёмных мобилей или даже извозчиков не наблюдалось. А “основная магистраль” шла вдоль причала, делая крюк почти в три километра, судя по карте. А вот проход мимо складов был, так что я серьёзно задумался, да и потопал “коротким путём”.

Не по глупости: предупреждение старпома я помнил, да и сам понимал, что в подобном городе криминал процветает. А с целью, если не повезёт криминалу нарваться на меня, “опробовать наработки”. Росси, в качестве подстраховки, висел у пояса, а мне нужно было проверить “наработки боевого чародея”.

И прямо скажем, “каменные джунгли” виделись мне несколько более подходящим тестовым полигоном, нежели живые. Как-то, какому-нибудь парду или крокодилу “зубы не заговоришь”, сожрёт, паразит такой.

В общем, активировал я чародейские круги наблюдения, ну и бодро потопал меж складов, сверяясь с путеводителем.

И криминал меня поджидал... вот только выпал я от него в осадок: ко мне подсеменила четвёрка детей, лет десяти, не более, и... предложили, чтоб их, интимные услуги! Тощие, замызганные, в обносках. Два пацана и две девчёнки, “Любой из нас, мистер, или все вместе, тут за складом”.

Вот просто пиздец, фигел я, осмотрел округу “радаром”, никого не заметил и призадумался.

Дело в том, что в Анте, при всех прочих равных, к детям был естественный пиетет. Не запредельный, безусловно, но до дюжины лет коитус — нонсенс, такого любителя реально “забили бы общественным мнением насмерть”.

А тут... мдя. Вопрос ведь не в самих карапузах, а в явно “привычном промысле”, попытке “выглядеть соблазнительнее” от которой хотелось плакать, ну и реально голодному блеску в глазах.

В общем, прикинул я, подозвал их, да и высыпал все имеющиеся у меня сестерции. Да, возможно им это не поможет и прочее — но хоть поедят нормально, им явно не помешает. А остальное — прямо скажем, дело Замороженного Мира а не моё. Было бы такое в Анте — я бы подумал, но в Анте такого не было, деть их некуда, так что дать денег — это всё что я мог.

Молча помотав головой на предложение “отблагодарить щедрого мистера” я хмуро потопал дальше.

Ну и через полкилометра нарвался уже на “реальный” криминал.

Пятёрка неизвестных шла за мной, пока парочка не припустила вперёд, прикрытая складом, ну и выскочила относительно неподалёку от меня. Задние товарищи “подтягивались”, блокируя “путь отступления”.

Парочка передо мной была явно “не истощена”. Но, при этом, явно “злоупотребляла”, судя по помятым рожам. Тип постарше, кстати, был помят посильнее, причём в самом прямом смысле слова — рожу ему некогда знатно поломало.

— Мистер, оставляй кошелёк и одежду, — наставил на меня какое-то стреляло “мятый” и заорал.

Палец на спусковом крючке проморозило до ладони, а встряхивание рукой этот палец с пистолетом от грабителя и отделило. С воплем “братва, чародей!”, под подвывания мятого и девятипалого, грабители рванули вдаль.

Преследовать я их, безусловно, не стал. Правда отметил в убегающей “задней” троице одного из... “услужливых” карапузов. Вот реально, надо было отвести за угол, да и выпороть как следует, праведно возмутился я, да и забил. А сам побрёл дальше по маршруту, прикидывая результаты теста.

Ну, в принципе, в радиусе семи метров, мне ни черта не страшно. Если, конечно, не

“вымораживать площадями”, а оказывать “точечное воздействие”, против которого у местных, в отличие от обитателей Земного Края, резистентности нет.

Может, есть у чародеев, прикинул я, но вряд ли особо сильное: всё же, эфир “в тело” поступает крайне ограничено, ну и, соответственно, сопротивления эфирному воздействию серьёзного не окажет.

Тем временем, уже почти на подходе к “чистой улице”, на меня вынесло явного полица, в дурацкой кепке, напоминающей вытянутый ночной горшок, и не менее явного попа, поблескивающего буркалами из под нависших бровей.

— Предъявите документы, не делайте резких движений, — выдал полица.

Да, это я не подумал, осудил я сам себя. Хотя, поп явный чародей. Если всё будет “как обычно”, будет у меня тренировка “на чародея”, невесело хмыкнул я, а затеряться на “чистой улице” — вполне реально.

Не торопясь достал бумажник, развернул документ, будучи готов “мочить”, если что.

— Антец? — через минуту нахмуренного разглядывания выдал полица.

— Антец, — проскрипел поп. — Чтишь ли ты господу нашего?

— Чту я господу вашего, — буркнул я, на что поп ещё сильнее нахмурился, но “обострять” не стал.

— Четыре минуты назад было проведено чародейское воздействие... — начал было полица.

— Я, — отрезал я. — Отбивался от разбойников.

— И?

— Отбил, — развел руками я.

— Обвинения предъявлять будете?

— В том закутке лежит кусок разбойника и пистолет. Претензий к ним я не имею, — ответил я, потыкав перстом.

На последнее полица откозырял и молча ускакал с попом в тыкнутом направлении.

Мдя, а голодные карапузы в двух шагах “услуги оказывают”, скривился я им вслед, да и потопал дальше.

И дотопал до прохожих, где меня в книжную лавку благополучно направили. Приобрёл я “учебники истории”, несколько обзоров и журналов, да и направился в обратный путь. Мобиль, к слову, обнаружился, так что до Аргента я добрался без приключений.

И, остаток погрузки, да и часть пути в море, провёл за получением и обработкой информации. Потеребил профа, пуча очи в стиле “офигевшего вьюноша с травмой духовной”, побеседовал, утратив бутылку рома, со старпомом, в свободное от вахт время.

Кстати, став свидетелем возвращения “отдыхающей вахты” — из десятка матросов на ногах держались трое, остальные держались исключительно на жопе, а то и на спине. Морды расписные, перегар, подозреваю, долетал до Аннта. Ну, орлы и волчары морские, сразу видно, съехидствовал сам себе я.

А по результатам читки книг, прессы и бесед, стал я обладателем такой информации:

В Ниле и Готтии был, в целом, капиталистический рай. В смысле для капиталистов. А вот остальным было не очень райски, хотя всё относительно.

Сословий, например, в Ниле и Готтии юридически толком не было. Как сословие можно было чётко идентифицировать жрецов. Остальное — плавающие моменты, завязанные на имущественные цензы. То есть, чем у тебя больше денег, тем больше

политической власти и прав, система знаковая, но не скрывающаяся за фальшивым “равноправием”.

В чём сволочи импортные были именно сволочами — так это в отношении к человекам. В Анте, при всех его недостатках, людей не гребали бессмысленно: правящие сословия понимали, что человек мало и они нужны. На руках, безусловно, не носили, но в целом “брошенных” людей не было.

А вот у буржуев выходило, на вскидку, двадцать процентов населения деклассированными. То есть, не проходящие минимальный ценз и... не учитывающиеся даже статистикой.

В принципе, сказать что Ант — обитель ангелов, а буржуйские палестины — сотанов, адских притом, не выходило. Картина в Готии и Ниле была связана как с более сносным климатом, так и свободой перемещения де-юре. То есть, деклассированные элементы могли свободно перемещаться, найти место, где они “нужны”, ну и “классифицироваться”. В идеале. А на практике выходила типичная дегуманизация части социума, в стиле “ипитесь как хотите”, с очевидными и мной наблюдаемыми последствиями.

При этом, будь у Анта возможность “завезти человек подешевле”, гастарбайтеров каких — подозреваю, было бы ненамного лучше. Но у небогатой страны такой возможности не было, соответственно, выходила чуть ли не передовая по Стегасу социалка, отражённая в сословном обществе.

И, похоже, вариант “башни чародея” у буржуев отпадает, заключил я. Мне нужны “соратники и персонал”, а местный деклассированный элемент — мндя. С родными антскими пейзажами будет разумнее и проще, а вот с сформированными в “деклассированном социуме” я, подозреваю, и через поколение не выбить “понятия”. Хотя и с пейзажами, не факт, что будет просто, но тут — точно сложнее.

Правда, остаётся Архипелаг и Воресен, напомнил себе я. Ну и начал, правда без особой надежды, наводить справки.

Воресен обзывали колониями и дикарями, но тут я сам посмотрю.

А с Архипелагом было довольно забавно. Выяснилось, что от аборигенного населения, в плане культуры и не осталось толком ничего. Несколько тысяч лет на острова драпал всяческий, не слишком довольный народ, сформировав... ну некую конфедерацию, если подумать. То есть, “государства” то были, от одного острова до их объединения, но весьма разнотипные, подчас друг другу враждебные, по идеологическим, национальным и прочим причинам. Ну и строй этих “внутренних государств” чёрте какой, от откровенной анархии, до рабовладельческой монархии.

При этом, конфедеративность была, причём проверенная временем — корабли на островах были, плохие-хорошие, косые-кривые, но были и было их много. Ну и любой агрессор, напавший на острова получал по своей агрессивности, от самого мощного флота Стегаса, если не технологически, то количественно точно.

И, что любопытно, я наконец понял “основную” причину нападения Анта на близлежащие острова, в последней десантной операции страны: населяли эти острова выходцы с Анта.

Основание для нападения, помимо, естественно, страшной “уберпушки” и вырезания вояками-островитянами собственного населения, с лютой жестокостью. В общем, причиной было: “Вернуть гадов в лоно, предварительно сурово покарав”.

Что любопытно, эта копошащаяся “вольница” и “диктаторница”, в зависимости от типа

и сорта островитян, не бедствовала. Ряд редкозёмов, необходимых “чародейскому производству”, а так же растительных и животных компонентов, необходимых в фармакологии и не только, были эксклюзивом Архипелага.

В общем, место забавное, но мне для жизни не подходит — там бардак и веселуха в безостановочном режиме. Точнее не подходит не для жизни, а для башни чародея. Пусть предполагаемый остров моего обитания будет расчудесный — но, в любой момент, какому-нибудь местному “фараону” вступит в голову что-то и начнётся веселуха. В общем, скорее всего не худшее, но беспокойное место этот Архипелаг. Ну а в северной его части ОЧЕНЬ не любят антцев, непонятно с чего. Тоже фактор, отметил я, окончательно махнув лапой на острова.

И потихоньку плыл Аргент к месту нашего назначения. Была остановка в Корсе — небольшом портовом городке юго-запада Ниля, гуэзском. Где кстати, тущёбы были гораздо менее трущёбными, ну и сопутствующих элементов капиталистического рая внешне не наблюдалось. Впрочем, порт был и верфью, с немалыми заводами, так что наличие “ненужных людей” было в этом месте вещью маловероятной.

Потом — первый городок на Ворсене, где Аргент разгружался. Внешне, да и после экскурсии — ничем не отличался от портовых городов Ниля, разве что отсутствием печных труб и явной готовности к “потопам” — мы уже были в весьма тёплых широтах, с отсутствием фактической зимы.

Далее, огибая Ворсен, мы шли к Карассису. И начали появляться в городах заметные отличия: вторая наша остановка на материке была уже в городе, где “нильская архитектура”, в виде каменных домов, была лишь у дворца губернатора. Остальное — хижины, причём, подчас, роскошные, как не парадоксально это звучит. Но на “капитальное строительство” местные время не тратили, что, в целом, оправдано климатом и не самым спокойным морем.

А так — даже заводик в городе был из бамбука и фанеры, что местных, очевидно, устраивало. Правда, прогуливаясь в окрестностях, я набрёл на вполне себе фортификационный форт, сныкавшийся в рощице на отшибе городка, незаметный с моря, но приветливо на это самое море наставленный пушечными жерлами.

Предпоследняя остановка порадовала бамбуково-фанерным всем, от причала, до дворца градоначальника. И немалыми ангарами, из металла — как я понял, складами всяческих полезностей из окрестных буйных джунглей. И форт был, правда не фортификационный, а древесно-земляной, хоть заныканный даже лучше, чем в прошлом городке.

А вообще, как я понял, ворсенцы были к “усложнению жизни” не склонны. То есть, архитектура отражала “соотношение культурных пропорций” выходцев из Ниля, Готии и местного населения.

Последние внешне не сильно отличались (хотя были, безусловно. смуглее и, в большинстве своём, с выгоревшими волосами), да и в целом, “дикарством” не блистали. Но был этакий... флёр вечной сиесты, скажем так. Делать столько, сколько надо, а надрываются пусть глупые остальные.

С учётом климата и прочих моментов — даже оправдано, в том же Анте, если не рвать жопу — помрёшь в первую же зиму. Но, для башни чародея подобное место выходило... а вот чёрт знает, каким. И я не знаю — пока, из всех вариантов, выходило что вернусь я в Ант. На Стегасе где-то лучше, где-то — хуже, но, в среднем, замороженный Мир выходил без чрезмерных “перекосов”. А Ант, невзирая ни на что, всё равно мне “социокультурно” ближе, признал я.

Ну и, безусловно, занимался я эфирно, да и физически, с началом тёплых широт. Отточил использование кругов не до “условно-боевого”, а боевого применения, одновременно, по нескольким целям. Несколько угнетало отсутствие “целительского колдунства” — в Земном Крае всегда было “кому подлечить” да и сам я был тем ещё НЕХ-ом, не без эфирной помощи. А вот тут очень бы не помешало, но — увы. Так что подтянул “полевую медицину”, но так, в пользу бедных. Понятно что медицине, даже с учётом отсутствия эпидемиологии, надо долго учиться. Хоть в аптечках и лекарствах местных разбираться стал худо-бедно.

Ну и пару обойм Росси потратил, окончательно приноровившись к своему пистолету-карабину. Не “ганфайтыр”, конечно, но клювом бессмысленно щёлкать, если что, не буду.

И вот, уже на последнем переплыве к Карассу, после пробежки, тренируюсь я на палубе. Подбрасывая металлическую кружку с водой, и стараясь выморозить все капли, до того как они упадут на палубу. Весьма непростая, но очень результативная тренировка выходила.

И вот, мимо меня, на весьма приличной скорости, пробегают несколько матросов, а на мостике начинает щёлкать гелиограф.

Я значит, естественно оглядываюсь, да и вижу, как к нам весьма бодро чешет судно, чуть меньше нашего, но торчащее во все стороны пушками, как сволочь. Естественно напрягся, потопал к мостику, где, кстати, обнаружили и спутники. Ну и капитан с весьма скорбной и печальной миной.

— Пираты? — негромко и логично полюбопытствовал я у спутников, но услышал капитан.

— Если бы пираты, — скорбно выдал он. — Готтийцы. Ненавижу, блядь, готтийцев!!! — вдруг рывкнул он, но тут же успокоился. — Сейчас будет досмотр. Выполняйте всё, что вам скажут. Всё, — тяжело вздохнул он.

Тем временем галоша готтийцев к нам подплыла, легла в дрейф и катером выслала “досмотровую партию”.

Дюжина мордатых, вооружённых типов бросились “досматривать”, а самый мордатый, представившийся “лейтенантом Енсаном” нес дичь, от которой я чуть не убился челодланью.

Итак, патрульный крейсер Готтии, хер знает как его зовут, изволил досматривать нас в поисках “запрещённых к распространению в Готтии товаров”. Судя по контексту, мы, находясь с восточной стороны Воресена, пёрли “контрабанду” огибая материк, поскольку все подконтрольные Готтии территории были на западном побережье.

И все это кушали, хотя рожи были весьма кислые.

Ну и “досмотровая команда” весьма деловито, тяжело груженная, сновала между трюмом Аргента и катером. Единственное, что успокаивало (подозреваю и капитана), что весь груз “удосмотреть” у доблестных защитников своих карманов не выйдет — просто не влезет на катер.

Тем временем к мордату подскочил какой-то менее мордатый, зашептал ему что-то на ухо.

— Что за мобиль? — бросил он через губу капитану.

— Археологическая экспедиция Академии благословенного Анта, — зачастил Висс, протягивая бумаги мордату.

Тот с противной мордой пролистал бумаги, ну и просто отбросил их на палубу, паразит

такой!

— Досмотреть надо, знаю я вас, антцев, сплошь ворюги, — выдал этот “кристально честный” пидарас.

И потопал в трюм. А я, придержал профессора, ну и аккуратно собрал бумаги эфирным воздействием, мысленно зверея.

К моменту, когда мы спустились в трюм, я уже не зверел. А начал прикидывать, как я буду этих пидарасов убивать на Аргенте, ну и что делать с ихней патрульной калошей.

Дело в том, что лейтенантишка тыкал своей противной рукой в мобиль, а Ариса, вяло поддерживаемая дядюшкой и племянником, вещала, что груз частью хрупкий, научный, может не пережить остаток плавания.

— А мне похрер, вскрывайте, — с обескураживающей честностью заявил досмотровщик. — Впрочем, — замаслянул он глазками смотря на Арису. — Можете отвести меня в вашу каюту и привести свои аргументы. Думаю, если вы будете ОЧЕНЬ убедительной — обойдёмся без досмотра.

Что ответить покрасневшая дама не нашлась, ну а я как раз начал прикидывать, как бы мне сподручнее, и с минимумом жертв среди своих, нахер выморозить этих импортных пидарасов.

Но тут, подбежал “досмотровщик” и лейтенант, с кислой миной, слова не говоря, потопал из трюма. Так же молча, причём быстро, погрузились на катер, ну и уплыли. И галоша их дала ходу и потелепалась по своим делам.

— Круизная яхта “Нильтика”, — с довольной улыбкой указал капитан на виднеющееся вдаль судно, перемигивающееся с нами гелиографом.

Эфирное “увеличение” показала габариты этой “яхты” раза в четыре поболее Аргента, чуть ли не с садами и прочими помпонами и золотыми драконами. Видимо, кусок “для досмотра” готтийцам выходил “не по зубам”, а грабить на глазах “мировой общности” они находили не деликатным.

— И часто такие “досмотры”? — резонно полюбопытствовал я. — И вообще, топят?

— Нет, про такое, чтоб топили, не слышал, — пыхнул трубкой кэп. — А “досмотры”, — хмыкнул он. — Случаются. Много не крадут, но раздражает, конечно, — вздохнул он. — Да и если бы не круизник — мадемуазель, возможно, пришлось бы свести несколько более близкое, нежели она желала, знакомство с готтийцем, — выдал он весьма кривой эвфемизм “принудительных потрахушек”.

— А с чего это вообще? — продолжил уточнять я.

— Ну а что вы хотите? — аж изумлённо выпучил очи кэп. — Готтийцы, — но узрев моё непонимание, он продолжил. — Сильнейший военный флот, кроме Архипелага, конечно.

На это покивал уже я — конфедерация островов хоть и была “сильнейшей”, но без явной внешней агрессии они предпочитали грызться “в своей луже с песочницей”. А готтийцы... да янки, в принципе, столь не любимые Морозом. Не совсем “звери” но скоты те ещё. Совсем без причины не факт, что прибьют, но разграбят, изнасилуют, а если свидетелей нет — так и прибить могут.

Кстати, именно “пираты” имели локализацию именно на островах, хотя пиратствуя, не прикрывались “таможенным досмотром”.

Впрочем, сложилось всё для нас весьма удачно. До Карасса мы доплыли рядом с гигантской яхтой. Причём, насколько я понял, всю дорогу с ними перемигивались гелиографом, на тему “какие готтийцы казлы”.

И, через сутки после “таможенного нападения” или “пиратского досмотра”, наша компания раскочигаривала выгруженный на пирс Карасса экспедиционный мобиль.

13. Международное сотрудничество

Мобиль, впрочем, выделяться не стал — внешнее сгорание, как-никак. Так что за минуту мы раскочегарились и поехали в местную гостиницу, о которой, как выяснилось, проф наводил справки. Место было довольно... забавным? Уютным? Сложно сказать. С учётом довольно высокой влажности, ну и жары — бамбуковый каркас и фанерно-циновочные стены были уместны. Правда звукоизоляция выходила ни к чёрту. Впрочем, пока никто не орал, а мы собрались в помещении профа, где тот, разложив на бамбуковом столе карту, деловито водил руками.

— Нам надо спуститься по Жёлтой, надо, — указывал он на обозначенную реку, устье которой было заметно и с моря. — Где-то вот до этой... деревни? Городка? Не знаю, — растерянно развёл руками он. — Разилишмитео... кхм.

— Разилишмитеотепитль, профессор, — блеснул я языковой эквилибристикой.

— Да, в это место, Гемин, именно в это, благодарю вас, — отозвался проф. — Дороги есть, но нас не устраивают, — что и вправду было так.

Чёрт знает, что за качество у местных трасс, но крюк, вокруг массива джунглей, выходил чуть ли не в лишние тысячу километров. Так-то, очевидно, была эта “караванная тропа”, заходящая во все мало-мальски значимые селения.

— А значит, спускаться надо по реке, с мобилем, — подытожил он.

— И про местное судоходство мы ничего не знаем, — протянул Жозе.

— Почему не знаем? Знаем: оно есть! — гордо заявил проф, но сам смущённо улыбнулся. — Вы правы Жозе, кроме факта его наличия — ничего. Надо выяснять. Возможно придётся отставить мобиль в Карассе, хотя очень не хочется, — признал он.

Ну и начали мы выяснять — родственники и я с профом по отдельности, а Асини, на правах единственной дамы, осталась в гостинице.

Городок был достаточно симпатичный, люди — приветливы и не “молчуны”. Кроме, как выяснилось, монахов — в городке был производственный центр, под патронажем церковников. Так что монастырь был не сборищем добровольно вычеркнувших себя из генетической карты вида балбесов, а производственным центром. Соответственно, встречные монаси зыркали на нас весьма недобро: антцы считались “полубезбожниками” а у местных, очевидно, вообще “отродьями сотоны”.

Но от монахов нам ничего было не нужно. Жечь нас огнём они, к своему счастью, не пытались, а зыркал я на них гораздо противнее, да ещё с обоснованием.

Ну и в обед в гостинице, с довольно приятной на вкус лёгкой пищей, мы поделились добытой информацией.

Выяснилась такая петрушка, что по Жёлтой, раз в месяц, курсирует речной корабль. Но, во-первых, пассажирский, а, во-вторых, он отошёл от Карасса неделю назад.

Далее, есть несколько речных катеров, в которые мы ни черта мобиль не загоним. Однако местные “транспортные перевозки” и не предполагали погрузки на катера. Аборигены использовали их как буксиры для вереницы соединённых плотов. А уже на плотках перевозились и человеки, и скраб этих человеков, вплоть до вполне весомого. То есть, с мобилем мы вполне попадаем в диапазон “транспортабельный груз”.

Оставалась проблемка: владельцы катеров люди, по местным меркам (да и вообще, если

разобраться) толстые, уважаемые и жадные. Умеренно жадные, но всё же. И гонять свою речную подвижность ради нас были готовы только с “полной оплатой”, а, предполагаю, с немалой “накруткой” относительно стандартного рейса.

При этом, некий “плотбус” собирался, но был готов лишь наполовину, а на вопрос о сроках отбытия владелец философски закатывал глаза и выдавал: “как только, так сразу”.

И вот тут вставал вопрос денег. Он до сих пор в путешествии не поднимался, да и не был мне особо интересен. Вот только на озвученные лодчиком: “три сотни ауресов за полный фрахт”, Висс хмуро признал, что “не потянем”.

— Потянем, профессор, — отрезал я, поскольку торчать в городке до срока “так сразу” находил нецелесообразным. — Три сотни ауресов — вполне подъёмная для меня сумма, будем считать её моим вкладом в развитие археологии благословенного Анта.

— Вы уверены, Гемин... — начал было проф.

— Уверен, если вы вспомните, я вам говорил, что готов оплачивать своё участие самостоятельно.

— Да, да, припоминаю, — ответил Висс. — И я, и наука благословенного Анта будет перед вами в неоплатном долгу!

И прочую фигню нес проф, но я его подхватил под руку, потащив к плотогону, где занялись мы делом. Помимо непосредственно “аренды”, нужно было соорудить сам плот, подходящий для мобилиа и оставляющий место для нас — катер для пассажиров не был рассчитан, вмещая лишь владельца и его сына, ведущих и обслуживающих средство передвижения.

Вдобавок, я задумался о вопросе одежды. Впрочем, для нас, как выяснилось, он был неактуальным: моё, изготовленное ещё в Терске шмотьё, качеством превосходило не только местные “готовые платья”, но и результаты трудов городских портных. Очень уж ткань была, прямо скажем, дерьмовая. С “мануфактур Готтии”, что “признаком качества” отнюдь не было.

У спутников подходящий гардероб тоже был. Единственное, что я купил, так это охотничий нож и шляпу — местный вариант головного убора подходил для местного же климата на порядок лучше “антского фетра”.

Вообще, задумался я было о “мачетах”, но, посмотрев на экипирующихся топориками спутников, напомнил сам себе, что я, пардон, не индиана джонсович, а маг. Точнее чародей, но непринципиально.

И, ежели через джунгли придётся “прорубаться”, то эфирным воздействием у меня выйдет быстрее и проще. Как и отбиваться от живности какой, двуногой и не очень. Собственно, Росси у меня выходил для охоты, если таковая понадобится, ну и для дальних перестрелок. По поводу последних у меня была некоторая надежда, что их не будет.

Переночевали, ну и с утра стали грузиться на “транспортный плот” сотворённый для нашей компании. Родственники припёрли продукты и дрова — немаленький плот содержал очаг, помимо всего прочего. Ну и поплыли мы потихоньку, даже вместительную палатку поставили, благо, место позволяло.

Река была действительно “жёлтая”, мутная и довольно широкая, метров восемьдесят плюс минус. Катер бодро шебуршал против течения, лёгкий ветер весьма способствовал борьбе с влажностью.

Ну и пейзажи прибрежные были вполне симпатичны и экзотичны, не без этого. Вполне

себе джунгли, раздолье зелени, листья всякие гигантские, из лесного массива под разными углами торчащие. Занятное было зрелище, так что я на него с удовольствием пырился.

Спутники же мои затеяли научный диспут, на тему: “а кто енто такой развалины-то оставил?”

Вообще, выходила довольно любопытная картина. Некий то ли купец, то ли профессиональный грабитель гробниц (а последнее немалое время было вполне востребованной и уважаемой профессией на севере Воресена), направлялся, как не удивительно, грабить гробницу. Осуществлял он это деяние почти тысячу лет назад, кстати.

Так вот, данный джентльмен, перед отправкой схоронил в тайнике некое количество денежки и даже оставил записку, жене и наследнику. К которой приложил карту, от руки, ну и наказ, что мол косточки его будут там, если что, пусть подросший наследник их прикопает.

Ироничность момента, в которой гробокоп беспокоится о сохранности своих гипотетических дохлых мощей повеселила, похоже, только меня, ну да не суть.

Суть в том, что “наследство” запаянное смолой в калебасе какой-то, жена и сынулька гробокопа не получили. А, судя по всему, пали жертвой песчаной бури, которая и скрыла немаленький населённый пункт от мира на почти тыщу лет.

И вот, производились раскопки, причём не только антцами — раскапывали совместно со сволочами импортными. И вот, наёмный рабочий, в ночи глухой, припирает профу калebas. На тему контрабанда, “купить-купить”.

Проф, конечно, “повёлся”, что и сам признавал. В таких калebasинах хранили и растительное масло, и сыпучие продукты. Как выяснилось, добычливый абориген пробежался перед этим по ряду профессуры импортного разлива, ну и был послан в пустыню.

А проф взял, да и купил калebasину. И холил её, лелеял и оберегал до Анта, где с кучей предосторожностей, не без помощи чародея (проф признался, что стыдился заранее, ожидая разливы прогорклого масла или труху зерна), калebas был вскрыт и обретены денежки тысячелетнего разлива и разваливающиеся от сухости и времени листки папируса.

Впрочем, чародей был “именно для того”, ну и наследства сквозь века нашло адресата. Не того, которого ожидал наследодатель, но всё же.

При этом, в то что наследное послание — утка, проф закономерно не верил. Было чёткое географическое указание: на реку, расстояние по солнцу и прочую географщину тысячелетнего разлива. А если бы гробокоп столь не любил сынульку, так мог денежку зажилить, которой было немало и по теперешнем временам, а тогда — богатства немалые.

Начальство же отреагировало на открытие довольно типично: “никогда такого не было!”, но и “вроде что-то может быть”. В итоге экспедиция получилась “половинчатой”, символизируя победное торжество бюрократии над здравым смыслом.

И эта преамбула вела к амбуле теперешнего диспута. Проф утверждал, что “неизвестная гробница” высоковероятно — строение неких “раскольников”, изгоев одной из двух протоцивилизаций. И, в целом, было это довольно логично и правдоподобно.

А вот Сафосы, на два голоса, били себя пятками в грудь, на тему, что это “самая протоцивилизация, из которой вылезли все остальные”. Аргументация у них была бледная, как у воинствующего верующего, пытающегося доказать существование мистической сущности с помощью логики. То есть, тот момент, что объект спора базово и системно, в

рамках логической модели, НЕ доказуем и НЕ опровержим и гипотетический миссионер, и родственники, изящно игнорировали.

То есть, сказать что гробница (да и не факт что она, гробокоп мог и ошибаться, скажем так — развалины в джунглях) принадлежит некой додревней цивилизации, безусловно, можно. И опровергнуть это, до прибытия на место, нельзя. Вот только вероятность такого расклада была порядково меньше варианта “изгоев-раскольников”.

Но спор продолжался, причём по моему, просто для коротания времени — ни логичные доводы профа, ни “жопом чуем” дядюшки с племянником, на диспутантов влияния не оказывали, перебрасывались они аргументами и контраргументами из любви к искусству.

Асини, поглядывая по сторонам, начала возиться с обедом, ну а я логично задумался о религии Стегаса.

Отличие от мне известных фантазий землян, ну и вполне объективно реальных божков земнокрая, заключалось в том, что монотеизм в Замороженном Мире был изначальным и базовым.

То есть, варианта “ваши боги гавно, а наши — молодцы” не рассматривался вообще. Неназываемая трансцендентная сучность была одна, в её существовании представители различных сект не сомневались. Все различия были в “подборе значимых пророков”, ну и интерпретации “слова божьего” по разумению попов.

Например, была наводящая на параллели ситуация, полторы тысячи лет назад, когда ряд населённых пунктов Ниля заявил, что будет рассматривать “священное писание” как оно написано, а не как интерпретируют церковники. А то чехарда интерпретаций их несколько поддоставала: три раза за поколение одно и тоже — то деяние во славу бога, то неуютное, но допустимое деяние. А теперь и вовсе “смертный грех”, а те кто с именем господним это делали, с подачи попов — выходит в аду.

В общем, послали церковников в место, ими заслуженное... И были к чертам вырезаны, правда до резни всего, включая домашних животных и младенцев, как в мире Мороза, не дошло.

Но “творец” очевидно был один, трансцендентен, всемогуч, неназываем. И кочевал невозбранно из секты в секту на протяжении тысячелетий, что также наводит на любопытные размышления.

Так что, невзирая на бритвенный прибор старика-монаха, в наблюдаемом мной диспуте родственников и профа, я “болел” за обе стороны.

Умом за разумную позицию профа, а некоей частью требухи (желудком, судя по урчанию, хотя, возможно, урчало из-за стряпни Асини) — за “первоисточник всего и вся”.

Всё же, факт наличия возвысителя был практически гарантирован, а найти в “додревних руинах” его следы было как возможно, так и чертовски небезынтересно.

Но обед положил конец диспуту, ну и был на радость вкусный, хотя странноватый — что-то вроде гуляша, на местных картохах, которые были откровенно сладкими на вкус.

После обеда проф задремал, ну а родственники из кусочков мяса соорудили наживку, извлекли бечеву и крючки и бодро начали дёргать рыбу из реки. Я немало удивился интенсивности процесса — сам я к рыбной охоте с удочкой положительных эмоций не испытывал, сидение над поплавком находил глупым. Охота за рыбой настоящих мужчин должна проводится непременно взрывным заклинанием (ну или взрывчаткой), принося солидный пожрать при минимуме усилий.

А думать надо в комфорте, а не на природах каких-то, да ещё с отвлекающим

поплавком.

Но, при этом, даже в моей нерыболовной персоне, вид лениво закидывающих бечёвку с крючками спутников, с вытаскиванием их через минуту, непременно с рыбой, пробудил интерес и даже азарт.

Приглядевшись к процессу охоты, отметив, что большую часть мелочёвки охотники выкидывают за борт, решил я сделать “по мужески”. Ну, несколько комично, наверное, но решил и причин не делать — не обнаружил.

А именно, напыжившись, путём каскадно воздействия эфира, я из металлической тонкой полосы, за полчаса, сотворил крючок. Не закорючки родственничков, мелкие и жалкие, а всем крючкам крючок. Большой, в общем. Добыл бечеву, сложил её в несколько раз, выклянчил рыбную мелочь у иронично взирающих на меня Сафозов, насадил её на крюк и гордо закинул в Жёлтую.

Не поймается ничего — не беда. Это скорее лёгкий интерес и практика “производственного чародейства”, которым я до сих пор и не занимался-то толком.

Но, через пару минут, мою снасть задёргало. И я, з закономерным интересом стал подтягивать поймавшуюся рыбину, явно не мелочь какую: улов дёргался и был довольно тяжёл, на одном рывке вообще зайдя под плот и то ли зацепившись, то ли ещё что. Точнее, точно не зацепившись — бечева, пусть и с очевидным сопротивлением, но доставалась.

Это я что-то большое и вкусное поймал, рассудил я, ну и под заинтересованными взорами стал выковыривать улов, дёргая бечеву. В принципе, я был готов ко многому, но...

В общем, после очередного рывка из воды буквально вылетела добыча, взлетев над моей головой. И я был готов поймать рыбину, но вот зрелище лютой пасти, в которую я, как казалось, могу провалиться целиком, да ещё с весьма хичного вида зубищами...

И я, между прочим, не обгадился и вообще никаким иным способом героически не испачкал штаны! Правда пискнул, подозреваю, жалко, да и вморозил по жуткой пасти эфиром, до головной боли.

А потом получил хвостом по хребтине, ну и слегка ободрал ладони, ловя улов. Который оказался мелкой, метр с небольшим, крокодилкой.

Башка тварюшки оказалась однозначно выморожена, а улов Асини приняла с улыбкой и посулами “вкусной крокодилятины”.

Ну хоть так, облегчённо развалился я у палатки. Реально напугала, пакость зубастая, хотя забавно вышло. И ошарашенные физиономии родственников порадовали, уже довольно улыбался я.

Ночь порадовала нас весьма громкими и отвратными завываниями окрестной фауны. Я уж думал, что поспать не удастся, но у профа оказался стратегический запас воска, беруши из которого позволяли сносно уснуть.

Крокодила, употреблённая на следующий день, оказалась вполне вкусна, чем излечила нанесённую собой же психологическую травму. Ну и вечером уже следующего, третьего дня мы благополучно доплыли до места назначения. Владелец катера, всё время расставания, корчил мордой лица голодающую сиротку, отягощенную голодающими детьми. Но щачла весьма мордатого типа, как и откормленная ряха сынульки моё непреклонное сердце не тронули. Так что получил погонщик катера оговоренную сумму и ни сестерцием более.

А городок, с весьма простым и выговариваемым названием Разилищмитеотепитль, был, на мой взгляд, всё же деревней. Одноэтажная, характерная местным “хижинная застройка”. Даже причал был бамбуковым, но, к счастью, мобиль выдержал.

“Дворец” градоначальника, кстати, насколько я понял, вполне демократически избираемого, был просто несколько больше окружающей застройки. Ну и жило в Разилишмитеотепитле не более тысячи, а, подозреваю, и менее человек.

Правда, была отдельный, в нескольких метрах от городской черты, “ремесленный ряд”. Кузнецы, кожевенники, ну и прочее подобное. Все с “божьим символом” на хижинах, согласно которому “инициированы попами, будучи послушниками”. При этом, в самом городке кумирни не было как факта, что символизировало.

Но у нас, после объезда и общения, назревала весомая проблема. А именно, местные “хитрые папуасии”. Внешне-то они были вполне непалуасиями, разве что смуглые, относительно невысокие, ну и выгоревшие волосьями до белизны.

И в целом — весьма благожелательные типы, я даже чародейством проверил. Вот только выходила закавыка, к которой ни Висс, ни Асини были не готовы.

Итак, в северной части Воресена, всегда была немалая толпа народу, готовая: копать и не копать, толкать круглое и катить квадратное, ну и в целом, оказывать за денюжки услуги “панаехавшим бванам”. Учítывая, что производства своего север Воресена не имел (не в последнюю очередь из-за повальной “колонизации” и невозможности конкурировать с индустриальным Нилем), то там вообще было всего два типа занятости: либо аграрствуй со страшной силой, жопой к жаркому воресенскому солнцу в поймах нескольких, дающих жизнь и возможность аграрствовать рек. Либо паши на “понаехавших бванов”, поскольку более делать местным нечего, ресурсы легкодоступные, в пустынном севере, предыдущее цивилизации выбрали, а недоступные или на хрен не нужные — недоступны или на хрен не нужны, такой вот парадокс.

Соответственно, спутники ожидали обнаружить орду аборигенов, непременно ждущую красивых нас, с целью за денюжку малую оказывать нам услуги.

А на деле, местные оказались человеками не слишком трудоголичными, при этом и занятыми — кто охотой, кто рыбной ловлей, а кто аграрствованием, которое в степной округе городка процветало и не требовало особых усилий.

В общем, нас были готовы бескорыстно накормить. И даже пустить жить, за интересные рассказы и вообще. Но вот переться с нами в недра джунглей, на длительный срок, охотников не находилось даже среди охотников.

То есть, ценность денег местные понимали. Но предпочитали “попить-пожрать сейчас” гипотетическим немеренным богатствам через месяц. Вот не шли с нами проводничать и копать, паразиты такие, хоть заставляй!

При этом, варианты были. Но не вообще: например, патриарх одного обширного семейства, из десятка хижин, прицокнул языком на многозарядный карабин, какими были вооружены родственники (проф с Асини обходились пистолетами, ну а я с Росси, как понятно). Так вот, за “лютое и годное стреляло”, данный патриарх был готов предоставить своё обширное семейство, да даже с помощью соседей, в аренду. Но не более трёх квинков, причём дядьке было монописуально (и я проверил), один родич с нами попрётся, либо орда с помогальщиками.

Так что, уже в сумерках, после выслушивания предложения патриарха и ряда аналогичных аборигенных граждан, держала наша экспедиция совет.

— Три квинка — может ни на что не хватить, разве что место найдём, и не сделаем ничего, времени не хватит, — печалился проф.

— Да, самое смешное, что по деньгам-то гроши, — глубокомысленно отметил я, кивая

на карабин.

На самом деле, стоимость этих стрелял реально была ауресов пятьдесят. Но, очевидно, для местных, причём в Карассе, как я припомнил бросаемые взгляды, ценность весьма большая. Если подумать, из огнестрела аборигены имели однозарядные карамультуки, ну и какие-то пистолеты, тоже однозарядные, по виду — спёртые из карибского бассейна, времён расцвета буканьеров.

— Кто же знал? — развёл руками проф.

— А нам вообще-то проводник нужен? — протянул задумчиво “племянник” Вермин, а на недоумевающие взоры дополнил. — Нет, раскопки вести — безусловно нужны люди. Но добраться до места, не справимся разве?

— Можем и не справится, — ответствовал проф. — Расстояния весьма приметны, как и “направления по солнцу”. — Тысяча лет прошло, а то и более. Даже русло, — потыкал он перстом характерный изгиб на карте. — Могло сместится даже не на метры, а на километры.

— Ну, положим, местные про развалины не знают, — подал голос я. — Когда вы спрашивали, я проверял, — последовало уточнение. — То есть, проводник, если и будет — то разве что расскажет о местных особенностях, которых, как я понял, нет?

— Нет, вы правы, Гемин, — был мне ответ.

— Тогда, что с проводником, что без него, нам в любом случае делать одно дело и то же дело. А именно искать развалины в джунглях, — подытожил я. — Что, в принципе, что с проводником, что без него — всё равно бродить и искать. Ну и я попробую чародейством заняться, как в плане поиска, так и расчистки, если что.

— Значит, мы разбиваем лагерь тут, — тыкнул перстом просветлевший проф в изгиб реки на карте. — И ищем развалины. А когда находим...

— Возвращаемся в город, спокойно нанимаем эту семейку на три квинка. Если работы будет слишком много — можно будет ещё рабочих поискать, да и я к раскопкам подключусь, — подытожил я.

На том и порешили, уже в темноте заселившись в местную “гостиницу” — чистая японщина, как по мне: тонкие стены, три больших состроенных вместе хижины, ну и спальные циновки на циновчатом полу. Впрочем, вполне неплохо, да и травы свежие и пахнут приятно, думал я, уже засыпая. Единственное что непонятно — второе поселение и по ночам относительно тихо. Редко тварюшка какая голос противный подаст.

А на реке, что не ночь — концерт для фауны без оркестра. Громче чем днём верещат, натурально.

Ну, может местные особо крикливую фауну в округе скушали, чтобы спать не мешала, под конец заключил я и уснул.

А наутро мы закупились местными крупами и сладкой картохой (с охотой родственники обещали вопрос решить, да и река будет под боком), да и выдвинулись вдоль реки на мобиле.

Дороги, как таковой, не было, но была вполне проездная степь, в удалении от реки становящаяся сухой даже на вид. А так, мобиль на скорости километров в десять в час, почти не трясся, лишь изредка покачиваясь от ямок и каменюк, бодро пёр вперёд. Ведомый, кстати, Асини, весьма, как выяснилось, знатной погонщицей мобилей.

Ехали мы значит, а я припоминал карту. Окрестности городка, который не выговорить, это очевидная степь. А вот километрах в тридцати от него, русло делает поворот на девяносто градусов (что было для нас ориентиром), и течёт вдоль простирающихся в

глубины материка джунглей, становясь чем-то вроде границы со степью.

И вот нам, значит, надо искать “от изгиба”, прикидывал я.

— Профессор, а какой диапазон места поисков, с учётом возможных отклонений? — подал голос я.

— Максимальный? — уточнил проф, на что я кивнул. — Считайте, круг радиусом километров в двадцать, — подумав ответил он. — Точнее полукруг. В худшем случае развалины находятся сейчас под руслом, но предпосылок этому я не наблюдаю. На месте увидим, Гемин. Не более двадцати километров от русла точно, точно не в степи, так что найдём, — уверенно заключил он.

Ну вообще — найдём, прикинул я. Хотя сегмент круга двадцатикилометрового радиуса, занятый джунглями... Может и месяц, а то и больше придётся искать. Впрочем — посмотрим.

Через пару часов езды мы добрались до колена реки, и вправду, меняющей направление с минимальным скруглением. Осмотрелись, да и стали разбивать лагерь в паре десятков метров от начала джунглей. Подлеска заросли зелени толком не имели, так что деревья с кустарником произрастали совместно, с отчётливой границей.

Ну а мы не только ставили две палатки — большую спальную и поменьше “хозяйственную”, но и копали “временный колодец”. Как меня просветили, пить из Жёлтой, почти то же самое, что есть жёлтый снег, только пить из Жёлтой.

В общем, не самое разумное дело. А вот вода из ямки в десятке метров от реки фильтруется почвой, ну и после “отстоя” вполне употребима даже без кипячения. Но лучше кипятить: местный иммунитет на кишечных паразитов не распространялся, а моя, да и окружающих, любовь к фауне не предполагала столь близких контактов.

В общем, полдня потратили на обустройство лагеря, обнос его колючей проволокой, которой, как оказалось, у нас предостаточно. Какие-то специальные, антизмеиные верёвки, на которые я, признаться, смотрел как на выдуманное шаманство, но был в четыре (не врущих) голоса уверен, что они “работают”.

И, наконец, уже в сумерках, начали разбираться, что и как. Общим голосованием (мы подумали, а проф решил), Асири отстранили от поисков. А меня — от ночного дежурства. Поскольку, искать я должен был бесценно, это признали оптимальным. А спутники мои вполне могли меняться.

Ну и, соответственно, на Асини лагерь (по отысканию руин её привлекут, уверил проф несколько обиженную даму), один из оставшихся (кроме меня) трёх отсыпается, один охраняет-рыбачит-охотится-пинает балду (последнее в случае профа).

Я же с напарником брожу по джунглям, ищем руины. Собственно, примерно соотнесли карту, видимые ориентиры и описание в пергаменте, выявив и разбив на квадраты регион поиска.

Ну и Жозе “встал на стражу”, а мы завалились спать. И, кстати, опять живность особо не орала, что привело меня к выводу, что фауна вдоль судоходной реки — особо громкая, крикливая и вообще, сволочи речные.

С утра же, нацепив шляпу, прикрутив к Росси приклад и вообще снарядившись, я с профом вошёл в сень джунглей. Проф поднимал моё настроение шапкой, фасоном весьма напоминавшей “шлем империалиста”, хоть и тканной. Это, с его “ульяновским лицом” смотрелось чертовски забавно.

Но джунгли меня от забавностей всяческих отвлекли быстро. Во-первых, было чертовски влажно и жарко. Вдобавок, в полутьме лесопосадок парило, был натуральный туман, весьма снижающий видимость, что было во-вторых.

В-третьих, пол этого лесонасаждения покрывал весьма толстый слой полусгнившей, а, частично, сгнившей листвы. Хамски маскируя ямины и колдоёбины, в чём я убедился, вляпавшись челом в перегной, оттирая от гадости морду и руки, ну и незлобивым словом поминая природы всяческие.

При этом, количество гадостей и пакостей животного типа и впрямь было невелико, а несильно сложное эфирное воздействие от “насекомия” прекрасно работало.

Однако я явно “перебрал” воздействиями: “инсектицид”, “чувство животных”. Вдобавок, я искал гранит и песчанник: основные материалы пирамид и зиккуратов. В общем, явный перебор “зараз”, что подчёркивало мой повержение. И башка побаливать начинала, не без этого.

— Гемин, я вижу вы устали, а время вскоре обеденное, — сердобольно выдал Висс. — Давайте вернёмся, перекусим, отдохнёте.

— Только за, профессор, — искренне ответил я.

А, по возвращении, стал я думать над гардеробом. Ну реально, жарко звездец как. С другой стороны, всякая трава осокообразная встречается, так что штанцы нужны точно. А вот куртка, похоже, на фиг. Лишний вес и ненужное утепление. И бельё нижнее, точнее, нижней рубашке мы откромсаем рукава, думал я, осуществляя задуманное. Будет она у нас пристойной футболкой. А вот труселя с начёсом, символ антской гордости — точно нафиг. Лучше штаны по вечерам прополоскаю, чем будет у меня к тому же вечеру тушёный окорок, с яйцами вкрутую. Точнее, не у меня, а из меня, разумно мыслил я, стаскивая сокровенное с начёсом за палаткой.

И обувь, призадумался я. Вообще, конечно, сандалеты бы какие, но трава острая, сволочь. Даже не зелёная, явно от отсутствия света, но острая и колючая, мдя.

В общем, в итоге, Росси я полностью собрал, закрепил приклад, навинтил ствол, присобачил прицел и повесил на ремень, на шею, засунув в брючный карман пару обойм. И нож на бедре. Футболка, штаны, ботинки и шляпа. Вполне, как оказалось, сносно, да и потом я не потел и не дышал как загнанный. Чем грешил составляющий мне компанию Вермин, нужно отметить.

В общем-то, определился “стиль жизни”. Прочёсывание сегмента района поисков, обед, опять поиски, стирка, тренировка (лёгкая, но не помешает) и ужин. Кстати, на третий день “футболка” моя и штаны приняли вполне камуфляжный вид, к чему я отнёсся вполне положительно.

А вот на четвёртый день я обнаружил “поиском животных” человека. Может и бабизьяна какого, но столь крупных гоминидов в окрестностях не водилось, только на самом юге материка. Да и вёл неизвестный себя весьма “по-людски”. В плане, явно скрывался, но следил, на тему: “а чё енто мы тут делаем?”

— Даже не знаю, Гемин, — задумчиво протянул проф на вечернем “оглашении информации”, поскольку, как понятно, я о наблюдателе в джунглях не орал, ну и в его сторону пальцем не тыкал. — Наверное, нам и неважно. Видимо, какой-то местный дикарь. Вы говорите, металла на нём не было?

— Почти не было, — педантично уточнил я. — Какой-то небольшой нож, наверное, но

был.

— Ну, не принципиально, — пожал плечами проф. — Местные дикари, согласно всем имеющимся данным, неагрессивны, скорее пугливы.

— Но я бы бдительность по ночам повысил, да и сам буду приглядывать, — параноисто выдал я.

— Не лишнее, — покивал проф.

Но наблюдатели, а пару раз неизвестных было двое, не показывались, ну и само собой, агрессии не являли. Видеть их никто толком и не видел, хотя, хитрый я, сделав финт ушами, нашёл таки отпечаток человеческой лапы исчезающий в перегное. Точно человеки и точно дикари, отметил отпечаток босой лапы я.

Ну и задумался, а вот найдём мы развалины (если вообще найдём, отметила скептическая часть меня). А почему бы дикарей, если привлекутся, не привлечь к раскопкам? Ну а нет, так и нет, но попробовать наладить сносные отношения надо попробовать.

Долго думал, а что джунглевым насельцам вообще может “пригодиться”, из того что у нас есть, чего нам не жалко, а к нам товарищи благодарностью со страшной силой проникнуться?

Ну и ничего, кроме ножа, отреза ткани, да и полукилограммового куска шоколада не надумал.

Вечером отошёл к лесу, убедился в наличии наблюдателя, потыкал в его сторону свертком ткани, положил на пенёк. Потыкал рукоятью ножа в него же, ну и положил на ткань, а после зажевал кусок шоколада, изобразив райское блаженство на морде лица, ну и пристроил поверх. Потом изобразил пантомиму “от всего сердца с наилучшими пожеланиями, дар Гемина товарищам дикарям”. Ну и потопал в лагерь.

Папуасий скрытный не показался, но к пеньку, через некоторое время метнулся и, очевидно, учесал с добычей.

И на следующий день я папуасиев не почувствовал. Что, возможно, к лучшему, мысленно пожал плечами я.

А через пару дней, в компании профа, мы наткнулись на развалины. Почувствовавший массу гранита я рванул вперёд, но был весьма разочарован. Булыги покрывали поляну своего пребывания довольно хаотично, от времени частично утратили правильную форму, ушли в перегной почвы на ощутимую глубину...

В общем, для археологии это, безусловно, открытие: цивилизация в центральном Воресене, причём гранит такой, мощный, а глыбы основательные. Этакая, пусть возможно и небольшая, но основательная цивилизация.

А вот мои надежды, на что-то интересное в недрах пирамиды-зиккурата накрылись тысячелетиями.

Проф, тем временем, с радостными пискми и визгами обегал развалины, что-то там мерял шагами, подпрыгивал и ликовал всячески. И, наконец, обратил внимание на мою не слишком восторженную физиономию.

— Гемин, а почему вы не радуетесь? — искренне огорчился он.

— Я умеренно радуюсь, — умеренно улыбнулся я. — Просто я рассчитывал на целую гробницу.

— А-а-а, — улыбнулся проф. — Тайны, загадки, сокровища. Всё понимаю, молодость. Но, Гемин, хочу отметить, что сам факт существования этих развалин уже бесценен для науки! — воздел он перст. — А “тайны и сокровища”, — подмигнул он мне. — Возможно

будут. Не утверждаю точно, но если аналогия с пирамидой верна, — забормотал он под нос, меряя шагами развалины. — Где-то вот тут, — аж подпрыгнул он, — внизу должен быть лабиринт, залы памяти. Возможно — погребальная зала. Верхняя часть носит прикладно-чародейский характер и использовалась жрецами и после погребения, — сообщил он мне довольно любопытный факт.

На этом мы, довольные, направились в лагерь, до которого от развалин было километров пять. И, по прямой, выходило примерно часа два.

И вот, уже в паре сотен метров от края джунглей, чую я пару человек в лесу. С оружием, соответственно — родственники. Вот паразиты, возмутился я, ускоряя шаг. Договаривались же, что один в лагере, другой на охоте...

И тут я увидел, что в джунглях не Сафосы. Суетливо шуршащий проф сзади замер, очевидно, поднимая руки, как и я.

— Почему вы наводите на нас оружие? — возмущённо спросил проф.

— Десять дней Готтия и Ант находятся в состоянии войны, — ухмыльнулся готтиец.

И да, на нас наводили карабины готтийцы, в военной форме, с мерзкими ухмылками. Ну писец какой-то, мысленно отметил я, прикидывая, врут сволочи насчёт войны, или нет.

Впрочем, нам-то пофиг, заключил мысленно я, прикидывая, что и как мне делать. Выходило неважно — я был усталый, а оберечь мне надо не только себя, но и профа, которого я толком и не вижу. Хотя, если проморозить пальцы, как с грабителем... Но их двое, прикидывал я, думая не прибить ли мне их с ходу.

— Вы нашли сокровища? — бросил готтиец.

— Это архе... там только развалины, — выдал проф, после вскинутого карабина целящегося в него.

Что меня напрягло, я уже думал “вымораживать”, но не черта не успел.

Поскольку со словами “давай”, пидарас, целящийся в меня, нажал спусковой крючок.

Всё что я успел, это шибануть эфиром по стволам, направляя их вниз — на два сразу воздействовать иначе не выходило никак. Раздались выстрелы, ногу обожгло болью, но я уже без “метаний” проморазивал глаза, глазные нервы и далее в мозг паразитов. Они на это воздействие ответили помиранием. А я бегло взглянул на свою лапу — повезло, даже кость не задело, внутренняя часть икры, отметил я.

Обернулся на профа... и чуть не заплакал. Очевидно, он с “даванием”, попробовал пригнуться. И... выстрел, максимум задевший бы ему бедро, попал в грудь. Судя по всему — в сердце. Дедушка лежал на боку, с обиженным выражением лица и стекленеющим взором изумлённых глаз.

— Как же так, проф? — искренне и вслух посетовал я, подходя к Виссу.

Прикрыл глаза мертвецу, заодно убедился, что мёртв. Ещё раз тяжело вздохнул и встряхнулся. Что в лагере — непонятно, но выстрелы, через секунду после выстрелов пидарасов готтийских, оттуда раздавались.

Надо проверить, окончательно собрался я, отрезая от кителя дохлого готтийца тряпку и бинтуя икру. И, взяв на изготовку Росси, аккуратно стал приближаться к опушке.

И увиденное в прицел мне ни черта не понравилось, хотя вселяло некоторую надежду.

Итак, судя по всему, пидарасов заокеанских осталось трое. Один зорко всматривался в джунгли, держа карабин под рукой, но мурак: ни хрена не увидит, а я всё вижу. Ещё один, копошился и вскрывал ящики, да и хрен с ним.

А третий, хоть и взбесил, но вселял надежду. Итак, сверкая голой задницей, эта гнусь

явно насильовала Асини, голое тело которой лежало посреди обрывков платья. Конечно, хорошего мало, но девчонка хотя бы жива, что не скажешь о профе и родственниках, куклами валяющихся рядом с открытым, каркасным мобилем, явно этих пидарасов.

Так, время терять не стоит, рассудил я, выбирая место с наиболее удобным упором, которое оказалось веткой. Три цели, отдача с упором в плечо — терпимая. Первый — “сторож”, двойка, живот-грудь, как раз отдача поведёт ствол вверх. Следующий — мародёр, спина его весьма удачно открыта, согнут над ящиком. И последний — насильник, самое неудобное положение. Поводил стволом, прикинул траектории, вдохнул и выдохнул, да и начал.

Наблюдатель получил пулю в пузо, согнулся и получил вторую в темя, но я переводил ствол на распрямляющегося мародёра. Две пули в лопатки уронили его в марадёрный ящик, так что, если и жив, то ненадолго. И поднимающемуся с Асини насильнику пуля прилетела в раззявленную в удивлении пасть, кинув на спину и сдёрнув с дамы.

Хм, вот сказал бы я, что охренительный снайпер, несколько погордился я, но остудил сам себя — не более ста метров, смешное расстояние. Ну и потрусил, прихрамывая, к лагерю. Мобиль пидарасов мелкий, по дороге оценивал я, больше четырёх не влезет, значит точно всё.

И подтопал ко всё так же лежащей Асини, с беспокойством заметив рядом кровь — из пасти насильника натечь не могло, он валялся вдали. А подбежав я выматерился: живот девицы был перемазан кровью, а слева над пахом была обильно кровоточащая узкая дырка, видимо от штыка, отметил я валяющийся неподалёку карабин насильника. И эта мразь её трахал, уже натурально скрежетнул я зубами, жалея, что не могу воскресить пидараса и вернуть ему мучения Асини с процентами.

— Гемин... — раздался слабый голос Асини. — Живой, хорошо. Профессор? — вопросительно уставилась она на меня.

— Мёртв, — сухо бросил я, на что Асини, до того с каменным лицом, сморщилась и заплакала.

Но меня это встряхнуло, я рванул в палатку, вытаскивая, к счастью, не разморадёренную аптечку.

— Они? — сквозь слёзы почти прошептала Асини.

— Все мертвы, — отрезал я, набирая шприц с морфием. — Сейчас полегчает, — вогнал я обезболивающее в безвольную руку.

— Не поможет, Гемин. Кишечник, похоже матка и почка. Так больно, Гемин, больно... И профессор... — бормотала Асини, дёрнув рукой, которую я схватил. — Прими нас господь... — прошептала сквозь слёзы бледная женщина.

Дёрнулась судорогой, из разреза плеснуло кровью и обмякла, начав стекленеть глазами.

Пиздец, констатировал я, падая жопой на песок. Помотал головой, выдал себе пощёчину (не помогло, но идиотизм заставил сместить сознание на “меня в темноте”, снизив градус “шокового оупения”).

Так, собрался я. Всё это очень печально, но они мертвы, я жив. Надо подумать о живых, резонно заключил я. Первое: мне нужно знать, мог ли я что-то сделать для Арисы. Её диагноз — её, в шоке, после изнасилования и с побочкой. А мне нужно точно знать, иначе и через тысячу лет вспоминать буду.

Мысленно извинился перед мёртвой женщиной, достал из аптечки ланцет, расширил рану и пошевелил внутренности.

Да, Асини права, разрез кишечника, матки и задета почка. Ничего не мог сделать, с некоторым облегчением подумал я, встал и злобно, до хруста рёбер, пнул насильника.

Так, напряжение сбросил. А дальше-то что мне делать, прикрыл глаза я. Готтийцы. Обыскать их, машину. Документы, пресса, любые бумаги. И нужно торопиться — мы чёрте где, но эти ублюдки — солдаты, а значит не одни.

Через полчаса я перебирал бумажный улов. Итак, выходило, что Ант “вероломно напал” на соседа по Нилю. Ну и Готтия, “вступила в войну, защищая союзника”.

Враньё, вообще всё — в войне, согласно газете, участвуют три страны, Ант уже чуть ли не порабощён. При этом, островитяне, которые бы с криками и воплями напинали бы антцам, дай им повод, в войне, судя по газете, не участвуют.

А могли и напасть, прикидывал я. Добрый Хозяин личность такая, “простым смертным” не докладывающая. Мог и кукухой протечь, махнуть лапкой: воюем суды! А армия благословенного Анта ответила — воюем, ура!

А может и провокация Готтии, или соседа... всяко может быть, но и похер.

Война это неважно. Почти так же, как гибель спутников. Блин, жалко их, долбанул я рукой по каркасу машины, почувствовал подступающие слёзы...

И решил не препятствовать. Лучше так, да...

В общем, пару минут я ронял слёзки и шмыгал носом, вспоминая дедушку-профессора, собранную и деловитую Асиру, отправившихся, как за зипунами, за званиями магистра весёлых охотников на рыб... И перестал рыдать и собрался. Потому что, живой я, и надо думать.

И стал я, шмыгая носом, думать. Значит так, нужно сделать так, чтобы прибывшие на поиски пидарасов, пидарасы меня не нашли, а, в идеале, и не искали. Это тезис раз и без этого никак. Дальше будем думать “что делать” глобальнее, а сейчас нужно не сдохнуть.

Значит, у пидарасов в машине что-то вроде “стенограммы”, от гнуси-катеровладельца или сынульки его. На тему “антцы, за сокровищами, в Разилишмитеотепитль, господин офицер!”

Стоп, идти и валить стукача... а в чём он виноват? Кто он нам, сват, брат? И не он убивал и насиловал, просто сообщил. Нет, про него просто забуду. Увижу случайно — сломаю какую-нибудь оконечность, чисто из эстетизма. А не увижу — искать не буду и чёрт с ним.

Все мести заслуживающие — мертвы. Воевать с государствами — глупо. Государства это люди, миллионы людей. Разных, виновных, невиновных, умных глупых... Нет, даже если бы имел возможность — воевать глупо, а и возможности нет.

Но, как-то в городок неназываемый эти гнуси попали, а значит — катер какой. И значит, вскоре будут искать не вернувшихся, скорее всего — уже завтра. А мне нужно сделать так, чтобы не нашли. И главное, меня не искали. Так, прикинул я, окидывая взглядом окрестности. Похоже, нашим мобилем придётся пожертвовать, а готтийский прибрать взамен. И... а, хватит рефлексировать! Огненное погребение — ничем не хуже любого другого, и уж не мне, после бытия Отмороженным магоедом, гимназистку из себя корчить!

В общем, пару часов сортировал барахло, перекидывал важное и нужное на готтийский мобиль. А не нужное оставляя, как есть, в итоге, даже палатку хозяйственную прибрал. Положил в наш мобиль родственников, Арису, призадумался, раздел до исподнего “сторожа” и закинул к нашим. Будет за меня, а кидать туда мародёра, а уж тем более насильника... Ну как-то совсем коробит. И проф, вздохнул я, скривился и чуть опять не пустил слезу —

вспомнил “ульяновскую” улыбку по-детски восторженного старичка.

Но покидал насильника и мародёра в мобиль, да и подвёл его к джунглям. И стал, раздвигая эфирными воздействиями зелень, его загонять. Просеку потом поправлю, мысленно отметил я.

И, за полчаса, не без мата, почти доехал до тела профа. Ещё раз вздохнул, раздел насильника и мародёра, да и убийц. Сгрузил оружие и одежду в мобиль, прикрыл добро брезентом. Злобно отпинал готийских пидарасов подальше, на поживу зверью, поднял профа на руки и грустно побрёл к лагерю.

Проверил тело, собрал документы и прочее — если доживу и вернусь в Ант, верну. Или нет, но пусть будет, на всякий. И положил профа в мобиль. Постоял, мысленно попрощался, да и ухватил полупустую, специально оставленную канистру. Облил палатку, ненужное барахло, ну и, само собой, мобиль, снаружи и изнутри. Закинул канистру в багажник, отошёл и начал эфирными вспышками поджигать.

— Прощайте и простите, если что не так, — вслух произнёс я спутникам.

Всё же, наличие души — факт. Так что может и видят, а что-то им не понравилось. Так что прощения просим, но поступать я всё равно буду по-своему.

Палатка сгорела довольно быстро, а барахло и мобиль полыхали почти час. Но, прогорели. А подойдя, я обнаружил в прогоревшей машине пусть и не скелеты, но вполне обугленные останки.

Сгодится, мысленно поморщился я. А если поисковики скушают — так и похороню потом.

И попёрся я по пути мобиля к джунглям, по пути приглаживая и расправляя траву, а на опушке — и кусты с деревьями. И занимался этим почти до мобиля трофейного, ни на что не обращая внимания, балбес такой...

Впрочем, оправдание у меня есть, только кому они нужны-то?

Дело в том, что неподалёку от мобиля, не особо скрываясь, стояло три человека. Босые, в накинутых шкурах, травяных то ли юбочках, то ли труселях. Очень невысокие, метр шестьдесят, от силы, у самого высокого. Не пигмеи, но очень невысоки. И копыа два крайних держали, молодые, не более двадцати лет. А по центру стоял дядька, лет под сорок (или больше, или меньше — всё же жизнь дикарская не сахар). Явный чародей, хотя немного странный. Улыбнулся мне этот тип широко, да и выдал ломанной человеческой речью:

— Исцелись, большой чародей-душегуб!

14. Тропическая суэта

Первым делом, я внутренне себя успокоил, сознательным усилием. А то уж очень неконструктивная реакция из меня пыталась вырваться: “выморозить попуасиев насмерть, а потом разберёмся”.

Моя душевно-травмированная персона сама провтыкала, да так, что на пути к мобилу, ежели бы желали, меня могли прибить не только попуасии, но и пардус какой. Так что, мне, дураку, как повезло в целом, так и доказало критерием истины, что аборигены меня смертью убивать прямо сейчас не стремятся.

Ну и, соответственно, превентивно убивать их смертью будет не просто нелюбезно, а, скорее, глупо.

Вторым делом, я призадумался над изрыгнутыми чародеем словесами. И, в принципе, невзирая на непривычное произношение, выходило понятно. Правда с невнятными деталями и тонкостями.

“Исцелись” — очевидно, пожелание здравствовать, не в том склонении и спряжении, но в целом понятно.

“Большой” — в общем-то тоже ясно: для чуть более, чем полутораметровых аборигенов, мой метр девяносто с копейками не просто “большой”, а скорее “огромный”.

“Шаман” — не менее очевидно, чародей. Семантика слова-первоисточника скорее религиозная, но в Замороженном Мире религия и колдунство выходят “братья навеки”.

И, наконец, “душегуб”. В антском подобный термин нёс однозначно негативный оттенок, да и в прочих языках, мной изученных, тоже. Однако благожелательная лыба на папуасьей физиономии, во время произнесения, не изменилась ни на брезгливую, ни на ехидную. То есть, очевидно, просто констатация факта, а слово негатива не несёт.

Третьим же делом, стал я приглядываться к папуасиям. Не в плане “Враги. Мочить-мочить!”, а с исследовательским интересом. И, в целом, выходили они нормальные типы. Мелковаты, конечно, тощеваты (кто бы говорил, ехидно встрял внутренний голос), но, очевидно, это следствие их “дикарствования”. Я бы даже сказал, что они более симпатичные внешне, нежели прочие встреченные мной стегасцы. Хотя, прикинув и подумав, понял что дело, как ни забавно, в размерах: грубые, рубленые черты лица были и у троицы, но, за счёт миниатюрности, не столь бросались в глаза, ну и казались изящнее и органичнее.

А так — менее загорелые, чем обитатели городков, с волосами потемнее, не столь выгоревшими, что объясняется обитанием в джунглевом полумраке. Буркалы разноцветные, от светло-карих одного копейщика, к зелени второго, ну и почти синих чародея. Нормальные типы, в общем. Татуировки есть, кстати, но довольно симпатичные и далеко не по всему телу. И костяная серьга у чародея, из зуба какой-то местной пакости. Копейщики серьги были лишены.

И вот блин, не могли подождать хотя бы до завтра, чтоб я свою тонкую душевную организацию в порядок привёл! Впрочем, ладно, успокоился я, соорудил на физиономии умеренно-благожелательное выражение, и изрёк:

— Исцелись, шаман, — чем, судя по довольному лицу, не “наломал дров”. — И вы, исцелитесь, воины.

— Не “воины”, — слегка нахмурился чародей. — Мужики эти — зверобои.

— Дом мой не в одном дне пути, а слова, с расстоянием, меняют смысл, — отвечивал я.

— Меняют, — понимающе покивал чародей. — Что ты хочешь, за свой щедрый дар? — перешёл он к делу.

И началась у нас беседа. Вообще, оказалось, что местные аборигены “болезненно честны”. Не вообще — “враг” или “недоброжелатель” (а было у них аж восемь понятий для людей, ну и два однозначно негативных) мог быть: ограблен, отравлен, убит без каких бы то ни было колебаний. Но, я был уже “знакомым человеком”, да ещё и “соседом”.

То есть, дар мой приняли и местным он “зашёл”. Но, на контакт они не шли, причин почему — я не понимал. А сейчас понял, что воспринимали нас как “незнакомцев”, без агрессии, но и без приязни.

Соответственно, дары были эквивалентом “с неба упало, не без помощи вон того типа, так что спасибо ему мысленно”.

А вот после “смерти племени” и “душегубства врагов”, я не вернулся в “большую деревню”, ну и не уехал на мобиле по своим делам, а, похоронив племя, явно вознамерился поселиться в джунглях. Став из условно-нейтрального незнакомца — соседом. Подарившим ценный и приятный дар, который соседу, по внутреннему папуасьему кодексу, надо вернуть, о чём меня шаман племени и спрашивал, в плане “чего мне желается”.

И куча мыслей бродит в башке, неструктурированных и вообще, а надо разобраться что делать. Так что, вздохнул я, да и выдал: мол, думать мне надо, раньше завтра не скажу. Шаман на это понимающе покивал, да и срулил в туман лесопосадок с копейщиками.

А я, выгрузив из мобиля брезентовый коврик, расселся на нём да и предался медитациям и размышлениям.

Итак, если опустить момент со смертью спутников (сердце, на последнем, болезненно сжалось даже “у меня во тьме”, ну и слезы в глазах появились), выходит такой расклад:

На Ниле идёт война. Насколько сильная — непонятно, пресса воюющей страны закономерно полна лжи и пропаганды. Свойственно это человекам, никуда не денешься.

Так вот, готтийцы, со своим “вторым на Стегасе” флотом, в войну влезли. И до Анта я, банально, не доберусь. Ну, или это будет крайне сложно, с не самой высокой вероятностью успеха — морда лица моя типично “антская”, так что мдя.

Это тезис раз. Далее, вот говорит шаман папуасий, “сосед”. А почему бы и не “да”? Да Анта не доберусь, кроме того, место цели экспедиции известно, а проф, светлая ему память, примерно “куда копать” указал. Книги по археологии есть, голова у меня не самая сообразительная, но и не самая глупая, в наличие имеется.

Так почему бы мне, не без помощи тех же папуасиев, не откопать гробницу? Возможно, там ничего не будет. А, возможно, будет что-то небезынтересное.

Ну и, соответственно, тренироваться, заниматься, сёрфить местный эфир и проводить анализ Архивом.

Если подумать, выходит, что довольно разумный выход-то. Уж на ближайшее время — точно. С голоду не помру, запасов у меня телега, точнее мобиль. Дело — небезынтересное, климат... ну не очень, признал я недостатки климата. Надо бы с барахлом в мобиле подумать, а то пока что ничего, но, уже через несколько дней, всё гнить и ржаветь начнёт нахрен.

Самому-то мобилю пофиг, нержавейка, а вот оружие, барахло — проржавеет и сгниёт, если что-то не придумать. И книги археологические пропадут, что не есть хорошо. Но это

всё вопросы возможного будущего. Которое я, всё-таки, наверное, проведу на раскопках. И интересно, ну и в некотором смысле почти память спутников — пусть и глупо, но было такое иррациональное ощущение.

А из сиюминутных моментов, которые могут всё мной надуманное похерить — готтийцы, пидарсы импортные. Группа гниющих гадов — военные, ну и чёрта с два они на своём каркасно-брезентовом мобиле пёрли от океана. Соответственно, некое судно, катер речной какой, стоит в городке со сложным названием. Иначе, чёрта с два бы нас эти гады нашли.

А значит, завтра с утра эти пидарасы корабельные забеспокоятся, куда делись их гадкие посланцы. И, высоковероятно, либо пришлют группу “посолиднее”, либо вообще приплывут своей речной калошей, проверять. И будет это в ближайшие два дня, позже — уже маловероятно.

Соответственно, приплывают-приезжают готтийские сволочи, ну и видят сожжённый лагерь с костяками. И послатых, соответственно, нет.

В то, что найдут “путь мобилы” — банально не верю. Это саванна и джунгли: уже сейчас “путь отхода” без псины какой не обнаружишь. А завтра следов не останется даже для “обонятельного биомодуля”.

Значит, для готтийцев выходит такая картина: направились команда “потрясти гадких антцев”, на тему сокровищ несметных. Антцы мёртвые, а группы нет. В то, что какому-то психу придёт в голову мобиль ныкать в джунглях... Нет, бред, не подумают.

И о смерти группы ищущие знать не будут, соответственно, наиболее логичный вывод: послатые антцев перебили, но у тех сокровища были совсем несметные. Столь несметные, что четвёрка сокровища прихватила, да и дезертировала, уехав в неизвестном направлении.

Наиболее логичный вывод, следовательно, если пидарасы готтийские кого искать и будут, так это своих дезертиров, по городкам окрестным. А никак не меня с мобилем, в джунглях сныканых.

А значит: ждём явки готтийцев. То, что я себе надумал — высоковероятно, а не гарантированно. Заберусь, прикинул я, наверное, на дерево какое, подальше полусотни метров “уверенной чародейской сенсорки”. Присмотрю за явившимися гадами. А дальше, по результатам, будем решать.

На этом я мысли мудрые свои прервал, слегка перекусил всухомятку, обложился колючей проволокой и верёвками противозмейскими, ну уснул, потому что переживания и события уходящего дня просто требовали утрясти себя во сне.

Проснулся я на рассвете, не от парда какого или змеюки, а от задумчивого, но довольно громкого бормотания:

— Хорошая ограда, однако, — бормотал шаман, посасывая явно травмированный колючкой палец. — Острая. Шаман-душегуб, — отметил он моё просыпание. — Ты решил, чем племя отплатит тебе?

— Пока нет, шаман, — отвечивал я. — Скоро явятся соплеменники врагов, — пояснил я на недовольную физиономию шамана. — Вот когда уйдут ни с чем — скажу. А так — помру сегодня или завтра, какой тут дар?

— Мудро говоришь, — понимающе покивал шаман. — Враги... зверобои племени могут тебе помочь, — произнеся это он морщился, как от зубной боли, видимо страдал, но предлагал, молодец такой.

— Не нужно, — помотал я башкой, на что дядька буквально “расцвёл”. — Я не хочу убивать врагов. Убийцы моего племени — мертвы, я — один. Пусть думают, что я умер.

— Хорошо, большой шаман, я понял твои слова. Зверобои присмотрят за врагами, но не будут их добывать. А когда обманутые простофили, — на этом он по-девичночи хихикнул. — Опозоренные уйдут, приду к тебе говорить.

— Угусь, — покивал я.

Ну и вторично, на моей памяти, ускакал шаман в туман джунглевой лесополосы. Временами хихикая: очевидно, учитывая скрытность существования и прочие моменты, “налюбить вражину” считалось не только “крутым”, но и предельно забавным у местных.

А я, сварив (не без труда, да и зарёкся до решения “готтийского вопроса” разводить костёр из местных “гнилушек” — дымил, как сволочь, да и горел хреново) пожрать, выудил из своего скраба бинокль, трофей с пидарасов, да и окинул взором окружающий меня пейзаж. Прихватил пару верёвок, присмотрел какую-то баобабинку, вроде подходящую, и задумался.

Чувство животных, на баобабине, выявило пропасть всяческой пакости животного толка. То есть, вот полезу я, а меня за ценный элемент организма животного какая, типа белки клыкастой укусит. Если вообще не змеюка.

В общем, начал я взбираться по древесине, нафиг раскидывая всю живность над собой. Эфирным воздействием, подальше, от греха.

Живность исправно раскидывалась, но я разочек, на полпути, чуть не навернулся с лесины.

Дело в том, что наткнулся я на весьма толстую и большую змеюку. Подозреваю, не ядовитую, скорее душителю, уж больно велика. Ну да не суть. Почуял ее, примерился, ну и метнул телекинетическим воздействием подальше.

Вот только выражение морды змеюки, с вытаращенными глазами, до смеха напоминала одну виверну из Земного Края, попавшую под гнёт черныбыльских быдл. Несколько, конечно, отличалось, но в целом: “Граждане! Да что ж это творится-то?! Сижу, никого не трогаю — а меня в пропасть! И ни укусить, ни придушить... Безобразие!”

Именно с такой мордой змеюка летела в пропасть, а я ржал, натурально боясь навернуться. Впрочем, собрался и уже в более позитивном настроении стал взбираться дальше.

Очевидно, мудрая психика решила, что мне нужна встряска, ну и “истерика смехом” вполне мне помогла, если не избавив, то притушив остроту сожаления.

И, в итоге, забрался я на баобабинку, с помощью верёвок, развилки дерева, ну и флористической матери, сотворил себе сносное гнездо-сидушку и принялся наблюдать. Листва баобабины меня надёжно скрывала, место лагеря прекрасно просматривалось. Птицы, ранее расшуганные, возвращались на дерево, противными криками выражая возмущение.

Благодать, в общем. Я даже закурил, не без сожаления отметив, что через месяц-другой мне будет и нечего. Если всё пойдёт по запланированному, конечно.

Посидел, минут двадцать, ну и логично заскучал, начав от нечего делать возиться в эфирном плане. И, в один из десятиминутных “приходов в себя”, во время которых я осматривался, обнаружил в бинокль бодро шуршащий по Жёлтой катер. Немаленький и явно военный.

Так, подумал я, напряженно вглядываясь в плывущих биноклем. Катер подплыл к колену, сбросил некие сходни, ну и выпустил из своих недр пяток готтийцев в военной форме и какого-то, явного местного, типа.

Место лагеря с реки просматривалось, прогоревший остов мобилия был заметен, так что почесали готтийские пидарасы и непонятно какой местный к лагерю. Походили, в машину позаглядывали, обгорелые ящики попинали.

Я же боролся с сильным желанием отбросить бинокль, да и перестрелять гадов из Росси. Но, не без труда, поборол естественный порыв.

Тем временем, местный тип понарезал круги вокруг лагеря, и держал ответ перед явным готтийским офицером. Судя по просматриваемой моде готтийца и жестам собеседников, диалог происходил в таком ключе:

— Куда подевались мои верные пидерасы?

— Не могу знать! А они вообще тут были, вашество?

— Издеваешься, смерд?! Антцы дохлые, а они такие сволочи, что без доброй готтийской пидарасины не помирают! Так что были! Говори, куда делись. А то отрежем ногу, по самую голову!

— Не могу знать, вашество! — пожимал плечами и разводил лапами местный. — Если и были, уехали куда. Тут их точно нет. И следов нет.

— Дебил... — отчётливо читалось на офицерьей морде.

После этой, мысленно мной озвученной пантомимы, офицер сплюнул на землю, развернулся, ну и умаршировал к катеру, со своими ещё живыми пидарасами.

Местный же постоял, попырился готтийцам вслед, сплюнул на землю, показал им в спину жест, ну и скорбно потелепался пешком, вниз по течению Жёлтой. Даже жалко его немного стало: тридцать километров, может за день не успеть, а ночевать в саване без лагерных приспособлений — дело не слишком способствующее продолжительной жизни.

Готтийская калоша простояла у берега с час. Я, признаться, следил за ними с немалым напряжением: если начнут “прочёсывать”, то надо будет их воевать. Какая-то часть меня этому, скорее, радовалась, вот только...

Ну, предположим, я не убьюсь и перебью готтийских пидарасов целиком. Это возможно, хотя и сдохнуть при этом я имею все шансы.

И вот, пропадает не “четыре пидараса за сокровищами”, а полноценный боевой катер. Это если я его вообще затопить смогу, что не факт.

В общем, готтийцы начнут разбираться, уже не одним, а двумя катерами и так далее. А я, значит, буду, весь из себя неуловимый и неуязвимый, их воевать до смерти.

Воображение представило многометровую, перекрывающую Жёлтую, гору. Состоящую из готтских корыт, непременно украшенную тысячами выбеленных черепов, ну и лениво-усталый голос с вершины, несомненно мой: “Опять готтийцы? Как же вы меня достали!”

Впрочем, готтийцы столь печальной судьбы своей нации не пожелали. По истечению часа корыто сходни прибрало, ну и уплыло вдаль.

То есть, очевидно, теория “сбежавших с сокровищем” пидарасов принята. А мне надо заниматься своими делами и “не светиться”, рассуждал я, спускаясь с древесины. Ладно, шаман грозился быть, так что разберёмся.

Спустился, перебрал барахло, печально отметил его влажность, да и углубился в книги по археологии, пока они вообще у меня есть. Впрочем, после обеда всухомятку, парадоксальным образом стимулирующего ум, я нашёл замечательный способ книги

“хоронить”.

А именно, секунду взглядывался в разворот, отдавал команду Архиву, переворачивал страницу, взглядывался в разворот следующий.

И имел я к вечеру полную библиотеку всей наличной литературы, рекомендаций, наставлений и прочего. Естественно, не в памяти себя, но архивная читка гораздо быстрее обычной, а знания, даже если всё к чёрту сгниёт, не пропадут.

Ну и заснул, гораздо спокойнее, чем вчера, отгородившись проволокой и антизмеЙскими верёвками.

Пробудил, на рассвете, меня всё тот же шаман, шевелящий колючую проволоку палочкой и тем самым производящий будительные звуки.

Что меня порадовало — начал просыпаться я раньше, то есть тело и разум, приходя в норму, на присутствие посторонних начало реагировать до побудки.

— Смешно вышло с врагами, — оповестил меня шаман. — Уплыли, совсем глупые, — захихикал он, ну и хихикал, размахивая руками и хлопая себя по ляхам, минуту, пока я поднимался-собирался. — Так чего ты хочешь, большой шаман? — перестав хихикать, требовательно уставился он на меня.

— Дом мне нужен, — ответил я. — А это не дом, телега, повозка, — пояснил я на жест в сторону мобилия, на что шаман понятиливо кивнул. — В деревне вашей...

— Нет! — аж отпрыгнул, выпучив очи, шаман.

— Не понял, — констатировал я, жестом пригласил собеседника присесть и завёл беседу.

Заняла она, наверное, с полдня: что-то я не понимал, какие-то мои вопросы не понимал собеседник. В чём я точно убедился, так это в том, что аборигены не только патологически честны, к “не врагам”, но и не менее патологически правдивы. И, не могу сказать, что мне это не понравилось, да и сам я решил папуасам в ответ не врать и не кидать. Потому что честно.

А, по делу, выходила довольно любопытная картина. Племя собеседника числом насчитывает от полутора до двух сотен папуасов. Точнее я выяснять не стал, уж очень художественно страдал и морщился собеседник.

Далее, очевидно, некогда, когда деревенька была “на берегу большой воды” (ныне, как я понял, она в глубине джунглей, в километре или двух от реки), был некий неприятный прецедент, связанный с попами и детьми аборигенов. К последним, кстати, у папуасов был закономерный пиетет, но это вопрос два.

А вот с попами вышло нехорошо. Кстати, возможно, попы и не гады, со своей точки зрения — хотели “дитёнок из дикости” вырвать. Но местным на хотелки попов монопенисуально, у них своя жизнь.

Которые попы порушили, увезя половину детей (остальные убежали), изувечив (очевидно, полагая мёртвым) шамана. Перебив часть пытающихся остановить беспредельщиков взрослых.

И тут встаёт вопрос отношения аборигенов к детям. Итак, племена живут в большинства своём вдоль реки, редко насчитывают более полутысячи рыл, торгуют с городками и менять образ жизни не желают. Им и так комфортно.

При этом, инбридинг, невзирая на “перекрёстное опыление”, в виде “уходящего за женой”, а, по итогам “остающегося с женой” парня — норма.

Причём, в рамках генетики замороженного мира, вроде и ничего страшного.

Мифология, например, знала и Эдипа и Электру, точнее их аналоги. Вот только мифы были “не такими”.

Эдип, прибив папашу и женившись на мамаше, был до хрена счастлив. И узнав о родстве парочка не рассталась. И даже, “при седых волосах”, обзавелись детёнком “прекрасным как рассвет”.

То есть, основная мысль, что желание потрахаться, приправленное “истенной любовью”, всё преодолет. Вторичная, ну и немаловажная мысль, это: “хотите дитёнка в обозримом будущем, а не “чудом” при седых мудях — подбирайте партнёра не среди близких родичей”.

С аналогом Электры выходило “похуже”: после годов потрахушек ейный батя завёл “настоящую” жону, от которой был дитёнок, а Электре пришлось довольствоваться ролью служанки-наложницы и помирать бездетной. Но в целом — тоже не самый негативный миф.

То есть, в рамках имеющихся “улучшений”, инцест в Стегасе был делом не только семейным, но и не осуждаемым. Разве что, в большинстве своём, идиотами такие пары считали, поскольку потомство у них — редкость великая.

Так вот, в ограниченной популяции местных папуасов вообще, ну и в конкретном племени в частности, с зачатием были серьёзные проблемы. А со смертностью — проблем не было никаких. И поповий набег чуть племя нахер не угробил. Но справились, хотя численности “руки рук рука” допоповья племя не достигло до сих пор.

Но последствия, как понятно, были. Первое, племя сныкалось в джунглях, рыбача аккуратно и стараясь на глаза никому не попадаться. Контакт с внешним миром и даже торговлю имели, но “специально обученными душегубами без страха смерти”, то есть, как я понял, специальными воинами, обученными как убивать, так и готовыми умереть, если что.

Второе, на попов у местных появилась не просто аллергия, но табу, ярко выраженное. А я, по местной классификации... ну непонятный. Чистого попа они бы попытались убить или спрятаться. Местных городских “послушников-мастеровых” — просто обходили, не приближались и не разговаривали, понимая полезность, но испытывая неприязнь.

А я, в глазах шамана, “на полшишчки поповский”, но не более. То есть, общаться можно, на соседа тяну, но к деревне меня не подпустят.

“За детей страшно”, честно признал шаман.

Ну, в определённом смысле, понять местных можно. Хотя, может даже и к лучшему — деревня папуасья выходит примерно километров на пять подальше от развалин, чем моё текущее месторасположение.

То есть, какую-то хижину, вне окрестностей деревни, папуасы готовы “с радостью” мне сбацать, в качестве “ответного дара”.

Ну, пусть бацают, довольно заключил я, по обдумыванию и прикидкам.

И позвал шамана с собой, мол, место покажу, где жить желаю. Шаман кивнул и попёрся за мной с телохранителями своими. А я смотрел на них и завидовал: босые, но об местную гадкую траву не режутся. Вот совершенно произвольно, на рефлекс ставят ходилки так, чтоб не шуметь и на пакость не наткнуться. А я в тяжёлых ботинках прею, которые такими темпами сгниют нахрен, поскольку чёрта с два их высушишь.

В итоге, припёрлись мы к развалинам, я на папуасов внимательно смотрел — ну мало ли, свячёное место, или табу. Но нет, осмотрел развалины шаман равнодушным взглядом, да и уставился на меня как на идиота.

— Ты, большой шаман, когда на дерево лез, головой не стучался? — заботливо

полюбопытствовал папуас. — Точно ТУТ, — обвёл он весьма заросшую кустами и колдобистую, из-за развалин, поляну рукой, — жить хочешь?

— Неподалеку, хотелось бы, — озвучил я. — И хорошо бы, чтобы вода для питья рядом была, — размечтался я.

Уверенность в моей “стукнутости” физиономию аборигена покинула, он нахмурился, пошушукался с телохранителями да и попёрся куда-то, поманив меня за собой.

И, кстати, судя по всему, вверх, отметил я, следуя за папуасами. А через десяток минут привёл меня шаман на совершенно роскошное место. Я не понял, был ли это здоровенный холм, или этакое основание плато — деревья, почти как власти, “всё скрывали”.

Но, привёл меня шаман к скале из плотного песчаника, метров в пятнадцать высотой, с которой падал небольшой водопадик. Падал в чашу с водой, метров, наверное, шести диаметром, ну и вытекал, скрываясь в джунглях и, очевидно, вливаясь в Жёлтую.

В чём была прелесть места, помимо пресной воды: песчаное ложе озера и ручья. Отсутствие зелени в радиусе метров двадцати: мои спутники, да и я шурились от яркого вечернего солнца.

Ну и, как следствие, в этом месте, конечно, влажно от водоёма. Но не парящая и истекающая капелью звиздецома джунглей.

— Хорошее место, — довольно покивал шаман на мою довольную рожу. — Племя бы здесь жило, но нам большая вода нужна, бабы отсюда не дойдут. И... — сам себя заткнул он, в очередной раз подтвердив “табуриованность” спиногрызов в моём присутствии. — Хочешь — построим дом.

— Хочу, — не стал ломаться я. — Мне бы ещё вещи сюда перенести, — закинул я удочку.

— А-а-а... — с вполне понятным выражением протянул шаман.

— Нож? — уточнил я, на что собеседник помотал головой.

— Много нож. Не надо, — выдал он. — Вкусное-сладкое есть? — с надеждой уставился он на меня.

— Такого как было — нет, — прикинул я количество шоколада. — Но другое есть.

— Перенесём, — решительно кивнул шаман. — И дом построим. Но темно скоро, — тонко намекнул он на толстые обстоятельства.

— Тогда завтра, — заключил я.

Ну и расстались мы, а я попёрся в обратный путь. Кстати, чувство направления, как отметил я, было изумительным — я помнил, где развалины, ну и где мобиль, невзирая на нарезаемые кругая в джунглях.

С утра я проснулся сам, ну и увидел выбравшихся из зарослей папуасов, в количестве человек двадцати, под предводительством шамана.

После пожелания исцелится, я начал сортировать и разбирать добро. Мобиль, как понятно, останется тут, но он из нержавеющей, брезент пропитан каким-то вариантом резины. Шины не дутые, цельные, так что если что и сломается, так только набивка сидений, что и похрен, логично заключил я.

В общем, все кроме шамана, нагрузились, да и потопали к месту моего жилья. Передавая оружие я... ну несколько задумался, хотя попуасии приняли стволы с благоговением, ну и желание присвоить их не выказали. На мой вопрос по дороге, шаман с гордостью ответил, что у племени есть “аж две гром-палки”. Впрочем, несколько нахмурившись, признал, что одна “совсем плохая”.

А через полчаса начала пути, нам встретила (а мне впервые) семейка пардусов: пантерообразных кошачьих, в четыре особи, с полутораметровым (без учёта хвоста) телом. Ну и три самки по метру, причём присматривались к нам с гастрономическим интересом, с нижних ветвей двух деревьев. Носильщики замерли, а я переполошился — они ж добро моё покидают! Нет, причину понять я могу, но это категорически не можно!

Ну и пока не совершилось диверсии, вызвал серию эфирных вспышек поярче, в направлении кошатин. Кошатиным вспышки явно не понравились, так что, с противным, рычащим мявом семейка кошачьих скрылась в джунглях.

— Сильный шаман, — одобрительно покивал папуасий.

Да и продолжили мы путь, ещё через полчаса оказавшись у водопада. Расстелил я на песочке брезент, раскинул барахло, субсидировал шамана килограммом карамели. Причём, попробовав конфетину, папуас вернул две трети!

При этом, как понятно, вопрос “расхищения” даже не стоял.

И вот, собралась двадцатка, пока я занимался сортировкой, да и учесала. За домом моим, как сообщил оставшийся в одиночестве шаман, блаженно развалившийся на песочке и с интересом наблюдающий за мной.

А я, начав с чистки своего многочисленного арсенала, логично призадумался — а не слишком ли я благодушен и доверчив? А не таят ли папусии коварные, нож мне в спину, сообразно своему папуасьему коварству?

Ну и выходило, что точно нет. Возможности прибить меня у них было за последние сутки достаточно. Реально, не один и не два раза.

“Богатства” мои немеренные... Ну да, богатства, для местных вообще сокровища, вот только папуасы выходят честные, без кавычек. Есть у них собственная “оценочная шкала”, в рамках её и действуют.

То есть, если и есть какое-то “немыслимо хитрое коварство, с усыплением бдительности”, то оно столь хитрое, коварное и папуасье, что я от него не уберегусь, потому что не пойму ни хрена.

На всякий случай любопытствовал я у шамана, не примет ли в дар, безвозмездно, то есть даром, он лично либо племя карабин.

Дядька аж с песочка подпрыгнул, очи на меня выпучил, башкой завращал. Потеребил я его вопросами хитрыми, в разной конфигурации.

Ну и выходит никак. Любой “подарок” — с “отдарком”, просто “впечатанный” в папуасов культурный код. То есть, племени тот же карабин был бы очень нелишним. Но племя не готово отдать столько, во сколько он оценён. А бесплатно брать не будет вообще.

— А если я вашу гром-палку почию? — уже всерьёз задумался я.

— Как шаманы из большой деревни? — уточнил собеседник, на что я кивнул. — Хорошо будет. А что хочешь?

— Рыбы, фруктов, — прикинул я. — Много не надо, я один всё же.

— Долго приносить будем, — закатив глаза выдал шаман.

— Долго не надо, думаю сочтёмся. У меня дело будет, как дом поставите, — озвучил я.

— Говорить будем, — протянул дядька.

— Будем, — констатировал я.

Через некоторое время вернулась двадцатка, причём с десятком женщин, все тяжело груженные. И, очевидно, в качестве охраны, три копейщика с аж стальными наконечниками, ну и два мушкетёра. С натуральными, прости историческая достоверность, мушкетами.

Дульнозарядными, похоже, с кремнёвым, мать его, замком.

В общем, вид этого антиквариата, полутысячелетнего тому назад срока “разлива”, ввёл меня в печаль. А шаман, подзвав одного из мушкетёров, благоговейно передал пятикилограммовую, гранёную дуру мне.

Папуасы вокруг скопились, с интересом взирая на меня, но шаман на них нарывкал, и народ разбежался по делам. За мной же остались следить только “воины” и шаман.

Ну а я скорбно разглядывал и вращал в лапах это “порождение старины глубокой”. Ну ладно, раздолбанный, как бы не многовековым, употреблением гранёный ствол — пуля, как выяснил я, постучав и извлеки заряд, лилась, так что пофиг, хотя звездец, конечно.

А основная проблема сего карамультука была в раздолбанном запальном отверстии, через которое порох на полке, конечно, основной заряд поджигал, вот только половина действия этого основного заряда в запальную дыру и вырывалось. Присмотревшись к мушкетёру, я заметил на его лапах и даже физиономии шрамы, явно от ожогов. В общем, звездец выходит, а не оружие.

При этом, порох был бездымным, довольно высокого качества. Очевидно, обмениваемый племенем “у городских”.

В общем, бардак и так жить нельзя, веско постановил я. Так, ну с гильзами я местным помогу, а что в них пихать будут — что литую пулю, что дробь, да хоть камни — непринципиально.

Инициатором у нас будет кремень, от этого без капсуля мы никуда не денемся, начал прикидывать я, припоминая мне известное и просматривая доступные “оружейные схемы” эфирных шаблонов. А вот капсуль, в текущих реалиях, выходит лишнее усложнение. Инициатор сделать — местные не потянут. А раз так, значит: кремень будет у нас воспламенять затравку, затыкая собой запальное отверстие. Со временем кремень, конечно, разрушится, но, судя по топорам папуасов — вот с чем-чем, а с кремнем проблем не будет.

Далее, дульнозарядное оружие — бред и фигня, а значит, будет у нас переломное ружжо. Этакий нездоровый гибрид переломного ружья и мушкета, хмыкнул я, прикинул, да и решил от гильзы отказаться: раз капсуля нет, то гильза — лишние сложности. Значит, патрон помещается в ствол с казны, сыплется порох, замок защёлкивается, а излишек пороха выдавливается в брандструбку. Кремневый ударник по ней херачит, воспламеняя порох затравки, а потом и весь заряд.

Ну, в принципе, на порядок технологичнее текущего угрёбища выходит, прикинул я. Не фонтан, конечно, но в реалиях племени — вполне ничего. С дробью правда пусть сами думают: мне возится с ней неохота, честно признал я.

Ну и начал, в рамках надуманного, осуществлять эфирное воздействие на карамультук. Схемы “классические”, отпечатанные в эфире, требовали нагрева и прочего подобного. Но, были схемы и без нагрева, для изготовления инструментов и некоторых видов холодного оружия. А я, как понятно, эфирно прописанным техпроцессом не ограничен. И, за шесть часов, надуманное надругательство учинил. Кстати, пару кило лишнего металла у меня сохранилось — думаю возьму как “плату”. А то, судя по удивлённым ромам, мне чего-нибудь ненужное всучить могут, а сталь тут знатная, явно не одну сотню лет пережившая.

— Подойди, — тыкнул я перстом в мушкетёра. — Смотри.

Ну и, прихватив порох, сделал подходящую пулю, показал, как и чего, протянув ружье мушкетёру.

— Попробуй, — предложил я сведшему глаза в кучку папуасу.

Шаман вопросительно зыркнувшему на него мушкетёру кивнул, ну и выпалил ружьеносец в дерево. Что приятно, отметил я, формируя из части оставшегося металла пулелейку, выхлопа из брандструбки почти нет, а значит — всё работает. От расколотого кремня, если что, стрелка обережёт широкий боёк. В общем — сносно.

— Железо возьму как плату за работу, — выдал я пучащему очи шаману. — Это моя цена и она честная, — отрезал я.

А пока судорожно вживающийся в новые реалии шаман размышлял, я давал инструкции мушкетёру. В отличие от шамана, от него слов кроме “мая понимай” и “моя не понимай” я не слышал, но, судя по действиям, слова мои мудрые он воспринял.

А сам факт масштабного “инженерного воздействия”, причём не по лекалу, искренне порадовал меня. Да, не “великий механизм”, да и прямо скажем, моя поделка была химерой. Но, в рамках имеющихся реалий, выходило вполне вменяемое техническое решение, погладил я мысленно себя по умной голове. Ну и эфирное воздействие вполне корректно и грамотно осуществлено, умеренно погордился я.

А перестав заниматься ерундой, обратил я внимание на копошащихся “строителей”, поскольку все шесть часов я был весьма сосредоточен на сотворении “карамультик версии 2.0”.

И, на данном этапе, выходила довольно любопытная картина: на двадцати, заглубленных и забитых в песок толстых бамбуковых основах, был уже вполне удобоваримый, дощатый пол, покрытый циновками. Размеры были примерно пять на пять метров, более чем достаточно для одного. В центре, на каменюках, располагался каменный очаг. Ну и каркас стен, частично прикрытых лёгкими досками, подпирал скатную крышу из пальмовых листьев и травы.

Хижина, конечно, та ещё, но всё равно неплохо. А окон и дверей нет, видимо, внахлёт прикрываются циновками.

В общем-то, за последующие четыре часа папуасии хижину окончательно построили, сделали мне ручкой и удалились.

На моё “будет разговор” шаман покивал, ну и пригрозил присылать на рассвете “зверобоя”, который передаст мою просьбу о встрече, когда я “буду готов”. И довольно многословно поблагодарил за карамультик-переломку. Спорить о “цене, запрошенной мастером” не стал, но явно был благодарен, что и неплохо.

А у меня вышла вполне сносная хижина, даже с горшками, травяным ложем и гамаком, отметил я, складирова свои пожитки. Весьма неплохо, вообще-то.

А отсрочка разговора о “раскопках” была связана вот с чем: понятно, что в местной оценочной шкале, мой “инженерный перформанс” весьма ценен, невзирая на “обозначенную” плату. И, если бы я просил копать сразу, велика вероятность, что согласились бы и очень дёшево. Причём, во вред деревне.

А уже “в процессе работы”, не имея возможности в рамках “культурного кода” взять сторяча данное слово взад, папуасии стали бы винить в “неустройении” меня. Ну свойство такое у людей, даже весьма симпатичных. И привести это, теоретически, могло даже к объявлению меня “врагом”. Вряд ли, но недоброжелательность точно бы появилась, факт. А она мне с попуасиями нахрен не сдалась, я тут, похоже, надолго. Ну и, соответственно, вопрос “копать” и сколько это будет “стоять” лучше решать одев сапоги на свежую голову.

И вот “сапоги”, были второй причиной “отложенного разговора”. Ласты мои в местной

жаре и тяжёлых ботинках потели нестерпимо, ну и не смешно это не разу. При этом, попытка пройти босым или в сандалетах, закономерно привела к царапинам — ну нет у меня “рефлекса джунглевого хождения”, как у папуасов.

И вот, решил я решить вопрос кардинально: место моей локализации определено, это окрестности водоёма и развалины. А значит, я просто местную гадкую колючую траву нафиг изведу эфирным воздействием! И даже, наверное, аналог мостовой проложу, благо, бамбучин в округе хватает.

И до темноты изводил траву в округе, умылся из озерка, порадовавшись весьма тёплой водой, ну и лёг спать, прикрыв хижину колючкой.

Проснулся на рассвете, помахал рукой в смысле “не сейчас” припершемся и исчезнувшему папуасию и... распугал, наверное, всю живность в километре окрест.

Дело вот в чём — умываясь водой из озерка, я отметил приятную, возможно даже чрезмерно тёплую температуру. Ну и решил, значит, поплавать немного, разогнался и сиганул в озерцо. Ну и с жуткими визгами выскочил из него: под верхним слоем тёплой воды, сантиметров в двадцать-тридцать, была водичка градусов десяти.

Разбор полётов показал, что водопадик — это явный родник, выход холодных грунтовых вод. Верхняя часть прудика прогревается, ручей из него вытекает тёплый, но само озерцо — мдя. Это хорошо, что сердце молодое и здоровое, а то и помереть нахрен мог от “утреннего купания”.

Вот и ещё одна задача для работы, хмыкнул я и начал пробиваться к развалинам, ломая и кроша бамбучины и прокладывая “мощёную дорогу”.

Живности мне не встречалось, тишину джунглей нарушали лишь хлопки раскальваемого бамбука и треск валимых деревьев (делал я всё это, как понятно, эфиром).

Очевидно, местная фауна, различной хищности, связываться со столь громким психом не пожелала, ну и, соответственно, передислоцировалась подальше от греха.

И к начинающимся сумеркам я как проложил дорогу, так и расчистил площади от гадкой травы. И к хижине возвращался босой, по “бамбуковой брусчатке”, что не может не радовать.

И, уже в наступающей темноте, вырыл “вниз по течению” ручья купальню, небольшую, но ополоснуться-помыться милое дело, да и “холодное озеро” выйдет за источник чистой воды. И, кстати, можно охлаждать и некоторые продукты хранить, в горшках каких, прикидывал я, засыпая.

С утра я явившийся папуасий был извещён моим “тащи шамана!”, кивнул и утопал. А я не без удовольствия принял тёплую ванну, перед явкой поставщика дешёвой копательной силы.

Шаман припёрся, присел напротив меня на циновку, ну и вопросительно на меня уставился.

— Мне нужно выкопать, на той поляне с камнями, — начал я. — Яму, шагов в двадцать глубиной. И в полтора моих роста шириной. Укрепить стены, чтоб не разваливались, и... канал, до самой глубины, чтоб отводил воду, — прикинул я.

— Время нынче сухое, — задумчиво протянул шаман, намекая на недавно начавшийся “сухой сезон”.

— Всё равно нужно, — выдал я.

— К духам попасть хочешь, — выдал шаман, очевидно какие-то местные религиозные заморочки. — Много работы, большой шаман, — констатировал он.

— Много, — не стал спорить я. — Но я помогу, в меру сил. И мне это надо. Могу отдать карабин, — указал я на висящий на стене хижины ствол.

— Гром-палка слишком много, — безапелляционно ответил шаман. — И так ты сделал новую гром палку и не берёшь новый дар, предки огорчиться могут, — нахмурился он, покачав головой. — Но много надо копать, да, — поджал он губы, прикрыв глаза. — Всех мужчин племени нельзя — голодно будет, — выдал вердикт он. — Но сделаем, если ты поможешь в двух вещах. Вещи от тебя я брать не буду, — помотал он головой, — предки разгневаются и племя умрёт. А вот трудами ты нам поможешь, — начал лыбиться нашедший выход шаман.

— Какими трудами? — неворосторженно любопытствовал ленивый я.

Ну реально, запряжёт круглое таскать и квадратное катать, папуасий хитрый, обеспокоился я.

Впрочем, оказалось что всё не так страшно.

Итак, “специально обученные папуасы” торгуют с городком, ближе к концу сухого сезона. Кстати, про меня шаман побожился “молчать” за всё племя, что с их честностью меня в целом удовлетворило.

Торгуют значит, выменивая ножи металлические, карамульки доисторические, порох, ткань, верёвки. Скажем так, полезные технические прибудины в папуасьем быту.

И вот чем они, собственно “торгуют”: помимо какой-то растительной пакости, которой занимаются “женщины племени”, основным меновым товаром являются плоды охоты. Шкуры, рога, зубы различных речных и саванных хищников.

Собственно, в джунглях дикари, как я понял, жили, потому что в саванне их бы нахрен скушали — пусть и относительно редкая, но здоровая и агрессивная фауна саваны выходило опаснее джунглевой. Тут пардусы, с которыми папуасы вообще старались не связываться, да змеи, заметные и довольно чётка локализованные микроклиматом.

А в саване и львы, и всеядные(!) слоны, и кошачьи стайного типа, вроде гиен. Это не говоря о стадах рогатых скотов, которые тоже прибьют, в смысле забодаю, ну и будут врать, что так и было.

В реке ещё и крокодилы всяческие, но это вопрос отдельный.

В общем, жить в саване папуасии отказывались, потому что хотели жить. Но, при этом, основой меновой торговли были плоды охоты, как раз в середине и ближе к концу сухого сезона, когда стада всяких рогоносцев перебирались к побережью Жёлтой, ну и хищная фауна вслед за ними.

Охота, невзирая на пару крамультуков, была небезопасная, поджимающий губы шаман печально сообщил, что редко год бывает без смерти “зверобоя”, а то и двух и даже трёх, совсем печально дополнил он.

Но охотится нужно, на продажу, да и самим папуасиям, в плане пожрать и поделок. И вот, хотел за “копку” шаман привлечь меня к охоте, снизив вероятность “умирания зверобоев”. Вполне логично и справедливо, заключил мысленно я. А, с учётом моего арсенала, мне это будет скорее развлечение, а папуасам, по сути, жизнь.

— Естественно помогу, в смысле побьём зверя, — выдал я довольно улыбнувшемуся шаману.

— И ещё, большой шаман, одно дело справишь, — вдруг выдал собеседник.

— И какое? — припомнив папуасье коварство и прочее приподнял бровь я.

— Вот этим поработать надо, — нагнувшись к хренеющему мне выдал папуас.

И тычет, паразит такой, клешней своей извращенческой, мне, извиняюсь, в писюн!

15. Всяческая охота

Естественная реакция в ответ на непотребную клешню, в стиле: “нахер прибить яойщика, тыкающего извращенческим пальцем в интимное”, была мной героически подавлена. Отодвинувшись от папуасьего извращуги (вне зависимости ни от чего, тыкать в мой хобот пальцами можно только и исключительно дамам!), я призадумался.

В принципе, данная “отработка” — логична. О проблеме с рождаемостью, связанной с инбридингом как шаман говорил (пусть и не прямо), так и я сам рассуждал.

Конечно, “логична” если только не окажется, что “маленький шаман” возжелал яойщины с “большим шаманом”. Тогда я его неотвратимо трахну. Несколько раз, не тем способом, что извращенцы подразумевают. Но трахну, сильно и больно.

А если местным дамам нужен семенной материал — так я, в целом, не против. Воздержание моё длилось с момента расставания с Соной, что, вроде и не критично, но “ручное решение встающего вопроса” не самый приятный вариант.

А уж ситуация с готтийскими пидарасами вообще не способствовала нижепоясным порывам. Но, в целом — я не против. Вопрос потомства, если таковое и будет, дело местных. Ни я возможных отпрысков не увижу, ни они меня. Скорее всего, забеременевших дам разберут, причём радостно, мужчины племени. Мне не слишком приятная, но в реалиях как Мира, так и племени — более чем оправданная ситуация.

В общем, расклад “этически странный”, но, в целом — “да”, окончательно решил я, ну и полюбопытствовал вслух (на всякий случай, приготовившись трахать шамана по голове, если вариант с “яойщиной” окажется реальным):

— И как мне предстоит этим, — показал я на “это”, — работать?

Отвечая, шаман ожидаемо огласил, что надо “осеменить дам племени”. На что я и кивнул, согласно надуманным мной раскладам.

После чего стали мы с папуасием обговаривать и утрясать “технические детали”. К счастью, не в плане “осеменения”: последнее шаман, святой человек, изволил предоставить мне, в плане “придёт баба с копщиками, ты её того”. На этом детали обсуждения этой части “оплаты” и заканчивались.

А вот вопрос, сколько копщиков, как и чего — был не праздным. В итоге мы потелепались к развалинам, где я, вымеривая шагами и прикидывая сам, определил, куда, что и вообще.

“И вообще”, кстати, оказалось не лишним, например дренаж от раскопок, похоже, выходил полностью на мне: понижение холма, вершиной которого выходила моя скала, было не слишком отвесным.

И дренаж, судя по всему, будет длинной в несколько сотен метров, что местным копать не один год, судя по шаманским прикидкам. А мне узкую траншею эфиром пробить — ну не “раз плюнуть”, но терпимо выходит.

Вообще, перекинулись мы с шаманом, в процессе обсуждения, “шаманскими темами”. Выходила же с ним такая заковыка. Шаман не “самоиницировался”, это была местная, от учителя к ученику, эфирная школа. Не “технократическая”, как школа кругов, а основанная на воле-желании, причём, как я понял, шаман больше лекарь и... пророк. Не “всевовидец грядущего”, но какие-то моменты и детали шаман “зрел”. Вариантов “откуда дровишки”

было несколько, от считывания оттисков параллельных Миров, смещённых по временной оси, до “манипуляции вероятностями пророком”. Понять природу воздействий шамана я не мог, учить он меня не стремился, ну а давить на него было просто глупо.

Но сам факт подобной школы эфирных манифестаций небезынтересен. А мне не помешало бы с воле-желанием целенаправленно поэкспериментировать.

Поскольку “отсутствие в шаблонах” медицинско-лечебных воздействий несколько напрягало. Это при том, что на “оттиски информации по биологии”, очевидно, положившим начало местной, весьма продвинутой анатомии, я в эфире неоднократно натёкался.

В общем, договорились мы с шаманом, что завтра придёт десяток копателей и “баба трахать-трахать”, на этот раз в другом смысле, нежели я намеревался шамана. Да и распрощались мы, а я побрёл гонять Архив, круги и думать мудрые мысли.

Насчёт местного чародейства и шаманства, поскольку шаман работал с эфиром “совсем не так”.

И надумал я такую “Маго-Эфирную картину Мира”. Местный эфир, в силу осязимогс “барьера” с материальным миром и, скорее всего, мне неизвестных свойств топологии, “замороженное болото”. Ни обитателей, ни проявлений, как в Земном Крае. Ровный фон, “темнота”, наблюдаемая мной. Всколыхиваемая кругами, но не более и не менее. Собственно, я эксперимент с “ускорением потока мышления” проводил и не раз, но толку от этого было крайне мало — темнота оставалась темнотой, разве что соотношение “скоростей мыслительных процессов” меня-в-теле и меня-в-темноте осязимо менялось.

И информации в эфирном плане ни хрена не “оттиснуто”: нет её там, что и демонстрирует ни хрена не находящийся Архив. Возможно, есть какие-то “мыслеэмоции”, которыми оперирует шаман, но я на таковые не натёкался. Так что вряд ли, или они столь “эфирны”, что без заточенной на них школы и невыявимы. А для именно “сохранённого в эфире способе и методе воздействия” прилежащий к Замороженному Миру эфир просто не подходит топологически.

При этом, загруженные в разум круги “подключения” — ни черта не “эфирный сёрфинг”. Это именно подключение, к конкретному хранилищу информации, очевидно повреждённому. И, кстати, возможно вообще имеющего привязку в материальном плане, из чего его “повреждённость” и произрастает.

И на “мыслеэмоциях” я к нему же подключаюсь, потому что “просто эфир” пуст, для меня уж точно. Как и местные “одарённые боженкой”.

Так вот, есть некая локализованная “эфирная база данных”ю оставленная возвысителем, ну и повреждённая, хрен знает почему. Судя по всему, возвыситель ограниченность возвышенных осознавал, ну и собрал для них “пул технологий”.

Правда причина этого неясна, а воображение рисует не самые приятные причины. Большая часть связана со временем и предполагает стегасцев либо как пушечное мясо, либо как подопытных грызунов. Собственно, сам гиперразвитый эпифиз смотрится более-менее возможным. А вот паутина нейронных связей в коре, “нейросетка” — вот почти уверен что неэволюционная у неё природа.

И, соответственно, выходит либо “сознательное ограничение пушечного мяса”, которое нужно на определённом уровне развития, но без внятных перспектив роста. Либо тестирование материального органа оперирования эфиром в слабоэфирном Мире.

Топология Стегаса близка к топологии Мира Земли, а операторов эфира на старушке не было. Мечты об этом были, а вот реальных операторов... нет, не было, окончательно решил

я. Сколь бы власти “всё не скрывали” шило в виде суперов не утаишь. А уж попы, не одну сотню лет бывшие фактическими владыками европейского континента, за возможность “объективным чудом” доказать свои бледные права на “работу переводчиками и толкователями” компиляции из нескольких религий малообразованных пустынных ухватились бы безоговорочно.

Одного “мироточения” и “схождения огня” хватает. Демонстрируя как попам, невзирая на ими же утвержденное “верую ибо абсурдно”, нужны материальные доказательства. Не “веруют” люди разумные, хоть последних и немного на фоне людей просто. Но без разумных и религия погибает и вырождается, что естественно и разумно.

В общем: Стегас слабоэфирный Мир, к эфирному оперированию разумными базово не подходящий. Мозг местных содержит структуру, не эволюционную, людям несвойственную, для оперирования эфиром подходящую. Плюс, развитие “эфиром” возможно и передаётся потомкам, а эволюционно-мутационное надёжно блокируется. И эксперимент на местных, в плане именно эфирного развития смотрелся бы равновероятным с “пушечным мясом”, если бы не метод оперирования эфиром, наиболее распространённый и используемый. Неосознаваемые пользователем круги-шаблоны, напроць перекрывающие нормальное развитие “наук эфирных”. Хотя, возможно, это “костыль” используемый возвышителем “до поры”. А потом попы, нашедшие вкусняшку, мудро решили что её, под их мудрым контролем, для людей хватит.

Впрочем, мыслеблудствовать на тему “что было” можно долго, доказательств всё равно ни черта нет. А есть надежда, что в пирамиде-зиккурате найдётся что-нибудь интересное, на тайну “возвышителя и попов” свет проливающее.

А вот с моим наследством картина выходит такая: мои круги Земного Края работают, но столь хреново воплощаются в материи, что их и использовать глупо: местные круги дают весомый и ощутимый эффект за кратно, а то и порядково меньшее время.

Призывы не работают вообще, очевидно из-за “сбитых координат”, ну и “ровный эфирный фон” в ту же копилку. Не работают, в общем, даже демонический-семейный.

Собственно, Архив, локализованный моей душой, или мной-в-темноте — единственно толковое наследие Земного Края, остальное — что есть, что нет, один хрен. Со “свойством вымораживать” правда непонятно, но, скорее всего, это моё базовое “душевное свойство”.

Далее, по сравнению с чародеями я выхожу имбой, причём ощутимой. Как происходит местная манифестация: мозг “хочет”, записанная программа “подбирает круг”, эпифиз транслирует круг в эфир, указывая локализацию и точку манифестации, если таковые есть.

Далее, круги “самотёком” напитываются сырым эфиром и проявляют манифестацию в мире, на место либо чародея.

У среднего чародея этот процесс занимает секунду примерно, в случае сложных, многокомпонентных воздействий — до пяти.

Далее, если чародей долго и упорно чародействует одно и то же воздействие, он его как ускоряет, так и “усиливает”. В этом случае, судя по всему, работает механизм воле-желания эфирной части чародея, или души. В общем и целом, наличие эпифизного органа и кругов развитию душевному не способствует, но “если долго мучится...” то душа напитке начинает невольно “помогать”.

Видимо, таким же образом “подпитывает круг”, как я делаю осознанно.

А вот шаман попуасий получается у нас весьма душевный тип. Потому как, выходят его воздействия вообще без кругов, ну и ни черта бы он не нашаманил, без развитой эфирной

составляющей.

Думал я эти мысли мудрые, готовил себе пожрать, ну и перебирал варианты “запроса кругами” до темноты.

А с утра, ещё в сумерках, я проснулся от прибытия в зону “моей чувствительности” посторонних. Которыми оказались вооружённые палками-копалками и копьями аборигены, ну и одна аборигенка, вооружённая корзинами. Видимо с “дарами рыбой-фруктами”, подумал я, что, по рассмотрению, так и оказалось. Прикинул я, что и как, да и решил, для начала, заняться вопросом раскопок.

Отвёл десятку к развалинам, указал “куда копать”, пригляделся “к процессу” и впал в откровенную скорбь. Это был тихий звездец. Поскольку “палки-копалки” таковыми и были: обожжёнными по краям деревянными лопатами, с вставками острых пластин кремня.

Таковыми, даже после снятия верхнего слоя дёрна, копать, блин, не месяцами, а годами.

Так что, подумал я, да и махнул на копщиков лапой. Нужно будет дело делать и с шаманом говорить, поскольку, даже сняв верхний слой дёрна эфиром, я особо процесс не ускорю.

Ну и пошёл к своей хижине, прикидывая, что и как нужно сотворить, краем глаза отметив молчаливо следующую за мной даму. Вот тоже, “отработка”, мысленно хмыкнул я.

Добрался до хижины, слопал пару фруктов, да и забрался в купальню, как с целью гигиены вообще, так и в преддверии “отработки” в частности.

Отмороженная порнуха

Выбравшись из купальни, я наткнулся на с интересом разглядывающую меня аборигеночку. Вообще, по пристальному рассмотрению, я чуть не утратил нужный настрой: дело в том, что росту в девочке было от силы метр тридцать. Так что желание как-то медленно улетучивалось, невзирая на весьма симпатичную, треугольную мордашку, выглядывающую из-под копны пепельно-жёлтых волос, перехваченных тканной повязкой.

Однако совсем впасть в скорбь мне девчонка не дала, а, улыбнувшись в ответ на мой взгляд, буквально вывернувшись из простого платья-накидки, предстала передо мной обнажённой.

И вот тут, невзирая на миниатюрность “осеменяемой”, я педофилом-любителем себя ощущать перестал: фигурка у дамочки была вполне взрослая, с весьма выраженной грудью — размера второго “вообще”, но у небольшой аборигеночки смотрящейся очень даже крупной. Да и общее сложение, невзирая на естественную худобу, было вполне женским, хотя откормить бы тебя, девочка, мысленно хмыкнул я.

Аборигеночка, тем временем, немного пригнулась, рассматривая мой агрегат, который от вполне жественного вида обнажённого тела начал наливать кровью. С интересом его оглядев, всё так же улыбаясь, она резко протянула руку, даже не приласкав, а скорее “пощекотав” меня по промежности и мошонке. Это было хоть и неожиданно, но весьма приятно, так что член в три толчка пришёл в боеготовое положение. Аборигеночка удовлетворённо кивнула, ну и... просто бухнулась на спину на песок, разведя ноги. Вид открывался весьма привлекательный, но чёрт возьми, надо несколько в порядок себя привести! Ну не “грязная до ужаса”, но подтёки грязи на теле будущей любовницы были.

Да и запах застарелого пота, пусть не сильный, но присутствовал, так что подошёл я, подхватил на руки удивлённо пискнувшую аборигеночку и вернулся с ношей в купальню.

Отметив, держа на руках, какая всё-таки девочка маленькая и лёгкая. Ну и сделав мысленно зарубку, учитывать в дальнейшем процессе сей факт.

Аборигеночка, сжавшаяся на руках и зыркающая на меня с ужасом, оказавшись в тёплой воде купальни расслабилась, а почувствовав мои руки, омывающие её тело, вновь начала улыбаться.

И включилась в “ласки”, оглаживая меня. Вообще — весьма ничего, не мог не отметить я омываемое. Очень широкие бёдра, для её размеров, конечно. Длинные, более чем в половину девочки ноги, подтянутые, но не тощие — в принципе, учитывая “жизнь на ногах” и не удивительно.

Грудь мне “под ладонь”, но учитывая её размеры — прям буфера, а учитывая фактическую величину — очень упругие. Мне нравится, заключил я, лаская розовые, средних размеров соски, сливающиеся ареолами с грудью. В общем, тут даже и без “предыдущего воздержания” я бы вполне был бы “за”, не мог не отметить я.

Девочка от ласк груди довольно жмурилась, а когда я без проникновения омыл щёлку, вообще закрыла глаза и с улыбкой начала постанывать. Но, когда я перешёл к ласкам-омовению промежности и попки, вдруг открыла глаза, собралась, нащупала мой эрегированный член, да и вывернулась из объятий, встав на ноги и подёргивая меня за руку.

— Пойдём, большой шаман, — серьёзно сказала она, произнеся первые слова, что я от неё слышал. — Будем делать детей.

— В хижину, — уточнил я, а то на песке, конечно, можно, но вот песчинка, попавшая куда не надо, доставляет массу “непередаваемых и пикантных” ощущений обоим.

Девушка кивнула, опять взвизгнула, поднятая вставшим мной на руки, но уже не испуганно, а скорее радостно. И, пока я нёс добычу в пещеру, которая хижина, с интересом оглядывала меня, ощупывая-лаская меня, вода руками по лицу и груди.

Притащив добычу в хижину, я столкнулся с очевидной проблемой — девчонка была реально маленькая, конструкции “со мной сверху” были бы ей болезненны, а то и травматичны. Ну либо я бы стоял в такую раскоряку, что вопрос эрекции бы вообще не стоял — только акробатики.

Соответственно, положил я аборигеночку на циновку, поцеловал, поглаживая тело — последнее вышло довольно забавно, сплетаться языками она не пожелала, а прикусывала, несильно, мне губы и язык.

Перейдя к её груди, я начал играть с одним соском языком, с другим, соответственно, рукой, девчонка застонала, прикрыла глаза, но вдруг встряхнулась, начав нерезко, но отталкивать мои плечи, одновременно приподняв согнутые в коленях ноги и подаваясь ко мне тазом.

Ну, тоже логично, мысленно хмыкнул я, я тут “осеменитель”, а не любовник. Девочка, судя по исходящей сокам щёлке, вполне готова, так что надо делать дело.

Аборигеночка, одобрительно смотря на меня, аж ухватила себя за ноги, разводя и приподнимая их. А я, начал пристраиваться к исходящему соком лону, не слишком торопясь.

Дело в том, что агрегат у меня, конечно, не конский. Но размеры любовницы действительно невелики, так что вот чёрт знает, как выйдет.

Впрочем, поза с “приподнятым тазом и разведенными ногами” аборигеночки, судя по всему и была призвана решать эту проблему. Так что, аккуратно введя член, я поувствовал как плоть лона плотно охватила меня, но явно не “травматично”. Ну и болезненных ощущений любовница не испытывала, а судя по стонам в голос, по мере аккуратных фрикций, испытывала наоборот.

И начал я двигаться, поглаживая грудь и тело любовницы. Она даже ухватила меня за

руку, отпустив на время одну ногу, начав прикусывать палец — не посасывать, а легонько сжимать зубами, довольно пикантно, на самом деле.

А через минуту, любовница отпустила свои ноги, смыкая их, точнее пытаясь — до конца не вышло — за моей поясницей. И насадилась лоном на мой член до основания, чего я ранее делать опасался. Я замер, но требовательное мычание любовницы, как и попытка самостоятельно елозить на члене, расслабляя и сжимая ноги у меня на пояснице, побудили к действию.

Приобняв любовницу за поясницу и держа её слегка на весу, я начал совершать размашистые фрикции на всю длину члена. Судя по стонам и сжимающимся стенкам лона — аборигеночке это было крайне приятно.

И наконец, она приподнялась, ухватив меня за плечи, начав при помощи рук и ног двигаться синхронно со мной.

Что, через несколько минут, закономерно, привело её к оргазму, по лону начали проходить волны мышечных сокращений, ну я перестал сдерживаться.

Как вдруг, любовница, явно с трудом борясь с последствиями оргазма, вывернулась и... загнала мне, извиняюсь, палец в задницу! Я аж приподнялся, но возмутиться смог только после весьма обильного и продолжительного оргазма.

И возмутился мысленно, потому что понял, что делала любовница. Меня банально “доили на семя”. Несколько неприятно самомнению, но вполне разумно. И аборигеночка вполне достаточно ориентировалась в мужской анатомии, но, очевидно, никакие виды секса кроме как “в лоно” — мне не грозят. Возбудить, приласкать — возможно, но кончай только в лоно. Что не очень для самомнения, но вполне логично для аборигенов, так что... Да потерплю, не гимназистка, окончательно решил я.

Довольно улыбающаяся аборигеночка легко погладила меня по груди, а себя по животу, выдав:

— Большой шаман, сладко было, — и веско покивала.

А я решил проверить свои выводы, через минуту поднеся свой член к лицу аборигеночки, стоя перед лежащей на спине девицей на коленях.

— Да, надо ещё, — комично-серьёзно выдала она, перестав улыбаться, смотря на опавший член над лицом.

Протянула руку, опять “пощекотала” промежность и мошонку пальчиками, оттянула кожу с головки и начала вытянутым, острым язычком водить по уздечке члена.

Закономерно, это привело к эрекции, но “продолжения” орального контакта не было. Как только аборигеночка убедилась в “боеготовности” моего инструмента, она приподнялась, ну и лёгкими толчками в плечи и грудь положила меня на спину. И, придерживая член пальчиками, насадилась на него лоном.

Причем, начала впервые мной виденный в реальности (насколько я знал, женщинам это просто неудобно), вариант “подпрыгивающей наездницы”.

То есть, она именно стояла на корточках, упираясь руками в колени, ну и насаживалась на мой член. Пусть на “весу”, но до основания.

Пот, выступивший на лице любовницы, указывал на естественную трудоёмкость процесса. Но выражение лица, прикушенная от явного наслаждения губа, стоны и ритмично сокращающиеся у меня на члене стенки лона указывали на получаемое любовницей удовольствие.

Так что, “доимый” я просто расслабился, любуясь любовницей и прислушивался к

ощущениям. И, перестал напрягать промежность, начав эякуляцию чуть раньше аборигеночки, которая, ожидаемо, почувствовав напряжение моего члена, уперлась рукой в моё бедро, и, не прекращая насаживаться на член, вогнала мне пальчик в задницу, вызвав, как и в прошлый раз, мощный оргазм.

А, через секунду, и сама кончила, орошая мой пах соками, фактически падая на меня. Хоть поймать успел, улыбнулся я, кладя практически недееспособную, ошалевшую девицу на себя.

Так, отметила моя лишённая анального девства персона. Вообще — всё понятно, в чём то приятно, но ежели каждую эякуляцию, причём, судя по всему, каждый день, я буду проводить с пальцем в жопе — это гарантированно выработает яойный рефлекс. Нафиг надо, хотя, в рамках “вообще” — с этим бороться не выйдет.

Потому как тело не обманешь, а злостные аборигеночные пальцы реально приводили к более бурному оргазму и, как следствие, семяизвержению.

Но, оставивший аборигеночку коварный я, после мытья, перекуса (любовнице перекусить я доставил “в постель”, последняя валялась, временами задрёмывая, с блаженной улыбкой) построил коварный план.

Который, через несколько часов и воплотил. Аборигеночка проснулась, с лёгкой улыбкой походила по хижине и округе, подошла ко мне, погладила по члену (а я, сидел по турецки, сёрфя эфир и работая Архивом).

Ну и потянула за руку, “делать детей”. И была повержена моим гением:

Подхватив любовницу, я невзирая на пiski, поставил её на четвереньки.

Нагнулся над ней, опираясь на руку, потеревил соски, помякал попу, убедился в влажности щёлки, ну и вошёл в неё, совершая фрикции и лаская рукой верх щёлки.

Поза “по-собачьи”, на удивление, была ей то ли не знакома, то ли ещё что, но приноровилась аборигеночка быстро, начав подаваться попкой мне навстречу, в такт фрикциям.

А к моменту, когда мы приближались к оргазму, коварный я отомстил задничной поругательнице: с началом сокращения стенок лона, я вогнал мизинец до основания, в прекрасно доступную звездочку ануса любовнице.

Что вызвало писк, задёргавшееся лоно, окатившее мои бёдра соками и, фактически, бухнувшуюся на кровать аборигеночку — руки её просто не держали.

Вот, довольно заключил я, вытаскивая обмякший после оргазма член из лона расплывшейся медузой аборигеночки. Теперь намщён и отомщён, да и в целом неплохо вышло.

Размороженная порнуха

За моими “осеменительными и мстительными потугами” день в общем-то и прошёл.

Припёрлись перемазанные почвой копщики, выслушали от “большого шамана” запрос на шамана обычного, да и упёрлись с аборигеночкой.

На следующий день, помимо копщиков и всё той-же аборигеночки, явился и шаман.

— Хорошо вчера постарался, большой шаман, — выдал по пришествию папуас. — Рябь на воде тебя всем бабам хвалила, — мелко захихикал он, тыча перстом в улыбающуюся аборигеночку. — Чего хотел-то?

— Копать вашими лопатами — выйдет не одна смена сезона, — веско изрёк я, указывая на палки-копалки.

— Две смены, не больше, — ответил этот начальник джамшутков.

— Пусть две, но это слишком много для. Я оставлял металл от гром-палки, а главное — есть мобиль, телега из металла, сожжённый.

— Тот, где ты похоронил своё племя? — поинтересовался шаман.

— Мы сжигаем в прах и хороним в воздухе, — выдал я. — А племя моё надо именно похоронить. Оставленные в мобиле они защищали живого, — потыкал я перстом в себя.

— Понятно, большой шаман. А звал-то зачем? Стада к большой воде не подошли...

— Я сделаю лопаты из металла. Будут ли люди племени копать ими? — задал я вопрос.

— Из металла, — вздохнул шаман, без зависти, но с сожалением. — Будут, большой шаман. Но лопаты твои, — выдал он.

— Мои, но если выкопают быстро — я подарю вам одну или две, — выдал я. — Время для меня очень ценно.

— Так возможно, предки не обидятся, — выдал шаман после минутных раздумий.

Подошли мы к месту раскопок всей компанией, где я окончательно убедился, что “палки-копалки” — хлам. Ими даже не сняли весь слой дёрна, при том, что аборигены явно не флонили — уходили от меня копщики заметно подуставшими.

В общем, дотопали всей компанией до остова экспедиционного мобиля, где я выкинул куда подальше костяк готтийца, ну и дожёг останки экспедиции до рассеянного праха. Окончательно попрощавшись со спутниками, в определённой мере выкинув их из головы, оставляя “в прошлом”.

А после похорон, начал я делать лопаты: с широким упором для ноги (аборигены были босыми), штыковые и острые. Отнял у одного из папуасов палку-копалку, вогнал в лопатину, показал как копать.

Шаман восхищённо поцокал губами, после чего вернулись мы к развалинам, где копальщики, вооружённые новыми орудиями труда, показали весьма отрадную скорость копки.

Шаман вторично поцокал губами, ну и учесал по своим шаманским делам. А Рябь робко подёргала меня за руку, на тему “делать детей”.

В общем, наладилась у меня с того дня довольно странная, но не без цели и не без приятности, жизнь.

Копщики оставляли “лопаты большого шамана” у хижины, с утра их забирая и топя “копать”.

Сначала Рябь, а, через неделю (именно неделю, а не квинк — аборигены считали время семидневными промежутками, что меня несколько удивило) новая девушка “доила меня на семя”.

А, после ухода копщиков я, до темноты, ковырял дренаж, который, уже после первого дня с стальными лопатами, был необходим: общая влажность была такова, что без отвода влаги за ночь собиралась немалая лужа, размывающая стены и херящая работу дня, а то и побольше.

За месяц, который прошёл до второго пришествия шамана, у меня как сменилось четыре девицы (и вновь появилась Рябь, очевидно, беременность не наступила, что и неудивительно).

Так же я посмотрел на то, как охотятся папуасии, что меня несколько повеселило, ну и избавило от некоторых иллюзий. Охотятся, конечно, не “на той стороне большой воды”, куда меня звал шаман, а в джунглях, ради пропитания.

Итак, у меня в сознании был “сферический абориген в вакууме”, этакий “суровый детёныш природы”, который, сделанный из говна и палок поделкой, за десятки метров, бьёт белку в глаз.

Да сейчас, конечно! В общем, как выглядела наблюдаемая мной охота:

Попуас забивался в некие кусты, откуда просматривался водопой или полянка с каким-нибудь приятным травоядному растением. Не бродил по джунглям, а именно садился, ну и сидел-ждал, не очень шумя, но и точно не “часами напряжённо-неподвижно”.

Так вот, приходит на водопой-полянку капибара какая или что-то вроде того. Охотник примеривается и... начинает швыряться в свинятину всем что у него есть! То есть, не “метнул копье и попал с двадцати метров”, а метнул копье, кремниевый топорик, боло, да кусок фекалия и камень, если успеет!

И вот, если повезёт, чем-то из этого в свинятину прилетит. И даже подранит — вариант “убьёт сразу” вообще не рассматривается.

И после этого абориген бежит свинятину добивать, иногда — бросая это дело. Если ранения толком нет, или если с визгом убегающая свинотина привлечёт внимание пардусов — с последними аборигены старались не связываться даже с мушкетёрами и большим числом.

И если свинотина “уходит”, охотник в этом или другом месте опять садится в засаду.

Коллективная охота в два-три охотника происходила примерно так же, но была статистически более результативна, для каждого из двоицы или троицы.

Ну и в целом, за время между шаманскими визитами, поработал с эфиром, искал, да и наверное нашёл всё технологические и научные схемы, в прискорбно малом “неповреждённом” количестве. Но, даже повреждённое хранил в памяти Архива, ну и запустил программу “лингвистического и синтаксического анализа глаголицы”. Которая была основой “шаблонных кругов”. И, как бы мне не хотелось “немедленных результатов”, понятно что работа эта не на дни, а на месяцы. Хорошо, если не на годы, отмечал сам себе я.

И вот, препирается значит, ко мне шаман, да и говорит, что “звери начали подходить к большой воде”. А значит, и моя часть оплаты за “копку”, в плане “помочь бить зверя”. Ямина у развалин к этому времени достигла глубины метров в пять, причём обнажила часть “плиты прикрывающей вход в гробницу”, согласно изученным мной археологическим данным. Отводной дренаж был проковырян мной на десяток метров глубины, единственное, что нужно было делать, это время от времени прочищать его эфиром: воду он отводил, но, временами, забивался грязью от раскопок.

Ну и несколько раз я охотился на местную живность, проверяя удобство и убойность моего арсенала. Придя в итоге к выбору в пользу пятнадцатизарядного готтийского армейского карабина — весьма убойного в плане “проникающей силы” и дальнобойному. И Росси — пусть не столь дальнобойный, но снабженный довольно сильным прицелом и имеющий, за счёт “пушечного” калибра, довольно ощутимое “останавливающее” действие, помимо серьёзной убойности.

Так что, прихватил я боеприпасы и эти два ствола, куртку, насандалил башмаки (которые за прошедший месяц и не одевал ни разу), замотал хижину колючкой, ну и выдал довольному шаману: “я готов, веди”.

Тот меня и повёл, а через час, рядом с толпой в тридцать увешенных оружием попуасиев

и десятком папуасиевых женщин я фигел.

Фигение было вызвано тем, что переправляться через Жёлтую мы должны были на катамаранах. Между двумя трёхметровыми (ну, возможно, чуть поменее) поплавками располагалась платформа из бамбука.

Катамараны, а точнее поплавки и были причиной фиегния: были они сделаны не из дерева или чего такого. А из кожи, причём не особо обработанной и снятой целиком. Крокодилей кожи, из крокодилы, не менее трёх метров, каждый поплавок!

И как аборигены настолько здоровых ящеров воюют-то, недоумевал я. Мушкетами, что ли — так вряд ли, такого здорового крокодила только при большой удаче прийдёшь, а тут шесть штук, примерно в один размер.

Впрочем, моё недоумение ничуть не помешало мне переправиться через Жёлтую со всей папуасией компанией.

На “саванном” берегу папуасы принялись разводить костры и вообще обустроить лагерь. А через пару часов я увидел, как аборигены охотятся на “лютых крокодилов”, и, кстати, на ужин сегодня была крокодилятина.

Итак, брался кусок мяса, кило на пять, нога с костью. Начинялось мясо ноги гнутыми гвоздями и колючками (подозреваю, большей частью металла племени, кроме огнестрела и ножей), привязывалось за кость к прочной верёвке и закидывалось в реку, тут же вытягиваясь. То ли на запах крови в воде, то ли на звук “плюха”, то ли на то и то вместе, подтягивались крокодилы. Но аборигены явно выбирали добычу “побольше”, то есть несколько раз переходили на новое место. Пока не показался крокодил реально здоровый. И вот тут, абориген вторично закинул мясо совсем на мелководе, после чего побежал изо всех сил. А здоровенный крокодил, натурально бежал за ним! Реально бежал, пусть комично переваливаясь на небольших лапках, но километров десять, а то и пятнадцать в час чешуйчатый гад выдавал.

Правда, недолго: полминуты “спринта” и крокодил плюхнулся на пузо, тяжело поводя боками. А хитрый папуас кинул мясную ногу чуть ли не в голову крокодиле, которая вскинулась и щёлкая пастью пробежала еще полминуты. И так ещё два раза, пока папуас не стал обегать с верёвкой небольшое деревце, в то время как крокодила с урчанием пожирала “догнанное мясо”.

И вот, где-то через минуту, заглатывающая мясо крокодила, начала пастью щёлкать, корчится, лапками размахивать и натурально кататься по земле: очевидно, начинка мясной ноги добралась до крокодилей трбухи. Ну а верёвка не давала крокодиле покинуть окрестности дерева, торча из пасти.

И вот тут, аборигены, с победными воплями и каменными молотками толпой накинлись на крокодилу. И забили её насмерть за пару минут, не получив особого урона.

А разделявая рептилию, как я заметил, бережно извлекали, собирали и даже считали металлические шипы и гвозди.

Ночь провели в окружении костров, под стук выделяемой шкуры крокодилы, а с утра началась “моя работа”.

Первым делом аборигеном были нужны буйволы, их шкуры. Ну и рога и копыта, не без этого.

Насколько я понял — самая опасная часть охоты. Поскольку буйволы эти — здоровые сволочи, с лютыми рогами, метров полутора в холке и до трёх в длину, чтоб их. Тонна говядины, не менее, и это один бык.

При этом — весьма социальные, с развитой мычательной речью создания. И, соответственно, при атаке на них, а передвигались буйволы стадами не менее тридцати скотов, отвечали на агрессию именно лютые и мощные самцы.

Но, хитрый я, решил с говядиной корриду не играть. Взял карабин, залез на дерево неподалёку от водоёма. Ну и стал “собирать мыто” в виде пары говядин с каждого стада.

Выглядело это так: на отходе от водоёма, я бегло стрелял в глаз одному, а если успевал, двум матёрым самцам. Те и помирали, а стадо, встревоженно мыча, нарезало минут двадцать круги вокруг убиенных, ну и валило по своим делам.

Тут же выбегали засадные папуасы и радостно угаскивали забитые туши в лагерь. Кстати, заметил я циркулирующие по Жёлтой катамараны: очевидно, доставляли еду в деревню.

За день набил одиннадцать быков, что, насколько я понял, полностью удовлетворило текущие запросы папуасов.

Но шаман то ли жадность пробудил, то ли это изначально предполагалось, но выдал он мне:

— Племя идёт бить большого зверя с рогами во рту. Ты с нами, большой шаман? — выдал он, подтверждая, что “договорные” обязательства я выполнил.

— С вами, — кивнул я, прикидывая ГТХ предстоящей дичи.

Итак, “большой зверь с рогами во рту” — это местная слонятина. От слонятины “не местной” она отличалась, в первую очередь, тем, что была всеядной. И пасть, из которой торчали лютые бивни, была дифференцирована на клыки и резцы, а хоботом слоняра подтаскивал к пасти не только зелень, но и вполне себе куски мяса.

Из остального — бивни были скорее мамонтячими, под углом опускаясь к земле и на высоте примерно метра от неё направляясь “вперёд”. Ну и уши относительно маленькие.

А так — злобная и кровожадная слонятина. А папуасы на неё с мушкетами, да. Может и повезёт, может и не очень.

В общем, на следующий день я сидел в засаде и наблюдал, как трёхметровая слонятина пасётся у роши, обрывая хоботом листву. В качестве оружия я выбрал Росси — кость черепа этих гигантов была для карабина непробиваема, тело огромно — чёрта с два до сердца дострелишь. В общем, либо травить, выматывать и забивать толпой, как делали аборигены с немальми потерями, либо бить в буркало.

Соответственно, вздохнул-выдохнул я, подготовился, да и треснул припасённой веткой. Слонятина относительно небольшими ушами завращала, ну и начала от роши поворачиваться.

И, закономерно, получила пулю в глаз. Вздохнула кротко (реально, жалко стало), ну и упала на бок, ломая подлесок роши.

Ну а я, с закономерной гордостью потопал к добыче... Как вдруг трубный рёв сотряс округу, а из роши щеманулась ещё одна слонятина, размерами несколько поменьше первой. Остановилась над трупом, бешено вращая башкой.

И вот тут я... ну наверное протупил. Пал бы на пузо, в траву саванны, слонятина башкой бы повращала, да и упёрлась по своим слонячьим делам. Но “великий охотник я”, пал не на пузо в траву, а на колено, выцеливая глаз второй слонятины. И ни черта не попал, более того, локализацию гадкого меня слонятина установила, и со злобным рёвом и кровью, текущей по морде, щеманулась меня убивать.

А я, соответственно, обретя разум и весьма веский стимул, от зверюги убежать. Причём

догнать меня слонятина не могла, втопил я на зависть всяким олимпийцам Мира Земли.

Ну и чтоб не просто бегать, пытался выморозить слонятине глаза, а, в идеале, мозг. Первое получилось, судя по бешеному, но и жалобному рёву со спины. Ну а второе было в процессе.

Аборигены, ошалело проведя нашу бегущую парочку взглядами, заполошно выпалили из крамульгуков вслед. Не попали, ни в слонятину, ни в меня. Ну а слонятина на звуки даже не дёрнулась, имея целью мою персону.

На бегу я любовался стаей львов, гаремовод которой бодро драпал, ведя за собой прайд, но со столь царственным видом, как будто он прогуливается.

Наконец, через три минуты после старта нашего забега, моё воздействие дошло до мозга преследующей меня слонятины. В теории, я, наверное, мог бы и убежать. Но вряд ли надолго — слонятина чесала очень целенаправленно, а удача “попадания в глаз” (как-то я очень остро почувствовал, что это была именно удача, хотя и меткость моя немало от тренировок подросла) может и подвести.

Соответственно, бежал я держа слонятину на дистанции эфирного воздействия, ну и за три минуты, наконец, проморозил в достаточной степени.

Слонятина огласила окрестности жалобным писком, рухнула, а ликующие аборигены (точнее, половина от них), подбежав, принялись разводите костры. Дело в том, что и “прогуливающийся прайд” начал закладывать дугу, да и стайные кошачьи, типа гиен, показались в поле видимости. Клык эти создания точили на нашу добычу, но к огню относились, как и положено зверью.

Так что понарезав вокруг дымящих и разгоравшихся костров круги, порыкивая и потягивая халявщики удалились.

А ко мне приковылял шаман, пуча глаза и всплёскивая руками обзывал “большим шаманом и большим зверобоем”.

На что довольно вымотанный я я поинтересовался:

— Охота ещё будет?

— Куда ещё охота?! — покачал головой шаман. — Много мяса, всего не съесть, рогов и шкур на продажу много совсем, никогда такого не бывало. Большой ты шаман, — покачал он головой. — А хочешь... бабу отдам? Совсем, еду готовить, детей рожать, — явно борясь с собой выдал собеседник.

— Не надо, пусть рожают твоему племени, — через полминуты раздумий выдал я.

Ну реально, а зачем мне жена-аборигенка? Готовить? Так я и так не голодаю. Секс? И так хватает, как бы не перебор выходит, каждый день. Общение? Разве что женский вариант шамана найдётся, но таких я не встречал. А так — дети природы, как они есть, ни поговорить, ни чего ещё. Так что “постоянная жена” и мне не нужна, да и племя явно не безболезненно здоровую женщину потеряет.

— Ты велик и щедр, — натурально поклонился шаман, первый раз за всё время нашего знакомства. — Но кто будет рожать детей твоему племени?

— Мое племя далеко, увижу я его нескоро, но там есть кому рожать детей, — честно ответил я.

По моему, смысл ответа шаман не до конца понял, но покивал, а больше к вопросу мы не возвращались.

А тем же вечером я вернулся в свою хижину, прочистил забивающийся дренаж, полюбовался увеличивающейся ямой, да и погрузился в перечитывание книг и наставлений

по археологии.

А ещё через месяц, я любовался отчищенной круглой плитой радиусом в три метра. Дверью в погребальные залы, судя по наставлениям. И, оглядывая как ликующих копальщиков с довольным шаманом, получивших в награду “за скорость” топор и лапату, так и раскоп, прикидывал, нормально ли мы всё сделали.

Дело в том, что приближался сезон дождей. Не лютых, сутками напролёт, но всё же. И, соответственно, я прикидывал, выдержит (и хватит ли) двадцатисантиметровой толщины дренажа, обожжённого эфиром и выложенного бамбуком. Да и удержится ли яма, пусть так же укреплённая, с бамбуковой платформой, но всё же. И, судя по всему, выходило что выдержит и то и то.

Так что я, дождавшись как папуасы свалят (последние и так дёргались из-за близости “подземных духов), я осуществил рекомендованное в наставлениях воздействие.

Точнее, близкое к нему, потому что алфавит и язык откопанной пирамиды был близок, но очевидно “не тот”. Не “египетский”, и не “шумерский”, хотя явно родственный.

Тем не менее, напитывая волевым усилием поочерёдно буквы барельефа, я не был точно уверен в порядке воздействия. Да и не факт, что используемый мной эфирный круг подойдёт к данному подземелью.

Однако альтернативой было только пробиваться силой, что, учитывая ограниченность эфирных проявлений и толщину стен погребальных залов — точно займёт весь сезон дождей, а то и весь год.

16. Гемин Джонсович

Несмотря на закономерные опасения, никаких гадостей от моих эфирных экзерсий не учинилось. Я, признаться, ожидал сюрпризов вроде выдвинутых турелей каких, ну или иллюзорного эфирного кукиша, глумливо помахивающего большим пальцем перед моей физиономией.

Однако эфир исправно подавался, используя “готовый шаблон”, а очередность подачи, невзирая на лингвистические отклонения, была правильной. Поскольку круглая воротина дёрнулась, проявила щели, вдвинулась в каменный массив и откатилась там в сторону, явив мне проём и обдав гадкой пылюкой.

Несомненно, рассчитывая на то что я расчихаюсь, ну и буду страдать, протирая глаза. Однако вооружённый знаниями археологов Стегаса хитрый я, использовал соответствующий эфирный шаблон, как только понял, что “двери открываются”. В общем, согласно моему известному, у меня было от трёх часов, до того как дверь закроется. Довольно неприятный момент, поскольку открыть дверь изнутри можно было только из центральной погребальной залы, до которой надо добраться через лабиринт, подчас с головоломками и ловушками, эфирного толка в основном.

Так что, вместо бодрого заскакивания в открывшийся проход, я присел на бамбуковую складную табуреточку (сотворил я себе подобную довольно давно, ничего толком не весит, а удобно) и предался разгульному мышлению.

Из минусов у меня выходит, в первую очередь, то, что пирамида-зиккурат, невзирая на “плановое открытие”, явно не вполне та, что описывалась археологами. Например, три часа свойственный “зиккуратам” и четыре с лишним часа “пирамид” — совершенно не факт, что будут работать тут. Так что, первое, что нужно сделать, это не залезая в недра гробницы, дожидаться закрытия её.

Тот момент, что она может быть вообще не “автоматической”, безусловно есть, но я резонно решил сутки подождать. Не переломлюсь, а вот если через сутки не закроется... то будет хреново.

Надо будет либо придумывать блокирующую закрытие систему, либо ломать механизм эфира и противовесов, с непонятными для механизма безопасности гробницы последствиями. Но лезть в недра, с вероятностью быть замурованным, я категорически не желаю, это факт.

Далее, положим вход “стандартный”. А вот дальше — вопрос. Гробницы изначально проектировались “проходимыми”, причём вполне обоснованно. И сам погребённый должен был в “должный срок” на своих ножках гробницу покинуть, да и потомки-родичи погребённого подкидывали, время от времени, имущество “на бедность”, в будущем воскрешенному. То есть, гробница если и не была “проходным двором”, то была “базово и в обе стороны проходима”, без разламывания нахрен механизмов.

При этом, вероятность наличия “гробокопов” различных типов и версий древние хоронители ожидали, соответственно, первым препятствием были как раз головоломки и тесты, на тему владения эфиром идущего. Поскольку, было это владение отличительной особенностью жрецов и политиканов древних цивилизаций, причём последние в большинстве своём были и первыми.

И здесь засада “раз” — варианты ответов на загадки “кто утром на четырёх, днём на двух, а вечером на трёх” есть. Даже я знаю ответ, столь я эрудированный и просвещённый.

Вот только даже эта, конкретная, загадка — ни черта не тест, с готовым ответом. Ответ надо накарябать эфиром на пластине, причём у “шумеров” — “шумерским”, у “египтян”, соответственно, “египетским” языком.

А вот тут он другой, попечалился я. Однокоренной, но... как-то милые шалости жрецов, в виде ямин с каменными кольями, падающих потолков и прочих весёлых выдумок встречающих “профана” меня не прельщают.

И беда в том, что вариантов-то нет. Или вообще забить, или лезть с осознанным риском.

Впрочем, если не лезть “дуром”, а, например, обтыкать сенсорикой, причём не только “шаблонной”, округу, понять механизм ловушки — вполне можно и несколько “прав на ошибку” у защитных систем выторговать.

Основная беда в эфирных ловушках, этаких одноразовых, точнее несколькоразовых артефактах. Шаблонов их не было, но в гробницах они пребывали, собирая с исследователей свою жатву.

С другой стороны, у меня есть надежда, что я смогу “боевые” круги идентифицировать. И порушить именно их, а не влезать в эфирную систему управления гробницей, которая, несомненно, была. И даже признавалась археологами как факт. Но современниками не понималась и расшифрована и понимаема не была, как и “артефакты”.

Пока я думал эти и другие мудрые мысли, круглая плита выкатилась и закрыла проход. Это выходит “цикл” в пару часов с минутами, прикинул я и, даже не вставая, повторил “отпирательное” воздействие. Плита нырнула в боковую стену, а я продолжил сидеть и ждать: вернётся в том же временном окне — будет от чего плясать.

И тут у меня объявился гость, шаман папуасов. Почувствовал его я загодя, а заглянув в яму он выдал:

— Поговорить надо, большой шаман, — а на мой жест в стиле “спускайся” помотал головой.

Ну, время есть, можно и поговорить, решил я, выбираясь по лесенке из ямы.

— Случилось что-то? — уточнил я.

— Нет, хвала предкам, всё ладно, — ответил он. — Скажи, большой шаман, — поморщился он. — А ты не хочешь войти к нам в племя? Зачем тебе подземные духи, ты же жить хочешь, а не умереть, я чувствую.

— А ты понимаешь, шаман, что в вашем племени я стану главным над тобой? — уточнил, чисто умозрительно, я, на что поморщившийся, как от зубной боли, собеседник кивнул. — И всё равно зовёшь? — ещё кивок. — Мне очень приятно, но нет. У меня свой путь, хотя искренне благодарю, — с поклоном выдал я. — Если не вернусь семь дней — вещи мои пусть у племени будут. А то просто пропадут, — озвучил я.

— Великий дар, — произнёс шаман. — Но лучше ты не помирай, а в племя иди. Или хоть бабу возьми, — поднял он старый вопрос.

— Нет, хотя насчёт баб, — задумался я, — если нужно детей — то я и не против, через день, — прикинул занятость я. — Дети-то появились?

— Не... а, есть дети, Рябь на воде и Шелест тростника непраздны, — махнул лапой на “табу” шаман.

— Вот и славно, — ответил я. — А у вас им будет не хуже, а как бы не лучше, чем где бы то ни было в Мире, — на что собеседник важно покивал.

Вообще, познакомившись с папуасами, я был вынужден признать, что невзирая на “дикарство” это самые честные и приятные люди, именно как социум, из встреченных мной в Замороженном Мире. Так что, если бы и выбирать, где жить моим детям, в случае смерти, то наверное и сам бы предпочёл, чтобы у них.

И “башню чародея” тут бы хотелось бы построить... но я сам уже “испорчен” цивилизацией. А аборигены — нет, мои цели и стремления им без переформатирования сознания и миропонимания нахрен не сдались. А менять это — долго, да и перестанут они быть теми симпатичными и честными человеками, что есть.

— Будет баба, — кивнул шаман. — Завтра? — уточнил он, на что кивнул уже я. — Будет. Живи и исцелись, большой шаман, — закончил он беседу.

— Живи и исцелись, шаман, — попрощался я вслед.

А сам, не без иронии, припоминал один казус. Тружусь я как-то осеменителем, как раз над Шелестом, почти седой и миниатюрной девчонкой (впрочем, миниатюрными были все аборигеночки, ну да не суть). И чую на периферии пару человек, метрах в тридцати от нас. Ну и, не прекращая осеменительного дела, создаю эфирную “прослушку” — реально интересно, кто и что.

А это пара “зверобоев”, любят бесплатной порнухой, а от беседы я чуть не заржал, хотя и понял гораздо лучше определённые моменты племени.

Итак, один из зверобоев говорил второму, что Шелест — замечательная баба, прекрасно готовит, собирает травы и рыбачит. И вон как большой шаман пыхтит, значит и в постели хороша. Так что, как только забеременеет, женится на ней зверобой и ребёнок сразу будет, сговорились с Шелестом уже.

На что второй, с отчётливой завистью, выдал: повезло тебе, мне б такую. И это, извиняюсь, наблюдая, как я сношаю оговариваемую девицу! И без ревности, злобы, а радуясь, что будет ребёнок.

В общем, реально “другие они”, что я, в целом, умом-то понимал, но прочувствовал только на этом, подслушанном моменте.

Шаман, тем временем, утопал, ну а я вернулся в яму. И плита закрылась, отчётливо указав, что открытой она держится два часа и пятнадцать минут.

А значит, я либо сразу индианаджонствую, либо попробовать “подстраховаться”. Подумал я, да и с матом и надрывом, чуть нахрен не сломав бамбуковую платформу, спустил в яму гранитный булыжник полуметрового диаметра. На всякий случай.

И, открыв уже в третий раз плиту, булыжник как стопор и примостил. Скорее всего, его сломает нахрен, но может и нет, а мне лишний шанс — нелишний.

Ну и полез я в недра пирамиды, потихоньку. Гранитные своды были гранитны, как и гранитный пол. Отполированы до почти зеркального состояния и первые десять метров представляли собой прямой коридор, оканчивающийся камерой с “вопросом-КПП”.

Что сразу от описанных пирамид-зиккуратов текущую отличало: стандартом было три хода, почти сразу от входа: “для умных”, “для сильных” и правильный.

А тут сразу вопрос, задумался я, начав вчувствоваться в окружение в эфирном плане. И фигеть — никаких ловушек и агрессивных кругов в округе не было. Управляющий контур был, ни черта не понятный, но ничего “убивательно-давательного” не было.

Ой как мне это не нравится, посетовал я, эфирным воздействием согнав пыль и вчитываясь в надпись на пластине. И выходило там: “Смысл бытия [хрен пойми какое слово] в чём?”

Ну охрентеть местные гробниестроители затейники, констатировала моя офигелость. Смысл жизни им подавай, блин.

Впрочем, вроде ловушек и прочих гадостей и пакостей нет. А без правильного ответа ни черта мне прохода не будет. Так что надо пробовать.

Посидел я, прошерстил свой архив в Архиве, подобрал подходящий набор букв, ну и накарябал на пластине “развитие” на “шумерском” языке. Он, кроме “хрен пойми какого слова”, наиболее соответствовал.

И, на удивление, с первой попытки, угадал: перекрывающая ход тяжёлая плита поползла вниз.

Вот только сзади раздался громкий грохот, а ринувшись к выходу я его не обнаружил — песок и куски раскрошенного булыжника и закрытая плита.

Ну пиздец, сходил в пирамиду, заполошенно заметались мысли в голове. Впрочем, лёгкий подзатыльник, отвешенный самому себе, мозги прочистил.

Итак, местные не могут открыть плиту изнутри... потому что они не понимают, что работают кругами. И им надо видеть глазами место, куда они прилагают эфир. А мне — не надо, так что отставить панику и вспоминать буквы и последовательность!

И, раза с шестого, с визгом и писком (радостным, невзирая ни на что) отскочил я от открывающейся плиты.

Вот вам всем, паразиты ловушечные, потёр лапы довольный я. И пройдем мы ваши ловушки и найдём что в гробнице скрывается.

Поликовал я умеренно, да и потопал обратно, несколько глупо сожалея об отсутствии кожаного кнута. Его необходимость в археологических изысканиях под очень большим вопросом, но антуражненько бы было, не без этого.

Плита в “зале-КПП” не поднялась, более того, пройдя проход я обнаружил такую же залу — для воскресшего погребённого.

А вот дальше... опять не было развилок! Да что это за гробница такая неправильная, даже возмутился я. Где приличный лабиринт?

Но лабиринт ни черта не появился, а коридор был без развилок. Ну и ладно, решил я, медленно двигая вперёд и проверяя всё эфиром. И за час пути всё что я почувствовал — это просто коридор.

Вот ведь, фигня какая, уже не на шутку параноил я. Остановился, чтобы подумать, заодно запустил все доступные эфирно методы локации. И подумал.

В общем, выходило, что я весь час спускался по спиральному коридору, с диаметром где-то в полкилометра. А сейчас я метров на тридцать-сорок (точнее барометр данные не выдавал) ниже точки входа.

Ну, значит идём дальше, благо, открыть выход я могу, проверено критерием истины, заключил я, потопав дальше. Осторожно и проверяя округу.

И, ещё через час, набрёл я на следующий “зал-КПП”. С одной стороны — с немалой радостью, всё не этот, однообразный коридор-спираль. А с другой стороны — с немалым опасением, потому как гадостей и пакостей мне не встретилось, а значит их концентрация в зале, по логике, должна зашкаливать.

Так что, прежде чем входить в залу, я почувствовал всё, совсем и вообще в ней. И опять замер, размышляя.

Дело в том, что несколько “боевых кругов-артефактов” в зале чувствовались.

Располагались на потолке круглой залы, ориентированные на её внутренности. Электроразрядники высокого напряжения, судя по всему, неправильно ответившего прожаривающие до корочки.

Это, в целом, нормально, соответствует описанному археологами. А вот дальше начиналась фигня: круглый зал не имел, совсем и вообще, иных выходов, кроме входа! То есть, никаких опускающихся плит, открывающих коридор, ничего такого. Гранитный монолит на метра три, а далее — почва и камень, песчанник вроде, типа скалы в земле.

Ни черта не понимаю, заключил я, всчувствуя на максимум, и обнаружил, что ПОД залом, под пятиметровой толщины платформой, располагается пустота. И куча эфирных воздействий непонятной этиологии.

Так, очевидно, эта зала — аналог лифта. Ну или строители гробницы знатные шутники, угробившие кучу сил и времени на её построение, а в финальной точке: “ответишь правильно — тебя размажет, неправильно — сожжёт”.

Ну вообще — шуточка та ещё, на уровне местного “искромётного чуйства хьюмора”, так что возможный вариант.

Но маловероятный — так что, скорее всего, это всё же лифт. Вот только не нравятся мне эти электроразрядники, так что осматрю ка я всё пристрастно, прежде чем что-то делать.

И зашёл я аккуратно в зал, начал его весьма пристрастно осматривать. Первое, что бросилось в глаза — обилие барельефов. С надписями и вообще, которых предыдущий зал-КПП был лишён.

И на этих барельефах изображался некий хмырь. В три раза повыше простых человек, копошащихся у его ног. Но это, для древних культур, было в целом свойственно: чем “толще” тип социально, тем больше его рисуют.

Вот только хмырь был странным, причём даже слово “хмырь” подходило ему только наполовину.

Итак, начнём с рожи: огромные, почти в четверть треугольного лица глаза. Миндалевидный разрез, но есть ресницы, брови — человек в общем, только весьма глазастый. Волосы сего типа были сплетены то ли в дреды, то ли в иглы — копна этакого непонятно чего, еле дотягивающего до плеч. Учитывая лютые буркалы и треугольный овал, можно было бы подумать про китайские порномультки — но нос у хмыря, как показывал вид в профиль, был вполне нормальный, хороший такой нос.

Ухи же были великоваты, да и заострены — не до “ельфности”, но, подозреваю, вполне шевелильные уши, судя по всему.

А вот дальше начинался треш и содомия: первое, у хмыря было три пары молочных желёз. Верхние, самые большие, вторые — средние, ну и нижние — доска-два-соска, даже единички нет, натуральный нуль.

Это бы ладно, но ниже пояса у хмыря болтался (а в ряде картинок — бодро стоял) вполне себе человеческий хер. И да, в ряде барельефов хмырь трахался сексом, причём и как мужчина, так и как женщина.

Был он, соответственно, всегда обнажённым, что на фоне одетых “жалких человек”, копошащихся у ног хмыря, довольно странно. Ну и был он, судя по отображению как первичных, так и вторичных половых признаков, явным гермафродитом.

Из последнего “весёлого” отличия хмыря был лишний сустав на ногах.

А в остальном, помимо траханья сексом, хмырь-гермафродит наделял человек всяческими полезными плюшками, знаниями и богатствами немеренными, тыкал лапой в дали загоризонтные, куда человеки вслед тыкавшей лапе с восторгом взирали.

В общем, похоже, с учётом кастрированного творческого потенциала местных, “здравствуй, возвыситель”, мысленно поздоровался вежливый я.

А уже неподалёку от “пластины ввода ответа” барельефы стали совсем интересными: в спину гермафродиту втыкает нож острый некий гнусный до омерзения тип, в жреческом обмундировании. Следующая сцена — над телом гермафродита рыдают орды человек, гнусный тип на заднем фоне сжигается огнём, сохраняя, невзирая на отображённые страдания, отменно гнусную рожу, вызывая желание “поддать жару”.

Картина погребения гермафродита, и... явная война. Режущие друг друга жрецы с перекошенными не самыми добрыми эмоциями мордами.

И на этом “познавательный лубок” десяти тысячелетнего разлива заканчивается.

И это мдя, аж присел по турецки на пол я. Это выходит прирезали возвысителя. Но, чёрт возьми, КАК? Это базово и системно НЕВОЗМОЖНО.

Его возможности, по степени воздействия как на людей, так и на биоценоз Стегаса указывают на минимум богоравность! Да чёрт с ним, пусть маг а-ранга. Его ножом затыкать НЕВОЗМОЖНО. Эфир придаёт плоти мага запредельные характеристики, повышенную живучесть. Да чёрт возьми, гермафродит на барельефах вообще не может быть результатом эволюции — это результат работы биомага высочайшей квалификации, взявшего наиболее удачные и удобные природные решения и их скомпилировавшего.

На нож в спину такой биоконструкт, да даже без эфира, максимум отвечал бы: “ну во-о-от, опять кафтан попортил... бессмертный я, без-смертный!”

Или я ни хрена не понимаю. Или местные изобразили то, что им “показалось”, а не то, что было.

Но, в целом, похоже, что занесло меня в гробницу “возвысителя”, как бы не первую из существующих на Стегасе гробниц. При этом, совершенно не факт, что в погребальной зале будет хоть что-то интересное. Но не факт и обратное, а посмотреть даже на “неинтересное” очень интересно.

На этом я потёр лапки, взгляделся в вопрос и... офигел, фаломорфировал, пожелал создателям пирамиды воскреснуть и сдохнуть в муках.

В общем, немного расстроился. Потому что вопрос был понятен и однозначен: “Зачем ты здесь?”

И не менее однозначно понятно, что хер “правильный” ответ подберёшь. А сверху, чтоб их, разрядники подлючие!

Так, не психуем, а думаем, взял себя в руки я. От входа до “панели ввода” — десяток метров. Многовато, но можно попробовать. Разрядники... Ну жалко, конечно, подкинул я охотничий нож на руке, но себя жалче.

И следующие три часа я убил на карябание на панели ввода всяческой фигни. От “богатства” до “мудрости”, “памяти”, “знаний” и прочего подобного. Потолочные разрядники бодро приветствовали моё несоответствие бодрыми разрядами, первый раз даже ослепив не отвернувшегося меня на пару минут.

Но “в яблочко” я, как понятно, не попадал, собирал регулярно расплывающийся кляксой

расплавленного металла нож в удобоваримую болванку, ну и со стоящими дыбком от статики волосьями пробовал и пробовал.

А через три часа сам себе веско постановил: хватит страдать хернёй. Вероятность подобрать правильный ответ перебором, с учётом не вполне знакомого языка, близится к нулю. Времени я в гробнице провёл дохрена, так что пора сворачиваться. А отдохнув и надев сапоги на свежую голову — вернутся и думать, что и как делать.

И почесал я к выходу, что бодрым шагом (хотя и с эфирными проверками) заняло времени даже поменьше часа.

Сознательно не давая себе мыслеблудствовать, приготовил пожрать, да и завалился спать.

А с утра, только я намылился к гробнице, как притопала обещанная шаманом аборигеночка, о которой я, признаться, напрочь забыл.

Ну, тоже надо, да и небесприятственно, философски рассуждал я, непокладая осеменитель осеменя гостью.

А на следующий день, всё же добрался до гробницы, бодро дотопав до “лифтовой залы”.

И выходил у меня такой расклад: перебором я ни черта не подберу. А значит: надо жульничать. Вопрос только в том, умом или силой.

Умом — это всё-таки попытаться понять структуру и принципы управляющего эфирного конструкта, а из него выцарапать правильный ответ, либо просто “открыть дверь без ключа”. Весьма приглядный вариант, вот только “пилящий” глаголицу Архив никаких удобоваримых результатов пока не выдал. А без смыслового понимания “умом” ни черта не выйдет.

И “силой” — это ковырять многометровые гранитные плиты. Весьма по-дурацки, но тупо перебирать заведомо неправильные варианты ответа — ещё более по-дурацки.

А в первую очередь, прикидывал я, надо добраться до местных “артефактов-разрядников”. Ниши с ними прикрыты всего двадцатью сантиметрами гранита, это раз. Я хочу попробовать понять, как их делают, это два. И, наконец, “перебирать варианты”, если всё же решу продолжить, разумнее будет не бегая и остужая кляксу расплавленного металла, это три.

И начал я ковырять потолок эфиром. В отличие от металлов, поддавался гранит эфирному воздействию весьма хреново, а “готовых конструкций”, кроме как “отполировать”, пул кругов вообще не содержал. Но, подумав, я попробовал использовать “заморозку” и банальный клин из давно утратившего свою форму ножа. Что, на радость мне, получилось на диво успешно. Переохлаждённый гранит был хрупок, хоть и твёрд, крошился не песком, а гранулами и кусочками. Так что, к вечеру, я проковырял сантиметров пятнадцать гранита.

Подумал, да и оставил “вскрытие” на завтра. Точнее, на послезавтра — меня никто не гонит, а подустал я уже ощутимо.

Выполнил на следующий день “осеменительный план”, ну и в должный срок, утром, вымытый и бородатый, стоял перед пятью сантиметрами гранита, отделяющего меня от “разрядника”.

Ну и начал “морозить и крошить”. Вот только, когда до цели оставалось не более пары сантиметров, эфирный круг стал разрушаться!

Вот ведь, фигня какая, посетовал я, бодро кроша остаток и получая по кумполу медным статуём жука. Типа скарабея, но усики замороженные статуи себе о моё вместилище

разума обломал. Хоть поймать успел диверсионную железяку, а то разбилась бы нафиг.

Так, а сейчас мы будем эту фигню научно-исследовательски курочить, рассуждал я, потирая стукнутую маковку. Эфирного в ней, с какого-то хрена, ни черта не осталось, но должна быть причина, почему было.

И начал я фигню курочить, и оказалась она натуральной матрёшкой: множество медных слоёв друг во друге. А вот за последним слоем... была некая раковина, чего-то типа улитки. Нахрен, как понятно, замороженная и, как следствие, дохлая. Вот только не менее явно, этот моллюск был до моей заморозки живым.

Ни черта не понимаю, но очень интересно, научно-исследовательски заключил я, ну и принялся понимать.

И выяснилась такая загадка: семь медных слоёв, ближайших к моллюску, содержали выравненные оттиски магических кругов, в том числе и тот самый, “электроразрядник”, это раз.

Далее, пожрать, подышать и наоборот вместителище моллюска не содержало, что делало бы существование его десятков тысяч лет невозможным, если бы не эфир.

То есть, “утраченные артефакты древних цивилизаций” — это, очевидно, биоартефакты. На материально-эфирной жизни, таких “конверторах-манифистаторах” эфира, моллюсках.

Последние, не менее очевидно, наследие возвысителя-гермафродита. Уж очень он “биологичен”, во всех своих проявлениях. А вот отсутствие биологии в “доступных кругах”... А вот чёрт знает. От “скрыть настоящие знания от подопытных”, до изъятия знаний под соусом “табу”, ещё древними жрецами. Недаром на фреске очевидная война накорябана, возможно, сторонники “редактирования” и “неприкосновенности слова гермафродитяго” друг друга смертью убивали. И, судя по результату, последних таки убили.

Так, а мне что делать-то? Теоретически, есть ещё две улитки в “артефактах”, исправно поддерживающие жизнеспособность эфиром и херачащие молнией “неправильно ответившего”. И вот вопрос, а они мне вообще нужны?

И выходит, что чёрт знает. Наверное, одного надо выморозить на месте, а вот второго прибрать к рукам. Или нет, обоих. Пусть будут, хотя последние три сантиметра гранита надо крошить без заморозки и поаккуратнее, заключил я.

И, через пару квинков, были у меня пара медных жуков, с улитками внутри, живые и настоящие. Правда, что делать с ними — я ни черта не знал, так что отнёс, от греха, к мобиле и в нём и схоронил. Не потеряются, а начнут с чего-нибудь током биться — мобиле заземлит, благо в почву я проволоку загнал, вместе с пластиной. Да и влажная она до чёрта. В общем, полежат, заключил я, поскольку кроме факта регулярного отсасывания эфира (очевидно, на прокорм) и нескольких активизированных кругов (разрядника и, видимо, коммуникационного, в смысле “когда шарашить”) я не обнаружил.

Единственное что, внёс в Архив новые круги, всяко база побольше будет.

Конечно, печально что толку для меня от колдунских жужелиц нуль. Но, возможно, это до поры — есть у меня надежда на “погребальную камеру”. Ну и то, что в “лифтовой” меня не будет стараться прожарить тыщёнкой-другой ватт — тоже весьма неплохо.

После очередного осеменительного дня (заставившего задуматься, а не зря ли я вообще связался с ентим “потокосным осеменением”, но, по здравому размышлению, понятному что “не зря”) я вернулся в гробницу.

Путь мой, кстати, сопровождала регулярная капля от накрапывающего дождя —

начинался соответствующий сезон.

А в гробнице я, для начала, ввёл слово “смерть” в поле ввода. Я его ранее не вводил, но чуда не случилось — платформа не сдвинулась, хотя и током, как понятно, не шибануло.

Ну да и ладно, хотя халявы, конечно, хотелось, заключил обломанный я. И стал прикидывать, как мне ковырять гранит.

И, выходило, что, похоже, лёд — наиболее оптимально, из мне доступного. Создать ручной бур, рассудил я, приступая к созданию задуманного. Ковырять им переохлаждённый гранит пола, после этого — заливать канал водой, ну и взрывное льдообразование “сверху”. В нижней части сформированная ледышка уже будет “давить в стороны”, кроша и расширяя канал. И так, пока не пробурюсь...

Пять метров, это пипец, печально признал я. Год, не меньше.

Но делать было нечего, так что приступил я к трудам на гранитных рудниках.

Аборигеночки исправно присутствовали в моём обиталище раз в два дня, а с наступлением сезона дождей стал появляться и шаман — очевидно, дел в племени поубавилось, а с “кулюторным общением” был не фонтан. В основном шаман интересовался забугорьем всяческим, реально было дядьке интересно — сам то он даже в городок не мог выбраться, естественно опасаясь сожжения огнём.

Ну и рассказывал я, что знал. Про Ант, Ниль, Готтию, Архипелаг. В общем-то, ничего не скрывая, что знал, то и рассказывал. И если на “снег” до горизонта дядька восторженно мерцал глазами (а что такое снег и лёд я ему наглядно показал), то насчёт сволочей импортных, всех типов и видов, выдал он такой вердикт:

— Совсем глупые люди там живут. И в твоём племени, уж не обижайся, большой шаман, но совсем дураки. У нас правильнее и лучше! — поставил он диагноз, на что я мог только развести руками, в смысле “и не поспоришь”.

При этом, ковырял гранит гробницы я долго, пробился почти на метр, ну и несколько тяготился нудностью своего занятия.

И вот, в одно прекрасное утро, мокрый (потому что дожди) и злобный (потому что задолбался) я ввалился в лифтовой рудник. Злобно зыркнул на вопрос “Зачем ты здесь?”, ну и не менее злобно наказывал эфиром “Ни зачем”.

И только повернулся к дырке, как платформа дрогнула. Сначала я ни черта не понял и запаниковал, но увидел как потолок медленно уходит вверх.

И все четверть часа спуска в недра лифтовую платформу оглашал мой несколько истеричный смех. Ну реально, “ни зачем”, паразиты такие!

Впрочем, к моменту остановки, я несколько успокоился. Оглядел подъём, прикинул как “без лифта”, поскучнел. Аккуратно засунул морду в проход и успокоился — аналогичный вопрос был выцарапан над “приёмной панелью”.

Посидел минут десять, помедитировал-успокоился. А то, чёрт знает, что будет дальше, а лезть в эмоциональном раздразе и нахрен убиться по глупости — глупо, как не парадоксально это звучит.

И потихоньку пополз я в коридор, который через три метра оканчивался погребальной камерой. Без ловушек и прочего, заставленной каменными коробами, кувшинами, ларями и прочей отрадой мародёра. Ну и центральным саркофагом, который был мне по понятным причинам интересен.

Собственно, к нему я и потопал в первую очередь, на всякий случай проверяя “ловушечность”. Впрочем, ловушек точно не было, хотя “узел управления” эфирной

начинкой гробницы явно был в этой зале.

Разберёмся, махнул лапой я, отметив, что срок “автоматики” входной плиты довольно неплохо рассчитан — как раз для неторопливого выхода, зная все пароли.

И дотопал я до саркофага, который, в отличие от более поздних вариантов, был просто каменным ящиком, прихлопнутым плитой с надписями типа “великий”, “солнцеликий”, “даритель благ” и прочим подобным.

Так, а ну ка, эфир и неведомая мать, помогай, подумал я, навалившись на надсаркофагную плиту. И эфир и мать не подвели, плита сдвинулась. А вот в мордас мне таки шибануло пылью, а эфирно защититься я не смог.

Так что гробница таки исполнила свой коварный план: заставить меня расчихаться и протирать от пыли очи.

Впрочем, заняло это не более минуты, после чего, я уже с противопыльной защитой, подсвечивая “светляком” заглянул в гроб. Потом нахрен дотолкал крышку, потому что интересно.

И лежал в гробнице... ну, наверное, всё же, человек. Правда, очевидно “допиленный напильником”. Плоть и тряпки распались в прах, но кости минерализовались и сохранились.

И был покойный человеком, на что указывала масса деталей. Но и допиленный, на что указывали детали другие. Череп человеческий, но с явно “усиленным” сводом. И буркалы здоровенные, возможно что и “анимешные”, как на фресках. Зубья у покойника дифференцированные, резцы и жевательные, а вот клыков не было как факта, как и посадочных мест под них. Что, кстати, вместе с глазами, дополнительный фактор “треугольности”.

Понять, было ли у покойного три комплекта сисяндры и пинус не удалось — если и были, то рассыпались в прах, тысячелетия назад. А вот позвоночник был весьма занят — позвонки имели “костяной панцирь”, позвоночник получался раза в четыре толще “нормального” у таза, с которым он был натурально сращён, до сантиметров пятнадцати под лопатками, крепящимися к нему, как и ключицы. Хм, прикинул я, разглядывая прорехи, очевидно для хрящей. Гибкость если и меньше, то ненамного меньше человеческой, а защита позвоночника запредельная, как и ребухи со спины. Что-то мне в “нож в спину” не верится, разве что в фигуральном смысле. В ТАКУЮ спину ножей не напасёсси, веско констатировал я.

А дальше у нас всё почти нормально. Ключевое слово “почти”. Руки как руки, но фаланги пальцев очевидно длиннее стандарта, видимо гораздо подвижнее.

А с ногами вообще анекдот — бедро как бедро, а вот икра раза в два короче нормы. А вот дополнительный сустав, отображённый на барельефах, давала... пятка. То есть, наш “гермафродит-возвыситель” ходил на “мысочках”, системно и базово.

Впрочем, пальцы ног это позволяли, оценил я. А “проблем прямохождения” типа сбитых суставов и перегруженных позвонков наш гермафродит и не знал толком — все толчки амортизировались.

И при этом, явный и очевидный человек — неизменённые части на это указывают, да и изменённые (кроме позвоночника) понятно откуда растут.

Ну, вообще — весьма достойная конструкция, если подумать, оценил возвысителя я. Довольно удобно, хотя гермафродитизм? Впрочем, если избавиться от отрывков религиозного и гендерного “засирания мозгов”, гермафродитизм для вида — скорее благо.

Уж сколько в мире Земли “проблем гендерной самоидентификации”. Да и в прочих

местах пусть и меньше, но хватает.

Представил я, если всех ентих “суровых мучачей” и “глямурных стервов”, непременно вкупе с “метроидными сексуалами” и “воинствующими феминистками” привести к одному половому знаменателю.

И довольно долго, радостно и гадостно хихикал. Ради ТАКОГО зрелища я бы точно не отказался и сам гермафродитом заделаться, хрюкнул я напоследок.

А вот сам по себе — нет. Всё же гендерно сформирован как “мужчина”, с удвоенной “ГГ” на конце. Так что нет, не моё.

Ну да ладно, вопрос гендерной самоидентификации оставим, а что у нас тут интересного завалялось?

И начал я отрывать ящики... и расстраиваться. В трёх из открытых была то ли пыль, то ли прах. А вот четвёртый содержал сотни тонких листков, похожих на бумагу. Осторожно, эфиром, я вытащил один из них... И ничерта не понял. Больше на лист растения похоже — прожилки, полупрозрачные части меняются непрозрачными, а надписей никаких. И в эфире ни черта.

Хотя, стоп. Биомагия, схожесть с листом... Ну, попытка не пытка, а если испорчу — то всё равно экспериментировать надо, а листков энтих в коробке несколько сотен.

И стал я, для начала, на эфирно удерживаемый лист дышать. Дышал с полминуты, когда лист стал выдавать слабые эфирные колебания. Вот и славно, а я — голова, порадовался я, отцепляя флягу с пояса, смачивая руку и аккуратно брызгая на лист. И он “наливался соком” прям на глазах, начиная “впитывать эфир” и проявлять “отпечаток в эфире”. Причём, глаголицей, но не только круги! Десятки тысяч символов именно текста!

Это я удачно зашёл, констатировал я, аккуратно пропальпировав лист. От “сухой хрупкости” не осталось и следа, плотный, вполне гнущийся и сворачиваемый... информационный биоартефакт.

Так, первое: без языка для меня это просто закорючки. Второе: для Архива у меня КУЧА данных для анализа, что, закономерно, ускорит расшифровку. Третье: не хрен ликовать или расстраиваться, надо заниматься делом.

Так что стал я мочить листы и заниматься делом, в смысле копировать массив информации в Архив. И гробницу я покидал под тяжким грузом “политых листков”, уже фактически в темноте.

И началась у меня довольно странная жизнь. Я даже не проявлял активности к осеменяемым товарищам аборигеночкам, скорбной тушкой валяясь, подвергаясь сексуальному контакту, но копаясь в данных архива. По моему, кормили меня также они, потому что я точно не готовил, а за четыре квинка я бы точно отощал до скелета, чего не было.

Ну и спускался в гробницу, вскрывал ящики и кувшины. “Листов” было не так много, в плане общего количества. Но, кстати, была коробка набитая “медными конструкциями” весьма напоминающими “инициатор чародея”. А, будучи опущен в воду, данный инициатор проявил эфирную активность, что однозначно указывало на его “биоартефактную” природу.

Но не все биоартефакты “активизировались”. Возможно, было нужно что-то, кроме воды. Возможно, часть просто не была предназначена для гибернации на столько времени и померла — не знаю. Ответ могла дать расшифровка глаголицы, ну и ознакомление с

“листами”.

Кстати, сколько не искал, а “компа с техинформацией” я не обнаружил. То ли он, всё же, чисто эфирный, то ли его прибрали к лапам жрецы. И валяется он либо в гробнице какой, а может во вполне действующем религиозном центре, и такой вариант возможен.

В общем, через четыре квинка Архив гордо уведомил меня, что “усё понятно, насяльника”. И начал выдавать глаголицу с аналогами известных мне букв, потом словари, которые он потихоньку дополнял...

В итоге язык был, а мне предстояло его изучать. Можно, конечно, напрямчь Архив “автопереводом”, но это не то, самому правильнее. Как минимум, я понимаю идиомы и метафоры, хотя бы как категорию, а для Архива это чёрте что и сбоку бантик.

И, собственно до конца сезона дождей, я и занимался изучением и дешифровкой. А часть времени — аккуратными экспериментами. Поскольку довольно немалая часть познанного была весьма “прикладной”.

Итак, судя по экстраполяции и интерполяции, мне достались “справочники и технологические таблицы” представителя высокой биоцивилизации. Именно “био”, без эфира, поскольку взаимодействие данного представителя, судя по всему, шло через “симбионты-посредников”.

На Стегасе же данный тип реально проводил эксперимент. Подозреваю, была его цивилизация в мире так же со “слабой эфиризацией”, а на аборигенах возвыситель проводил эксперименты, как на “чистой биологии” прикрутить эфирный орган. И, судя по всему, успешно, потому что часть “листов с информацией” были “лабораторными журналами”. Не в плане, как “накромсать человеков”, а в плане “как колдунствовать”. Это тезис раз.

Далее, то ли сам возвыситель, то ли его биоцивилизация в целом, имела контакт с цивилизацией эфирной. Что за контакт, как его последствие и протекание — чёрт знает. Но, весьма символизирует способ хранения информации на листах. Были биоартефакты “записи” и “считывания”, не говоря о наборе кругов, футарком, которые возвыситель, уже явно овладев эфиром, компилировал и переписывал на родную глаголицу, для аборигенов.

Причём, насколько я понимаю, технократические решения оттуда же: не было даже намёка на технику в описываемом, все возвысительское — “био”.

Опять же, как понятно, ни черта не было ни “кто, почему, как”. Все мои выводы — экстраполяция, правда весьма высоковероятная.

И круги, а главное ПРИНЦИП создания кругов — бесценно. Мир Земного Края эт знания утратил, Отмороженный до них не добрался, а передо мной была готовая схема переложения готовых и рабочих языков с футарка, на рабочие круги глаголицы. Это... круто, не мог не признать я. Правда, количество информации зашкаливало — для понимания мне понадобятся годы и десятилетия...

И вот тут открывался момент “профильного направления” возвысителя, причём им же, в более чем достойном количестве скомпилированный и перенесенный на “глаголические круги”. Биология всех типов и видов. Улучшение, изменение, оптимизация. Причём, всё это, даже если и перенесено “на эфир” в виде круга, эфира не учитывает. А эта субстанция, взаимодействуя с телом разумного, сама по себе даёт немалые усиления и улучшения. Даже если разумный “не понимает”, чему примером является как Земной Край, так и местные “благословлённые”.

По результатам, решил я на основе мозга тела, вырастить себе мощный биокомпьютер. И изучать, для начала, биологию всяческую. И интересно, и полезно. А, получив себе весьма

мощного помощника в познании, заниматься уже всем остальным.

Выводимые данные указывали, что десятилетия станут годами. А я стану если не чертовски умным, то запредельно сообразительным и памятьливым. В теле, но я его и так использую как инструмент.

Более того, “я во тьме”, который, высоковероятно, душа, скорее всего при использовании “удачного решения” это решение к лапкам приберёт, ну и в эфире отобразит, сделав меня “мозговитее” и в эфире.

Несколько самонадеянное решение, но дело в том, что процесс именно этого возвышения был детально отображён. Очевидно, возвыситель и себя “прокачал”, перед этим проводя массу экспериментов на аборигенах. Так что лабораторный журнал содержал все стадии, последствия, куда тыкать, а куда не надо.

Так что, с точки зрения банальной “впопуданческой жадности”, а также, с точки зрения голого прагматизма: получить буст к скорости изучения кратный, принял я решение мозги свои улучшить.

Вообще, довольно любопытным было решение возвысителя — отказ от прямой химии в нейронах. То есть, медиаторы и гормоны на нейроны действовали, а вот передача сигнала и хранение информации с электрохимического было переведено на чисто электрофизический принцип. Что давало немалый буст, позволяло создавать нервные узлы “большее и лучшее” и прочее подобное. Правда, улучшать надо было чёртову уйму всего, от гиппокампа, до коры. Да и периферийной нервной системе буст не помешает, прикидывал я результаты и площадь воздействия.

В принципе, конечно, было несколько страшновато. Но, например, гиперразвитый эпифиз с нейросеткой местных, согласно журналу, был... улиткой-артефактом. Изменённой, внедрённой в мозг, ну и закреплённой в ДНК. В общем, в “профпригодности” возвысителя сомнений особых не было.

Вдобавок, если что-то пойдёт “как обычно”, я вполне могу вывести сознательную деятельность на себя “в темноте”, ну и откатить “неудачное” изменение.

В общем, начал я изучать как круги “конкретного воздействия”, так и круги “волеизъявления”, собственно, большинство таковыми и оказались. А некоторые, вроде мультиинструмента “клеточного хирурга” только такими и были: круг-то есть, но нужно знать, что резать, что пинцетить, зачем это и что в результате выйдет.

В общем, начал я с началом сухого сезона себя потихонечку “возвышать”. Перед этим, эксперимента ради, подвергнув семенные железы коррекции. И, судя по беременности всех трёх аборигеночек, меня навещающих, вполне успешно.

Сообщил мне это довольный, как слоняра после семиведёрного счастья, шаман. И был мной обломан — не до баб мне, так что аттракцион безвозмездного осеменения большим шаманом прикрыт.

И стал я, потихоньку, полегоньку, улучшать мозги и нервную систему. Не раз и не два я “лажал”, но “потихонечность” меня спасала, ну и откатить “жука” из темноты успешно удавалось.

И, к началу влажного сезона, помимо кучи прикладных знаний и навыков по биомагии, обладал я охренительным и прокаченным мозгом.

Полюбовавшись застывшей, во всех деталях, картинкой, с возможностью перенесения внимания на любую деталь, признал я, что это хорошо и моргнул. И картинка продолжила движение, поскольку мое разглядывание заняло доли микросекунды.

И быстрее я стал раза в полтора, да и вообще молодец, довольно заключил я.

И перешёл к освоению “массива данных” основного и с деталями, где “новый, прекрасный мозг”, да и явно, как ожидалось, подгонявшийся разум “меня во тьме” весьма мне помогли и способствовали.

А вот через пять квинков, я наткнулся на данные, поставившие передо мной весьма диллемистую диллему.

Дело в том, что я обнаружил, не много ни мало, круги транспортного, межмирового назначения, отмеченные глаголицей как “дом”.

17. Эпилог

И вот найдя эти транспортные круги я не на шутку и всерьёз задумался. Потому как, при всех прочих равных... Замороженный Мир на меня давил. И общей атмосферой, и замороженностью... Да чёрт подери, эфиром своим тёмным, затхлым и замороженным!

Невзирая на то, что встречались, подчас, приятные и славные разумные, а попуасии местного племени вообще выходили молодцы... Ну вот не видел я для себя места в Замороженном Мире, вот никак!

Папуасии — молодцы, но им я, по большому счёту, нахрен не сдался. Мне нужна “башня чародея” — это факт, нужна даже сейчас, но “чародей с башней” не нужен племени, так же факт.

Можно, теоретически, найти себя в “изменении”, растоплении Мира. Но дело в том, что мне это, на данном этапе моего развития и формирования как личности (а то, что я расту и формируюсь — я прекрасно осознавал), как не по силам, так и не очень хочется. И возможные негативные последствия отталкивают, и “затхлое давление”. Собственно, “башня чародея” — попытка создать вокруг себя “защитный пояс” от Мира. Этаким вариантом своего, комфортного мирка в неприятном мне Мире.

В общем, Мир мне неприятен, факт. Нанёс мне в процессе “формирования” массу болезненных повреждений, психологического плана, факт тоже. И вот чёрт побери, мазохистствовать тут, выстраивая “мини-мирок”, чтобы потом, возможно, когда-нибудь, сделать “всем хорошо”... Ну бред, прямо скажем, мазохизм без удовольствия, а ради “галочки”.

Далее, вопрос с Миром, который возвыситель называл “домом”. Ну, с одной стороны, он, безусловно, интересен. Высочайшего уровня биоцивилизация, представитель которой (причём, высоковероятно, не один), пробивался к “оперированию эфиром через чистую биологию”. Причём, биоартефакты указывают на то, что и до “экспериментов с Замороженным Миром” у биоцивилизации инструменты были.

В общем, интересно, а если время коррелирует — то страшно подумать, каких высот достигли сородичи возвысителя.

И вот это: “страшно подумать”, в свою очередь, напрягает. Ну, положим, возможный гермафродитизм меня не пугает. Представители высокоразвитой биоцивилизации КРАЙНЕ маловероятно будут иметь неконтролируемые порывы трахать или быть оттраханным этого не желающего.

А вот образы “живой планеты”, с коллективным разумом — вполне возможны, и внушают опасения. Схарчит такая планета бедного меня, не со злости, а в процессе научного познания, да и прощай Гемин.

В общем, вопрос не в том, хочу ли я “свалить из Замороженного Мира”. В принципе — хочу. Вопрос в том, стоит ли это делать “наобум”, в непонятно какой Мир иной.

И, по обдумыванию, выходит что “стоит”. Дело в том, что все знания, которые стоило получить в Стегасе, у меня, похоже, есть.

А ежели я себя позиционирую как учёный — то познавать мне свойственно и интересно. И не хрен параноить как гимназистка! Вот Отмороженный параноил как Отмороженный. Опасался многого, подстраховывался, но шёл вперёд. А я замер, чуть не

раковиной зарос, ну и как трижды премудрый пескарь радуюсь. Ну, не совсем, конечно, но близко к тому.

А значит, надо эти круги пристрастно изучить, ну и возможность проверить “куда” меня перенесёт поискать. И если она есть — прыгать смело. А если нет — прыгать трусливо и скорбно. Но всё равно прыгать, заключил я.

И стал я пристально круги проверять. Вообще, оказались они весьма эфириоёмки, многокомпонентны и явно были плодами долгой вычислительной работы.

То есть, несколько кругов явно не одну секунду, а, подозреваю, не один день напитываются эфиром, продавливая “барьер”, как Замороженного Мира, так и “Мира-финиша”. Правда, похоже, родина возвысителя всё-таки “поэфирнее”, по крайней мере “пробой” туда стартует на треть позже, соответственно требуя на треть меньше энергии.

На момент, когда “пробой” сформированы, в точке-привязке тут формируется некий проход, предполагаю портал или что-то такое. И далее происходит двухкомпонентный перенос. Отсюда в эфирный план, а из него в Мир-финиш.

Так вот, теоретически, у меня будет секунда, пусть чуть меньше, в которую я увижу ЧТО за порталом на родине возвысителя, но буду иметь возможность, за счёт “демонического управления эфиром”, перенос инвертировать. Не стопроцентно, но высоковероятно.

Соответственно, ежели там “живая планета” — валю с визгом и писком. Как и если там планета “мёртвая” — вряд ли, но совсем исключать нельзя.

А вот если предстанет мне пейзаж нормальный, хоть природный, хоть урбанистический (последний чертовски интересен, в плане: а как выглядит мегаполис биоцивилизации?) то не дёргаюсь и прыгаю.

Вопросы “а не бегу ли я?” и прочую хрень — в глубокую заморозку. Мне Замороженный Мир, помимо “избавления от тьмы” дал только весьма неприятные, болезненные и травматические уроки. На тему, что места мне в нём нет. И что он мне чертовски не нравится.

И, наконец, надо с шаманом попрощаться, да и приниматься за дело, окончательно решил я. Прикинул, что кроме Росси, пары обойм и комплекта одежды — брать с собой ничего не надо. И это то не факт, что пригодится, но пусть будет. А всё реально нужное у меня в голове и Архиве.

— Уходишь к подземным духам, — печально поприветствовал меня шаман. — Жаль, но ты большой, тебе виднее.

А он у нас пророк, пусть и на “полшишечки”, сам себе напомнил я. И, очевидно, мой уход “напророчил”.

— Не прямо сейчас, но да, уйду, — ответил я. — Племя в котором моя кровь — станет моим наследником. Всё племя, — уточнил я, на что шаман понимающе кивнул.

— Воля твоя будет исполнена, большой шаман. Хотел бы я тебя отговорить, да знаю, что бесполезно. Прощай, большой шаман, — заключил он и печально побрёл от хижины.

— И ты прощай, шаман, удачи тебе. Исцелись, — попрощался я вслед.

И начал я формировать из меди круг-привязку входного портала, ну и соответствующие круги портала “в темноте”. На первое у меня ушло пара дней, а вот напитка затянулась на полтора квинка: очень уж шесть десятков кругов были “прожорливыми”, даже принудительная напитка “мною во тьме” сократила создание воздействия до этого, довольно длительного и ощутимого срока.

Но, полтора квинка — не годы, и, вскоре манифестация была “готова”. А я поправил

шляпу, пригладил подравненные усы с бородкой, проверил боеготовность Росси, да и активировал воздействие.

Над медным кругом появилось окно. На удивление, не тёмное, а светящееся золотым светом. То ли побочное явление заклинания, то ли свет для меня “тут” есть “тьма” для меня там — и такой вариант возможен.

Ну и шагнул я в портал, весьма в первый не то, что миг, а квант времени ошарашенный. Дело в том, что я именно “слился” собой в теле с собой во тьме. И да, золотое свечение вокруг можно было воспринимать как тьму, факт. Потому что было оно совершенно равномерным, пустым, по большому счёту. Но времени разглядывать округу у меня не было — светящиеся круги вокруг делали своё дело, ну и передо мной разгорался портал “на родину возвысителя”.

И причин “сдавать назад” я не видел. Довольно странно выглядящий лес, под порталом — то ли озерцо, то ли лужа. В общем, нормальный пейзаж, не Солярис какой.

Так что втягиванию меня в портал я не сопротивлялся. А вот дальше...

Дело в том, что вход в портал меня со “мною в темноте” разделил.

И я словил, невзирая на “прокаченный ум” неслабый сенсорный шок: дело в том, что “я в темноте” был уже ни черта не “в темноте”. А вот где — ни черта не понятно, всё расплывчато и прочее.

При этом, сконцентрировавшись на “эфирной части”, я забил на часть материальную. А не стоило, прямо скажем.

Поскольку, судорожно вернувшись “в тело” сознанием я узрел такую картину: Большеглазый, треугольнилицый, с колючками на башке абориген, с явно более “маскулинным” лицом, нежели у стегасского возвысителя, восседал на некоем скакуне, с акульей мордой. В некоем, то ли костюме, то ли броне, то ли скафандре, очевидно живом.

И от руки его, неприятно быстро, в мою сторону нёсся некий то ли кнут, то ли тентакль.

Ну уж нет, поднял я руку, укреплённую эфирным воздействием... через мгновение нахрен отрубленную! Попытка “выморозить пакость” закончилось тем, что часть кнута, рассёкшего мне голову, разлетелось морозными осколками.

Да какого, мать его, хера!!! Этот рёв, вполне оправданный, раздался из “меня во тьме”, рванувшего всей силой и волей к помирающему телу. А, оказавшись рядом с ним, пропустив кнут через эфирное тело, я злобно оскалился, произнеся вслух (или в эфир, неважно):

— Ты убил моё тело, на которое я потратил массу сил, времени, знаний. А значит, будет только справедливо, если я взамен заберу твоё тело.

Вот чёрт знает, услышал ли и понял ли гадкий убийца мои слова. Видеть то он меня точно видел, шуровал своей тентаклей, правда безрезультатно. А я реально был демонически зол — на пустом месте, ни за что, прибили. Причём я реально потратил массу времени на развитие мозга, а этот паразит его — вдребезги. Так что даже если туловище затрофеить в компенсацию не выйдет, попробую паразита прибить. Вот как помрёт в муках — будет знать, как непричёмистых межмировых путешественников убивать, в угоду своим садистским наклонностям!

С этими благими мыслями я и пал на округлившего пасть и верещащего убийцу, с самыми благими и праведными намереньями.

Больше книг на сайте - Knigoed.net